ISSN 0869-6063

Номер 4

Октябрь - Ноябрь - Декабрь
2006

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.naukaran.ru
http://www.malk.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2006

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

© Российская академия наук, 2006 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология” (составитель), 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2006

Статьи

Динамика природных условий и человек в голоцене (по материалам стоянки Лукинчиха)
Ошибкина С. В., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д. 5

Пряжки-кони кобанской культуры: к кавказско-луристанским контактам XI–X вв. до н.э.
Козенкова В. И. 18

Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг.
Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю. 24

К вопросу об умбоновидных подвесках дьяковской культуры
Сапрыкина И. А. 36

Земледелие в черняховской культуре
Никитина Г. Ф. 41

К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы)
Родинкова В. Е. 50

Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как "Один и вороны"
Крыласова Н. Б. 64

Нижневолжский золотоордынский город и его округа
Недашковский Л. Ф. 74

Дискуссии

К проблеме финального палеолита Центральной России
Сорокин А. Н. 87

Античная археология Причерноморья

Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье
Русяева А. С. 95

Кризис "первой половины" V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства
Завойкин А. А. 103

К вопросу датирования одной группы хиосских амфор (по материалам греческого некрополя Пичвнари V в. до н.э.)
Кахидзе А. Ю., Халваши М. С. 112

Жаровня из Гаймановой могилы (к вопросу о скифо-македонских контактах в третьей четверти IV в. до н.э.)
Трейстер М. Ю. 115

Оборонительная система Илурата
Горончаровский В. А. 119

По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса
Зубарь В. М. 131

Об одной пометке на археологической карте Таманского полуострова
Гарбузов Г. П. 137

Публикации

"Амфорки" среднедонской катакомбной культуры
Маслихова Л. И. 142

Глиняные фигурки Зуевоключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики
Черных Е. М., Колобова Т. А. 145

Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре
Полубояринова М. Д. 152

Рецензии

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. "Мифы в камне. Мир наскального искусства России". М., 2005
Советова О. С. 159
Терпиловский Р.В. "Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э." Lublin, 2004
Обломский А. М. 162
Гадло А.В. "Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе". СПб., 2004
Чхаидзе В. Н. 165
Худавердян А.Ю. "Атлас палеопатологических находок на территории Армении". Ереван, 2005
Бужилова А. П., Мкртчян Р. 170
Бердинских В.А. "История кладоискательства в России". М., 2005
Щавелёв С. П. 172

Хроника

Четвертое заседание научного семинара "Археология Подмосковья" (Москва, 2005)
Энговатова А. В., Коваль В. Ю. 176
Международная археологическая конференция "Актуальные проблемы древнейшей и древней истории Юго-Восточной Прибалтики"
Суворов В. С., Ефремов Л. А. 178
К юбилею Валентины Ивановны Козенковой
Багаев М. Х., Пиотровский Ю. Ю. 180
К 80-летию Константина Ивановича Комарова
Кашкин А. В. 184
К 60-летию Геннадия Евгеньевича Афанасьева
Коробов Д. С. 186
Памяти Владимира Александровича Башилова
Мошкова М. Г., Бадер Н. О., Мунчаев Р. М. 188
Премия имени академика В.П. Алексеева 189

Авторский указатель за 2006 г. 190

Сдано в набор 12.07.2006 г. Подписано к печати 11.09.2006 г. Формат бумаги $60 \times 88^{1}/_{8}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 23.2 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 949 экз. Зак. 1740

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 4, 2006

Articles

Environmental dynamics and man in the Holocene (on the basis of data obtained at the Lukinchikha site in the Onega basin)
Oshibkina S. V., Spiridonova E. A., Sulerjitsky L. D. 5

Horse-shaped buckles of the Koban culture: on contacts between the Caucasus and Luristan in the 11th–10th cc. B.C.
Kozenkova V. I. 18

Excavations of the Samosdelka site: the region of Astrakhan, 2000–2004
Zilivinskaya E. D., Vasiljev D. V., Grechkina T. Yu. 24

On umbo-shaped pendants of the D'yakovo culture
Saprykina I. A. 36

Chernyakhov agriculture
Nikitina G. F. 41

On the typological development of anthropozoomorfic fibulae (composite and two-plated forms)
Rodinkova V. E. 50

On the interpretation of steels depicting the story known in historiography as Odin and the ravens
Krylasova N. B. 64

Lower Volga Golden Horde town and its neighborhood
Nedashkovsky L. F. 74

Discussions

Back to the problem of the final Paleolithic stage in Central Russia
Sorokin A. N. 87

Classical archeology of the North Pontic area

Ancient Greek sacral cinder-heaps in the Lower Bug region
Rusyaeva A. S. 95

The crisis of the first half of the 5th c. B.C. and the formation of the Bosporos State
Zavoikin A. A. 103

On the question of dating a group of Chios amphorae (based on materials from the Greek necropolis of Pichvnari of the 5th c. B.C.)
Kakhidze A. Yu., Khalvashi M. S. 112

The brazier from Gaimanova Mogila (on Scytho-Macedonian contacts in the third quarter of the 4th c. B.C.)
Treister M. Yu. 115

The defense system of Ilurat
Goroncharovsky V. A. 119

On the method of dating crypts with early Christian paintings in the necropolis of Chersonesos
Zubar' V. M. 131

On a certain note on the archeological map of the Taman' peninsula
Garbuzov G. P. 137

Publications

"Little amphorae" of the Middle Don catacomb culture
Maslikhova L. I. 142

Clay figurines of hillfort 1 at Zuevy Kluchi and certain issues concerning their purpose and semantics
Chernykh E. M., Kolobova T. A. 145

14th century glass-making workshop in the city of Bolgar
Poluboyarinova M. D. 152

Critics and bibliography

Daevlet E.G., Daevlet M.A. Myths on the stones. The world of rock art in Russia. Moscow, 2005
Sovetova O. S. 159

Terpilovsky R.V. Slavs of the Dnieper area in the first half of the 1st millennium A.D. Lublin, 2004
Oblomsky A. M. 162

Gadlo A.V. The beginnings of Azov Rus'. Sketches on the history of Russian principalities in the Northern Caucasus. Saint-Petersburg, 2004
Chkhaidze V. N. 165

Khudaverdyan A.Ju. The atlas of the paleopathological finds on the territory of Armenia. Erevan, 2005
Buzhilova A. P., Mkrtchyan R. 170

Berdinskikh V.A. The history of treasure-seeking in Russia. Moscow, 2005
Schavelev S. P. 172

Chronicle

The fourth session of the scientific seminar "Archeology of the Moscow area"
Engovatova A. V., Koval' V. Yu. 176

The international archaeological congress "Actual problems of the Pre- and Ancient History of the South-East Baltic"
Suvorov V. S., Efremov L. A. 178

Commemorating the jubilee of Valentina Ivanovna Kozenkova
Bagaev M. Kh., Piotrovsky Yu. Yu. 180

Commemorating the 80th anniversary of Konstantin Ivanovich Komarov
Kashkin A. V. 184

Commemorating the 60th anniversary of Gennady Evgenievich Afanasiev
Korobov D. S. 186

In memory of Vladimir Aleksandrovich Bashilov
Moshkova M. G., Bader N. O., Munchaev R. M. 188

The academician V.P. Alekseyev Prize 189

Index of authors of 2006 190

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 5–17

ДИНАМИКА ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ЧЕЛОВЕК В ГОЛОЦЕНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ЛУКИНЧИХА)

© 2006 г. С. В. Ошибкина*, Е. А. Спиридонова*, Л. Д. Сулержицкий**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Геологический институт РАН, Москва*

Северо-западные регионы европейской территории России занимают окраину Скандинавского кристаллического щита, в связи с чем испытывают последствия сводового поднятия щита в результате векового гляцио-изостатического процесса (Панкрушев, 1978. С. 27). В связи с этим происходит постепенный сток озер в юго-восточном направлении, зарастание и заболачивание их северных и северо-западных побережий. Одновременно сокращается зеркало неглубоких озер приледникового происхождения в связи с выносом речных осадков и процессами общего порядка, в том числе антропогенного воздействия на гидросистемы на протяжении трех последних столетий. В расположении памятников каменного века и эпохи бронзы Восточного Прионежья и других северных территорий существуют определенные закономерности. Они связаны с традициями расселения древних обитателей, а также с характерными для разных групп населения способами охоты, рыболовства и собирательства.

Зарастание северных и западных берегов озер Восточного Прионежья затрудняет исследование стоянок каменного века. В этой связи представляет интерес многослойная стоянка Лукинчиха, расположенная на оз. Лача (Архангельская обл.). Памятник с хорошей стратиграфией дает представление о последовательном заселении местности и всего региона на протяжении значительного периода голоцена.

Лукинчиха находится в истоке одноименной реки, в 1.8–2.0 км от северного берега оз. Лача (рис. 1). Стоянка обнаружена местными жителями, собравшими обработанные кремни и фрагменты керамики в углублении, вырытом ручьем у подножия низкой надпойменной террасы. Коллекция находок поступила в Каргопольский музей. В 1987 г. после осмотра места стоянки археологами В.В. Шевелевым и И.С. Манюхиным сделан шурф 2 × 2 м, стратиграфию в нем проследить не удалось. Среди вещественного материала отчетливо выделялся обработанный кремень, характерный для стоянок мезолитической культуры веретье. Поэтому в 1998 г. и в 2000 г. С.В. Ошибкиной и В.В. Шевелевым, при участии группы сотрудников Каргопольского музея, раскопки были продолжены. В результате было вскрыто еще 8 м^2 культурных напластований, исследована стратиграфия памятника, отобраны почвы для анализа спорово-пыльцевых отложений и для датирования радиокарбоновым методом. Небольшие размеры раскопа объясняются прежде всего задачей исследования, а именно: выяснением последовательности образования культурных слоев разного времени в местности, где обычное смешение всех культурных остатков в тонких слоях гумусированных почв является нормой, что отмечал в свое время еще И.С. Поляков (1882. С. 14–17). Кроме того, памятник расположен в условиях, которые следует назвать экстремальными. Добраться до стоянки можно от д. Лукинчиха, в 15 км к западу от г. Каргополя по старому Петербургскому тракту. Затем нужно пройти примерно 5 км по лесной заболоченной тропе. Со стороны озера трудно найти вход в Лукинчиху из-за зарослей тресты и мелей у северного берега озера. По каменистому руслу реки нужно подняться лодкой и болотистыми тропами добраться до ее истока. Расположение памятника наглядно демонстрирует изменения ландшафта, произошедшие здесь на протяжении среднего голоцена.

Стоянка занимает возвышение на правом берегу речки, у выхода ключей у ее истока. Сейчас заболочено даже возвышение, но в свое время здесь была сухая и удобная площадка, которую заселяли несколько раз: в мезолите; среднем неолите; поселение с жилищами существовало в энеолите, кратковременная стоянка возникла в эпоху бронзы. Территория памятников разного времени не совпадает, но направление смещений и размеры стоянок могут выяснить только полномасштабные исследования.

Стратиграфия памятника оказалась сложной. В разрезе *В–Г* (рис. 1) представлено соотношение литологических и культурных слоев. Под дерном проходит темная гумусированная почва, в нижней части которой обнаружены следы стоянки эпохи бронзы. Мощность коричневого слоя 20–25 см. В его основании найдена керамика типа Модлона-2 (далее М-2) и кремневые изделия, характерные для стоянок подобного типа. Ниже залегает коричневый песок с примесью торфа, вмещающий

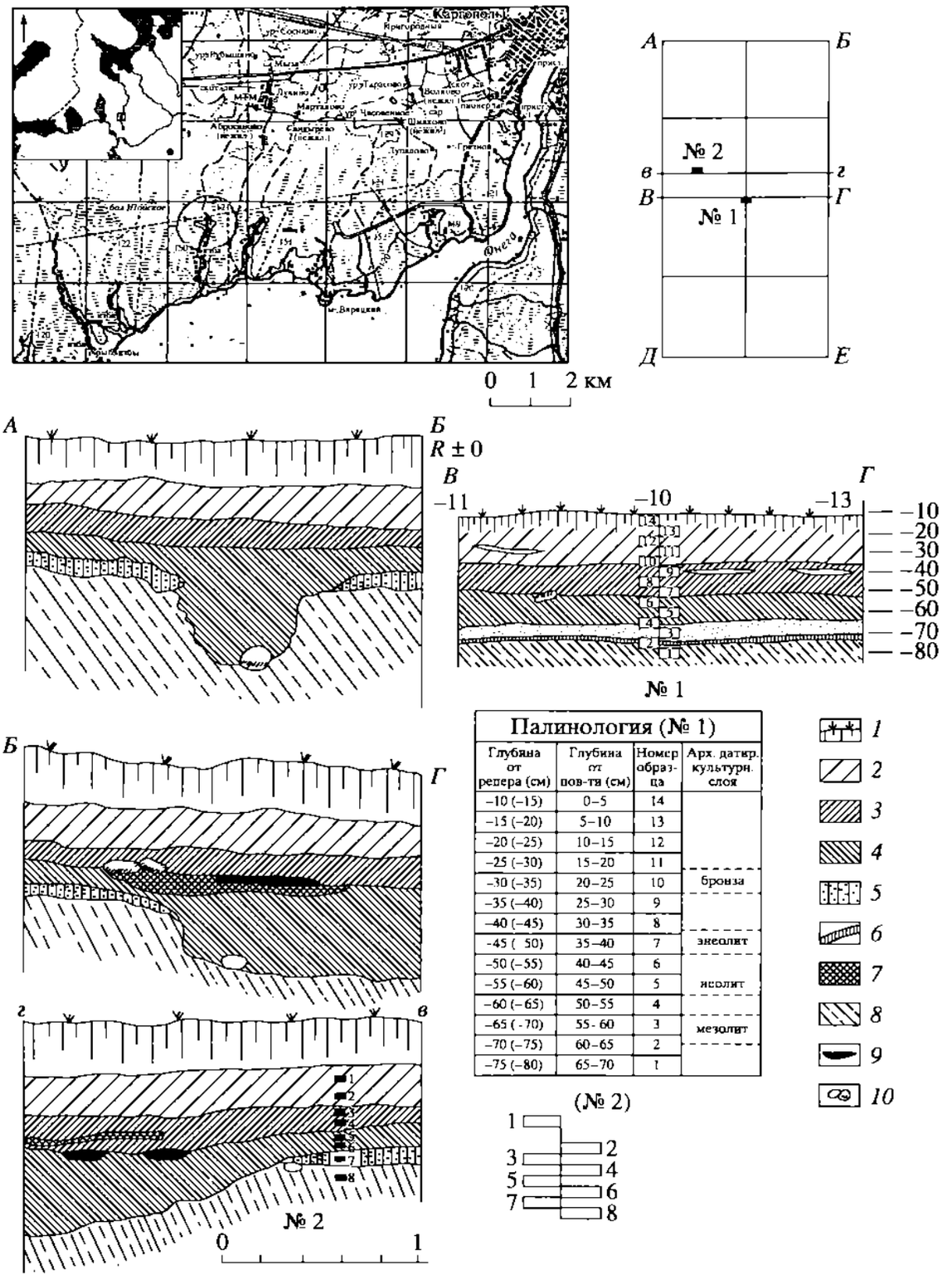


Рис. 1. Стоянка Лукинчиха. Расположение на местности, план раскопа, профили. Палинологическая колонка (№ 1) и место отбора образцов для анализа ^{14}C (№ 2). *1* – дерн; *2* – гумусированная почва с торфом (черная); *3* – коричневая почва с торфом; *4* – песок гумусированный; *5* – серый песок с органикой; *6* – прослойка темная с органикой; *7* – заполнение жилища; *8* – сапропель (?); *9* – древесина; *10* – камни.

остатки неолитической стоянки. Под ним расположен слой темно-серого песка с органическими остатками мощностью около 10 см, с которым связан культурный слой эпохи мезолита. В его основании выделяется темная прослойка с примесью органических остатков, под ней залегает слой сапропеля и материковые глинистые отложения. Глубина залегания нижнего в пачке культурных отложений слоя стоянки мезолита 60–70 см от поверхности (рис. 1, *В–Г*). В этом разрезе в основа-

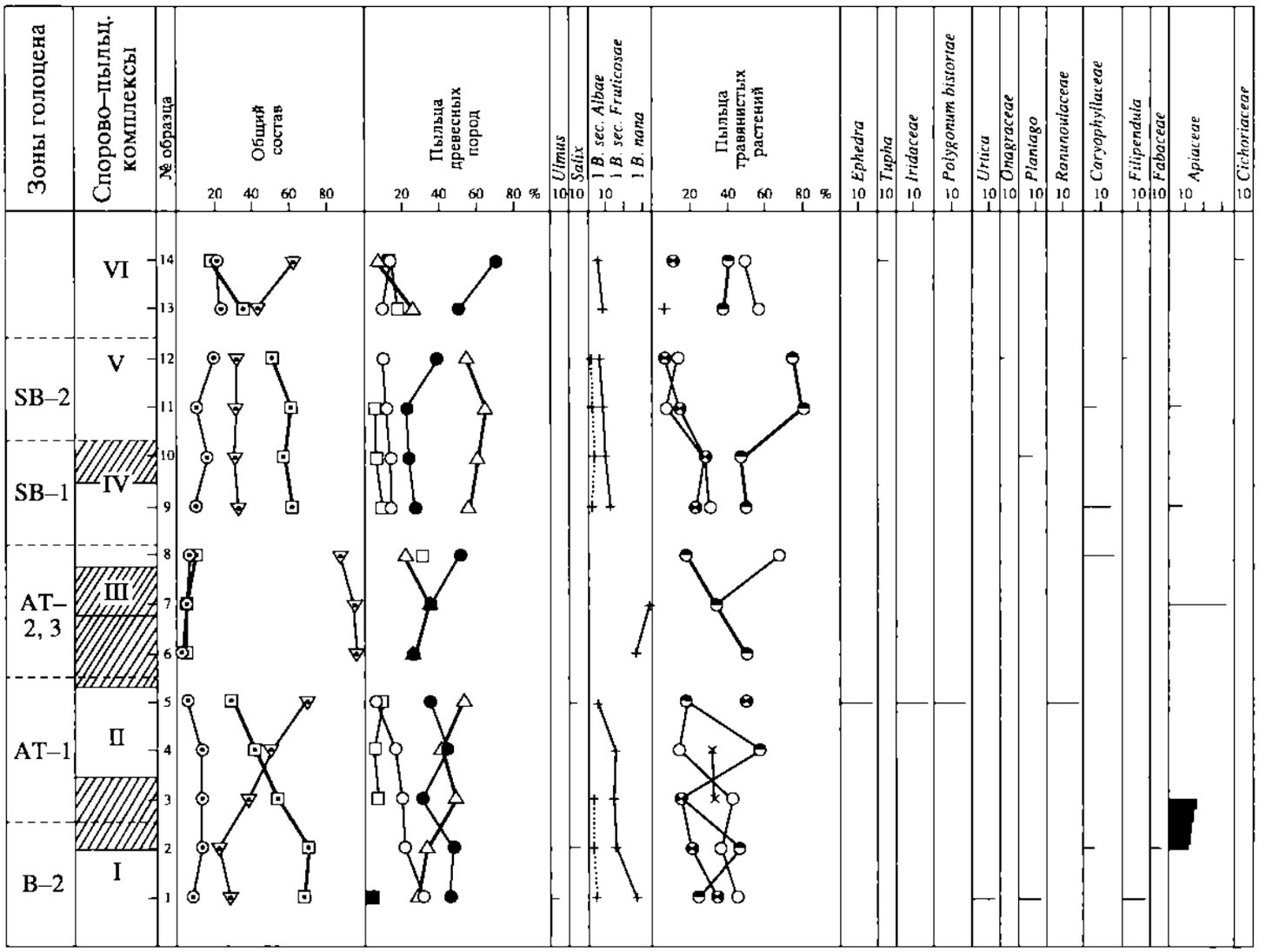


Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений в Лукинчихе.

нии мезолитического культурного слоя получена дата 8250 ± 100 (ГИН 10009).

Для проведения палинологических исследований была отобрана колонка (№ 1) из 14 образцов, по которым Е.А. Спиридоновой выделены шесть спорово-пыльцевых комплексов (рис. 2). В первом комплексе (образцы 1–2), взятом из сапропеля и темной прослойки с органикой, преобладает пыльца древесных пород (66–68%), среди них господствует сосна (45%), далее следуют по количеству ель и береза. В образце 2 встречена принадлежащая перигляциальной флоре карликовая береза (*Betula nana*), попавшая сюда, как полагают, в результате переотложения. Представлена одна единица пыльцы вяза (*Ulmus*), растения группы широколиственных, которые в этих широтах появляются на рубеже бореала и атлантического периодов. Весь комплекс характерен для конца бореального времени.

Второй спорово-пыльцевой комплекс (образцы 3–5) происходит из слоя серого песка и соответствует основной части культурного слоя стоянки эпохи мезолита. Здесь существенно возрастает роль пыльцы спор, меняется состав древесных пород, доминирует ель (48–52%), сосна составляет значительное число (43%), мало березы (4.5%), нет широколиственных, единично встречена карликовая береза, есть пыльца ольхи. Этот комплекс относят к концу бореала – началу атлантического периода.

Третий комплекс (образцы 6–8) отделен от предыдущего перерывом, отличается по составу пыльцы древесных пород и споровых. Судя по резкому увеличению последних (90%) в это время возникло сильное обводнение местности из-за подъема воды в системе река–озеро. Комплекс датирован атлантическим периодом. Интересно, что образец 6 соответствует контакту оторфованного песка и лежащего над ним коричневого торфа, вмещающего культурный слой энеолита с остатками жилища. Отложения торфа образовались после затопления местности, оставленной по этой причине населением энеолитической стоянки.

Четвертый комплекс (образцы 9–10) соответствует в стратиграфии гумусированной почве, где обнаружены следы кратковременной стоянки эпохи бронзы. Пыльца древесных пород возрастает здесь до 60%, господствует ель (55–60%), на втором месте сосна (22–25%), есть береза (8–11%) и ольха (5.2–6.8%). Это уже суббореальный период, с характерными для него признаками потепления и увеличения общей сухости.

На возвышенном северном участке раскопа стратиграфия оказалась в основном такой же, однако ее осложняло присутствие древних ям и сооружений (рис. 1, *в–г*). Здесь отобрана колонка (№ 2) для получения радиокарбоновых дат. В основании гумусированного слоя обнаружены следы стоянки эпохи бронзы. Ниже расположен слой коричневой оторфованной почвы, который заметно выклинивается в восточном направлении. В его основании зафиксирован культурный слой энеолитической стоянки – ярко окрашенная в красноватый цвет линза с пятном разложившейся древесины и крупными камнями может быть остатками укрепленной стены (рис. 1, *Б–Г*). Ниже, в песке темного коричневого цвета, оказались две ямы глубиной 50–55 см от основания культурного слоя эпохи неолита. Оба сооружения уходили в стенки раскопа. Сооружения могли иметь хозяйственное назначение. Ямами был поврежден мезолитический слой, поэтому колонку образцов почвы для ^{14}C удалось отобрать на сохранившемся ограниченном участке.

Восемь радиокарбоновых дат соответствуют последовательному изменению локальных природных условий в местности расположения памятника, а также характеризуют общие природно-климатические процессы в среднем голоцене на европейском Севере. В то же время даты отражают возраст существовавших здесь памятников разных эпох. (Образцы почвы для анализа на ^{14}C отобраны сверху вниз, рис. 1, *г–в*, № 2.)

№ 1 – гумусированная почва
1520 ± 30 (ГИН 10960)

№ 2 – гумусированная почва
2640 ± 90 (ГИН 10961)

№ 3 – коричневый слой (гл. 45 см)
3270 ± 40 (ГИН 10962)

№ 4 – коричневый слой (гл. 50 см)
3490 ± 40 (ГИН 10963)

№ 5 – коричневый песок (гл. 55 см)
4630 ± 40 (ГИН 10964)

№ 6 – коричневый песок (гл. 60 см)
5170 ± 100 (ГИН 10965)

№ 7 – серый песок (гл. 70 см)
6880 ± 40 (ГИН 10966)

№ 8 – сапропель (гл. 80 см)
7630 ± 40 (ГИН 10967)

Таким образом, всего для культурных отложений разных периодов обитания получено девять радиокарбоновых дат, считая приведенную выше дату мезолитической стоянки (8250 ± 100). Мощность и положение культурных слоев в двух разрезах, где отобраны образцы почв для палинологических и радиокарбоновых определений, различаются. Ситуация позволяет объективно сопоставить стратиграфию памятника с результатами исследований спорово-пыльцевых отложений, радиокарбоновыми определениями и датировкой стоянок разного времени стандартным археологическим методом.

МЕЗОЛИТ

Стоянка эпохи мезолита в Лукинчихе имеет три даты: 8250 ± 100 (Cal 95.4% вероятности – 7520–7060 BC); 7630 ± 40 (Cal 95.4% – 6590–6420 BC) и 6880 ± 40 (Cal 95.4% – 5850–5670 BC). Возраст определен второй половиной VII – началом VI тыс. до н.э. Стоянка является поздним памятником культуры веретье, о чем говорит не только ее хронология, но главным образом археологический материал. Несмотря на небольшие размеры вскрытого участка и нарушения отложений шурфом 1987 г., насыщенность культурного слоя артефактами оказалась достаточно высокой (рис. 3). Мощность слоя не превышала 10 см. В южной части вскрытого раскопом участка около крупных камней были сосредоточены отходы кремнеобработки, изделия из камня и кости, пласт расстеленной бересты. По периметру зафиксированы следы вертикально стоявших деревянных столбиков (рис. 3). Участок слишком мал, чтобы уверенно судить о системе в расположении остатков. Можно заметить, что столбики имели диаметр 6–7 см, были заточены на конус, вбиты в почву примерно на 20 см и очерчивали овальную площадку, внутри которой располагались камни и орудия из кремня и кости. Если допустить, что здесь стояло небольшое жилое сооружение подобное шалашу или чуму, его площадь составляла около 4 км^2. Сооружение могло быть наземным, состоять из покрытия, укрепленного по периметру при помощи кольев. Камни были остатками очага, около которого сохранилась пластина бересты, в свое время служившая покрытием пола. Здесь же находились костяные изделия (три гарпуна, два наконечника, подвески из зубов животных, фрагменты изделий) и каменные орудия (скребки, нож, обломки топора и тесла). Набор изделий соответствует временной стоянке небольшой группы охотников-собирателей, обитавших здесь недолгое время, скорее в теплое время года.

Для изготовления кремневого инвентаря жители использовали черный, серый и голубой кремень, служивший обычно единственным сырьем на всех поселениях и стоянках культуры веретье.

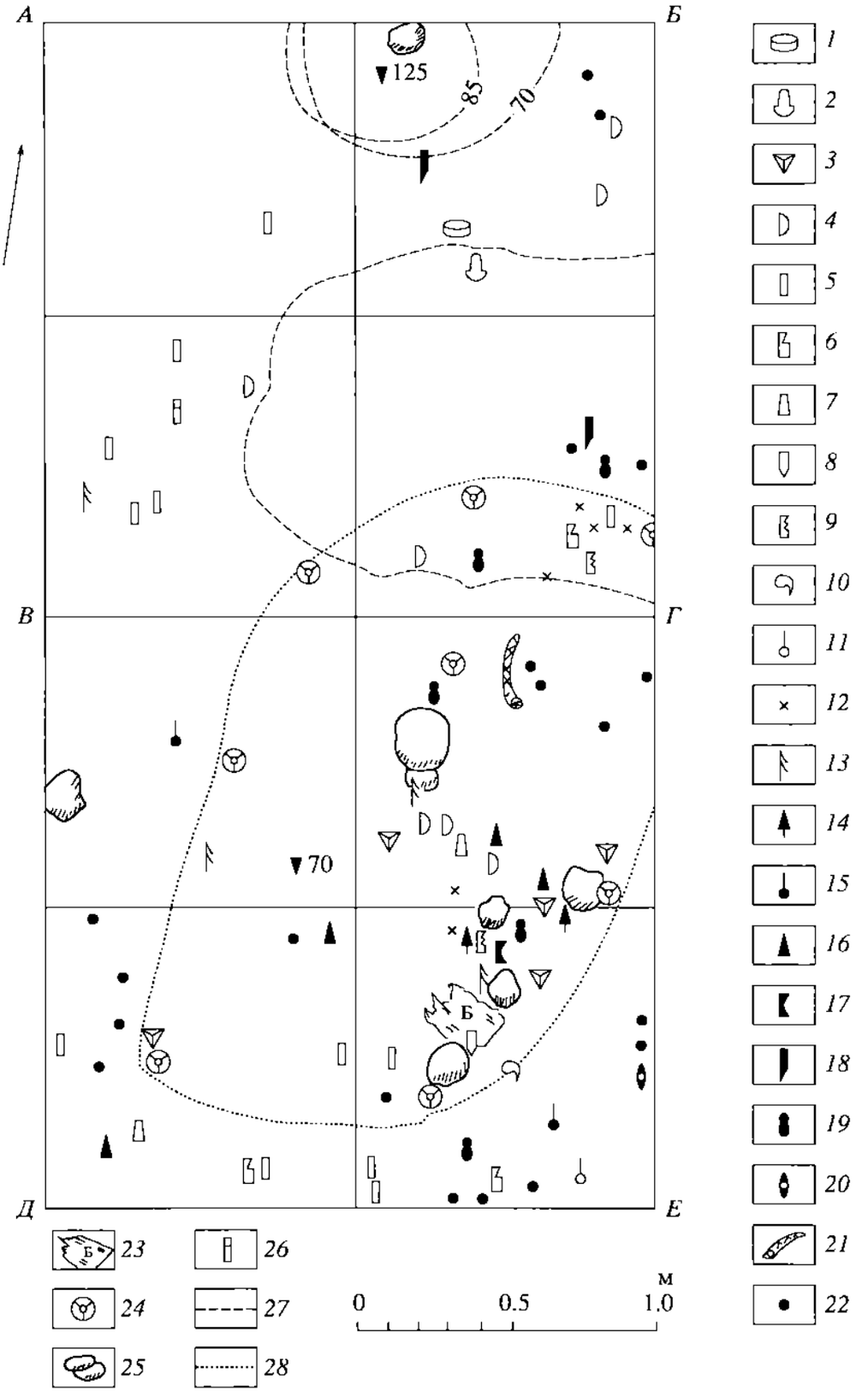


Рис. 3. Распределение находок в культурном слое эпохи мезолита стоянки Лукинчиха: *1* – наковальня; *2* – мотыжка из кремня; *3* – нуклеус; *4* – скребок; *5* – пластина; *6* – резец; *7* – тесло из кремня; *8* – топор; *9* – нож кремневый; *10* – ретушер; *11* – проколка; *12* – отщеп; *13* – гарпун; *14* – наконечник костяной; *15* – проколка; *16* – острие; *17* – скобель; *18* – нож; *19* – подвеска; *20* – игла; *21* – кинжал с орнаментом; *22* – фрагмент изделия; *23* – береста; *24* – столбик; *25* – камни; *26* – игольник; *27* – граница ям неолитической стоянки; *28* – очертания объекта в слое мезолита.

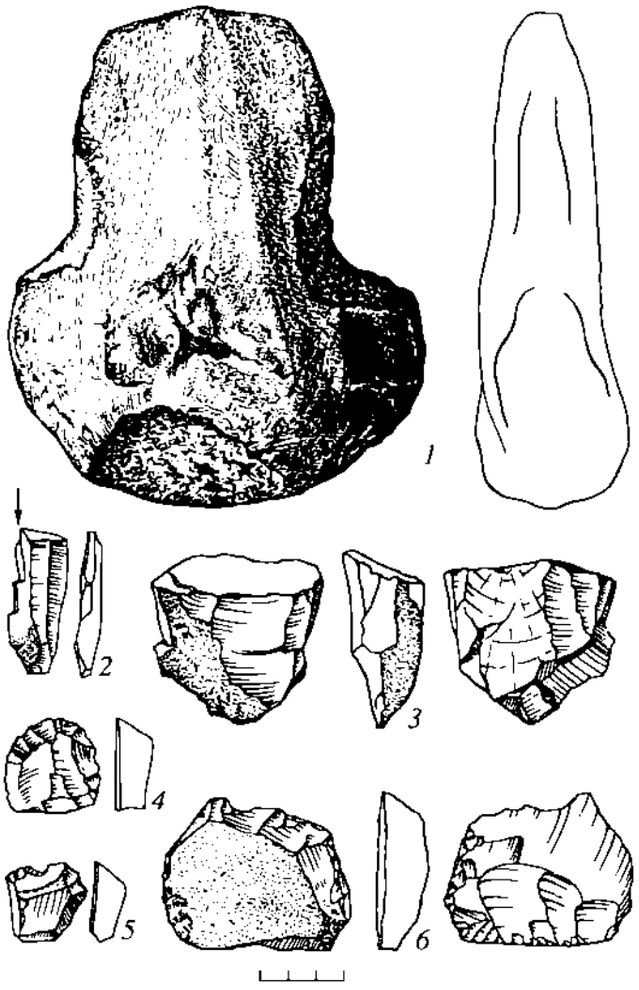


Рис. 4. Каменный инвентарь эпохи мезолита.

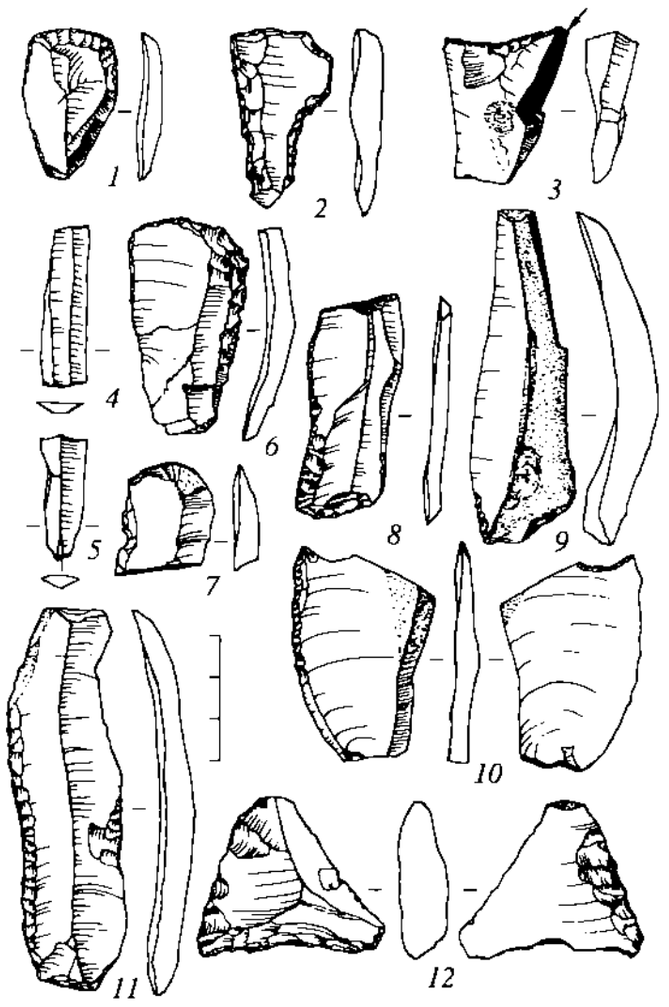


Рис. 5. Кремневые орудия эпохи мезолита.

Кремень обитатели стоянок получали из моренных отложений. В культурном слое Лукинчихи собрано множество расколотого кремня, главным образом отщепов без вторичной обработки и кусков кремня неправильной формы. Пластины и мелкие пластинки единичны. Судя по фрагментам нуклеусов, они имели низкую конусовидную форму, скошенную площадку и сохраняют негативы снятия пластин и пластинчатых отщепов (рис. 4, *2*, *3*). Пластинки вторичной обработки не имеют (рис. 5, *4*, *5*). Среди орудий несколько концевых и боковых скребков на массивных пластинах, скребок с выделенной рукоятью (5, *2*), круглые скребки с высокой спинкой, сохраняющей валунную корку. Перечисленные формы встречены на поздней стоянке культуры веретье Попово, для инвентаря которой тоже характерно использование крупных пластин. Резцы отличаются особой массивностью. Один из резцов имеет архаичную форму, сохраняет ретушированную площадку, другой оформлен одним длинным резцовым сколом (рис. 5, *3*, *9*). Нож из плоского отщепа имеет округлый режущий край, ретушированный с одной стороны. Острие орудия обработано мелкой ретушью с двух сторон, с вентральной стороны мелкой ретушью выделена характерная для скобеля выемка (рис. 5, *10*). Орудие можно отнести к типичным ножам вспарывателям, которые обитатели стоянок использовали для разделки добычи, чаще всего рыбы. Ножи такой формы из массивных кремневых пластин и плитки черного шифера найдены на поселении Веретье 1 (Ошибкина, 1983. Табл. 29, *3*). Применение этих специальных орудий началось уже в мезолите. Позднее шиферные и кремневые ножи с округлым лезвием, с рукоятью или без нее, использовали обитатели стоянок неолита и эпохи раннего металла на Кольском полуострове (Гурина, 1997. С. 38). Как следует из этнографических наблюдений, ножи для разделки долго сохраняли значение в традиционных культурах Севера и Дальнего Востока.

В Лукинчихе найдено небольшое, но достаточно массивное рубящее орудие из отщепа (рис. 5, *12*). Его форма, обработка сколами, вогнутое лезвие со следами использования позволяют сопоставить орудие с мотыгами, характерными орудиями культуры веретье, которые обычно сделаны из отщепов или плитчатого кремня. В данном случае –

мотыжка небольшого размера и примитивной формы. Как показывает эта находка, подобные орудия не выщли из употребления на самых поздних стоянках культуры веретье, о чем свидетельствует также находка большой мотыги из кристаллической породы, оформленной грубыми сколами (рис. 4, *1*). Судя по всему, обработка кремня и кости проводилась непосредственно на стоянке. Сохранилась наковальня в виде куска кристаллической породы, по периметру оббитого сколами, и около нее кремневая мотыжка и орудия из кремня и кости (рис. 3).

Орудия из кости и рога по всем показателям относят стоянку Лукинчиха к культуре веретье. Некоторые особенности вещественного материала подтверждают датировку концом мезолита, установленную по данным естественных дисциплин. Население стоянки продолжало применять особую технологию обработки органического сырья, при которой изделия сохраняют естественную фактуру, плотность и цвет, имеют прекрасно обработанную поверхность. Представлены гарпуны (4 экз.), односторонние, с редко поставленными клювовидными зубцами, из них первый расположен близко к острию, переход от острия плавный (рис. 6, *1–3*). Основание одного гарпуна имеет расширение в виде лопатки, два орудия просверлены в основании, у одного сочетаются низко поставленный последний зубец и расширенный насад (рис. 6, *5*). Гарпуны с отверстием в насаде характерны для позднего периода мезолита, но встречаются редко. Один гарпун этого типа найден в Нижнем Веретье (Фосс, 1941. Табл. IV, *2*), два известны в Оленеостровском могильнике – в погребениях 100 и 73 (Гурина, 1956. Рис. 34, *1–6*), датированных 9910 ± 100 (ГИН 4836) и 6960 ± 100 (ГИН 4841) (Мамонова, Сулержицкий, 1989; Oshibkina, 1989). Первая дата вызывает у исследователей некоторые сомнения, вторая соответствует позднему мезолиту и возрасту стоянки в Лукинчихе.

Среди костяных изделий Лукинчихи нет наконечников стрел, они просто могли не сохраниться. Однако сокращение вооружения заметно и на других памятниках среднего и позднего мезолита в регионе в целом и на стоянках культуры веретье в частности. Если в Веретье 1 найдено более 200 костяных и около 40 деревянных наконечников, не считая прочих остатков оружия, то на поселении Сухое и в Нижнем Веретье их количество заметно уменьшается, а в Лукинчихе они отсутствуют вовсе. Оснований для общих выводов эти факты как будто не дают. Можно допустить, что в конце мезолита кардинально изменились условия жизни населения. Возникли новые способы охоты вследствие изменений природных условий, изменений в составе лесной и озерной фауны. Возможно, сократились военные столкновения, что привело к сокращению охотничьего и боевого вооружения.

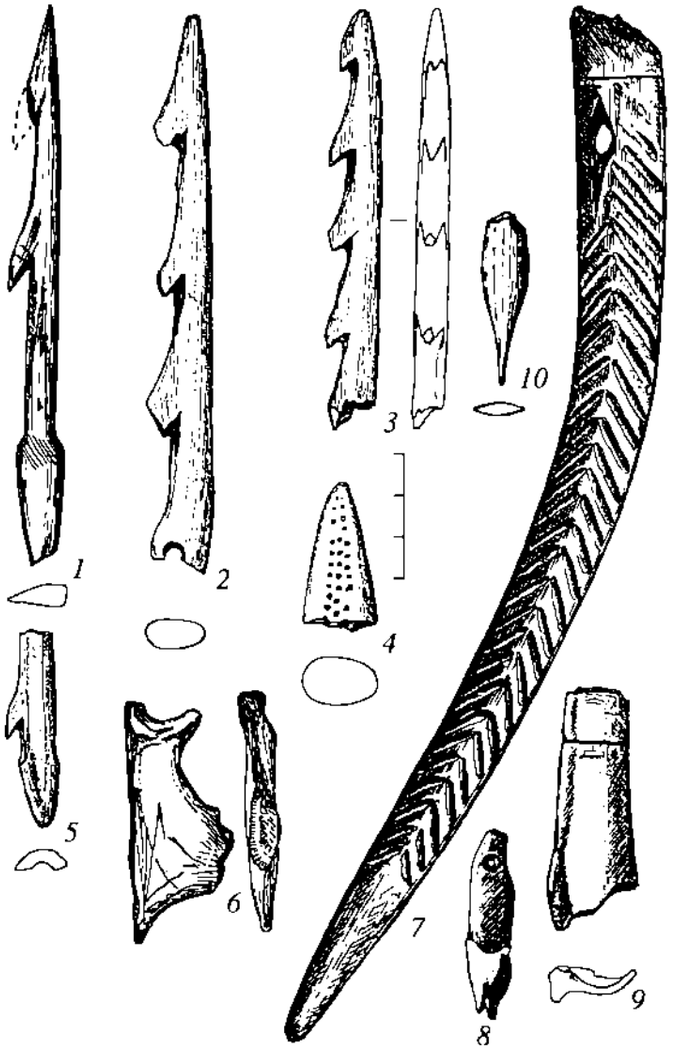


Рис. 6. Костяные и роговые орудия эпохи мезолита.

В Лукинчихе найдены обломки костяных ножей, в том числе орудие из выпрямленного ребра животного со следами обмотки рукояти. Сохранился нож из локтевой кости лося, широкие ножи из лопаток животных, острия из длинных костей лося ориентированные по центру, вероятно, наконечники рогатин. Представляет особый интерес длинный изогнутый кинжал из разделенного вдоль рога лося. На обухе орудия вырезаны: тонкое кольцевое углубление, под ним отверстие для привязывания кинжала. Выпуклая поверхность кинжала покрыта изящным геометрическим орнаментом, состоящим из резных полос, собранных в елочный узор (рис. 6, *7*). На другой стороне сохранилась слегка заглаженная губчатая ткань кости.

Среди прочих костяных изделий присутствуют два игольника из эпифизов водоплавающей птицы и собаки, с кольцевой нарезкой для привязывания. Такие игольники, или емкости, найдены на других памятниках культуры веретье. О назначении емкостей из эпифизов существуют разные мнения. Например, на палеолитической стоянке Мейен-

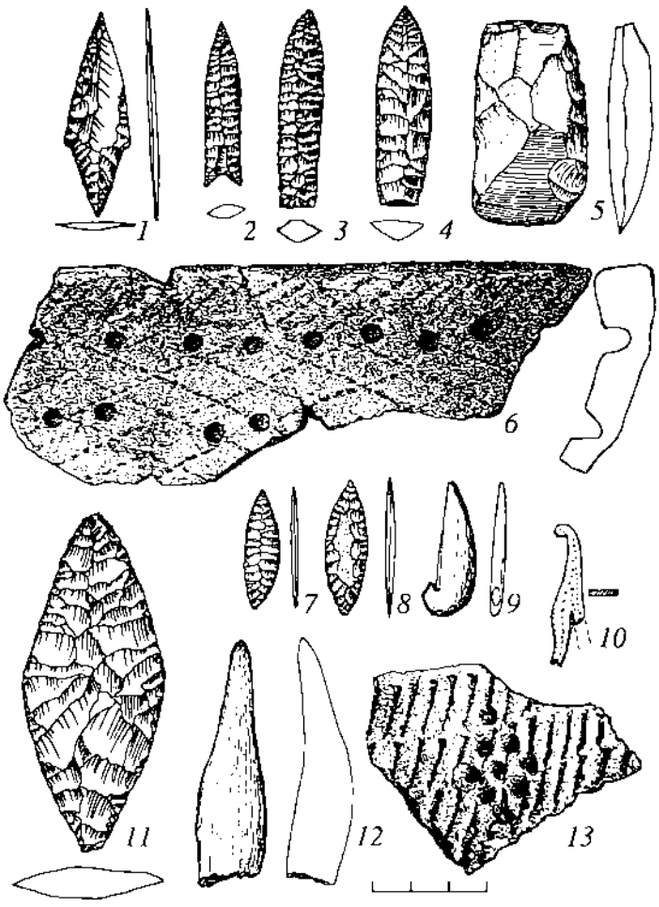


Рис. 7. Изделия из культурного слоя неолитической стоянки (*7–13*) и слоя эпохи бронзы (*1–6*).

дорф в Германии были найдены емкости подобного типа, которые считали коробочками для хранения красителя (Rust, 1937). На поселениях культуры веретье емкости из эпифизов животных использовали как игольники, некоторые были орнаментированы. В одном из игольников найдены костяные иглы и мелкие кремневые лезвия (Ошибкина, 1983). В Лукинчихе найдены также подвески из резцов лося со сверленым отверстием в корневой части (рис. 6, *8*), проколки из расщепленных вдоль трубчатых птичьих костей. Орудие из плоской костяной пластины, овальное, с острыми концами и отверстием в середине могло служить для плетения сетей. До недавнего времени в вепских деревнях жители использовали похожие орудия для плетения сетей или охотничьих рукавиц, причем занимались этой работой в основном мужчины (наблюдения автора в дер. Пяжелка Вологодской обл. 1968 г.).

При небольшой площади, вскрытой раскопом, насыщенность слоя мезолитической стоянки артефактами оказалась достаточно высокой, что говорит об активной хозяйственной деятельности обитателей и, вероятно, длительном ее существовании. Раскоп пришелся на северную окраину стоянки, можно думать, что основная территория обитания этого времени находилась южнее, ближе к берегу озера, подступавшего в этот период к основанию берегового возвышения. О присутствии вблизи озерных вод и возможном временном затоплении площадки свидетельствуют следы седиментации в виде тонкой темной прослойки под мезолитическим культурным слоем. Нет сомнения в том, что стоянка относится к культуре веретье в конце ее существования. Определение возраста мезолитической стоянки естественными методами вполне согласуется с данными археологии.

НЕОЛИТ

Стоянка датирована 5170 ± 100 (Cal 95.4% 4250–3700 BC) и 4630 ± 40 (Cal 95.4% 3530–3340 BC), IV–III тыс. до н.э.). Культурный слой мощностью до 30 см интенсивно окрашен в коричневый до черного цвет. Зафиксировано углубленное жилище, основная часть которого не попала в раскоп, и глубокая яма с крупным камнем на дне (рис. 3). При их сооружении поврежден лежащий ниже мезолитический слой. Насыщенность неолитического культурного слоя невелика. Найдена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, толстые черепки содержат примесь песка и дресвы, поверхность из-за обилия примеси шершавая с обеих сторон. Орнамент зональный, в нем чередуются горизонтальные ряды ямок и оттисков короткого зубчатого штампа. Иногда по узору из рядов зубчатого штампа сверху нанесен характерный ромб или розетка из круглых ямок (рис. 7, *13*). Геометрические фигуры, составленные из ямок, неочерченные, расположены в свободной от орнамента горизонтальной зоне сосуда. Орнаменты с ромбами, розетками, фестонами характерны для каргопольской культуры среднего неолита (Цветкова, 1961. Табл. 4, 5; Ошибкина, 1978. Табл. 9, *16*). Стоянки, где присутствует посуда с такой орнаментацией, сосредоточены в Восточном Прионежье. Уже в конце неолита здесь существовала культура гребенчато-ямочной керамики, для которой характерны орнаменты, включающие уже очерченные ромбы и ломаные полосы гребенчатых оттисков. Культура гребенчато-ямочной керамики распространялась в Приладожье, Южной Карелии, Финляндии и Прибалтике (Гурина, 1967. Рис. 103). Даты ^{14}C (калиброванные) относят их к концу IV–III тыс до н.э. (Витенкова, 2002. С. 141). На Карельском перешейке керамика с орнаментацией геометрического стиля найдена в Токарево 1 (Лисицын, 2003. С. 156–160). Дата памятника – 4790 ± 210 (Ki-10298), несмотря на большую поправку, подтверждает возраст стоянок позднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой, как более поздних, чем неолитический слой Лукинчихи.

Примечательная находка – фрагмент сосуда "каргопольского" типа. У него тонкие прямые стенки, примесь дресвы и шершавая поверхность,

узор состоит из одного ряда ямок под венчиком, на срезе оттиски зубчатого штампа. О возрасте подобной керамики, ее культурной принадлежности и территории распространения существуют разные мнения. Иногда ее относят к эпохе бронзы или даже железному веку. На стоянках Крайнего Северо-Востока, в бассейнах Пинеги, Вычегды и Печоры, встречается тонкостенная посуда со сложным орнаментом, выполненным тонкой гребенкой. Здесь ее считают "каргопольской" и относят к раннему неолиту. Основанием служит сходство ее орнаментации с керамикой верхневолжской культуры в Поволжье и с аналогичными древностями Поднепровья (Косинская, 1997. С. 168). С этим мнением трудно согласиться, поскольку настоящая посуда каргопольского типа никогда не бывает орнаментированной, не содержит примеси шамота, имеет прямые стенки и венчик, не бывает профилированной. Перечисленные технологические и орнаментальные особенности керамики характерны только для неолита Северо-Востока, а такие отдаленные археологические аналогии не дают оснований для определения возраста стоянок, тем более что обычно рассматриваемый материал сохраняется фрагментарно. А.Я. Брюсов после раскопок Караваевской стоянки пришел к выводу, что керамика "каргопольского" типа встречается в слоях среднего неолита вместе с ямочно-гребенчатой (Брюсов, 1961. С. 102). Это наблюдение подтверждает керамика из Лукинчихи, найденная в стратифицированных условиях в культурном слое, датированном радиокарбоновым методом и данными палинологии.

Кроме керамики в неолитическом слое обнаружены наконечник копья и два наконечника стрел из светлого кремня, все листовидной формы, с плоским сегментовидным сечением и двусторонней ретушью (рис. 7, *7, 8, 11*). Долото и предмет ромбической формы неясного назначения сделаны из белого сланца, на них видны следы шлифовки. Найдена небольшая шлифовальная плитка, скребки, отщепы с частичной краевой ретушью и следами использования. Все орудия типичны для среднего неолита.

Костяные изделия представлены двумя остриями (рис. 7, *12*) и рыболовным крючком, сделанным из целой пластинки (рис. 7, *9*). Этот предмет представляет интерес при уточнении хронологии неолитической стоянки в Лукинчихе на основании археологических аналогий. У крючка широкий стержень (цевье), небольшой угол между стержнем и жалом, не имеющим бородки (Исаенко, 1991. С. 99. Рис. 10). Жало вырезано острым орудием, что отличает его от крючков мезолитического времени, у которых сначала в пластине-заготовке сверлили отверстие, а затем оформляли остальные части изделия. Цельные рыболовные крючки с массивным цевьем и жалом, отходящим от основы под небольшим углом, были широко распространены в лесной зоне. Н.Н. Гурина выделяла эту форму (VIII-1) как типичную для неолита (1991). Крючки такого типа характерны для неолита Волго-Окского междуречья, они найдены на Сахтышских стоянках (Гадзяцкая, 1966. Рис. 8). Кроме того, известны в неолите северо-восточной Украины, представлены на стоянке Погореловка-Коса (Неприна, 1999. Рис. 2, *1–6*). Сюда в среднем неолите распространялась культура ямочно-гребенчатой керамики. Наиболее древние рыболовные крючки с широким цевьем использовали уже в позднем мезолите Волго-Окского междуречья. Они найдены в Ивановском 7, в слое бутовской культуры, и в Замостье 5, в слоях VI, VII, верхних в пачке культурных отложений эпохи мезолита (Жилин, 2002. С. 39. Рис. 41; Сидоров, Сорокин, 1997. С. 158). Для мезолита Севера и, в частности, для культуры веретье мелкие крючки с широким цевьем не характерны, население использовало в это время большие рыболовные крючки с прямым цевьем и сверленым отверстием перед жалом. Здесь крючки описанной выше формы, мелкие, с широким цевьем в виде мормышки начали применять только в неолите, после расселения в озерных котловинах носителей ямочно-гребенчатой керамики. Возможно, орудия рыболовства описанной формы в Волго-Окском междуречье использовали в мезолите, позднее они сохранились в неолите, когда население культур с ямочно-гребенчатой керамикой при расселении на новые территории принесло с собой способы рыболовства с крючками такой формы.

Интересна плоская костяная поделка из Лукинчихи, скорее всего художественное изделие. На ее поверхности с одной стороны нанесен узор в виде расходящихся линий мелких точек (рис. 7, *10*). Общими очертаниями предмет напоминает плоскую зооморфную фигурку из Ладожской стоянки (Иностранцев, 1882; Ошибкина, 1992. Рис. 76).

По составу вещественного материала неолитическая стоянка в местности Лукинчиха относится к каргопольской культуре, расположена на ее основной территории, существовала в ее среднем периоде, что согласуется с радиокарбоновой датировкой, данными палинологии и аналогиями в археологическом материале среднего неолита Восточного Прионежья и сопредельных территорий.

ЭНЕОЛИТ ИЛИ ПАМЯТНИКИ ТИПА МОДЛОНА-2

Культурный слой этой стоянки в Лукинчихе датирован 3490 ± 40 (Cal 9.15% 1920–1730 BC) – 3270 ± 40 (Cal 95.4% 1640–1440 BC). Слой небольшой мощности фактически представляет собой ограниченное пятно на контакте неолитического и перекрывающего коричневого оторфованного слоя почвы, что позволяет принять только первую дату – первая половина II тыс. до н.э. или

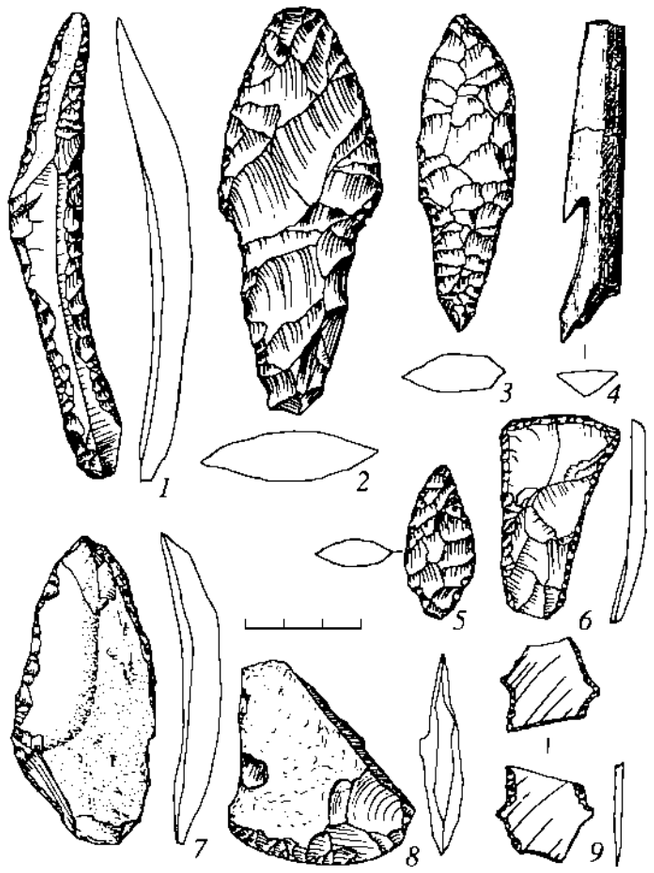


Рис. 8. Орудия стоянки с керамикой М-2.

XIX–XVII вв. до н.э. Остатки стоянки выделялись особенно яркой окраской, пятно разложившейся древесины было оранжевого цвета, в нем сохранились деревянные детали строения и пласты расстеленной бересты. В свое время обитатели стоянки построили наземное жилище на поверхности неолитического слоя, причем его фактически не нарушили, поэтому вещи разного времени здесь не смешаны, что является редким случаем и большой удачей для исследователей.

Керамика типа М-2 содержит органические добавки в тесте, после обжига становится пористой, желтого или красноватого цвета, поверхность гладкая, венчик прямой, стенки толстые, массивный венчик отогнут наружу. Дно могло быть плоским и небольшим, без выступа. Орнамент выполнен овальным штампом с острыми концами, зубчатым или гладким, иногда в отступающей манере использован короткий штамп. Преобладает узор из косо стоящего штампа – елочный, горизонтальный или вертикальный. Черепки в культурном слое лежали развалом, рядом было скопление костей и чешуи крупных рыб, мелких обломков костей млекопитающих и птиц. Среди этих кухонных остатков найден нож из широкого плоского отщепа, скребок и обломок гарпуна. Другое скопление кухонных остатков площадью более 4 м^2 в раскопе уходило в стенку. Рядом с ним найдено изделие из длинного отщепа серого кремня, похожее на фигурный кремень. Предмет (рис. 8, *1*) обработан крутой ретушью по длинным краям, вентральная поверхность без ретуши, никаких следов использования нет. Изделие сильно залощено, как бывает у кремневых украшений или сакральных предметов. Подобные костяные изделия обычно передают сходство с головой водоплавающей птицы. Например, костяная фигура, найденная в Кубенино погребении № 3, принята за изображение головы лебедя или змеи (Фосс, 1938. Табл. I, *1*). Фигуры из кремня и кости, изображающие водоплавающих и лесных птиц, чаще всего встречаются на стоянках волосовской культуры (Крайнов, 1992. Рис. 128). Второй фигурный кремень из Лукинчихи оформлен на плоском отщепе светлого кремня, ретуширован по краям. Выделены небольшие выступы (рис. 8, *9*), что делает его похожим на неопределенные или примитивные антропоморфные изображения. Такие предметы встречаются на стоянках позднего неолита и энеолита от Валдая до Среднего Поволжья. Обычно их связывают с волосовской культурой или с древностями культур этого периода. Представляет интерес собрание фигурных кремней со стоянок Синяя гора на оз. Селигер. Здесь в числе фигурных кремней выделена группа неопределенных изделий, ретушированных по периметру, не имеющих следов использования в качестве орудий. Фигурные кремни неопределенной формы могли быть, как полагают, символическими знаками или стилизованными изображениями (Черных, 1996. С. 279).

Кремневые орудия из энеолитического слоя Лукинчихи отличаются большими размерами. Обитатели стоянки использовали светлый кремень, орудия сделаны из плоских отщепов или плиток. Найдены наконечники копий с выделенным насадом, короткий листовидный наконечник стрелы с намеченным черешком, массивные скребки, скребло из отщепа, нож из плитки с двусторонней ретушью на лезвии (рис. 8). По качеству кремневого сырья, способам его обработки, по форме и деталям орудия сопровождающие керамику М-2 резко отличаются от набора изделий, характерного для неолита, поэтому памятник отнесен к энеолиту, хотя никаких следов использования обитателями стоянки изделий из металла нет. Особенностью кремневой индустрии этого времени являются использование однородного светлого кремня высокого качества и тщательная обработка поверхности изделий крупной ретушью. Единственный костяной гарпун из слоя этой стоянки типичен для энеолита (рис. 8, *4*).

Некоторые особенности кремневой индустрии, в том числе технологические приемы и морфология орудий, а также особенности керамики типа Модлона-2 позволяют сопоставлять комплекс находок из энеолитического слоя Лукинчихи с волосовской культурой или, точнее, кругом памятни-

ков волосовского типа, широко распространенных в лесной зоне Восточной Европы. Волосовскую культуру Волго-Окского междуречья датируют в пределах 4800 ± 25–4100 ± 40 (Крайнов, 1987. С. 13). Памятники типа М-2, сосредоточенные в Восточном Прионежье, могли существовать позднее. Для самой стоянки Модлона-2 (верхний слой свайного поселения Модлона) имеются две даты: 4360 ± 100 (ЛЕ 993) и 3960 ± 120 (ЛЕ 992), они древнее радиокарбонового определения энеолитического слоя Лукинчихи. Появление населения этой группы в северных регионах могло происходить в более раннее время, примерно в III тыс. до н.э. В данном конкретном случае стоянка в Лукинчихе существовала в конце атлантического периода, затем, по данным палинологии, произошло сильное обводнение местности, вызванное, очевидно, подъемом воды в озере (рис. 2). Этим фактом объясняется возникновение верхнего слоя торфа (красного), перекрывающего остатки стоянки и жилища энеолита, а также сохранность некоторых деталей деревянного строения.

СТОЯНКА ЭПОХИ БРОНЗЫ

Культурный слой временной стоянки располагается на поверхности коричневого торфа, вмещен в основание гумусированного слоя, датирован 2640 ± 90 (Cal 95.4% 1050–500 BC), X–VI вв. до н.э. Керамика с сетчатой поверхностью и узорами под венчиком, состоящими из оттисков длинной гребенки и редких ямок (рис. 7, *6*), сочетает элементы орнаментов эпохи бронзы и неолита. Посуда с плоским дном и тонкими стенками, венчик прямой или прикрытый. В инвентаре использован кремень серых и сиреневых оттенков, выходы которого здесь не известны. Найдено скопление отщепов, чешуек и кусков расколотого кремня, что говорит о его обработке на территории стоянки. Среди кремневых изделий наконечники стрел с выделенными жальцами, похожие на сейминские формы, с выемкой в основании и с прямым основанием, близкие беломорским типам (рис. 7, *1–4*). Найден плоский топорик из сланца с частично шлифованным лезвием. Все артефакты характерны для позднего периода эпохи бронзы. Кремневый инвентарь, особенно морфологически разнообразные наконечники стрел, имеет аналогии среди древностей Беломорья и Карелии. Памятники подобного типа принято относить к эпохе раннего металла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале голоцена северные территории, в том числе Восточное Прионежье, были впервые освоены человеком. Известно, что в конце пребореала около побережий больших озер ледникового происхождения осела группа охотников-собирателей, основным занятием которых была охота и в меньшей мере рыболовство, а также собирательство. Основной охотничьей добычей были лось и бобр, изредка среди остатков фауны встречаются кости северного оленя. Среди костей рыб преобладает щука, есть другие озерные рыбы. На стоянках было много собак, которых могли использовать на охоте и для охраны поселений, а также в качестве пищи в экстремальных ситуациях. Среди ранних памятников мезолита уже были организованные поселения с четкой структурой, большими двухкамерными жилищами, возможно, социально структурированными, с очагами внутри и вне строений, с ямами около жилищ предназначенными для хранения запасов. Одновременно существовали временные стоянки. В связи с подъемом воды в гидросистеме поселения были оставлены, может быть, временно. На площадку занятую поселением Веретье 1 люди вернуться уже не могли – здесь образовалось болото. Позднее, примерно в среднем бореале, в этой местности, на повышении берега Кинемы, возникла другая стоянка – Нижнее Веретье. На освободившийся от затопления берег Ковжи люди смогли вернуться на место прежнего поселения, возникла новая стоянка, образовались два слоя мезолита, прослеженные стратиграфически. В конце бореала – начале атлантикума еще продолжали существовать отдельные группы населения культуры веретье, которыми оставлены такие стоянки, как Попово, Лукинчиха и открытая недавно В.В. Шевелевым Ена, расположенная западнее Лукинчихи, тоже у истока маленькой речки. К этому времени происходят изменения в составе лесов, впервые в этих северных широтах появляются широколиственные породы, вслед за этим состав фауны должен был пополниться новыми видами. В материальной культуре населения к этому времени тоже заметны некоторые изменения. Сокращается вооружение, меняются формы гарпунов и бытовых орудий. Основные традиции культуры сохранялись длительное время, до конца бореала. Существует версия о вероятном продвижении населения культуры веретье в западном направлении, до берегов Онежского озера. Этническая принадлежность этого населения определена согласно антропологическим остаткам из могильников Песчаница и Попово, где представлены архаичные европеоиды, близкие европеоидной группе Олений-островского могильника (Гохман, 1984). Происхождением они могли быть связаны с кругом культур Балтийского региона (Ошибкина, 1990. С. 123).

В среднем неолите в бассейны озер Воже, Лача, Кубенское, Белое и др. с Русской равнины проникает население с ямочно-гребенчатой керамикой. Основное движение по левым притокам Верхней Волги имеет общее направление к устью р. Выг и берегам Белого моря. Одной из причин движения на Север оказалось заметное потепление в начале атлантического времени или климатический опти-

мум голоцена. Показателями улучшения природных условий является уже заметное распространение широколиственных пород деревьев и теплолюбивых рыб, кости которых обнаружены в неолитическом слое стоянки Веретье (Фосс, 1941). Еще в раннем неолите озерный край мог быть освоен группой населения, пока еще мало изученного. Об этом можно судить по стоянке Сиянга, расположенной примерно в 5 км от северо-западного берега оз. Лача, на мысу высокой надпойменной террасы, при слиянии Сиянги с ее левым притоком. На этой стоянке обнаружены остатки углубленного в песчаную почву жилища, с очагами и ямами внутри, с микролитическим кремневым инвентарем и обломками тонкостенной керамики с примесью песка и шамота. Орнамент ограничен мелкими и редкими ямками на поверхности сосудов. Пластинчатый кремневый инвентарь не имеет ничего общего с мезолитической культурой веретье, как и с каргопольской культурой среднего неолита.

На примере неолитической стоянки Лукинчиха вполне очевидно отсутствие генетической связи или контактов населения эпохи мезолита и раннего неолита. В неолите экономической основой существования становится рыболовство. Большие поселения с мощным культурным слоем расположены вблизи водоемов, сохраняется характерный вещественный материал. Возраст каргопольской культуры определяется серединой IV–III тыс. до н.э., что соответствует хронологии стоянки Лукинчиха, установленной по ^{14}C, данным палинологии и археологии. Этнически носителей ямочно-гребенчатой керамики относят к протофиннскому населению эпохи неолита (Янитс, 1956; Моора, 1956. С. 62; Ошибкина, 1994).

Памятники с керамикой М-2 не выделены в определенную культуру, но, безусловно, представляют собой самобытное и яркое явление. На многих стоянках неолита Восточного Прионежья керамика типа М-2 и характерные кремневые орудия смешаны с неолитическими древностями (Модлона-2, Сухое, III горизонт, Тихманга, Ольский мыс, Лисья Горка, др.) Важно, что в Лукинчихе культурный слой с пористой керамикой типа М-2 и характерным кремневым инвентарем выражен достаточно четко и образует самостоятельное культурное явление. Стоянка датирована первой половиной II тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сб. по археологии Вологодской обл. Вологда, 1961.

Витенкова И.Ф. памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.

Гадзяцкая О.С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106. М., 1966.

Гохман И.И. Новые палеоантропологические находки эпохи мезолита в Каргопольс // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. М.; Л. 1956.

Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. № 144. Л., 1967.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л., 1991.

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.

Жилин М.Г. Мезолитические комплексы стоянки Ивановское VII // Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М., 2002.

Иностранцев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

Исаенко В.Ф. Древнее рыболовство в Полесье // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л., 1991.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология республики КОМИ. М., 1997.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.

Крайнов Д.А. Русская равнина. Центр // Искусство каменного века. М., 1992.

Лисицын С.Н. Стоянка Токарево 1 на северо-западе Карельского перешейка // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1.

Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

Неприна В.И. Рыболовство в неолите – мезолите Украины // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л., 1991.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.

Ошибкина С.В. Древнейшие этнокультурные образования на Севере Восточной Европы // Uralo-Indogermanika. Т. 2. М., 1990.

Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века. М., 1992.

Ошибкина С.В. Неолит лесной зоны и севера Восточной Европы // Петербургский Археологический Вестник. Вып. 9. СПб., 1994.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Л., 1978.

Поляков И.С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии,в долине Оки и на верховьях Волги // ЗРГО. Отд. этнограф. Т. IX. СПб., 1882.

Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.

Фосс М.Е. Погребения на стоянке Кубенино // Тр. ГИМ. Вып. 8. М., 1938.

Фосс М.Е. Стоянка Веретье // Тр. ГИМ. Вып. 12. М., 1941.

Цветкова И.К. Неолитические поселения в районе Белого озера // Сб. по археологии Вологодской обл. Вологда, 1961.

Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки "Синяя Гора" 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // Тверской археол. сб. Вып. 2. Тверь, 1996.

Янитс Л.Ю. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

Oshibkina S.V. The Material Culture Veretye-tupe Sites in the Region to the East of Lake Onega // The Mesolithic in Europe. Edinburgh, 1989.

Rust A. Das altsteinzeitliche Renntierjagerlager Meiendorf. Neumunster, 1937.

Environmental dynamics and man in the Holocene (on the basis of data obtaned at the Lukinchikha site in the Onega basin)

S. V. Oshibkina, E. A. Spiridonova, L. D. Sulerjitsky

Summary

The article gives the results of investigations at the stratified site of Lukinchikha, located near Lacha lake in the Arkhangelsk region. During early Holocene, the region saw changes in the natural environment and in the shore configuration of large lakes near which sites were located in different periods. In Lukinchikha, the first cultural layer is formed by a late Mesolithic site, which was followed by a Neolithic site and an Eneolithic site immediately afterwards. Then, after another interval, the location was occupied by a Bronze Age temporary site. The article presents stratigraphic and palynological analysis of the site and radiocarbon dates (calibrated). The datings and cultural identifications for the sites of different periods were carried out by the archeological method. In this case, the results correlate and give a view of environmental dynamics and human adaptation.

Отделение
[illegible] АН СССР

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 18–23

ПРЯЖКИ-КОНИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К КАВКАЗСКО-ЛУРИСТАНСКИМ КОНТАКТАМ XI–X ВВ. ДО Н.Э.

© 2006 г. В. И. Козенкова

Институт археологии РАН, Москва

Конь взвился птицей над грядою гор
Средь облаков летит во весь опор.
"Нарты". Осетинский эпос

Среди огромного числа металлических изделий кобанской культуры, большинство категорий которых представлены в памятниках (особенно в Верхне-Кобанском и Тлийском могильниках) целыми рядами однотипных, стабильно серийных экземпляров вещей, выделяются некоторые единичные уникальные высокохудожественные изделия. Представляя обычный атрибут бытовой местной материальной культуры, они тем не менее по своим художественным и стилистическим признакам как бы выпадают из стереотипов "круга Кобани". К таким ярким оригинальным предметам относятся бронзовые поясные пряжки в виде скачущих лошадок, хорошо известные по неоднократно публиковавшимся двум из них.

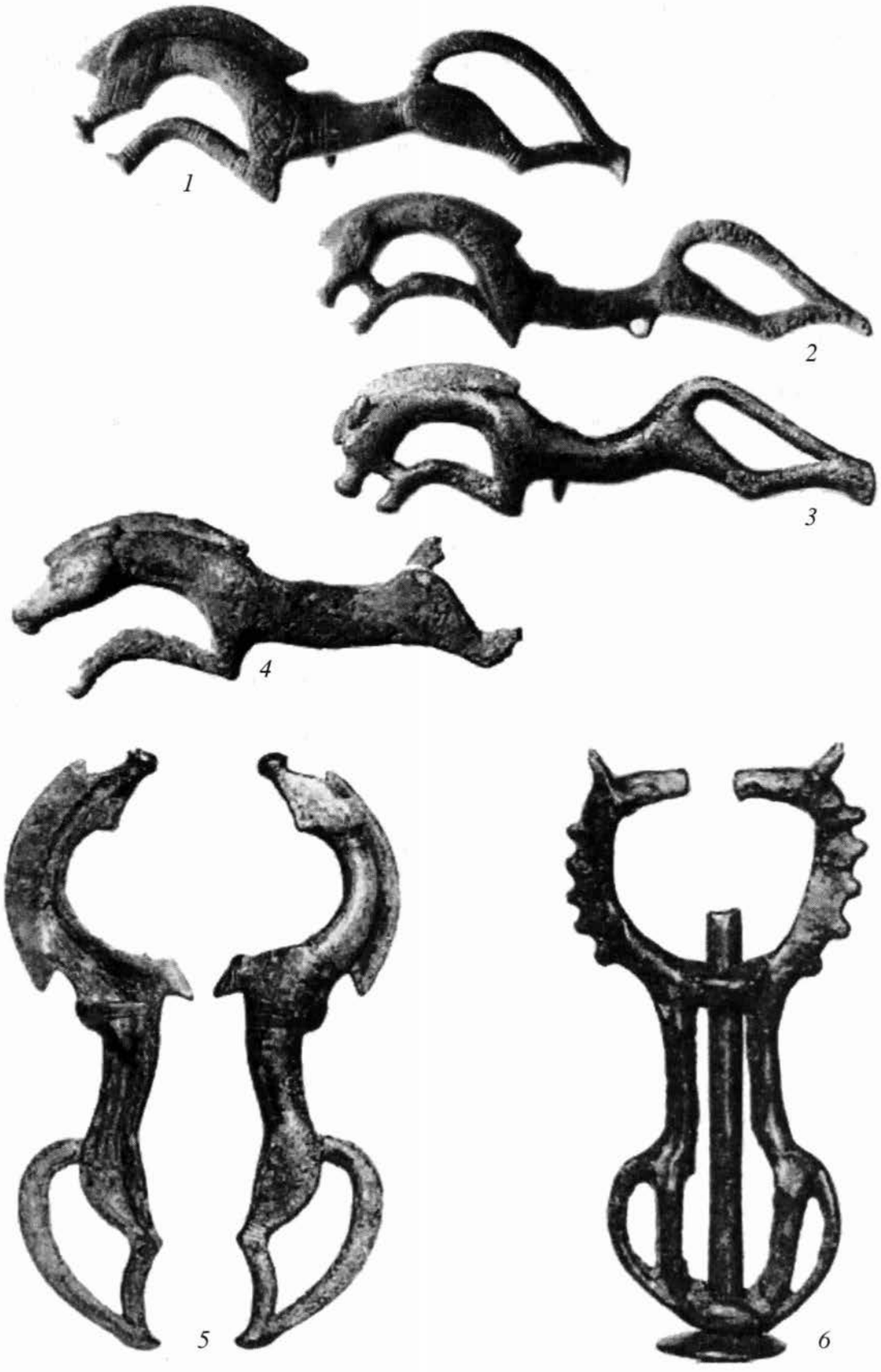
Однако многое, связанное с этими аксессуарами костюма древних "кобанцев" остается неясным и даже загадочным. Может быть поэтому, несмотря на мастерское исполнение и неповторимость облика, пряжки-лошадки никогда не являлись предметом специального рассмотрения.

Некоторые новые данные об этом типе поясных застежек (Козенкова, 1999. С. 225), как и уточненные сведения об их общем числе, позволяют более конкретно остановиться на их характеристике и изложить результаты своеобразного расследования, проведенного мною в связи с малоизвестными, дополнительно выявленными фактами.

Пряжки входят в состав старых частных коллекций XIX в. и хранятся в фондах Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея. Отчетливых сведений о конкретных условиях их первоначального нахождения нет. Искусно изготовленные в технике литого невысокого рельефа (часть из них дополнительно отделана гравировкой) эти предметы отличаются друг от друга лишь рядом незначительных деталей.

Лучше сохранившаяся пряжка-конь входила в состав коллекции К.И. Ольшевского и обозначена как происходящая из Верхне-Кобанского могильника. Именно так она атрибутирована на рисунках альбома владельца коллекции, а также в публикации Е. Шантра (Chantre, 1886. Pl. V, *4*). Так же обозначено место ее находки и в последующих публикациях (Доманский, 1984. С. 37. Илл. IX; Васильева, 2005. С. 39. Илл. 7, *9*). Пряжка, длиной 12.9 см (рисунок, *1*), изображает реалистически выполненную фигуру коня с отчетливо проработанными деталями облика, но с элементами стилизации. Она проявляется в плавно изогнутом туловище, в круто выгнутом хвосте, плотно прилегающем к задней ноге, в геометризированном контуре морды, передняя часть которой заканчивается грибовидной шишечкой. В то же время хорошо выделены грива, выпуклый глаз и острое ухо. Вся фигурка лошадки дополнительно украшена геометрическими узорами, выполненными чеканкой. Грива подчеркнута по краю косыми насечками. На морде – ромбическая фигура, заштрихованная внутри косыми линиями. Близкий рисунок покрывает лопатку и бедро, образуя геометрический "ковровый" узор. Шерсть на хвосте обозначена густой косой насечкой. На обратной стороне пряжки, в месте перехода шеи в туловище, имелся длинный заостренный крюк-застежка.

Вторая пряжка-конь, длиной 14.9 см (рисунок, *2*), находилась среди древних вещей коллекции Н.С. Семенова. Согласно указанию П.С. Уваровой, она происходит из местности "Фаскау" в Дигорском ущелье (1900. С. 279). Облик этой вещи менее известен, поскольку выглядит она не столь эффектно и нарядно (Domansky, 1979. С. 161. № 154). От пряжки из коллекции К.И. Ольшевского ее отличает ряд деталей, главная из которых в том, что вещь отлита в совершенно другой литейной форме. Тем не менее сходство проглядывает в общих очертаниях фигуры и в манере отделки поверхности дополнительным гравированным узором, хотя и плохо сохранившимся. Бросающееся же в глаза принципиальное отличие от вышеописанной заключается в том, что морда коня в области подбородка соединена с передней ногой пере-



Луристанский "след" на бронзовых поясных пряжках в виде скачущих коней из памятников кобанской культуры: *1* – Верхне-Кобанский могильник, коллекция К.И. Ольшевского; *2* – "Фаскау", коллекция Н.С. Семенова; *3* – Северный Кавказ (по: Bunker, 1981); *4* – Галиатский могильник "Фаскау", коллекция Б. Дзелихова (?); *5* – Галиатский могильник "Фаскау", коллекция Б. Дзелихова; *6* – Луристан (по: Ванден Берге, 1992).

мычкой. Кроме того, наряду с крючком на обороте пряжка имеет в области паха изображенного животного выступающую круглую петлю. Более скромен и узор на поверхности. Мастер ограничился тем, что украсил гриву косой насечкой по краю. Переднюю ногу покрывал "елочный" орнамент. Следы геометрического орнамента сохранились на шее, морде и на перемычке. На последней

и на сгибе колена задней ноги нанесен одинаковый крестовидный значок, ограниченный поперечными полосками. Поясок из четырех поперечных полосок проглядывает и на шее лошадки.

На основе того, что одна из пряжек имеет только крючок, а вторая – крючок и петлю, можно было бы предположить, учитывая их сходство, что в целостном виде они могли бы представлять композиционно единый атрибут, составленный из двух половинок, сцепленных благодаря петле и крючку. Как известно, подобный мотив парного изображения животных имел место на некоторых вещах кобанской культуры. Можно напомнить, например, изображение двух коней на лопасти бронзового топора кобанского типа из погребения 109 Тлийского могильника (Техов, 1981. Рис. 55, *1*). Имелся такой мотив и на поясных пряжках, в частности на хорошо известной пряжке из Верхне-Кобанского могильника, основу которой составляли два вздыбленных хищника, стоявших друг перед другом (Уварова, 1900. Табл. XXI, *1*).

Однако в конкретном случае считать обе пряжки-лошадки из фонда Эрмитажа единым элементом одного и того же пояса представляется сомнительным. Они разной величины и, как сказано выше, безусловно отлиты в разных литейных формах. Следовательно, логично предположить, что каждая из пряжек должна была иметь свою копию, свою другую половинку. Эта моя догадка подтвердилась самым неожиданным образом. В каталоге Выставки древнего искусства, демонстрировавшейся в 1981 г. в Лос-Анджелесе, оказалось фото еще одной пряжки в виде коня из частной коллекции, обозначенной как "экс-Буммер" (ex-Bummer). Эта пряжка-лошадка была не просто похожа, а идентична пряжке из коллекции Н.С. Семенова, повторяя в деталях все ее особенности. Она была почти такого же размера (16 см), имела такую же перемычку между мордой и передней ногой, также была скромно орнаментирована "елочным" узором. Однако в отличие от своего двойника имела в виде элемента застежки не петлю, а крючок (рисунок, *3*). При взгляде на эту пару можно без натяжки отнести их к единой композиции на одном и том же аксессуаре. Обозначена эта вещь в каталоге как происходящая "с Северного Кавказа" (Moorey et al., 1981. С. 182. № 937). Примечательно, что Е. Бункер, автором текста раздела "Древнее искусство Центральной Азии, Монголии и Сибири", в котором опубликована пряжка-конь, приведена аналогия: некая еще одна пряжка из фонда Музея Метрополитен в Нью-Йорке, якобы происходящая из Кобани. Если это соответствует действительности, то последняя может скорее всего оказаться недостающей парой к пряжке из коллекции К.И. Ольшевского, т.е. при общем сходстве будет иметь не крючок, а петлю как часть застежки. Но это пока предположение.

Кроме трех вышеприведенных опубликованных пряжек-коней имеются еще две, фактически не опубликованные и не имеющие такой известности, как эрмитажные. Это экземпляры, хранящиеся в ГИМе в Москве. О них есть лишь беглое упоминание и крайне схематичный рисунок одного из них в студенческой работе О.А. Дудко (1961. С. 14. Табл. II, *39*). Обе пряжки-кони находились среди вещей старой коллекции Бегизара Дзелихова и обозначены в коллекционной описи как происходящие из Галиатского могильника "Фаскау" (Опись Б-1166/27 и Б-497/654)[1]. Визуально изделия худшей сохранности, чем опубликованные, тем не менее достаточно выразительные, чтобы отнести их к одной и той же группе. Что примечательно, так это исключительная близость по деталям (размер, пропорции, проработка поверхности). Это свидетельствует об идентичности литейных форм, указывающей на единовременность изготовления предметов. В связи с этим, несмотря на некоторые утраты (у одной лошадки повреждена передняя часть, а у другой – задняя), все же можно судить об их первоначальном виде. Пряжки представляли собой летящих в галопе животных с рельефно выделенными гривой, овальным глазом и прижатым ухом. Тело вытянуто, выпукло обозначены мускулы ног. Круто изогнутый хвост прижат к задней ноге. С обратной стороны, в верхней части спины – крючок, а напротив, под животом, в литейном ранте при отливке вертикально, оставлено отверстие, видимо, для прикрепления пряжки к ремню. По очертаниям обе пряжки сходны с пряжкой из коллекции К.И. Ольшевского, но меньшего размера (длина 10 см) и с едва заметной орнаментальной проработкой поверхности чеканкой (рисунок, *4, 5*).

Таким образом, можно констатировать, что первоначально, видимо, имели место в кобанских древностях не четыре пряжки в форме коня, а шесть: четыре остались в России, две другие – попали за границу.

Стилистика конских фигур анализируемых пряжек заметно отличается от типично статичных изображений лошадей в зооморфной пластике и графике кобанской культуры, что заставило искать истоки необычной художественной манеры вне пределов Кобани. Такие истоки наиболее доказательно обозначились в искусстве древних бронз Луристана. Именно здесь обнаружились изделия, которые могли бы послужить первоначальной моделью для изготовления предметов подобного стиля. Можно привести в качестве наглядного примера изображение коней на бронзовом навершии так называемого штандарта из могилы

[1] Приношу искреннюю благодарность А.П. Мошинскому за любезно предоставленные для публикации фото пряжек-коней из фонда музея и консультацию по истории хранения предметов.

начала I тыс. до н.э. Два обращенных друг к другу вздыбленных коня, стоящих на задних ногах на подставке, имели такие же удлиненные туловище и шею, хорошо моделированные уши и гривы и прижатые к задней ноге выгнутые дугой хвосты (рисунок, *б*). Этот типичный для Луристана стиль зародился, по мнению Л. Ванден Берге, еще в период выделенного им периода "Ранний железный век I" (1300/1250–1000/900 гг. до н.э.), но время его наивысшего расцвета, как он полагает, следует помещать между IX и VII вв. до н.э. Самые ранние изображения на навершиях отличаются простотой и реализмом. Со временем (IX/VIII вв. до н.э.) усиливается их стилизация (Ванден Берге, 1992. С. 18–20, 40, 41, 44). Кавказские пряжки-кони – безусловно местная интерпретация ранних луристанских бронз. Судя по реалистичности изображений, элементы этого канона были восприняты кобанскими торевтами еще в период раннего распространения данного стиля в окружающем мире.

Что касается взаимовлияния обеих областей, ареалов кобанской культуры и древней культуры Луристана, то эта тема имеет длительную историографию. Применительно к Кобани ею занимался Франц Ганчар. Е.И. Крупнов особо указывал, что "поразительное сходство некоторых образцов, типичных для древнего кобанского звериного стиля, с древневосточными мотивами в монументальном искусстве говорит о том, что на сложение кавказского стиля изображения животных некоторое влияние имело южное луристанское и месопотамское искусство" (Крупнов, 1971. С. 52). В качестве показательного примера им приводилась упомянутая выше пряжка с двумя геральдическими фигурами хищников, которую исследователь относил к XI–IX вв. до н.э. Об особой близости культур обеих областей неоднократно писал Р. Гиршман. Одна из его последних гипотез по киммерийской проблеме предполагала наличие так называемого треугольника "Луристан–Кобан–Понт" (Triangle Luristan–Koban–Pont), основанного на общности многих черт материальной культуры, главным образом в торевтике, в хронологически близкую эпоху. В опубликованной после кончины исследователя его незавершенной монографии, манускрипте-эссе "Киммерийцы и их амазонки" эта тема имеет следы глубокой проработки. Им собраны многие косвенные доводы, но особенно важными Р. Гиршман считал прямые доказательства находок вещей кобанской культуры в памятниках Луристана. В частности, кроме известного клада бронзовых топоров на территории Урмии, публикуется в манускрипте кобанская пластинчатая поясная пряжка, оказавшаяся (что весьма важно) в одной из могил Луристана (Ghirshman, 1983. С. 71–73. Pl. II, *4 a, b*). Достаточно скрупулезно вопрос кавказско-луристанских связей на разных хронологических срезах, в том числе в контексте кобанской культуры, проанализирован М.Н. Погребовой. Для вышеупомянутой кобанской пряжки с противоборствующими хищниками ею приведены убедительные доводы в пользу луристанских истоков стилистических особенностей вещи, именно как проявление местной кобанской интерпретации далеких переднеазиатских образцов (Погребова, 1984. С. 145–148).

В свете вышесказанного пряжки в форме коня предстают, таким образом, как еще одно, в дополнение к другим, яркое свидетельство тесных контактов, возможно даже физических лиц из ареала Кобани с какими-то представителями населения древнего Луристана. О том, что истоки стиля пряжек-коней находятся в искусстве Передней Азии склонна считать и Е.Е. Васильева (2005. С. 32), хотя атрибуция их как портупейных крючков представляется мне не убедительной. Они слишком велики по размеру и тяжелы по весу. Перенесение на кавказскую почву древними мастерами некоторых канонов переднеазиатского стиля породило стилистически совершенно самобытные изделия, впитавшие истоки местных традиций и привнесенные новации. По точному выражению В.Г. Луконина, "их изобразительный язык – это те же, вырванные из различных чужеродных контекстов цитаты, компонирующиеся в некий новый текст" (1987. С. 73). Время наибольшего интереса у "кобанцев" к этим новациям представляется мне более ранним, чем полагает М.Н. Погребова, склонная ограничивать его VII–VI вв. до н.э. (1984. С. 145). Именно к этому времени она относит, в отличие от Е.И. Крупнова, упомянутую выше пряжку с двумя противостоящими хищниками, по облику типичными для таких изображений на кобанских топорах. Однако можно вспомнить чрезвычайно близкое и по сюжету, и по стилю изображение двух вздыбленных противостоящих лошадей на лопасти кобанского топора из Тли, входившего в комплекс погребения 109, которое Б.В. Теховым включено в группу могил перехода от эпохи бронзы к железному веку конца X–IX в. до н.э. (1981. С. 8, 25. Рис. 55). Более ранний этап активных контактов подтверждается, кроме пряжки-коня из "Фаскау", значительным числом вещей, прямо или косвенно связанных с Передней Азией, в том числе с Луристаном, обнаруженных в сравнительно замкнутых горных анклавах Северного Кавказа. Еще Е.И. Крупнов отмечал, например, самое большое число находок в Дигории кинжалов переднеазиатского типа (1951. С. 66), дата которых по последним данным не позднее XI в. до н.э. (Motzenbäcker, 1996. С. 42–44). К таковым относится найденный в том же ущелье топор колхидского типа, обух которого украшен, как на луристанских, рельефной фигуркой животного. Топор датирован Е.И. Крупновым XI–VIII вв. до н.э. (1960. Табл. LI, *2*; Табл. "Локальные варианты"). К VIII – второй пол. VII в. до н.э. относит близкие топоры с луристанскими сюжетами из Тлийского могильни-

ка Б.В. Техов, хотя специально указывает, что появиться на Кавказе на местных вещах они могли и раньше (1988. С. 72). Наконец, вполне уместно напомнить, что из Дигории происходят также бронзовые шлемы ассирийского типа, полемика о диапазоне даты которых в пределах X–VШ вв. до н.э. далеко не завершена (Козенкова, 1996. С. 98; Иванчик, 2001. С. 228 и далее; Скаков, Эрлих, 2005. С. 201 и далее), поскольку каждая из альтернативных сторон имеет свои веские доводы.

Плотное скопление на ограниченной территории (могильник "Фаскау" у селения Галиат, Кумбултский могильник "Верхняя Рутха–Хоргон", случайные находки из "Рутхи") заметного числа местных изделий, отмеченных переднеазиатским влиянием, при всем существующем разногласии в определении их абсолютных дат, достаточно убедительно предполагает, что наиболее активная фаза контактов приходится на XI–VIII вв. до н.э. Поясные пряжки в форме коня в этом хронологическом диапазоне отражают вместе с кинжалами "переднеазиатского типа" этап ранних контактов культуры позднебронзового века Центрального Кавказа с культурой раннего железного века Луристана, который совпадает на этой территории с заключительной фазой периода "Ранний железный век I", т.е. с XI–X вв. до н.э., и синхронизируется с концом выделенного мною периода Кобан-II, т.е. также с XI–X вв. до н.э. (Козенкова, 1990. С. 77–80. Рис. 7).

В связи с поиском аналогий пряжкам-коням у меня вообще возникло сомнение в достоверности имеющихся сведений об их точном местонахождении. Сомнение появилось при попытке разобраться с условиями и обстоятельствами, при которых происходило накопление коллекций кобанских художественных бронз в России и Западной Европе в XIX в. Во многом эти обстоятельства связаны с именем В.И. Долбежева и его опытом бесконтрольного распоряжения добытыми при раскопках уникальными вещами, что было обусловлено его финансовой зависимостью от австрийских и германских спонсоров, таких, например, как фонд "Rudolf Virchov – Stiftung" (Lewerentz, 2005. С. 110, 111). О небескорыстной связи В.И. Долбежева с австрийским кустосом Францем Хегером приводит весьма красноречивые сведения И. Мотценбеккер (Motzenbäcker, 1996. С. 23, 25. Примеч. 11). Особо, как мне кажется, следует обратить внимание на упоминание того, что продавая иностранцам старинные находки, В.И. Долбежев оставлял в России их дубликаты, что как раз и подтверждает пример сравнения фактически идентичных пряжек из коллекций "экс-Буммер" и Н.С. Семенова. Мною уже высказывалось предположение, что коллекция из 15 ящиков с более 1000 вещей из Дигории (Фаскау, Кумбулта, Верхняя Рутха), проданная А. Коссниерской в Германию, была добыта и даже сформирована на 67 планшетах В.И. Долбежевым. Этот вывод был сделан на основе сопоставления планшетов коллекции Коссниерской, фото которых было опубликовано Мотценбеккером, и планшетов, хранящихся в Государственном Историческом музее (Козенкова, 1999. С. 224, 225). Они не просто похожи, а идентичны по оформлению и надписям на них. Потому не исключено, что по крайней мере пряжка-конь "из Фаскау", принадлежащая Н.С. Семенову (рисунок, *2*), попала в его коллекцию также от Долбежева, поскольку ее отлитый в точно такой же форме заграничный двойник из коллекции "экс-Буммер" оказался в Европе. Теперь с большой долей вероятности можно полагать, что и эта пряжка-конь происходит не просто с "Северного Кавказа", как указано в каталоге выставки в Лос-Анджелесе, а из "Фаскау" в Дигории. Мало того, нельзя исключить, что кроме Галиатского могильника "Фаскау" близкие пряжки могли быть найдены и в Кумбултском могильнике "Верхняя Рутха", расположенном в том же районе. Основанием для такого предположения, кроме приведенных выше соображений о методах формирования коллекций, служит перечень и описание древних рутхинских вещей, прикрепленных на планшетах (таблицах). Они составлены В.И. Долбежевым непосредственно после раскопок 1889 г., перед передачей их на хранение в Императорскую Археологическую комиссию. Так, на таблице CI весьма определенно указан под № 11 "массивный бронзовый поясной крюк с изображением коня" (Дело АК, 1889. Л. 60). Однако на указанном планшете (таблице), хранящемся в настоящее время в ГИМе, похожая вещь отсутствует. Учитывая, что, согласно музейной документации, принадлежность одной из пряжек-коней к коллекции Б. Дзелихова находится под вопросом, не исключено, что именно эта пряжка (рисунок, *4*) входила в Верхнерутхинском могильнике в комплекс могильного инвентаря предположительно наиболее раннего в кобанской культуре погребения 1 в каменном ящике 2 ("склеп на восточном склоне") с захоронениями трех покойников (Козенкова, 1992. С. 14–16. Рис. 1).

Конечно, все сказанное выше – лишь догадки на основе логического расклада имеющихся данных, но они могут подвигнуть к более тщательной проверке судьбы некоторых ярких древних шедевров кобанской культуры. А полная публикация этих изящных изделий напомнит о любви древних горцев к великолепным животным, олицетворявшим для них связь с астральным миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ванден Берге Л. Древности страны луров. Каталог выставки. СПб., 1992.

Васильева Е.Е. Бронзовые зооморфные крючки кобанской культуры в собрании Государственного Эр-

митажа // Археологический сборник. Вып. 37. СПб., 2005.

Дело Императорской Археологической Комиссии. 1889. № 16.

Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984.

Дудко О.А. Опыт классификации археологического материала из Галиатского могильника "Фаскау" // Археол. сб. МГУ. М., 1961.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Степные народы Евразии. Т. II. М., 2001.

Козенкова В.И. Обряд кремации в кобанской культуре // СА. 1982. № 3.

Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова В.И. Рец.: Ingo Motzenbäcker. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der Kaukasiachen Bronzezeit. Bestandskataloge. Bd. 3. Berlin, 1996 // СА. 1999. № 2.

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. 1951. Вып. 23.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крупнов Е.И. Древнее искусство Северного Кавказа. Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР // История искусства народов СССР. Т. I. М., 1971.

Луконин В.Г. Древний и средневековый Иран. М., 1987.

Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии "киммерийских" и раннескифских древностей // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.

Техов Б.В. Тлийский могильник. Каталог. Т. II. Тбилиси, 1981.

Техов Б.В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. 8.

Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. V. II. Atlas. Paris, 1886.

Ghirshman R. Les Cimmeriens et leurs Amazones // Le Manuscrit aux "Editions Recherche sur les Civilisations". "Memoire". № 18. Paris, 1983.

Domansky Y.V. De l'age du Bronze a l'age du Fer dans le Caucase // Avant les Scythes. Préhistoire de l'art en U.R.S.S. Paris, 1979.

Lewerentz A. Rudolf Virchow und die Berliner Gesellchafte: Einfluss auf den Aufbau prähistorischer Sammlungen im Berliner Völkerkundemuseum bis 1902 // Das Berliner Museum für Vor-und-Frühgeschichte. Leipzig, 2005.

Moorey P.R., Bunker E.C., Porada E., Markoe G. Ancient Bronzes, Ceramics and Seals. Los Angelos, 1981.

Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Bd. 3. Berlin, 1996.

Horse-shaped buckles of the Koban culture: on contacts between the Caucasus and Luristan in the 11th–10th cc. B.C.

V. I. Kozenkova

Summary

The article is devoted to the study and exhaustive publication of five unique Koban culture items: bronze belt-buckles in the shape of flying horses. Though these objects are an attribute of local material culture, their artistic and stylistic features nonetheless place them outside the "Koban circle" stereotypes. The majority of the buckles were found in the Digorskoe gorge in North Ossetia and constitute part of 19th-century private collections. The search for analogies and comparative analysis allow to associate the appearance of such accessories of the male costume with stylistic canons characteristic of 11th–10th B.C. decorative bronzes of the Luristan. The article especially stresses that the horse-shaped buckles are a rare and vivid testimony of close contacts between the ancient toreuts of the Northern Caucasus and the population of the Luristan. The published items are an original redesign of elements of Near Asian style, unmistakably including local metalwork traditions peculiar to carriers of the Koban culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 24–35

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2000–2004 гг.

© 2006 г. Э. Д. Зиливинская*, Д. В. Васильев**, Т. Ю. Гречкина***

* Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

** Астраханский государственный университет

*** ГНПУ "Наследие", Астрахань

Среди памятников археологии Нижнего Поволжья городище Самосделка занимает особое место. Исследования, проведенные на этом памятнике, во многом изменили взгляд на историческое развитие всего нижневолжского региона. До последнего времени считалось, что территория Астраханской области была довольно плотно заселена в эпоху бронзы и в сарматское время, о чем свидетельствуют многочисленные погребальные памятники. Далее в заселении региона существовал длительный разрыв, и только в XIII–XIV вв. он становится центром Золотой Орды, и здесь возникают многочисленные города и поселения, включая столицу государства Сарай. Данные письменных источников о том, что Нижнее Поволжье являлось одним из центров Хазарского каганата, находили подтверждение в крайне скудном археологическом материале. В основном это были немногочисленные погребения. Мнение таких известных ученых, как М.И. Артамонов и Л.Н. Гумилев, о том, что столица Хазарии Итиль находилась недалеко от с. Селитренного, основывалось на теоретических рассуждениях и на находке нескольких фрагментов керамики (Артамонов, 2002. С. 393; Гумилев, 1966. С. 24–27). Исследования, которые проводила в этом районе в течение 30 лет Поволжская археологическая экспедиция, не дали материала, подтверждающего эту гипотезу. Не был найден и город Саксин XII в., известный по многочисленным источникам и убедительно локализованный Г.А. Федоровым-Давыдовым в Нижнем Поволжье (1969. С. 253–261).

Тем не менее в последние десятилетия прошлого века в Астраханской области было открыто несколько памятников домонгольского периода. А.В. Шевченко на основании данных краниологии и некоторых черт погребального обряда предлагает датировать домонгольским временем могильник Хан-Тюбе и считает его связанным с населением Саксина (1980. С. 159–167). Дополнительный пересмотр материалов, полученных с городища Мошаик, позволил предположить, что оно возникло еще до прихода монголов на Волгу (Васильев, 2001; Попов, 2004). Некоторые черты оседлости домонгольского времени прослеживаются в языческих погребениях грунтового могильника Маячный бугор недалеко от райцентра Красный Яр (Васильев, Гречкина, 2000. С. 22). Но самым крупным поселением этого времени в Нижнем Поволжье является городище Самосделка, расположенное в 43 км от Астрахани, ниже по течению Волги, в центре Дельты.

О существовании городища на этом месте было известно давно. Обилие битого кирпича, изразцов, поливной керамики на поверхности ставило его в один ряд с поселениями времени Золотой Орды. Как золотоордынское городище Самосдельное упоминается в книге В.Л. Егорова (1985. С. 118). В конце 90-х годов прошлого века на его территории фермерами во время хозяйственных работ на поверхность было извлечено огромное количество керамики, костей, металлических предметов. Часть этих вещей попала в Астраханский музей и произвела там настоящую сенсацию, так как многие изделия датировались IX–XII вв. В 1990–1995 гг. на городище работали астраханские археологи под руководством С.А. Котенькова (Котеньков, 1991; 1992; 1993; 1994; 1995; 1996). Они занимались сбором подъемного материала, определением границ городища, изучением стратиграфии. В 1992 г. были проведены небольшие раскопки, затронувшие только верхние слои, в 1994–1995 гг. Д.В. Васильевым и Д.В. Кутуковым был снят топоплан городища. В 1992 г. провели разведочные работы сотрудники Отдела охранных раскопок ИА РАН Е.И. Савченко и Д.С. Коробов (Савченко, 1993). Все эти исследования показали, что городище Самосделка представляет собой поселение значительной площади (более 1 кв. км) с толщиной культурного слоя до 3 м. Коллекция керамического материала, собранная на территории городища и относящаяся к IX–X вв., позволила сделать предположение о наличии на нем слоев хазарского времени (Васильев, 1998. С. 48–50; Васильев, Гречкина, 2000. С. 24, 25).

В 2000 г. по инициативе Еврейского университета в Москве (ныне Высшая школа им. Ш. Дубнова) в рамках "Хазарского проекта" была организована Самосдельская экспедиция, целью которой являлось комплексное изучение городища Само-

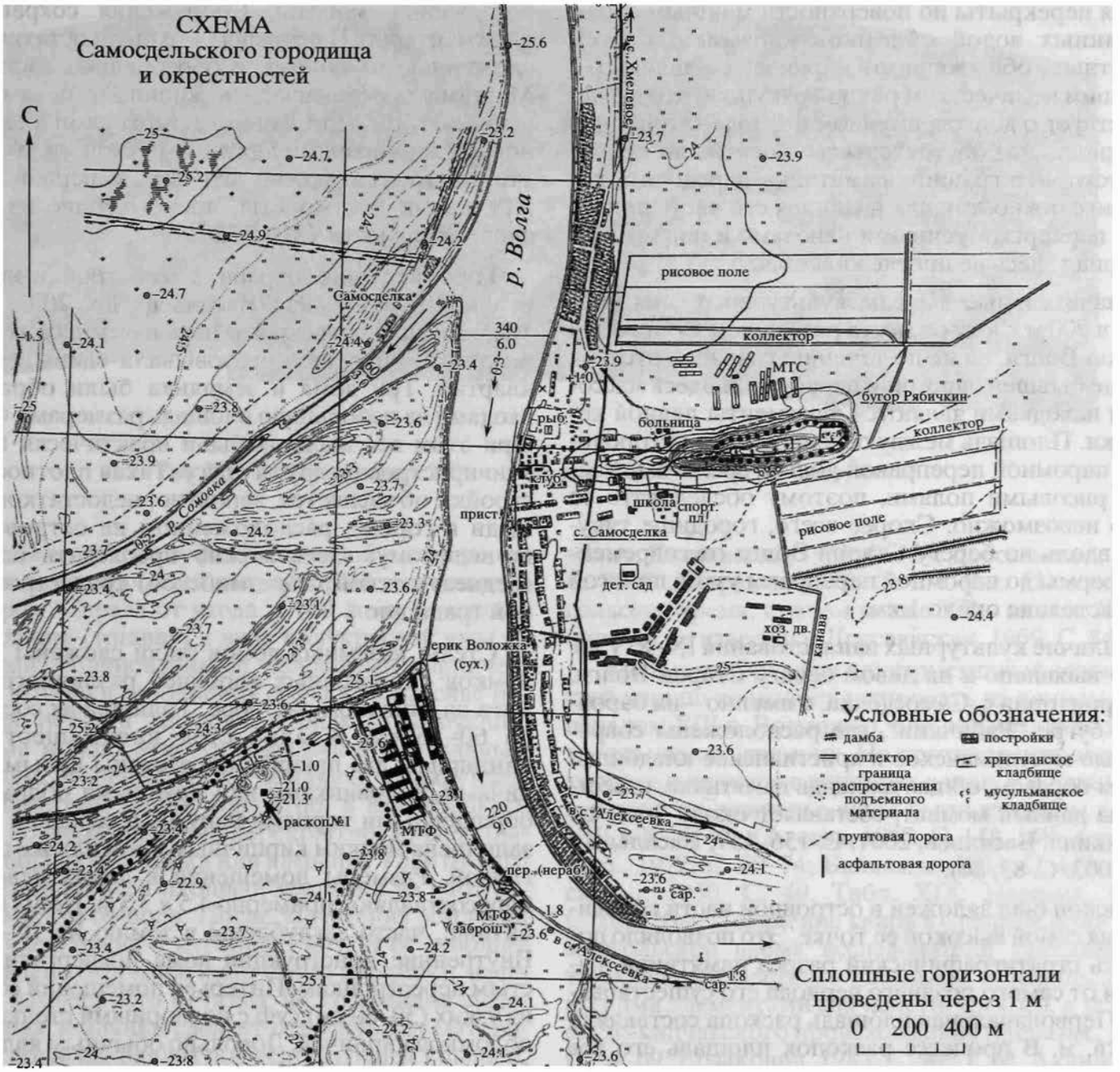


Рис. 1. План городища Самосделка.

сделка. Работы велись под руководством Э.Д. Зиливинской и Т.Ю. Гречкиной. Постоянными сотрудниками экспедиции являются Д.В. Васильев, С.Б. Болелов (Государственный музей Востока), Е.Ю. Гончаров (ИВ РАН), Е.Б. Баринова, С.Н. Алексейчук и О.С. Никулина (ИЭА РАН). Палеопочвенные исследования на городище проводились группой сотрудников ИГ РАН М.А. Бронниковой, И.В. Туровой и Э.П. Зазовской. В настоящее время на городище начаты геофизические исследования. Существование большой стационарной экспедиции на протяжении 5 лет было возможно благодаря финансовой поддержке Российского Еврейского конгресса и Российского фонда фундаментальных исследований.

Самосдельское городище располагается на правом берегу р. Старая Волга или Бирюль (рис. 1). Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги (ерик Воложка), который со всех сторон окружен высохшими протоками. Предполагаемой восточной границей городища является современное русло реки, северной и северо-западной – старое пересохшее русло Волги – ерик Воложка. На "мысу" между старым и новым руслами находится невысокая (до 4 м от поверхности воды) всхолмленная возвышенность, образованная напластованиями культурного слоя городища. Длина возвышенности – около 2 км, ширина – около 500–700 м. На ее поверхности отмечена наиболее высокая концентрация подъемного материала. Культурные отло-

жения перекрыты по поверхности мощным слоем окатанных водой обломков керамики, костей животных, обожженного кирпича, смешанных с большим количеством речной ракушки, что свидетельствует о долговременном периоде затопления городища. Это обстоятельство послужило причиной того, что границы памятника определить довольно сложно, так как низинная его часть полностью перекрыта речными наносами и подъемный материал здесь не прослеживается.

Значительные выходы культурного слоя имеются в 900 м к югу от места разделения Воложки и Старой Волги, ниже по течению главного русла, в районе бывшей паромной переправы. Здесь массовыми находками являются фрагменты лепной керамики. Площадь между основной частью городища и паромной переправой долгое время была занята рисовыми полями, поэтому обследовать ее было невозможно. Скорее всего, городище тянулось вдоль по берегу Старой Волги от современной фермы до паромной переправы узкой полосой на расстояние около 1 км.

Наличие культурных напластований IX–XIV вв. было выявлено и на левом берегу Старой Волги, на территории с. Самосделка, а именно – на бэровском бугре "Рябичкин", где расположены современные мусульманское и христианское кладбища. Таким образом, общая площадь памятника, известная на данный момент, составляет около 2 кв. км (Гречкина, Васильев, 2001. С. 156, 157; Васильев и др., 2003. С. 83, 84).

Раскоп был заложен в островной части городища – на самой высокой ее точке. Это позволяло получить стратиграфический разрез памятника, начиная от самого позднего периода его существования. Первоначальная площадь раскопа составляла 100 кв. м. В процессе раскопок площадь его все время расширялась, и в настоящее время она составляет 368 кв. м. Поверхность городища в этой части неоднократно нарушалась. В 20–30-х годах XX в. на этом месте находился рыбозасолочный завод с соляными складами. Ерик Воложка был судоходным, и на его берегу находились причалы, к которым приставали суда, привозившие рыбу с моря. Деятельность рыбзавода способствовала сильной засоленности почвы, что очень плохо сказывается на сохранности металлических изделий. Вероятно, в конце XIX или начале XX в. здесь находилось кладбище. При раскопках нами было вскрыто более 20 поздних погребений, совершенных по мусульманскому обряду. Верхний слой городища был нарушен хозяйственными и другими работами в конце XX в., поэтому сооружения, расположенные в верхней части культурного слоя, оказались в значительной степени разрушенными.

Слои, вскрытые на I и II штыках, относились к золотоордынскому периоду. В них присутствовала типично золотоордынская поливная керамика, встречались монеты. Сооружения сохранились фрагментарно. В основном это были остатки стен, сложенные из обломков обожженных кирпичей. Местами прослеживались жилища с печами-тандырами, горизонтальными дымоходами в виде канов и глинобитными лежанками-суфами. Условно эти постройки можно отнести к первой трети XIV в., так как монеты, происходящие из этого слоя, датируются 1310–1320 гг.

Гораздо лучше сохранились постройки, найденные на III–IV штыках (Васильев и др., 2003. С. 88–102). Здесь было вскрыто пять наземных жилищ и землянка, которые образовывали единый жилой квартал. Три дома и землянка были обращены входами на небольшую площадь размерами 4 × 6 м. При этом все жилища были практически вплотную пристроены друг к другу. Такая плотность застройки объясняется, вероятно, недостатком площади в городе, расположенном на острове. Но, по-видимому, здесь можно проследить влияние среднеазиатской (хорезмийской) градостроительной традиции.

Стены наземных домов были сложены из обломков обожженных кирпичей различного формата на глиняном растворе. Толщина их составляла 60–75 см. Кладка стен преимущественно панцирная: два панциря образованы целыми кирпичами, половинками или крупными обломками, обращенными торцами наружу, а середина стены заполнена мелким кирпичным боем или же просто глиной. Размеры помещений в домах невелики. Они составляют примерно 4.5 × 3.5 м. Полы глинобитные, часто заглублены в землю на 10–40 см. Внутренние конструкции дома подвергались частым перестройкам. Интерьер помещений состоял из узких (30–60 см) суф с подпорными стенками из обломков кирпичей. Довольно обычным явлением было сооружение суфы перед выходом из помещения таким образом, что попасть в дом можно было только через ее поверхность. Отопление осуществлялось при помощи печек или тандыров, которые соединялись с канами. Каны двухканальные, довольно короткие. В некоторых строительных периодах они вообще отсутствовали. Крыши, вероятно, были сделаны из камыша или тростника, так как его тлен прослеживался на полах домов.

Совершенно уникальным как по своей конструкции, так и по степени сохранности объектом являлась землянка № 1, относящаяся к этому же строительному горизонту. Землянка представляла собой прямоугольную в плане яму глубиной более 2 м, борта которой были облицованы крупными обломками кирпича на глиняном растворе. Сохранилось до 32 слоев кладки стен. По оси З-В ширина землянки составляла 4.6–4.8 м. По оси С-Ю длина – 5.6 м. С северной стороны в землянку вел вход в виде коридора шириной 1.4 м. Пол был земляным. Вдоль всех четырех стен сделана невысокая

Рис. 2. Общий вид раскопа 2004 г. с востока. В северной части – сооружение 9.

(15–25 см высотой) суфа. В северной ее части сооружен двухканальный кан, который отапливался тандыром. Справа от входа, в той же суфе сделан умывальник (тошнау) в виде полукруглой ямы со стенками, облицованными обломками кирпичей. После выборки заполнения суфы в ее массиве появились остатки многочисленных конструкций, которые можно отнести к восьми строительным периодам. В центре пола землянки обнаружена яма диаметром 20 см. Вероятно, в ней крепился столб, поддерживающий перекрытие. Крыша была сделана из тростника или камыша. Тлен от него прослежен по всей площади землянки на расстоянии 1.3–0.8 м от пола. После запустения землянка была превращена в мусорную яму. В ее заполнении найдено огромное количество керамики, изделий из камня, кости металла, но ко времени существования землянки следует относить тот материал, который находился под ее рухнувшей крышей.

Попытка датировать данный строительный горизонт встретила определенные сложности. По набору формальных признаков жилища ничем не отличались от золотоордынских. На принадлежность их золотоордынскому времени прежде всего указывали каны, появление которых на Нижней Волге однозначно связывалось с приходом монголов (Егоров, 1970. С. 185–187; Федоров-Давыдов, 1994. С. 75). В то же время жилища Самосделки обладали рядом особенностей, отличавших их от типично золотоордынских жилищ Нижнего Поволжья. Это заглубленный пол, короткие, неразвитые каны, небольшие узкие суфы, наличие проходов через суфу. Кроме того, большая часть керамики, найденной при расчистке этих жилищ, относилась к домонгольскому времени. В заполнении землянки, которую ниже уровня перекрытия мы можем считать закрытым комплексом, была найдена кашинная с бирюзовой поливой подвеска. Подобные подвески встречаются на памятниках Средней Азии (Атагаррыев, 1965. С. 11, 12; Давидович, Литвинский, 1956. С. 124; Дресвянская, 1969. С. 80–84; Неразик, 1976. С. 104. Рис. 58) в домонгольское время, причем позже XII – начала XIII в. они там не известны (Дресвянская, 1969. С. 84).

Анализ материала и конструктивных особенностей жилищ позволяет датировать их концом XII – началом XIII в. Возможно, они доживают до золотоордынского времени. Не противоречит этой датировке и наличие в жилищах канов. В Южном Казахстане и Семиречье каны были известны в VII–VIII и X–XI вв., (Агеева, 1962. С. 148, 149; Акишев и др., 1972. С. 69–74; Байпаков, 1981. С. 431; Чуйская..., 1950. С. 49. Табл. XIX; Неразик, 1968. С. 203, 204). Появление канов в Средней Азии в домонгольское время исследователи связывают с тюркизацией местного населения центральноазиатскими элементами сначала уйгурского, а затем – огузо-кипчакского происхождения (Неразик, 1976. С. 64–69; Ерзакович, 1983. С. 90). С.М. Ахинжанов и Л.Б. Ерзакович высказали предположение, что в нижневолжские города Золотой Орды каны могли быть занесены кимако-кипчакским населением из Южного Казахстана и Приаралья (1972. С. 69). Вполне возможно, что на городище Самосделка каны были принесены еще в домонгольское время огузским населением низовьев Сырдарьи. С постройками Южного Казахстана сближает жилища Самосделки и такая деталь, как наличие проходов, ведущих через суфу. Такие проходы встречаются в домостроительстве Отрара и на некоторых других городищах Южного Казахстана (Акишев и др., 1987. С. 36, Рис. 15. С. 46, 47. Рис. 19, 20. С. 77. Рис. 32; Байпаков, 1986. С. 149. Рис. 61; Ерзакович, 1983. С. 83. Рис. 1).

К более раннему строительному горизонту (V штык) относится сооружение 9, представляющее собой большой многокомнатный дом со стенами из сырцовых и обломков обожженных кирпичей (рис. 2). Этот объект раскапывается уже три сезона. Предположительно в нем выявлено пять

помещений, но только три из них вошли в раскоп целиком. Северо-западная часть дома была разрушена землянкой № 1, восточная его часть находится за пределами раскопа. До окончательного вскрытия всех помещений дома и полной его разборки довольно трудно говорить о планировке здания. Тем не менее уже сейчас кажется очевидным, что оно не было построено единовременно в том виде, в котором дошло до нас. Скорее всего, комнаты пристраивались друг к другу постепенно.

Лучше всего сохранились помещения 1 и 2. Стены их, сложенные в основном из обломков кирпичей на глиняном растворе панцирной кладкой, имели толщину 60–80 см. В высоту они сохранились до 80 см. Помещение 1, расположенное в северо-восточной части дома, имело размеры 3.6 × 3.6 м. Вход в него находился с западной стороны. Вдоль восточной стены была сделана суфа шириной 1.2 м. Впоследствии к ней пристроены еще два участка, и суфа стала П-образной. Северо-западный угол помещения отгораживала стенка из целых кирпичей, вертикально поставленных на ребро. За ней находился очаг, который разрушен поздней ямой. В глинобитном полу помещения прослежено прокаленное дно очага (тандыра) более раннего строительного периода. Помещение 2, размерами 3.0 × 3.9–4.4 м, располагалось южнее помещения 1. В западной стене его были сделаны два прохода, которые вели в помещения 3 и 4. В I строительном периоде в глинобитном полу его было сделано несколько ямок, возможно очажных. В юго-западном углу был вкопан большой сосуд (хумча), который мог служить для хранения продуктов. Во II периоде пол был поднят на 20 см, а вдоль южной стены сооружена узкая (90 см) суфа. В помещении 4 (3.0 × 2.6–3.2 м), расположенном к западу от помещения 1, сохранились только основания стен из сырцового кирпича. Исходя из общей стратиграфической ситуации и анализа керамического материала, мы относим сооружение 9 к XII в.

Вероятно, синхронны по времени с сооружением 9 две печи, найденные на том же V штыке. Стенки их сложены из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Кирпичи повернуты торцевой частью вовнутрь и сильно перекалены. Печи круглые в плане диаметром 1.1–1.2 м. Стенки их высотой 10 слоев кладки сферически сужались кверху. В заполнении печей много золы. Скорее всего, они имели производственное назначение, однако для чего конкретно их использовали – неизвестно. Интересно, что в этой части раскопа на IV штыке найдено большое количество свинцовых слитков. На городище вообще много свинца, но на раскопе основное его количество (около 40 слитков) найдено на этом горизонте.

По мере углубления раскопа сохранность сооружений в нем становится все хуже, все они разобраны почти до основания. В основном встречаются отдельные фрагменты стен, кирпичные, сырцовые и турлучные развалы, ямы. В то же время, по мере углубления раскопа в культурном слое встречается все больше целых керамических сосудов. На уровне VIII штыка расчищено сооружение 17, большая часть которого находилась за пределами раскопа. В раскопе прослеживались только части оснований южной и западной стен, небольшой участок кирпичного пола и тандыр. В северном борту раскопа был виден отходящий от тандыра кан. На полу этого помещения стоял небольшой красноглиняный гончарный горшочек с двумя ручками и кувшин-кружка. Рядом лежала крышка от горшочка. Интересная находка сделана под стеной этого сооружения. Здесь находилась маленькая яма-тайник, в которой плотно уложены 48 бараньих альчиков, часть из которых имела насечки. Недалеко от этого сооружения найдены четыре кружки, стоящие рядом на какой-то поверхности. Уровень VIII и отчасти IX штыков был очень насыщен скоплениями керамики, в том числе и целыми формами. Это обстоятельство позволяет выделить его в отдельный строительный горизонт, хотя остатки построек здесь почти не фиксировались. Этот горизонт примечателен еще и тем, что здесь найдено некоторое количество обломков белого камня (известняк), довольно редкого в Астраханской области и не имеющего выходов в Дельте. Начиная с этого уровня, в культурном слое резко возрастает количество турлучной крошки. Стены турлучных построек, вероятно, были сделаны из тростника, а не из дерева, поэтому крупные фрагменты турлука с отпечатками каркаса, как, например, на Кавказе, здесь не встречаются. Основания таких жилищ пока также не были прослежены.

Отличительной особенностью Самосдельского городища является обилие построек из обожженного кирпича. В пределах раскопа довольно значительной площади их гораздо больше, нежели сооружений из сырцового кирпича, производство которого дешевле и проще. Остатки кирпичных сооружений на раскопе встречались с I по VIII штык. При этом всюду кирпич был вторичного использования. Все исследованные стены сложены из битого кирпича на глиняном растворе, при этом на многих кирпичах прослеживались остатки извести, т.е. они были взяты из стен, сложенных на известковом растворе. В кладке стен найдены кирпичи трапециевидной формы, которые обычно используют для кладки куполов и сводов. Горизонт, на котором стояли первоначальные кирпичные постройки, найден не был: эти постройки были либо разобраны до основания, либо находились в другой части городища. Разборка стен предыдущих периодов происходила на городище постоянно. Примечательно, что даже в золотоордынское время, когда производство кирпича

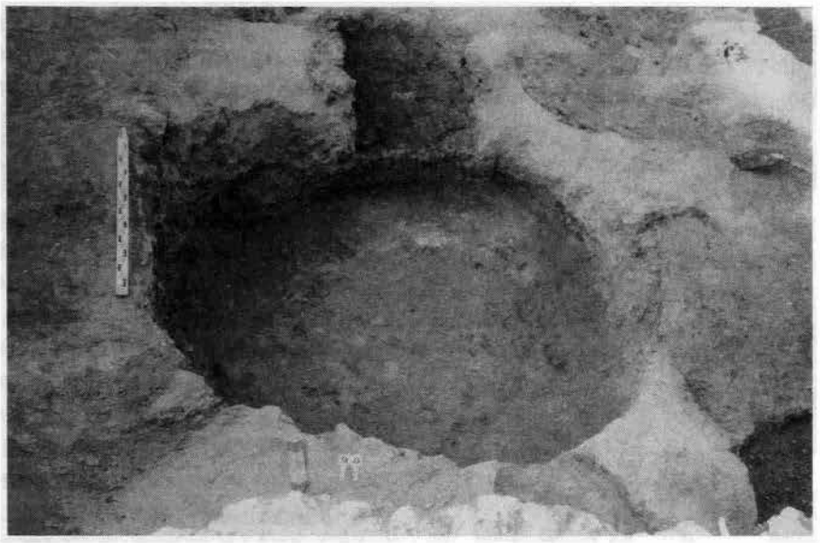


Рис. 3. Юртообразное жилище, вид с севера.

было хорошо развито, на Самосдельском городище строили из обломков. Видимо, кирпича было так много, что в производстве его не было особой необходимости. Все кирпичи сделаны из теста грубого замеса, с большой примесью органики, поэтому они пористые и рыхлые. Сформованы они также очень грубо, многие имеют неправильную форму и плохой обжиг. Размеры кирпичей весьма разнообразны: 20 × 21 × 3.5 см, 22.5 × 21 × 4 см, 22–22.5 × 22–22.5 × 3.5–4 см, 23–23.5 × 23–23.5 × 3.5–5 см, 24–25 × 24–25 × 3.5–5 см. Реже встречаются большеформатные кирпичи: 26–27.5 × 26–27.5 × 4–6.5 см, 30–33 × 30–33 × 4–7 см и даже 39–40 × 39–40 × 8–9 см.

После снятия XI, XII штыков в северной части раскопа появился материк в виде песка ярко-желтого цвета. Материк перерезан многочисленными ямами различного назначения (рис. 2). Интересна яма практически правильной округлой формы с прямоугольным выступом с южной стороны. Скорее всего, она представляет собой котлован раннесредневекового юртообразного жилища (рис. 3). Глубина котлована жилища в среднем 58 см, диаметр 2.84–3.24 м. По периметру ямы на северном, западном и южном бортах прослежены семь лунок, оставленных жердями каркаса жилища. Примыкающая с юга прямоугольная яма имела глубину около 30 см от впускного уровня, длину 1.24 м и ширину 1.0–1.4 м. По периметру ямы вдоль бортов на дне прослежены лунки диаметром около 6–7 см от жердей или колышков, которые удерживали деревянную облицовку песчаных боковых стен. Между стенками ямы и колышками расчищены остатки уложенных на ребро досок. Плоское дно прямоугольной ямы было выстлано древесными плахами, которые, вероятно, составляли деревянную конструкцию пола. Эту примыкающую яму мы можем трактовать как входной тамбур в юртообразное жилище. Под досками предполагаемого пола тамбура обнаружены два альчика. Имеются многочисленные свидетельства, в том числе и этнографического характера, об имевшейся у кочевых народов традиции закладывать альчики у входа в юрту в качестве оберега.

Заполнение котлована жилища и входа состояло преимущественно из слежавшихся деревянных жердей, обмазанных серой материковой глиной, которые могут являться остатками конструкции стен и перекрытия. На дне не было обнаружено следов очага. Возможно, жилище было оборудовано жаровней или же оно было летним. Кроме того, постройка могла носить сугубо хозяйственный характер.

Раннесредневековые юртообразные жилища обнаруживаются на огромной территории от Волги до Нижнего Дуная и от Среднего Дона до Северного Кавказа. Интересно отметить, что до сих пор было известно лишь одно юртообразное жилище в Поволжском регионе, а именно в Биляре (Флеров, 1996. С. 26, 83). На Нижней Волге юртообразное жилище с территории Самосдельского городища является единственным. Данное сооружение может быть соотнесено с аналогичными конструкциями в других регионах Восточной Европы, но наиболее близка ему юртообразная постройка, обнаруженная археологом Д.И. Димитровым в северо-восточной Болгарии, близ села Блысково (Флеров, 1996. С. 39, 90).

Наряду со сложностью трактовки тех или иных объектов на раскопе, основным и самым болезненным вопросом является проблема датировок. Специфика данного памятника такова, что основным датирующим материалом и материалом, который может дать культурную интерпретацию слоя, является керамика. До создания полной и исчерпывающей типологии самосдельской керамики сделать окончательные выводы о времени воз-

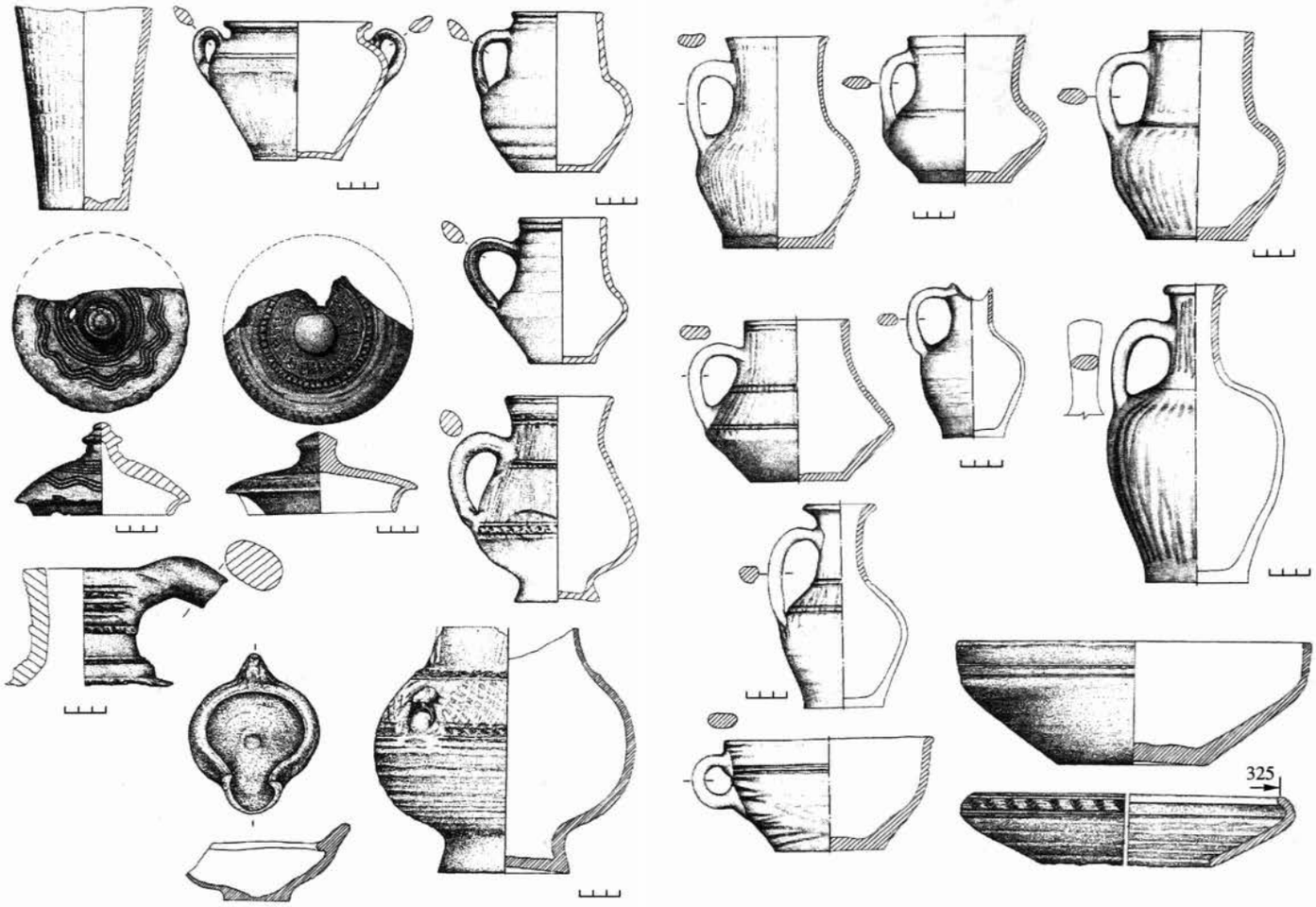


Рис. 4. Гончарная керамика.

никновения городища невозможно. Тем не менее уже сейчас можно говорить о предварительных результатах этой работы. Весь массив неполивной керамики Самосдельского городища разделен на две группы – гончарную и лепную.

Гончарная посуда представлена большим разнообразием столовой (кружки, миски, блюда, крышки, кувшины, чаши и пр.), кухонной (котлы, горшки) и тарной (корчаги) (рис. 4). Вся эта керамика красноглиняная хорошего обжига, часто с лощением и ангобом. Абсолютное большинство ее форм находит аналогии в керамике Волжской Булгарии X–XII вв. Эта керамика, несомненно, сделана булгарскими мастерами непосредственно на месте из местного материала. Столь значительные масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Булгарией в X–XII вв. и о наличии значительного булгарского компонента среди населения городища. Можно предположить, что в X–XIII вв. здесь существовала торгово-ремесленная фактория, которая является самым южным, из известных на настоящий момент, пунктом волжско-булгарской экономической и политической экспансии.

Еще большим многообразием форм отличается лепная или доведенная на гончарном круге керамика (рис. 5, б). Это и кухонная, и столовая посуда: горшки, котлы, сковороды, кружки, крышки горшков и тандыров. Украшены сосуды довольно разнообразным орнаментом: ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, наколами камышинкой и полой косточкой, отпечатками зубчатого штампа, свисающими "гирляндами", процарапанными по сырой глине рисунками-граффити. Венчики сосудов украшены защипами, пальцевыми вдавлениями, насечками. Очень разнообразны ручки сосудов: петлевидные ручки горшков, декорированные насечками, имитирующими рога барана, часто встречаются зооморфные ручки, стилизованно изображающие пасущегося барана. Нередко встречаются ступенчатые зооморфные ручки. Кроме этого, керамика зачастую богато декорируется налепами в виде рогов барана.

К этой группе относятся крупные горшки с косыми насечками или пальцевыми вдавлениями по верхнему краю. Подобная форма с похожими типами орнаментации достаточно хорошо известна в керамике Среднего Поволжья, а именно в комплексах булгарского времени, где она датируется

IX–X вв. (Хлебникова, 1984. С. 95–98, 216–219). С.А. Плетнева неоднократно указывала, что она принадлежит различным кочевым племенам Хазарского каганата: болгарам, хазарам, печенегам и гузам (1959. С. 230–237; 1967. С. 104). Считается, что эта группа керамики генетически связана со степными комплексами Центрального Казахстана и Приаралья. Действительно, в так называемых позднегузских керамических комплексах низовий Сырдарьи (городища Асанас, Кескен-куюк-кала) хорошо известны лепные горшки с широкой, слабо выделенной горловиной, по краю которой сделаны насечки или пальцевые вдавления (Толстов, 1947. С. 65–67; Вактурская, 1979. С. 130, 131). Генетически этот тип орнамента связан с поздними асарскими керамическими комплексами, широко представленными в низовьях Амударьи (Ток-кала) (Гудкова, 1964. С. 59, 66; Левина, 1971. С. 65. Рис. 15) и в средневековых курганных могильниках Устюрта (Древняя..., 1987. С. 208, 232–235).

На многих сосудах, относящихся к группе хозяйственных, отмечен налепной валик, украшенный пальцевыми вдавлениями и насечками. Подобный декоративный элемент в Юго-Восточном Приаралье впервые появляется на позднем этапе джетыасарской культуры и впоследствии широко распространяется в керамических комплексах гузских "болотных городищ", которые датируются VIII–IX вв. (Толстов, 1947. С. 65–67; Гудкова, 1964. С. 59, 66; Вактурская, 1979. С. 130, 131). Массовой находкой являются богато украшенные раковиновидные ручки от котлов с шаровидным туловом, витые ручки из двух или трех жгутов. Котлы с такими ручками широко бытуют на территории Средней Азии в IX–X вв. Они известны в Фергане (Ахраров, 1966. С. 131), Хорезме (Вактурская, 1959. С. 279), Южном Казахстане (Агеева, Пацевич, 1958. С. 192).

Плоские крышки с массивной петлевидной ручкой, декорированные пуансонным орнаментом, находят аналогии в Низовьях Сырдарьи и, возможно, восходят к крышкам джетыасарской культуры (Левина, 1971. Рис. 13, 15, 16).

Широко распространены ручки лепных сосудов, небольших горшков или кружек, которые были украшены насечками или вдавлениями. Аналогичная керамика встречается на территории Сырдарьинской дельты в VII–VIII вв. (Вактурская, 1979. С. 131), на Северном Кавказе в так называемых "хазарских" комплексах (Магомедов, 1983. С. 124), а также в Тьмутаракани (Плетнева, 1963. С. 30. Рис. 16).

Таким образом, подобного рода керамика имеет довольно широкие территориальные аналогии. В Восточной Европе ее можно найти среди материалов хазарских городищ Подонья, где она связывается с кочевническим компонентом населения (Плетнева, 1959. С. 230–242). Известна такая керамика, как уже говорилось, на так называемых "болотных" городищах янгикентской группы, обнаруженных в низовьях Сырдарьи (Толстов, 1947. С. 57–67). С.П. Толстов высказал мнение об их принадлежности огузам. Одельные формы керамики имеют прямые параллели с материалом Средней Сырдарьи (Отрар), которая традиционно считается областью, заселенной печенегами (Акишев и др., 1972. С. 190). Оба этих мнения базируются на схожести керамического материала, обнаруженного на данных городищах, и керамикой огузо-печенежского круга из Восточной Европы.

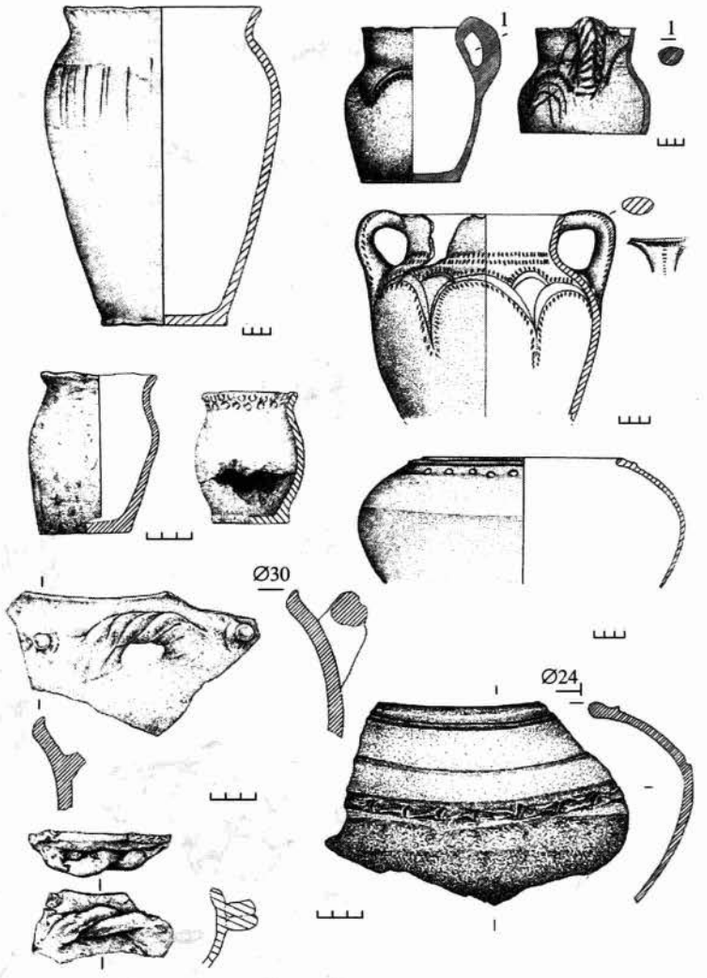


Рис. 5. Лепная и подправленная на гончарном круге керамика.

Поливная керамика на городище не очень многочисленна и, скорее всего, вся она импортного производства. В самом верхнем золотоордынском слое прослеживаются наиболее характерные типы кашинной и красноглиняной керамики, производившейся в Сарае и других городах Нижнего Поволжья. В нижележащих слоях встречается кашинная керамика с бирюзовой и ультрамариновой поливой среднеазиатского или иранского происхождения, а также иранский люстр. Довольно большую группу составляет красноглиняная и желтоглиняная керамика с декором в технике сграффито. Она бывает полихромной со светло-желтой,

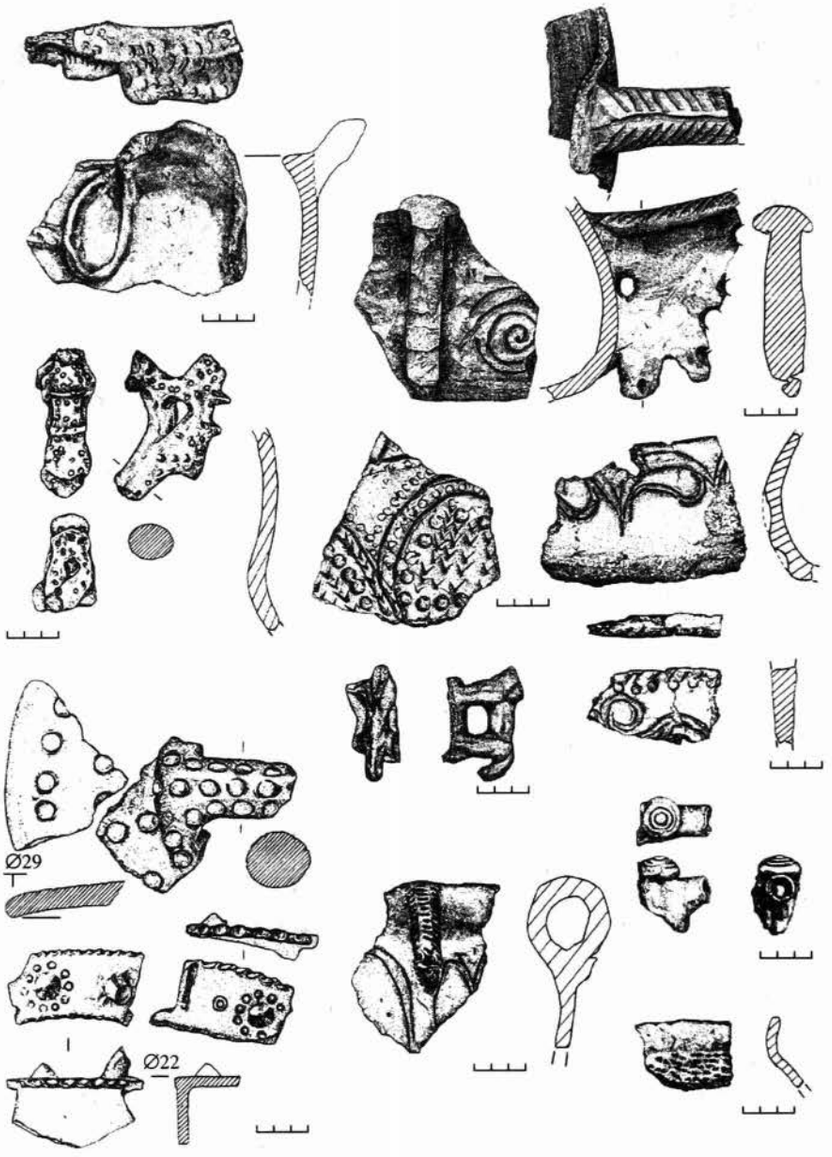


Рис. 6. Лепная керамика.

почти бесцветной поливой и монохромной с зеленой или желтой поливой. Эта керамика, вероятнее всего, происходит из Азербайджана и выделяется в группу так называемой ширванской керамики (Волков, 2000. С. 45–50; Федоров-Давыдов, 2001. С. 215). Интересный поливной сосуд был найден в культурном слое на уровне IX штыка (рис. 7, *2*). Сосуд имел округлое тулово и широкое, расширяющееся кверху горло. С трех сторон у него имелись ручки с выступами, а на горле – круглые налепы с оттисками штампа. С четвертой стороны у таких сосудов обычно сделан носик. Аналогичные сосуды известны в Средней Азии, где они датируются концом IX–XII в. (Шишкина, 1979. С. 17, 65. Табл. X).

Металл на городище сохраняется плохо из-за большой влажности в сочетании с засоленностью почв. Железные изделия представлены в основном бытовыми предметами. Это цилиндрические замки, ключи, ножи, гвозди. Также найдены несколько фрагментов удил и стремян. Набор предметов из медных сплавов также не очень богат. Это фрагменты зеркал, перстней, браслетов, пуговицы и бубенчики. Здесь следует отметить два наконечника от поясного набора, происходящих из верхних слоев раскопа (рис. 7, *7*). На одном из них изображен китайский дракон, а на другом – сцена погони гепарда за зайцем. В сооружении 9 найден медный предмет, который можно считать фрагментом копоушки, правда, довольно грубо выполненной (рис. 7, *3*). С уровня V штыка происходит половинка фигурной составной пряжки с прорезным растительным узором (рис. 7, *4*). Подобные пряжки известны в материалах Волжской Булгарии и датируются XII – началом XIII в. (Полякова, 1996. С. 205, 218, 219. Рис. 66, *23*).

К наиболее интересным находкам относятся сфероконус с выбитым на нем изображением па-

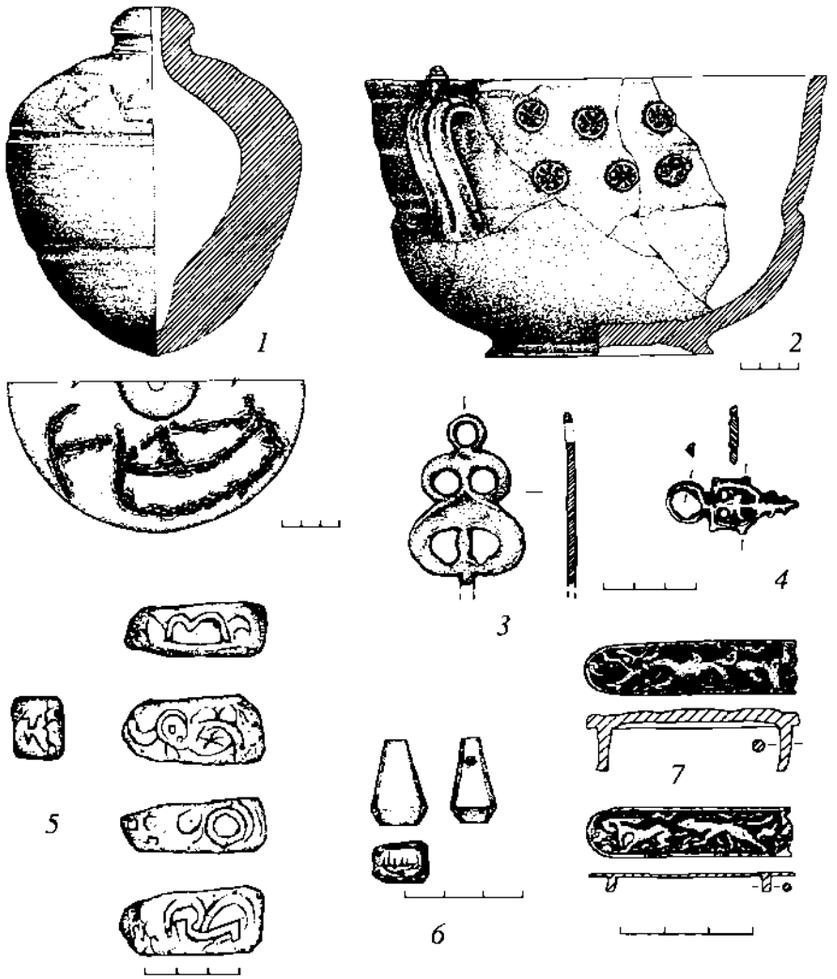


Рис. 7. Керамические, каменные и металлические изделия: *1* – сфероконус с граффити; *2* – поливной сосуд; *3* – ф-т копоушки (?); *4* – медная составная пряжка; *5* – меловой камень с граффити; *6* – янтарная подвеска; *7* – бронзовые наконечники ремней.

русного корабля с якорем (рис. 7, *1*), янтарная подвеска с персидской надписью (рис. 7, *6*), фрагмент мелового камня с нацарапанными на нем изображениями верблюда (?), птицы и какими-то знаками (рис. 7, *5*). Редкой находкой являются четыре комплекта керамических литейных форм с изображением чаек, фламинго и рыб.

Городище Самосделка является сложным, не имеющим аналогов в Нижнем Поволжье памятником. Для того чтобы понять его, потребуются долгие годы кропотливых исследований. Тем не менее уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы о хронологии его существования и этнокультурной принадлежности. Возникновение городища следует отнести к IX в. Об этом говорит керамика хазарского времени, в массе которой довольно отчетливо выделяется булгарская. Особую группу керамики составляют лепные огузские сосуды, аналогии которым можно встретить на так называемых болотных городищах в низовьях Сырдарьи, где они датируются VIII – началом IX в. Именно огузы, на наш взгляд, составили основу населения городища в позднехазарское время. В начале IX в. происходит изменение русла Сырдарьи, что вызывает массовое переселение огузов на юг и запад, в том числе на Устюрт и, как видно по находкам на Самосдельском городище, в низовья Волги.

По письменным источникам известно, что царская гвардия в Хазарском каганате состояла из тюрок-мусульман, переселившихся в Хазарию из местности, соседней с Хорезмом (Артамонов, 2002. С. 409–411; Минорский, 1963. С. 193, 194; Новосельцев, 1990. С. 111, 120). Эта гвардия, известная под именем ал-арсии (арсии, ларисии), несла службу хазарскому царю и защищала восточную границу государства от набегов печенегов. Гарнизон Саркела, защищавший западные границы Хазарии набегов мадьяр, а позже – русов и тех же печенегов, также состоял из кочевников (Артамонов, 1958. С. 48–50). Переселение арсиев, скорее всего, произошло в середине IX в. (Бубенок, Радзивилов, 2004. С. 10–12).

После падения каганата, судя по непрерывности стратиграфии, жизнь на памятнике не прерывается, и в XI–XII вв. здесь продолжают прослеживаться огузская и булгарская традиции в производстве керамики. Это обстоятельство позволяет

связывать Самосдельское городище с городом Саксином, о котором ал-Гарнати писал, что Саксин – это город гузов, однако в нем проживают и булгары, у которых здесь есть свой квартал и своя соборная мечеть (Ал-Гарнати..., 2000. С. 98, 99).

В XIII в. город был захвачен монголами. Возможно, именно его описывал Рубрук под именем Суммеркент: "При среднем рукаве (Волги) находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда вода разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Сарацины" (Путешествия..., 1993. С. 164). Ордынское поселение на территории городища небольшое. Самые поздние ордынские монеты в островной части городища, относящиеся к началу 30–40 годов XIV в., говорят о том, что в это время здесь жизнь угасла из-за затопления. Об этом же говорит мощный слой окатанной керамики и ракушки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеева Е.И. Памятники Средневековья (раскопки на городище Баба-Ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. Института истории, археологии и этнографии. Т. V. Алма-Ата, 1966.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

Ал-Гарнати о гузах, печенегах, хазарах и булгарах // Из глубины столетий. Казань, 2000.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.

Артамонов М.А. История хазар. СПб., 2002.

Атагаррыев Е. О некоторых средневековых украшениях из Шехр-Ислама // Известия АН ТССР. Сер. обществ. наук. № 1. Ашхабад, 1965.

Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. 1972. Вып. 2.

Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. Ташкент, 1966.

Байпаков К.М. Раскопки городища Куйрук-тобе // АО–1980. 1981.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

Бубенок О.Б., Радзивилов Д.А. Народ ал-арсия в Хазарии // Хазарский альманах. Т. 2. Харьков, 2004.

Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1959.

Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Васильев Д.В. Памятник "Самосдельское городище" // Вопросы краеведения. Матер. VI и VII краевед. чтений, посвящ. 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вып. 4–5. Волгоград, 1998.

Васильев Д.В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Матер. Всерос. научно-практич. конф. Астрахань, 2001.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Самара, 2000.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.

Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия: археология история, культура. Матер. Междунар. конф., посвящ. 50-летию науч. деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Тр. АН ТаджССР. Т. XXXI. Душанбе, 1956.

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Дресвянская Г.Я. Бусы с городищ Старого Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1970.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в Средние века. М., 1985.

Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII–XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1990 году // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. № 15862, 15863, 15864, 15865, 15866.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1991 году // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 16126, 16127.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1992 году // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17671, 117672.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1993 году // Архив ИА РАН. 1994. Р-1. № 18242, 18243.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1994 году // Архив ИА РАН. 1995. Р-1. № 18867, 18868.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1995 году // Архив ИА РАН. 1996. Р-1. № 18164.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. // Тр. Хорезмской экспедиции. М., 1971.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.

Неразик Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М., 1976.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.

Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тьмутаракани. М., 1963.

Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Попов П. В. К вопросу о датировке городища Мошаик // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез. докл. I Междунар. Нижневолжской конф. Волгоград, 2004.

Савченко Е.И. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1992 году // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17943, 17944.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // МИА. 1969. № 169.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт. М., 2001.

Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.

Чуйская долина. Тр. Семиреченской археол. экспед. // МИА. 1950. № 14.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

Excavations of the Samosdelka site: the region of Astrakhan, 2000–2004

E. D. Zilivinskaya, D. V. Vasiljev, T. Yu. Grechkina

Summary

The Samosdelska site located in the Volga delta (Astrakhan region) was known as a monument of the Golden Horde time. Materials relating to earlier periods were discovered only in the 1990-s. The investigations of the last years (2000–2004) permitted to unseal the buildings relating to the 11th – 12th cc. A few one-room houses with a heating system by way of channels passing inside "sufas" and an earth-house with walls covered with brick relate to the 13th c. A many room house numbering no less than five apartments is dated to the 12th c. Remains of a dwelling resembling a nomadic tent were found in the subsoil.

The basic volume of finds is constituted of ceramics in which two large groups are marked out. It is a ceramic pottery of the Bulgarian production and moulded ceramics, which have analogies between the materials of the sites in the Don region of the Khazar Impire, where it is connected by researchers with a nomadic component of the population. Besides, the similar ceramics are known at the so-called "marsh" sites discovered by S.P. Tolstov in the lowers of the Syrdarya.

On the basis of the analysis of the materials discovered at Samosdelka and some other sites one can make a conclusion that the Oguz component that came from the Syrdarya lowers in the 9th – 10th cc. exerted a great influence on the formation of the population in the Volga delta during the Pre-Mongolian Period. One can also advance a supposition that the town located in the place of the Samosdelka site in the 11th – 13th cc. can be identified with the center of the region of the same name, the Saksin town populated by the Oguz and the Bulgarian peoples.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 36–40

К ВОПРОСУ ОБ УМБОНОВИДНЫХ ПОДВЕСКАХ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2006 г. И. А. Сапрыкина

Институт археологии РАН, Москва

Умбоновидные подвески являются одним из наиболее характерных и изученных украшений дьяковской культуры. В публикациях уже рассматривались вопросы хронологии подвесок, их стилистические особенности, возможные способы изготовления (Дубынин, 1967. С. 103; 1970. С. 32, 33; 1974. С. 233; Сабурова, 1967. С. 106; Смирнов, 1970. С. 184, 185; 1991. С. 226, 227; Розенфельдт, 1974. С. 100; 1982. С. 42, 43). Несмотря на это, некоторые вопросы хронологии остаются дискуссионными до настоящего времени.

В рамках изучения ювелирных украшений дьяковской культуры нами было с помощью комплексного анализа исследовано 33 умбоновидных подвески "классической", по определению А.Ф. Дубынина, формы (1970. С. 33). Эти украшения являются одним из источников для изучения ювелирного дела на москворецких памятниках дьяковской культуры. В комплексный анализ вошли изучение типологии подвесок, их хронологии, исследование технологических схем изготовления украшений и анализ химического состава металла. Аналитический материал распределен следующим образом: 13 экземпляров умбоновидных подвесок происходит из раскопок Троицкого городища (Дубынин, 1957; 1958; 1959; 1960), 2 подвески были найдены при раскопках на городище Боршева Московская (Крис, 1973; 1974; 1975; 1976; 1977; 1978; 1979), на городище Дьяково было найдено 5 украшений (Кренке, 1980; 1982; 1983; 1984; 1985; 1986), из раскопок на городище Настасьино происходит 13 экземпляров подвесок (Энговатова, 1999; 2000). Часть их введена в научный оборот (Дубынин, 1970. С. 33, 34).

При изучении умбоновидных подвесок возникает закономерный вопрос об их хронологии. Разными исследователями, оперировавшими, в основном, материалом Троицкого городища, они датировались в пределах II–I вв. до н.э. – IV–V вв. н.э. или II–III – конца IV в. н.э. (Дубынин, 1974. С. 233; Смирнов, 1991. С. 226, 227), или даже в рамках V – начала VII в. (Розенфельдт, 1982. С. 43). Подвески, происходящие из раскопок на городищах Дьяково и Настасьино, в литературе еще не рассматривались и их хронология, соответственно, не обсуждалась.

Подойти к решению этой задачи возможно с помощью предложенной мною типологии. Среди исследуемых подвесок были выделены следующие 9 типов умбоновидных украшений, встречающихся на памятниках дьяковской культуры бассейна Москвы-реки (рисунок):

Тип 1. Подвеска с дужкой, прикрепленной к центру щитка – щиток из сплошных витков спирали без дополнительных элементов (3 экз. – городище Настасьино; 1 экз. – городище Боршева Московская).

Тип 2. Подвеска с дужкой, прикрепленной к центру щитка – щиток ажурный с перпендикулярными линиями между витками спирали (5 экз. – городище Настасьино; 1 экз. – Дьяково городище).

Тип 3. Подвеска с дужкой, прикрепленной к центру щитка – щиток ажурный с круглыми медальонами по краю и рядами зигзагообразной нити между витками спирали (2 экз. – Настасьино; 1 экз. – Дьяково городище).

Тип 4. Подвеска с дужкой, прикрепленной к центру щитка – щиток ажурный с круглыми медальонами по краю и между витками спирали (3 экз. – Настасьино; 1 экз. – Дьяково городище).

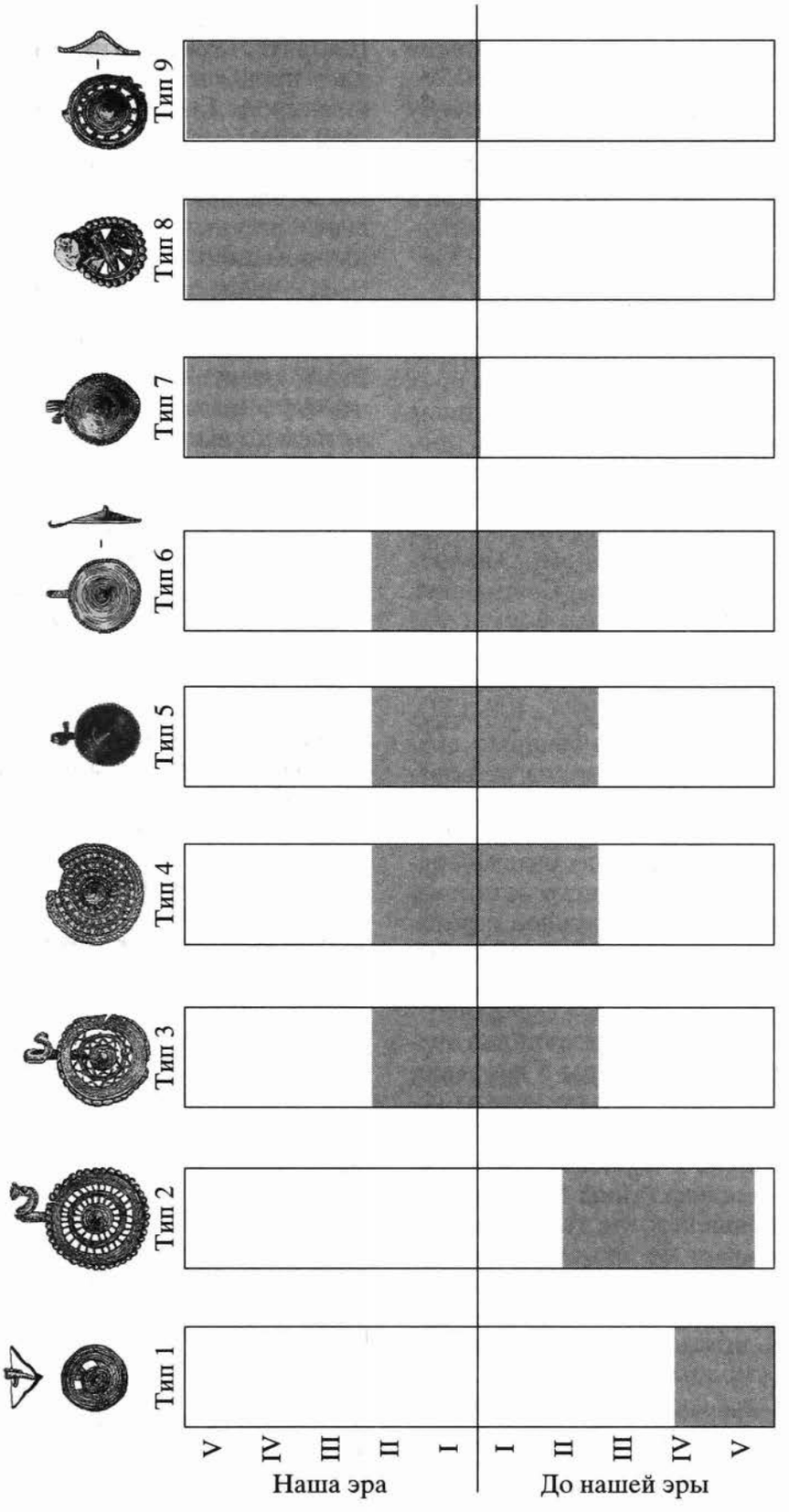
Тип 5. Подвеска с дужкой, прикрепленной к краю щитка – щиток из сплошных витков спирали, по краю орнаментированный круглыми медальонами (1 экз. – городище Троицкое; 1 экз. – Дьяково городище; 1 экз. – городище Боршева Московская).

Тип 6. Подвеска с дужкой, прикрепленной к краю щитка – щиток из сплошных витков спирали, по краю орнаментированный линией "косички" (или "витой нитью") (1 экз. – Дьяково городище).

Тип 7. Подвеска с дужкой, прикрепленной к краю щитка – щиток из сплошных витков спирали, по краю орнаментированный круглыми медальонами и линисй "косички" / "витой нити" (2 экз. – Дьяково городище; 6 экз. – Троицкое городище).

Тип 8. Подвеска с дужкой, прикрепленной к краю щитка – щиток ажурный с прорезями, по краю орнаментированный круглыми медальонами (1 экз. – Троицкое городище).

Тип 9. Подвеска с дужкой, прикрепленной к краю щитка – щиток ажурный с "витой нитью" или "косичкой" по краю и перпендикулярными ли-



Хронологическое соотношение типов умбоновидных подвесок по материалам городищ бассейна Москвы-реки.

ниями между витками спирали (5 экз. – Троицкое городище).

Судя по аналогиям и данным стратиграфии, к наиболее ранней серии умбоновидных подвесок, встречающихся на городищах дьякова типа в бассейне Москвы-реки, относится тип 1, выделенный по материалам раскопок городища Боршевы Московской. Анализируя материал из раскопок этого

памятника, Х.И. Крис писала, что умбоновидную подвеску по аналогиям с материалами памятников Левобережного Днепра следует датировать V–IV вв. до н.э. (1975. С. 49). Аналогичное по способу оформления щитка изделие, а также фрагмент глиняной литейной формы для отливки умбоновидной подвески выделенной серии встречены в материалах Мокрядинского городища, датируемых автором раскопок не позднее V–IV вв. (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 86. Рис. 42, *20а*).

В материалах раскопок 2002 г. на Мутенковском городище присутствует целый комплекс глиняных литейных форм для отливки умбоновидных подвесок (Сидоров, 2004. С. 113, 114), выделенных в тип 2. К сожалению, только одна подвеска, происходящая из городища Настасьино, имеет достаточно надежную стратиграфию – она найдена в заполнении постройки 11а, время существования которой по данным радиоуглеродного анализа относится к IV в. до н.э. (Энговатова, Сапрыкина, 2005. С. 130, 131). Глиняные литейные формы Мутенковского городища, происходящие из слоя жилища 6, датируются в пределах середины I тыс. до н.э. – II в. до н.э. (Сидоров, 2004. С. 108–127).

В "массовом" количестве умбоновидные подвески в слое исследованных памятников встречаются в вышележащих горизонтах. Так, украшения типов 3 и 4 происходят, в основном, из заполнения построек 10–11 городища Настасьино, надежно датированных методом радиоуглеродного датирования (Энговатова, 2004. С. 147). Надежное стратиграфическое положение позволяет отнести время бытования этих подвесок к развитому периоду раннедьяковского этапа – II в. до н.э. – середине I – началу II в. н.э. Вероятно, к этому же хронологическому периоду следует относить типы 5 и 6 умбоновидных подвесок, найденные при раскопках городищ Дьяково и Троицкое.

Появление умбоновидных подвесок с дужкой, прикрепленной к краю щитка (типы 5–9), что отличает их от ранних украшений, где дужка крепится в центр щитка, совпадает по времени с моментом трансформации дьяковской культуры раннего этапа в позднедьяковскую – II в. до н.э. – I–II вв. н.э. Именно эти подвески можно рассматривать как классическую форму умбоновидных подвесок, на основе которых развились сложные формы шумящих украшений – "позднедьяковские серьги" (по терминологии И.Г. Розенфельдт) (1982. С. 32). Верхняя граница их существования, в том числе и типов 7, 8, 9, отмечена совместными находками умбоновидных подвесок этих серий с шумящими подвесками, имеющими аналогии в материалах III–V вв. в Борковском и Кузьминском могильниках (Смирнов, 1970. С. 182). Эти же типы подвесок были найдены на северном участке Троицкого городища, в районе реконструируемого раннего металлообрабатывающего комплекса (Сапрыкина, 2005. С. 521, 523).

С большой степенью достоверности мы можем говорить о том, что умбоновидные подвески являлись продуктом производства местных мастеров-ювелиров. Конечно, в первую очередь об этом свидетельствуют, хотя и крайне редкие, находки литейных форм для их отливки в слое городищ. Но в большинстве случаев мы имеем дело уже с готовыми изделиями, несущими в себе достаточную информацию.

Изучение значительной серии предметов и следов, оставленных в процессе изготовления украшений, позволило сделать следующие выводы. Все подвески изготовлены техникой литья, причем 95% исследованных украшений изготовлены литьем по выплавляемой модели с утратой литейной формы; 5% – литьем в форму по оттиску готового изделия. Судя по этим данным, литье по выплавляемой модели оставалось традиционным методом изготовления украшений сложных форм на протяжении всего периода существования умбоновидных подвесок. Основные схемы изготовления выплавляемой модели также не подвергались модернизации, о чем свидетельствуют яркие следы работы с материалом модели, сохранившиеся на литых изделиях. В основном для придания подвескам идеальной конусовидной формы применялся гладкий шаблон, на который накладывались тонкие нити воска (или провощенная шерстяная нить) или намазывалась основа в виде тонкой пластины. В этом случае пластина служила полигоном, на котором прорезался орнамент щитка из сплошных витков спирали. Эта схема характерна практически для всех подвесок, кроме типов 7 и 9. Для последних применялась особая форма шаблона – шаблон с продольными выступами (Сапрыкина, 2005. С. 525). Этот факт еще требует специального объяснения, так как он зафиксирован на материале не одного, а нескольких памятников, но в то же время – это единичные находки.

Дополнительные орнаментальные мотивы наносились на готовую модель – имитация зерни из шариков воска, приклеивавшихся "горячим" инструментом; "косичек", сплетенных из отдельных провощенных нитей, и т.д. Литник, как правило, подводился к изгибу дужки подвески; в некоторых случаях зафиксированы остатки литников по краю щитка рядом с дужкой.

Для литья умбоновидных подвесок, в основном, применялась оловянно-свинцовая бронза. Единичные украшения изготовлены из оловянной бронзы, латуней и многокомпонентного сплава. Химический состав металла известен для 31 умбоновидной подвески из раскопок городищ Настасьино (9 анализов; Сапрыкина, Энговатова, 2002. С. 488), Боршева Московская (2 анализа), Троицкое (20 анализов; Черных, Барцева, 1970. С. 200–206; Сапрыкина, 2005. С. 522. Табл. 1).

Рецептура сплава не была строго фиксированной, содержание основных компонентов сплава ва-

рьировалось. Выделяемые особенности в рецептуре сплава, в общем, увязываются с хронологией самих умбоновидных подвесок. Так, для городища Настасьино (10 подвесок типов 3, 4) для периода II в. до н.э. – I–II вв. н.э. характерно содержание олова в пределах от 10 до 20% при содержании свинца в 5–6.8%. Для 12 умбоновидных подвесок Троицкого городища (типы 5, 7, 9) содержание олова и свинца в сплаве не превышает 10% в период с рубежа тысячелетий по III–V вв. н.э. Кроме того, типы 7 и 9 умбоновидных подвесок Троицкого городища изготавливались также из латуни или сплава с цинком на основе меди. Для других типов умбоновидных подвесок такая корреляция с химическим составом не прослеживается.

Зафиксированная на данный момент корреляция определенных типов умбоновидных подвесок, существовавших в разное время, с оловянной бронзой косвенно указывает на уровень развития ювелирного ремесла на дьяковских городищах. Выявленная в результате исследования рецептура сплава наиболее подходит для литья ажурных тонких украшений сложной формы. Использование сплавов с цинком для литья умбоновидных подвесок может служить хронологическим репером, поскольку до настоящего времени такие сплавы ранее рубежа эр на территории Волго-Окского междуречья не известны (Сапрыкина, Энговатова, 2002. С. 492).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических раскопках Можайской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1957 г. Р-1. № 1631а, 1632.

Дубынин А.Ф. Отчет о работах Можайской и Московской экспедиций // Архив ИА РАН. 1958 г. Р-1. № 1745, 1745а.

Дубынин А.Ф. Отчет об археологических работах Можайской экспедиции // Архив ИА РАН. 1959 г. Р-1. № 1932, 1932а.

Дубынин А.Ф. Отчет о работе Можайской экспедиции // Архив ИА РАН. 1960 г. Р-1. № 2075, 2075а, 2075б.

Дубынин А.Ф. Опись индивидуальных находок Троицкого городища к отчету о работе Можайской экспедиции // Архив ИА РАН. 1960 г. Р-1. № 2076.

Дубынин А.Ф. Клад Щербинского городища // КСИА. 1967. Вып. 112.

Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. МИА. 1970. № 156.

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.

Кренке Н.А. Отчет об исследовании Дьякова городища // Архив ИА РАН. 1980 г. Р-1. № 7663.

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на территории музея-заповедника "Коломенское" // Архив ИА РАН. 1982 г. Р-1. № 8926.

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на территории музея-заповедника "Коломенское" // Архив ИА РАН. 1983 г. Р-1. № 9804.

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на территории музея-заповедника "Коломенское" // Архив ИА РАН. 1984 г. Р-1. № 10420.

Кренке Н.А. Отчет о раскопках на территории Государственного музея-заповедника "Коломенское" и разведках в Подольском, Истринском районах Московской области // Архив ИА РАН. 1985 г. Р-1. № 11073.

Кренке Н.А. Отчет об археологических работах на территории заповедника "Коломенское" и селище Жуковка Одинцовского района // Архив ИА РАН. 1986 г. Р-1. № 11952.

Кренке Н.А. Отчет об археологических работах на территории заповедника "Коломенское" // Архив ИА РАН. 1987 г. Р-1. № 11989.

Крис Х.И. Отчет об охранных раскопках городища Боршева Московская // Архив ИА РАН. 1973 г. Р-1. № 5093, 5093а.

Крис Х.И. Отчет об охранных раскопках городища Боршева Московская // Архив ИА РАН. 1974 г. Р-1. № 5459, 5459а.

Крис Х.И. Отчет об охранных раскопках городища Боршева Московская // Архив ИА РАН. 1975 г. Р-1. № 5632, 5632а.

Крис Х.И. Отчет об охранных археологических раскопках городища Боршева Московская // Архив ИА РАН. 1976 г. Р-1. № 6183, 6183а.

Крис Х.И. Отчет об охранных археологических раскопках городища Боршева Московская // Архив ИА РАН. 1977 г. Р-1. № 6854, 6854а.

Крис Х.И. Отчет об охранных раскопках городища Боршева Московская // Архив ИА РАН. 1978 г. Р-1. № 7132, 7132а.

Крис Х.И. Отчет об охранных археологических раскопках на городище Боршева Московская (Раменский р-н Московской обл.) // Архив ИА РАН. 1979 г. Р-1. № 7419.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.

Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.

Сабурова М.А. Реконструкция женского головного убора по материалам клада Щербинского городища // КСИА. 1967. Вып. 112.

Сапрыкина И.А. Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.

Сапрыкина И.А., Энговатова А.В. Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // Тверской археологический сб. Вып. 5. Тверь, 2002.

Сидоров В.В. Мутенковское городище // Археология Подмосковья. Матер. научн. семинара. М., 2004.

Смирнов К.А. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище // Древнее поселение в Подмосковье. МИА. 1970. № 156.

Смирнов К.А. Периодизация памятников городецкой и дьяковской культур (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Дис. ... док. ист. наук // Архив ИА РАН. 1991. Р-2. № 2489.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.

Черных Е.Н., Барцева Т.Б. Химический состав цветного металла Троицкого городища // МИА. 1970. № 156.

Энговатова А.В. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004.

Энговатова А.В., Сапрыкина И.А. Хронология раннего периода Москворецкой группы памятников дьяковской культуры по данным радиоуглеродного анализа // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.

On umbo-shaped pendants of the D'yakovo culture

I. A. Saprykina

Summary

Complex analysis (typological, chronological, technological and metal chemistry) has been applied to 33 umbo-shaped pendants of the D'yakovo culture. Umbo-shaped pendants of various types existed from the 5th–4th cc. B.C. to the 3d – 5th cc. A.D. Early umbo-shaped pendants (from 5th–4th cc. B.C. to the beginning of the present era) are characterized by open-work shield, with the loop of the pendant fastened to the center of the shield (the umbo) at the rear side. They were mainly manufactured of leaded bronze (with a high Sn content) by lost-wax casting; an insignificant amount (5%) were cast in pressed master patterns. In the 2nd–1st cc. B.C. – 1st–2nd cc. A.D. umbo-shaped pendants of the early period coexist with pendants characterized by the loop being fastened to the rim of the shield. These pendants dominate in the later period, till the 3d–5th cc. A.D. They are stylistically different in that the décor of the shield is moved to the rim. The pendants were cast using different alloys – leaded bronze of a formula different from the earlier one, zinc alloys and multi-component alloys.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 41–49

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2006 г. Г. Ф. Никитина

Институт археологии РАН, Москва

Можно считать, что с распространением черняховской культуры в Восточной Европе произошла экономическая революция. Анализируя материалы культуры, приходится признать, что во всех областях экономики наблюдается резкий скачок на ступень выше в уровне развития технологий во всех сферах производства относительно предшествующих местных культур.

Экономика черняховцев охватывала: земледелие, скотоводство, домашнее и ремесленное производство, торговлю. Статья посвящена земледелию.

Среди земледельческих культур лесостепной зоны Восточной Европы железные наральники впервые появляются только на памятниках черняховской культуры. В культурах первой четверти I тыс. н.э., предшествующих черняховской, отсутствие железных пахотных орудий доказывается не только их реальным отсутствием, но и условиями расселения жителей, местоположением тех земель, на которых они предпочитали селиться и вести свою хозяйственную деятельность. Анализ мест их расселения очень показателен. На территории, занимаемой черняховской культурой в предшествующую эпоху, в настоящее время выделено 10 культур, населявших те или иные регионы этой обширной территории (рис. 1).

Большинство предшествующих культур, за исключением Волыни и Поднестровья, занимали области по периферии территории, в будущем занятой черняховской культурой – по границе между лесной и лесостепной природными зонами.

Западные области Волыни и Верхнего Поднестровья, до размещения здесь черняховской культуры, были территорией бурных политических притязаний, с большим притоком нового населения, разного уровня хозяйственной деятельности. Население сменялось, интегрировалось, ассимилировалось, создавая новые культурные образования (рис. 2).

Население зарубинецкой культуры (I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.) предпочитало селиться в долинах рек, на луговых участках и на участках, не занятых лесом, в местах с легкими плодородными почвами (Пачкова, 1974. С. 25).

Волынские памятники пшеворской культуры (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) В первом веке до н.э пшеворские памятники по Сану и его притокам проникают на территорию Волыни и Поднестровья. Поселения размещались в низких местах на первой надпойменной террасе небольших речек, на песчаных мысах и луговых долинах (Козак, 1992. С. 10). Хозяйственная деятельность протекала на землях легких для обработки.

В середине I в. н.э. зарубинецкая культура прекратила свое существование. Часть населения продвинулась и на юг, на Волынь, где столкнулась с носителями пшеворской культуры. В результате их взаимодействия сформировалась новая культура, зубрицкая (Козак, 1992. С. 132).

Памятники зубрицкой культуры (вторая половина I – первая половина III вв. н.э.). По мнению автора, выделившего зубрицкую культуру, образование культуры явилось результатом взаимной интеграции двух культур зарубинецкой и пшеворской, с несомненным участием дакийского населения. Памятники ее размещались иногда на тех же местах, где раньше располагались пшеворские поселения, а также на склонах над обширными луговинами или на высоких берегах речек, иногда на черноземных почвах (Козак, 1992. С. 33, 134).

Памятники липицкой культуры (I–II вв. н.э.) В I в. н.э. в область верхнего Поднестровья проникают носители липицкой культуры, поселения которых располагались на солнечных склонах речек и ручейков, на черноземных почвах (Цигилик, 1976. С. 130).

Памятники вельбарской культуры (вторая половина II–III в. н.э.) В середине II в. н.э. на эту территорию проникают носители вельбарской культуры, поселения которых размещались на высоких плоских надпойменных террасах, на склонах пологих балок. На мысах, врезающихся в луговые долины, вдоль речек и балок на местах, покинутых зубрицким населением (Козак, 1992. С. 73); преимущественно на легких для обработки почвах.

В верховьях Прута в долинах рек и на высоких плато размещались *памятники культуры подкарпатских курганов* (вторая полвоина I – середина III в. н.э.) на подзолисто-луговых или черноземно-луговых грунтах (Вакуленко, 1977. С. 45).

В Прутско-Днестровском междуречье, в среднем его течении, в это время встречены курганы кочевых сармат. Где-то во II в. н.э. сарматы в какой-то мере оседают на землю, о чем свидетельствуют немногочисленные поселения, обнаружен-

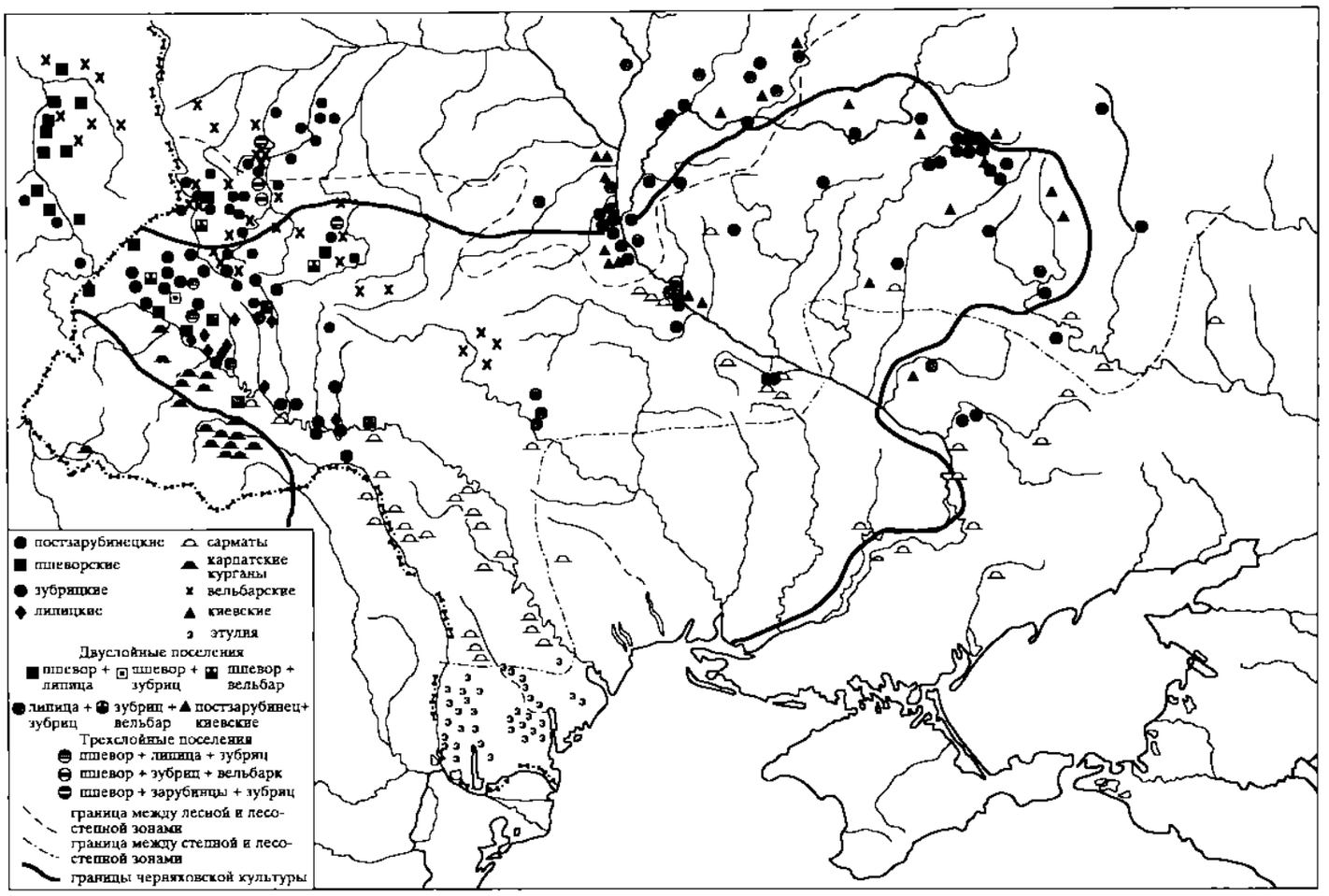


Рис. 1. Карта археологических культур первой четверти I тыс. н.э. (Составлена на основе Этнокультурной карты Украины, 1985, с добавлениями по: Козак, 1992; Рикман, 1976; Гудкова, 1999; Хавлюк, 1975; Вакуленко, 1977; Терпиловский, 1984; Щукин, 1999; Обломский, 2002.)

ные в Прутско-Днестровско-Дунайском междуречье. Но они слабо изучены, и мы мало что о них знаем (Рикман, 1976. С. 41).

В нижнем течении Днестра территория занята памятниками *культуры типа Этулия* (II – середина III в. н.э.), селища которой расположены на берегах степных рек, озер и лиманов, на первых надпойменных террасах на дерновых степных почвах (Гудкова, 1999. С. 274).

На обширной территории между Днестром, Южным Бугом и Днепром памятников этого времени известно мало (Этнокультурная карта..., 1985. Рис. 1). Это преимущественно одиночные сарматские курганы, и только на Буге зафиксировано скопление позднезарубинецких памятников, принадлежащих оседлому населению.

Селища *постзарубинецких памятников Побужья* (вторая половина I–II в. н.э.) размещались в таких же местах, как и собственно зарубинецкие памятники, на высоких мысах коренного берега речных долин, а некоторые на дюнах или на краю низких надпойменных террас (Хавлюк, 1975. С. 7).

Аналогичные постзарубинецкие памятники второй половины I–II в. н.э., характеризующиеся кроме зарубинецких позднескифскими, пшеворскими и другими элементами в культуре, а также выделенный М.Б. Щукиным в *горизонт Рахны-Почеп* (1986. С. 26–38) распространены в долинах Среднего Поднепровья и Подесенья (Терпиловский, 1984. Рис. 23). Население этих культур в регионах Левобережья расселялось в низких поймах рек на дюнах, на песчаных холмах в пойме, на низких надпойменных террасах, среди болот (Щукин, 1994. С. 257. Рис. 82).

Киевская культура (конец II–V в. н.э.), сложившаяся на основе позднезарубинецких древностей, занимая часть Днепровского Левобережья в его Деснинском бассейне, является культурой оседлого земледельческого населения. Условия жизни и уровень развития земледелия сходны с развитием всех перечисленных культур. Население селилось по краям надпойменных террас, используя их наиболее плодородные участки с легкими почвами (Терпиловский, 1984. С. 59).

Глядя на карту (рис. 1), следует отметить несколько моментов. Первое, это то, что большинство предшествующих культур занимали регионы по границам лесной и лесостепной природных зон,

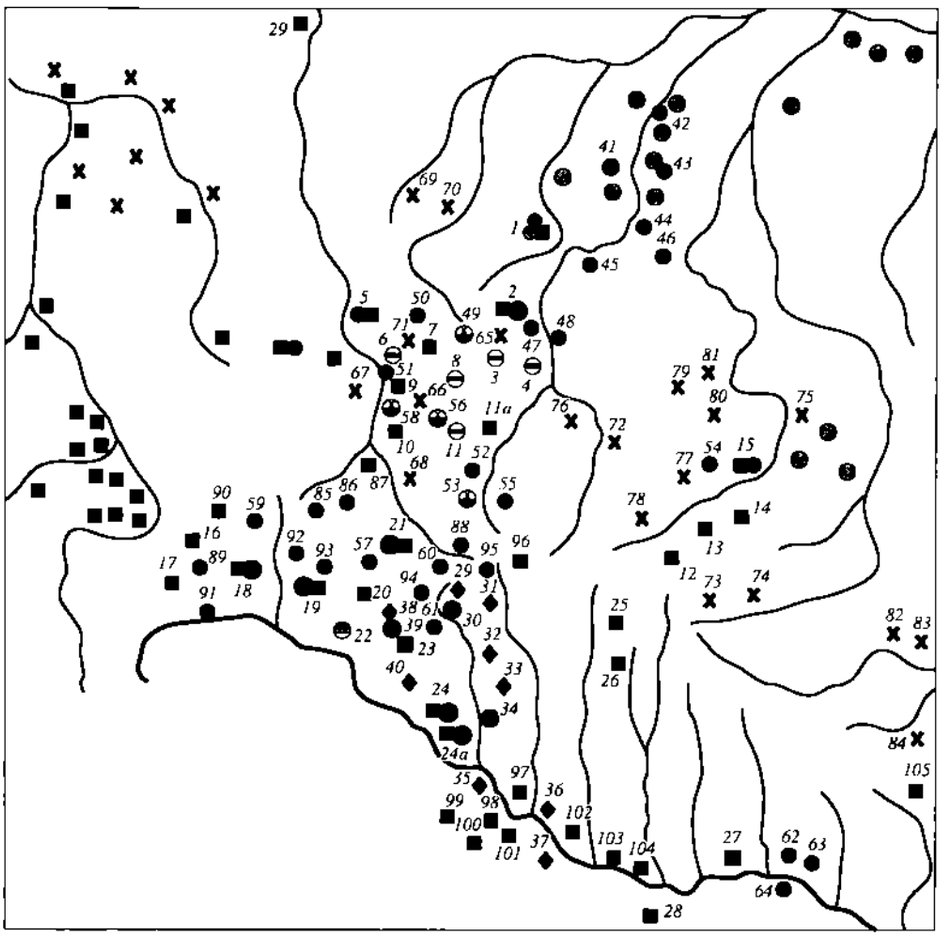


Рис. 2. Карта памятников Волыни и Верхнего Поднестровья в первой четверти I тыс. н.э. (по: Казак, 1992. Рис. 1, *13*, *39*). *1* – Пидрижье; *2* – Рокины; *3* – Горка Полонка II; *4* – Боратин; *5* – Лежница I; *6* – Лежница II; *7* – Зимне; *8* – Ливнев; *9* – Вишневка; *10* – Бендюга; *11* – Загай II; *11а* – Чаруков; *12* – Шамбур; *13* – Остров Варковецкий; *14* – Липа; *15* – Хоров; *16* – Поповичи; *17* – Нижанковичи; *18* – Комарно; *19* – Пасики-Зубрецкие; *20* – Шишки; *21* – Подберезцы; *22* – Черепин; *23* – Гринев; *24* – Бурштын; *24а* – Куропатники; *25* – Лучка; *26* – Монастыриха; *27* – Бернашевка; *28* – Хотимир; *29* – Лагодов; *30* – Майдан Гилогирский; *31* – Ремизовцы; *32* – Болотня; *33* – Верхняя Липица; *34* – Бовшев; *35* – Незвиска; *36* – Зеленый Гай; *37* – Неполоковцы; *38* – Чишки; *39* – Звенигород; *40* – Зализки; *41* – Новоселки; *42* – Балаховичи; *43* – Куликовичи; *44* – Семки; *45* – Розничи; *46* – Цумань; *47* – Луцк-Гнидава; *48* – Новостав I; *49* – Баев; *50* – Фалемичи; *51* – Литовиж; *52* – Бильче; *53* – Боромель; *54* – Великое Деревянче; *55* – Хренники; *56* – Михлин; *57* – Подбирцы; *58* – Свитозав; *59* – Зубра; *60* – Новоселки; *61* – Липовцы; *62* – Великая Слободка; *63* – Лука-Врублевецкая; *64* – Оселивка; *65* – Рованцы; *66* – Ромош; *67* – Федоровцы; *68* – Яструбичи; *69* – Любомль; *70* – Машев; *71* – Михале; *72* – Дитиничи; *73* – Барсуки; *74* – Лепесовка; *75* – Могиляны Хмельник; *76* – Береги; *77* – Уйздцы; *78* – Остров; *79* – Городок; *80* – Зозив; *81* – Великий Олексин; *82* – Слободка; *83* – Демидовка; *84* – Гуньки; *85* – Воля Гомулецкая; *86* – Кожичи; *87* – Червоноград; *88* – Борщовцы; *89* – Твирж; *90* – Добростаны; *91* – Березец; *92* – Сокольники; *93* – Давыдов; *94* – Жировка; *95* – Иванковцы; *96* – Перепильники; *97* – Петрилов; *98* – Олешки; *99* – Слободка Пильна; *100* – Каменка Великая; *101* – Репужинцы; *102* – Иване Злото; *103* – Капустинцы; *104* – Боришковцы; *105* – Великая Барнавка (условные обозначения см. на рис. 1).

почти не спускаясь в лесостепь. Так, постзарубинецкие памятники распространены по правым притокам Припяти, по Десне и среднему течению Днепра. Киевская культура на раннем этапе своего развития занимала территорию среднего Поднепровья и нижнего Подесенья.

Иную картину мы наблюдаем в западных областях, где в зону лесостепи на протяжении I – первой половины III вв. н.э. продвигаются и заселяют племена разных культур с севера, северо-запада и запада (рис. 2). По данным Д.Н. Козака, в I в. до н.э. на эту территорию проникают пшеворские племена. В середине I в. н.э. сюда продвигаются группы зарубинецкого населения, которые смешиваются с пшеворцами, в результате этого смешения возникает новая культура зубрицких памятников. В конце II в. и на протяжении III–IV вв. сюда проникают носители вельбарской культуры. Они занимают территории верховьев Западного Буга и правых притоков Припяти, вплоть до Горыни, вытеснив население и пшеворской, и зубрицкой культур, часто расселяясь на их же селищах.

По перечисленным данным видим, что население большинства культур предпочитало селиться в длинах рек, где почвы формируются из плодородных аллювиальных отложений, практически

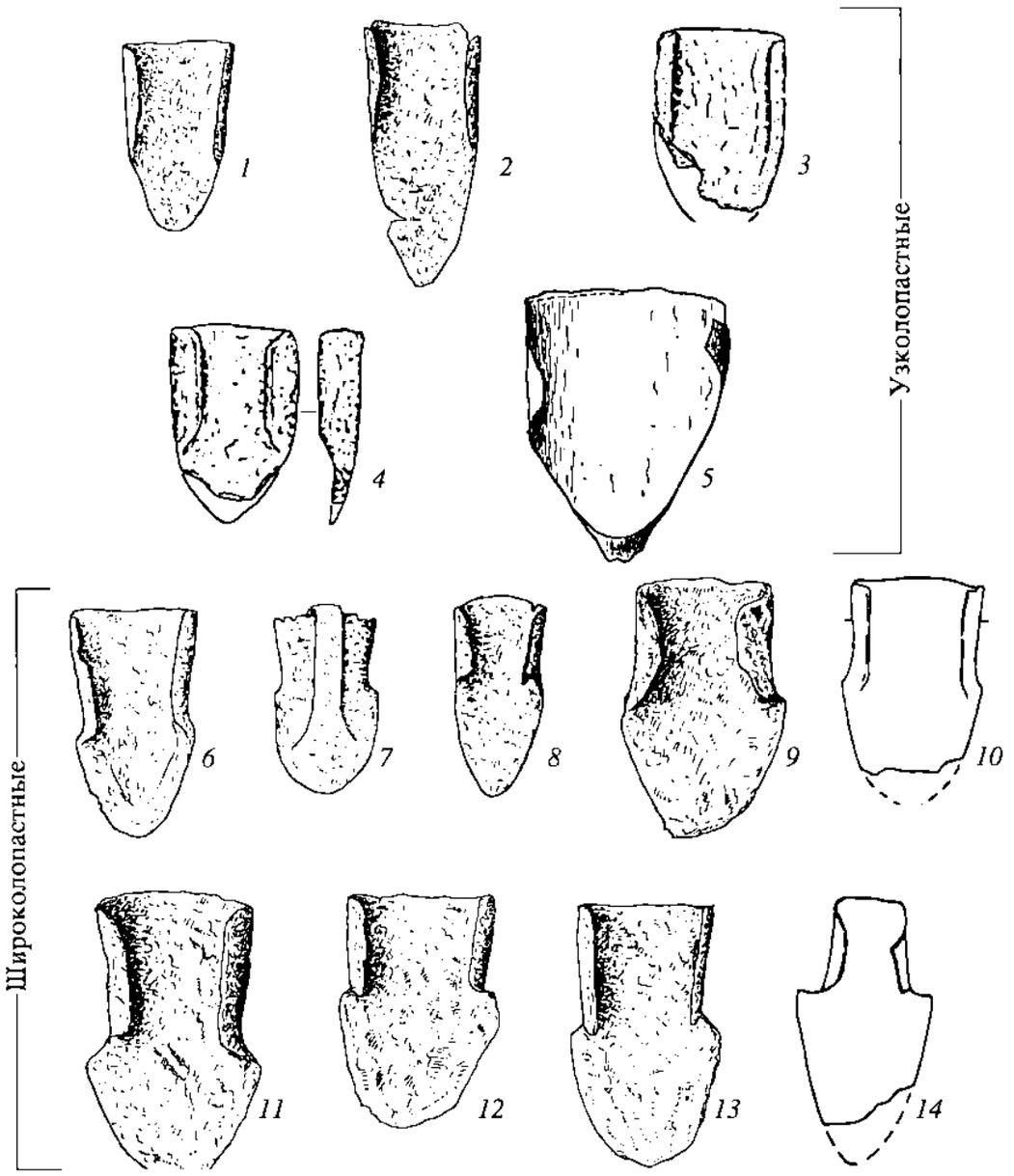


Рис. 3. Наральники черняховской культуры: *1* – Волошское; *2* – Зофиполе; *3* – Каменка Анчекрак; *4* – Тилигуло-Березанка; *5* – Рипнев II; *6* – Кринички; *7* – Оселивка; *8* – Яроняв; *9* – Загайканы; *10* – Глинск; *11* – Иголомия; *12–13* – Могила; *14* – Мирное.

не выходя, за редким исключением, на плато коренных берегов с тучными черноземами. Это наблюдение является как бы косвенным подтверждением тому, что древние носители этих культур выбирали места поселений с легкими почвами, соответствующими тем деревянным пахотным орудиям, которыми они располагали – деревянные соха, рало, суковатка.

Итак, в предшествующее черняховской культуре время все оседлые культуры предпочитали селиться в местах, благоприятных для земледелия. Известно, что основным пахотным орудием, используемым в этих культурах, были уже упомянутые соха и рало, изготовляемые из дерева (Довженок, 1961). Находки из торфяников позволяют увидеть, что это были примитивные полозные рала – орудия с невысокой производительностью (Пачкова, 1974. С. 31–33. Рис.17).

В 60-е годы прошлого века в литературе довольно оживленно обсуждалась тема об уровне развития земледелия у черняховцев. Принципиальная суть вопроса заключалась в том, что целый ряд исследователей полагали – уровень земледельческой техники у черняховцев был настолько высок, что обеспечивал производство зерна не только для собственного потребления, но и для вывоза хлеба на экспорт. Это мнение опиралось на целый ряд аргументов и прежде всего на то, что с появлением черняховской культуры на этой территории впервые появились железные детали пахотных орудий – наконечники на рабочую часть рала (наральники) и чресла (ножи, взрезающие дерн) (рис. 3).

Находки металлических наконечников возбудили, в свою очередь, спор были ли это детали плуга, т.е. детали более эффективного орудия, позволявшие проводить качественную обработку земли с меньшими энергетическими затратами, или наконечники рала – пахотного орудия менее эффективного.

Возможность более продуктивного земледелия у черняховцев основывается на мнении о распространении у них, впервые на этой территории, во-первых, железных орудий вспашки (наральники и чересла), во-вторых, орудий типа римского плуга с железными наконечниками, не только рыхлившими землю, но и отрезавшими и отваливающими пласт. Последнее являлось значительным совершенствованием агротехники земледелия.

Первую систематизацию железных наконечников предложил М.Ю. Брайчевский, перечислив 16 пунктов с находками пахотных орудий (наральников и чересел), выделив два типа наконечников (1964. С. 30–36). Наконечники с лезвием, по ширине равным втулке, и орудия с лезвием чуть шире втулки. За прошедшие годы число находок пахотных орудий увеличилось до 39, по сведению румынского археолога И. Ионицы, собравшего находки по всей черняховской культуре (Магомедов, 2001. С. 89). Уже такое количество находок говорит о многом, если столь сохраняемые в хозяйстве и утилизируемые орудия все-таки встречаются на памятниках. В предшествующих культурах железных пахотных орудий нет, пахали деревянными орудиями, а места расселения этих культур лишний раз подтверждают это.

Высокий уровень развития земледелия у черняховцев основывался, по мнению исследователей, на использовании упряжных пахотных орудий типа плуга, который подрезал и переворачивал на одну сторону вспахиваемый пласт земли, тем самым решалось две задачи – борьба с сорняками и экономия усилий при вспашке. В перевернутом слое солнце выжигало корни сорняков, а односторонний отвал не оставлял невспаханных борозд (в противном случае требовалась поперечная вспашка поля), тем самым сокращались энергетические затраты при обработке поля (Брайчевський, 1964. С. 39). Этот агротехнический прием описан еще у греческого автора V в. до н.э. Ксенофонта в его труде "Экономика". Позднее аграрная техника и орудия пахоты совершенствовались, о чем сообщают в своих трудах римские авторы II в до н.э. – I в. н.э. – Катон, Варрон, Плиний Старший. Последний описывает пахотное орудие с колесами, резцом и отвальными досками. Именно в это время появляется и железный лопатообразный лемех. (Возникновение и развитие земледелия, 1967. С. 112, 113).

Ю.А. Краснов поставил под сомнение идею, согласно которой узколопастные железные втульчатые наконечники пахотных орудий, распространенные в позднеримское время, могут являться орудием настоящего плуга. По его мнению, небольшие размеры наконечников и слабая их асимметричность недостаточны для одностороннего отвала, а именно возможность одностороннего отвала вспахиваемого грунта является важнейшим и определяющим признаком всякого плуга.

Наличие чересел в комплекте с железными наконечниками, которые тоже впервые появились на черняховских поселениях, многими рассматривалось как косвенное доказательство для отнесения данных орудий к типу плужных, тоже не является, по мнению Ю.А. Краснова, основанием для того, чтобы считать их деталями настоящего плуга. Он приводит примеры появления чересел на археологических памятниках последних веков до н.э., когда плуг еще не был изобретен, а чересло использовалось в комплекте с ралом. Ю.А. Краснов считал, что настоящий плуг появился не ранее XIII в. (1971. С. 4).

Разбирая все случаи асимметричности черняховских наконечников, которая, якобы, обеспечивала односторонний отвал, он приходит к выводу: асимметричность у них столь незначительна, что признать ее преднамеренной, с целью создания орудия одностороннего отвала нельзя. Асимметричность могла, по его мнению, возникнуть случайно, в результате стачивания граней в процессе пахоты.

Кроме того, все известные наконечники незначительных размеров, поднимаемый ими пласт – не более 5–7.5 см, т.е. менее толщины дернового слоя. Изготовлены они из тонких железных пластин, и потому могли использоваться только для обработки легких или старопахотных почв. С его точки зрения, можно с уверенностью говорить лишь о появлении в позднеримское время не плуга, а тяжелого рала, иногда снабженного чересло и колесным передком (Краснов, 1971. С. 11). Но в этой же статье он пишет: "Переворачивание дернового пласта могло достигаться и ралом, не имевшим никаких отвальных приспособлений, за счет наклона его при работе на одну сторону" (1971. С. 9). Добавим, что и так называемыми "полозными ралами, даже не имеющими отвальных приспособлений, путем наклона орудия в ту или иную сторону, можно было добиться оборота пласта земли" (Краснов, 1970. С. 137). Кроме того, совсем не исключается, что пахотные орудия с узколопастными наконечниками у черняховцев могли быть снабжены отвальными досками. Эти деревянные детали на археологических памятниках не сохраняются и известны только по описаниям еще у древних авторов пахотных орудий с колесным передком, чересло и отвальными досками, а также по этнографическим данным у рал, используемых с наклоном (Возникновение и развитие земледелия, 1967. С. 113). А если это так, то такие рала по

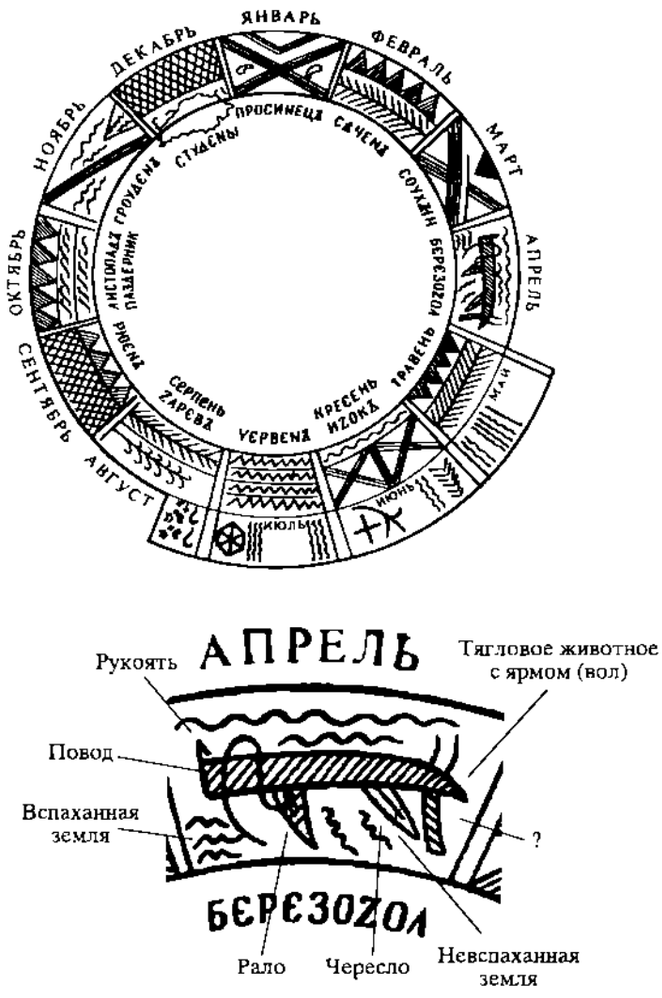


Рис. 4. Рисунок на трехручной вазе из Лепесовки.

своим рабочим функциям качественно аналогичны плугам, только, возможно, уступали им по мощности.

Кстати, одна из подлинных конструкций черняховского рала нам известна. Рисунок рала запечатлен на ритуальной вазе из черняховского поселения в Лепесовке (рис. 4). Это орудие относится к виду прямогрядильных рал, с наклонно-поставленным ралом, с резцом (чересломл) перед рабочей частью. Рало запряжено волом. Прорисованы рукоять пахаря и повод погонщика (Рыбаков, 1981. С. 325).

И все-таки есть косвенные основания не согласиться с Ю.А. Красновым, который считает, что все разновидности рала использовались только для рыхления старопахотных земель, а целину черноземных грунтов мог поднять только плуг.

Прежде всего черняховские поселения стали распространяться не только в поймах рек, как в предшествующее время, а в подавляющем большинстве вышли на коренные берега в зону черноземов (рис. 5). В отчетах по раскопкам поселений мало внимания уделяется описанию почв культурного слоя. Мне известна лишь одна сравнительная подборка по черняховским памятникам Днепровского Левобережья с учетом характера ландшафта и почв (Обломский, 2002. Табл. 5–13). Автор делает обоснованный вывод: черняховские памятники в подавляющем большинстве находятся на черноземах. Сравнительный анализ с поселениями, где преобладает лепная керамика киевской культуры, и черняховскими, с гончарной керамикой, показывает, что последние жестко привязаны к черноземным грунтам, а селища с лепной керамикой привязаны к речным долинам с пойменными лесами и лугами, и области распространения их не совпадают (Обломский, 2002. С. 31–32).

Если сравнивать карты распространения памятников первой и второй четвертей I тыс. н.э. (рис. 1 и 5), то становится очевидным демографический взрыв, произошедший в III–IV вв. н.э. в соответствии с основным законом природы – увеличение кормовой базы – ведет к увеличению популяции. Увеличение кормовой базы могло произойти благодаря использованию более плодородных земель и совершенствованию агротехники в обработке пахотной земли. Если согласиться с Ю.А. Красновым, что появление железных наконечников, ввиду их маломощности, не привело ни к чему большему в усовершенствовании пахотных орудий, кроме как "к увеличению их долговечности, не давая деревянным частям размочаливаться", то в этом случае роста населения мы бы не наблюдали. В этом смысле очень поучительна карта памятников позднеримского периода, данная в работе А.М. Обломского (2002. С. 151. Рис. 1). Сравним количество памятников черняховской и киевской культуры, с населением не знавшим железных наконечников и потому селившимся на более легких землях, используя при пахоте деревянные рала (Обломский, 2002. С. 32). Черняховские поселения по площади были более обширными, а следовательно, жителей на них было больше. Примером может служить даже такая простенькая табличка одной из семи областей, например Белгородской, составленная по исходным данным А.М. Обломского (2002. Табл. 4; 6).

Культура	Размах площадей	Менее 1.5 га	Больше 1.5 га	Всего и %
Киевская	0.2–7.5 га	23–59%	16–41%	39
Черняховская	0.3–13 га	10–34%	19–65%	29

Если бы у черняховцев железные наконечники "сохраняли бы только деревянные рабочие части", а не выполняли в той или иной мере функции плуга, как-то: осуществление одностороннего отвала с переворачиванием пласта земли, т.е. не проводилась бы борьба с сорняками; не сокращались бы энергетические затраты на повторное перепахивание поля, требуемое при использовании рала, получить достаточное количество сельхоз продуктов

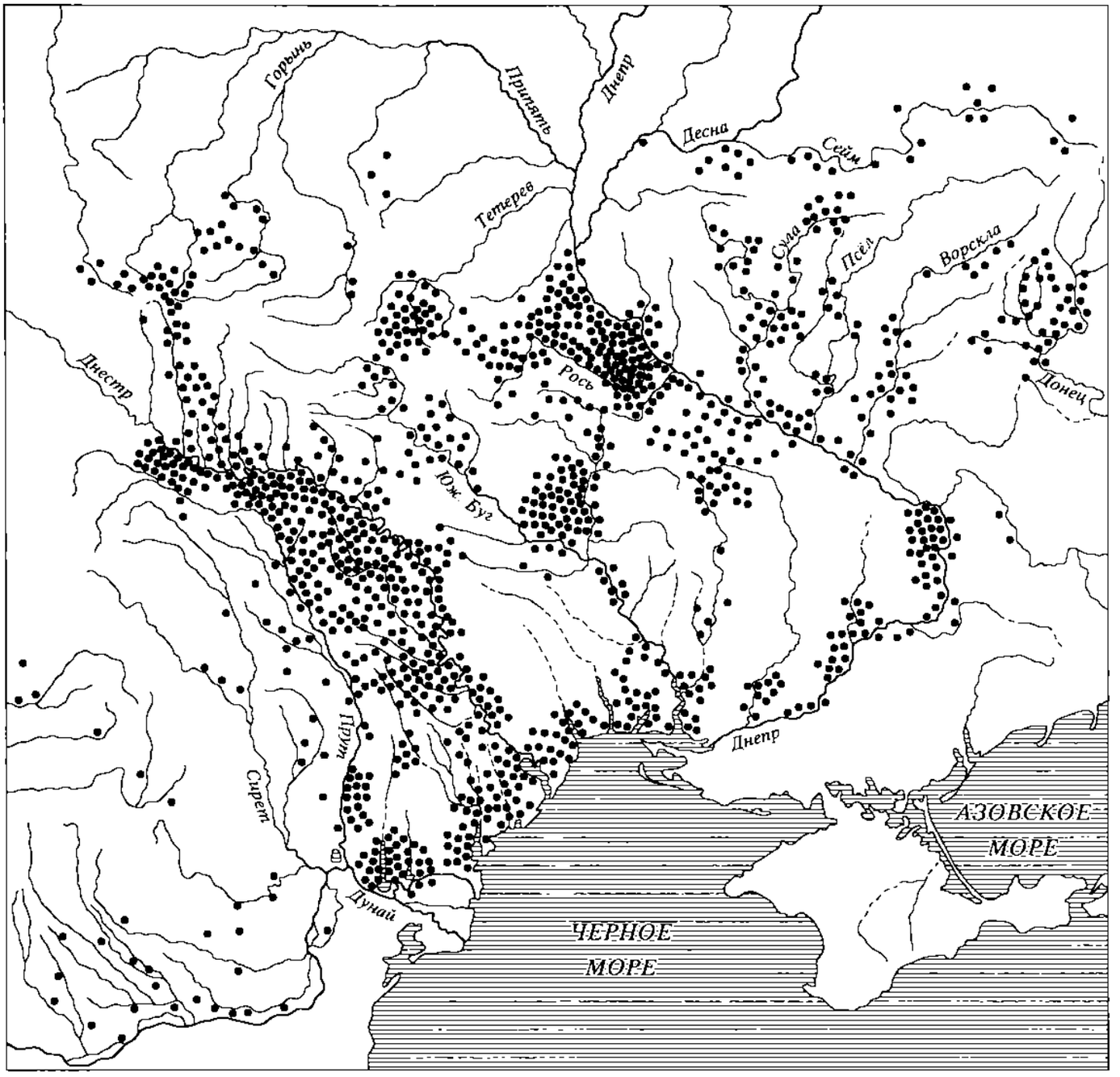


Рис. 5. Карта памятников черняховской культуры.

было бы не возможно (Возникновение и развитие земледелия, 1967. С. 113). На землях Восточной Европы железные лопатообразные наконечники появляются с приходом людей, носителей черняховской культуры, скорее всего знакомых и с пахотными орудиями, и с достижениями агротехники Средиземноморья, и тогда же на памятниках черняховской культуры стали находить железные наконечники и чересла.

Приведенные примеры не позволяют согласится с Ю.А. Красновым, который не считал возможным приписывать черняховским железным наконечникам функции плуга и тем самым делать далеко идущие выводы о невысоком уровне развития земледелия у черняховцев (1971. С. 4). Выводам Краснова противоречат и факты, свидетельствующие о высоком уровне развития земледелия. Упомянем появление в культуре ручных ротационных жерновов, пришедших на смену примитивным зернотеркам предшествующих культур. Целые их экземпляры и обломки в огромном количестве находят на поселениях. Например, на поселении в Будештах из 9 вскрытых жилищ в пяти были найдены жернова. Появление их почти на каждом черняховском поселении прежде всего говорит о значительном увеличении урожаев, а значит и о высокой производительности земледелия этого населения. Судя по тому, что жернова находились почти в каждом доме, Э.А. Рикман делает вывод, что помол зерна производился для нужд каждой

семьи своими силами, а не силами всей общины (1976. С. 139). В то же время П.И. Хавлюк, раскопав на поселении Дорошевка помещение с тремя полными наборами жерновов, делает вывод, что обслуживание нескольких установок для помола зерна требовало много рабочей силы и допускает возможность использования невольников (рабов) (1977. С. 28). Хотя наличие мукомольного объекта на поселении может рассматриваться и как общинная мукомольня, обслуживаемая общинниками в счет "трудовой повинности".

По-видимому, нельзя согласиться с Ю.А. Красновым и по поводу использования пахотных орудий только для обработки легких и старопахотных почв (1971. С. 7). Есть еще один довод, противоречащий этому. Э.А. Рикман сообщает, что на некоторых черняховских поселениях Молдавии при изучении зерновых остатков было установлено, что зерно почти не засорено сорняками и на поселении степной зоны (Комрат) и на поселении, где земли недавно очищены от леса (Делакеу). Это наблюдение говорит о том, что здесь окультурены целинные земли. Такая же картина наблюдалась и на поселении Лепесовка, где найденные просо и карликовая пшеница не были засорены сорняками (Рикман, 1976. С. 140). Биолог З.В. Янушевич, исследовавшая зерна из многих черняховских поселений, отмечала, что незасоренность зерна свидетельствует о посевах на поднятой целине (1973. С. 11). Следовательно, черняховцы первыми в этом регионе стали осваивать черноземы.

Можно привести еще одно исследование, свидетельствующее о высокой продуктивности земледелия в черняховской культуре. Э.А. Рикман опубликовал подсчеты об объемах зерновых ям на некоторых поселениях Молдавии. В каждой из 19 зерновых ям, обнаруженных на селищах во Флорештах, Делакеу, Будештах, для которых сделан подсчет, могло храниться 149 ц пшеницы или 122.5 ц ячменя, что хватило бы на прокорм 74 человек в течение целого года (1976. С. 135). А такие ямы-хранилища различной формы, устройства и размеров обнаружены на 15 селищах (1976. С. 118). В урожайные годы прибавочный продукт земледелия мог быть настолько велик, что превышал потребности собственного потребления и вполне мог экспортироваться, тем более что спрос был обеспечен потребностями прокорма римской армии. Знаменательно, что именно на памятниках черняховской культуры наблюдается массовый приток римской монеты (Кропоткин, 1961. Рис. 23).

Итак, суть полемики Ю.А. Краснова сводиться к утверждению, что пахотные орудия черняховской культуры не могут быть отнесены к разряду настоящих плугов, а пользовались черняховцы ралом с железным наконечником на рабочей части – наральником. Разница между ралом и плугом заключается, по мнению Ю.А. Краснова, в том, что первое являлось симметрично работающим пахотным орудием, а плуг – орудие с односторонним отвалом. Настоящий плуг в Европе появляется, по его мнению, в конце XIII – начале XIV в., а на рубеже новой эры в некоторых районах Европы появляются тяжелые пахотные орудия, снабженные чересломи колесным передком, и широко распространяются в позднеримское время, но это не плуг, а рало. Свое утверждение Ю.А. Краснов основывает на том, что до XIII в. нет ни одного иконографического изображения настоящего плуга.

Возможно, формально Ю.А. Краснов и прав, находя разницу между ралом и плугом. Но агротехническая инструкция, выработанная еще в V в. до н.э. и зафиксированная Ксенофонтом об одностороннем отвале, имеющимися тогда орудиями как-то же достигалась. Следовательно, суть не в том, как назвать эти орудия, а в том, какие результаты могли получить черняховцы, используя орудия с железными наконечниками и новые агротехнические приемы. Приходиться признать, что эффективность земледелия у носителей черняховской культуры резко возросла, что и позволило укрепиться черняховской "империи".

Поскольку идея о создании и использовании железных наконечников на рала не "вызрела" в местных условиях, следовательно, она была привнесена на эту территорию другим народом.

Черняховская культура приписывается готам (о славянах говорить не будем). Археологически готские памятники не выделены, но все культуры, которые можно приписывать готам до формирования черняховской культуры, не могли привнести железные орудия для пахоты. Железных орудий не было ни в поморской, ни в пшеворской, ни в вельбарской культурах, а места их расселения лишний раз подтверждают, что земледелие у них было на более низком уровне. Они пользовались деревянными пахотными орудиями, у них не было чересел, они получали муку, растирая зерно на зернотерках. Так откуда же пришел народ, обладавший новыми, более высокими технологиями земледелия?

Выясняется, что во второй половине III в. до н.э. в Карпатский регион проникают кельты, и результатом этого проникновения является появление в восточных Карпатах целого куста железоделательных производств в р-не Ужгорода и Мукачева, где железо добывалось на месте и обрабатывалось кузнецами здесь же. Здесь на поселениях Галиш-Ловачка, Ново-Калиново и многих других, обнаружено большое количество готовых железных изделий различного хозяйственного назначения, в том числе и готовые железные наральники. В этом районе вскрыто 284 сыродутных горна, которые располагались площадками по 30–60 горнов вплотную в ряд (Бідзіля, 1971).

Кельты исчезают как самостоятельная культура в 60-х годах I в. до н.э., будучи раздавленными и вытесненными экспансией римлян с юга и натиском варваров с севера Европы. В Карпатах, где в

это время активно действовали даки царя Буребисты, складывается взаимодействие их с кельтами, подтверждением чему служит распространение памятников кельто-дакийского культурного облика. Такова раскопанная здесь крепость у села Малая Копаня, со слоями этого горизонта, которая просуществовала до конца II в. н.э. Кроме того, известно, что вождь даков Децебал, после присоединения провинции Дакия, просил у римлян присылать ремесленников с целью обучения даков новым технологиям (Кругликова, 1955. С. 63, 83, 84).

На территорию Поднестровья, как уже говорилось, в I в. н.э. продвигаются племена липицкой культуры, носителями которой считаются даки. Это единственная культура с серой лощенной гончарной керамикой, с поселениями, расположенными на черноземах, где правда только в одном случае найден железный наральник, по форме близкий наральникам из Галиш-Ловачки. Памятники этой культуры датируются временем не позднее конца II в. н.э. С черняховской культурой разрыв в пол столетия. Но складывается впечатление, что именно эта культура сыграла значительную роль в формировании черняховской, и, возможно, через нее на эту территорию попадают все многочисленные новации в экономике, которые свойственны черняховской культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бідзіля В.І. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971.

Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янскої державності. Київ, 1964.

Вакуленко Л.В. Пам'ятки Підгір'я українських Карпат першої половини I тис. н.е. Київ, 1977.

Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.

Гудкова А.В. I–IV вв. в северо-западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.

Довженок В.И. Земледелие Древней Руси. Киев, 1961.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – III ст. н.е.). Київ, 1992.

Краснов Ю.А. К проблеме эволюции рала // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Краснов Ю.А. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры // КСИА. 1971. Вып. 128.

Краснов Ю.А. Об одном типе пахотных орудий Древней Руси // КСИА. 1976. Вып. 146.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961.

Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Обломский А.М. Днепровское Лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002.

Пачкова С.П. Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1976.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–IV вв. Киев, 1984.

Хавлюк П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністера // Археологія. 1975. №. 18.

Хавлюк П.І. Про реконструкцію черняхівських жорен // Археологія. 1977. № 24.

Цигилик В.М. Населення Верхнього Поднистров'я перших століть нашої ери. Київ, 1976.

Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культура Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Щукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или что такое черняховская культура? // Время "Че". К 100-летию открытия черняховской культуры. Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.

Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Янушевич З.В. Находки культурных растений на поселении у с. Лепесовка // Acta museorum agriculturae. 1973. V. VIII. № 1.

Chernyakhov agriculuture

G. F. Nikitina

Summary

It is possible to admit that the spreading of the Chernyakhov culture brought about an economic revolution in Eastern Europe. Materials of the culture show that technologies in all production spheres surged abruptly to a higher level as compared to previous local cultures. Researchers are of the opinion that the high level of Chernyakhov agriculture was based on using draught ploughing instruments of the plough type, which cut and turned to one side the ploughed layer, thus both weeding and making the ploughing process easier. Yu.A. Krasnov questioned the idea that narrow-bladed socketed iron ploughshares will have constituted part of a real plough, and hence doubted that Chernyakhov agriculture will have been especially efficient. In his opinion, the small size of the ploughshares and their weak asymmetry do not adequately provide for one-side piling, whereas the capacity for one-side piling of the tilled soil is the most important and definitive characteristic of any plough. In comparison with the agricultural resources of previous cultures of the 1st quarter of the 1st millennium A.D., Chernyakhov agriculuture demonstrates indirect signs of a high level of development. Carriers of the Chernyakhov culture were the first to bring into cultivation the rich virgin black soils; shortly after, signs of rapid agricultural development appear. These include a large number of rotary mills which replaced hand grindstones, capacious pits for storing grain and other supplies, more efficient agricultural tools and, finally, singificant population growth.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 50–63

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АНТРОПОЗООМОРФНЫХ ФИБУЛ (СЛОЖНЫЕ И ДВУПЛАСТИНЧАТЫЕ ФОРМЫ)

© 2006 г. В. Е. Родинкова

Институт археологии РАН, Москва

Антропозооморфные фибулы представляют собой яркую отличительную черту раннесредневекового вещевого комплекса Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, который исследователи с легкой руки А.А. Спицына до сих пор часто именуют "древностями антов". Особый интерес к этим фибулам вызывает тот факт, что они являются одной из немногих категорий предметов, связующих два различных периода в истории данного региона. Антропозооморфные застежки пережили распад колочинско-пеньковского племенного объединения, выделявшего себя среди прочих народов и племен Восточной Европы набором украшений и аксессуаров костюма круга I группы "древностей антов" по О.А. Щегловой (1990б). В изменившейся историко-культурной среде они испытали влияние новых ремесленных и художественных традиций, но продолжили свое существование и влились в женский убор, характерный для "древностей антов" II группы.

Проблемы происхождения и развития простых антропозооморфных фибул, известных по днепровским лесостепным кладам типа Мартыновского, Трубчевского, Козиевского-Новоодесского и др. и датируемых в рамках, вероятно, рубежа VI–VII – середины – третьей четверти VII в., рассмотрены в предыдущей работе (Родинкова, 2006). Настоящая статья посвящена анализу сложных атропозооморфных и двупластинчатых застежек.

Сложные экземпляры образуют подгруппу II антропозооморфных фибул (рис. 1, *II*). В основе они имеют треугольный головной щиток и ромбическую или овальную ножку, окруженные ажурной каймой из сросшихся переплетающихся выступов, в которых читаются стилизованные изображения животных и птиц. Отличительной чертой украшений подгруппы II являются "тяжи"-перемычки, соединяющие головку и ножку фибулы параллельно с выпуклой дужкой. Изредка на лицевую поверхность вещи бывает нанесен орнамент в виде ямок или концентрических окружностей, призванный, как правило, подчеркнуть зооморфные образы, в частности глаза зверей.

Массив рассматриваемых находок неоднороден: большая часть их составляет серии из двух – четырех схожих по размерам и формам изделий. Различия между ними, на мой взгляд, не являются отражением локальной или хронологической специфики. Скорее фиксируемые серии можно считать свидетельством изготовления фибул в нескольких мастерских, ювелирами, принадлежавшими к разным "художественным школам", хотя не исключены и другие причины их появления. Неоднозначность интерпретации различий затрудняет сейчас разработку дробной типологической схемы сложных антропозооморфных застежек. Но некоторые детали их облика важны для изучения источников и механизмов их создания. Такой деталью, в частности, является манера оформления выступа, оканчивающего удлиненный щиток ряда фибул.

Экземпляры, у которых на конце ножки помещено более или менее схематическое изображение человеческой головы, выделены в тип II.1. Они встречены на Пастырском городище (5 экз., в том числе 1 экз. – из клада (?) 1892 г.), Маложитомирской ул. в Киеве[1], в бывш. Каневском уезде, неизвестном пункте в пределах Среднего Поднепровья, на могильниках в Великой Андрусовке и Борках (рис. 2, *6–15*) (Корзухина, 1996. № 3, *2*; 48; 73, *1*, *75*, *76*, *84*; 102, *22*; 125. Табл. 1, *1*; 24, *1*; 32, *5*; 33, *1*, *2*; 88, *5*, *9*; 107, *3*; Parczewski, 1991. S. 119, 120. Ryc. 1, *2*; 2, *2*; Tab. I, *2*, *9*; Приходнюк, 1998в. С. 38, 39, 56. Рис. 65, *2*; 2005. С. 38. Рис. 32, *3*). У всех перечисленных изделий, кроме одного из пастырских образцов и, вероятно, фрагмента из Среднего Поднепровья, головной щиток увенчан двумя соединенными округлыми выступами, украшенными сквозными отверстиями, ямками или циркульным орнаментом. По этому признаку к типу II.1 отнесены также фрагментированные украшения из Черкасского уезда и катакомбы 21 Старосалтовского могильника, у которых нижний выступ на удлиненном щитке обломан, и три экземпляра с

[1] По мнению О.М. Приходнюка, эта фибула, как и другие найденные якобы на ул. Маложитомирской в Киеве украшения (серебряный браслет с округлыми в сечении полыми концами, серебряная серьга), являются частью вещевой коллекции Пастырского городища (2005. С. 58).

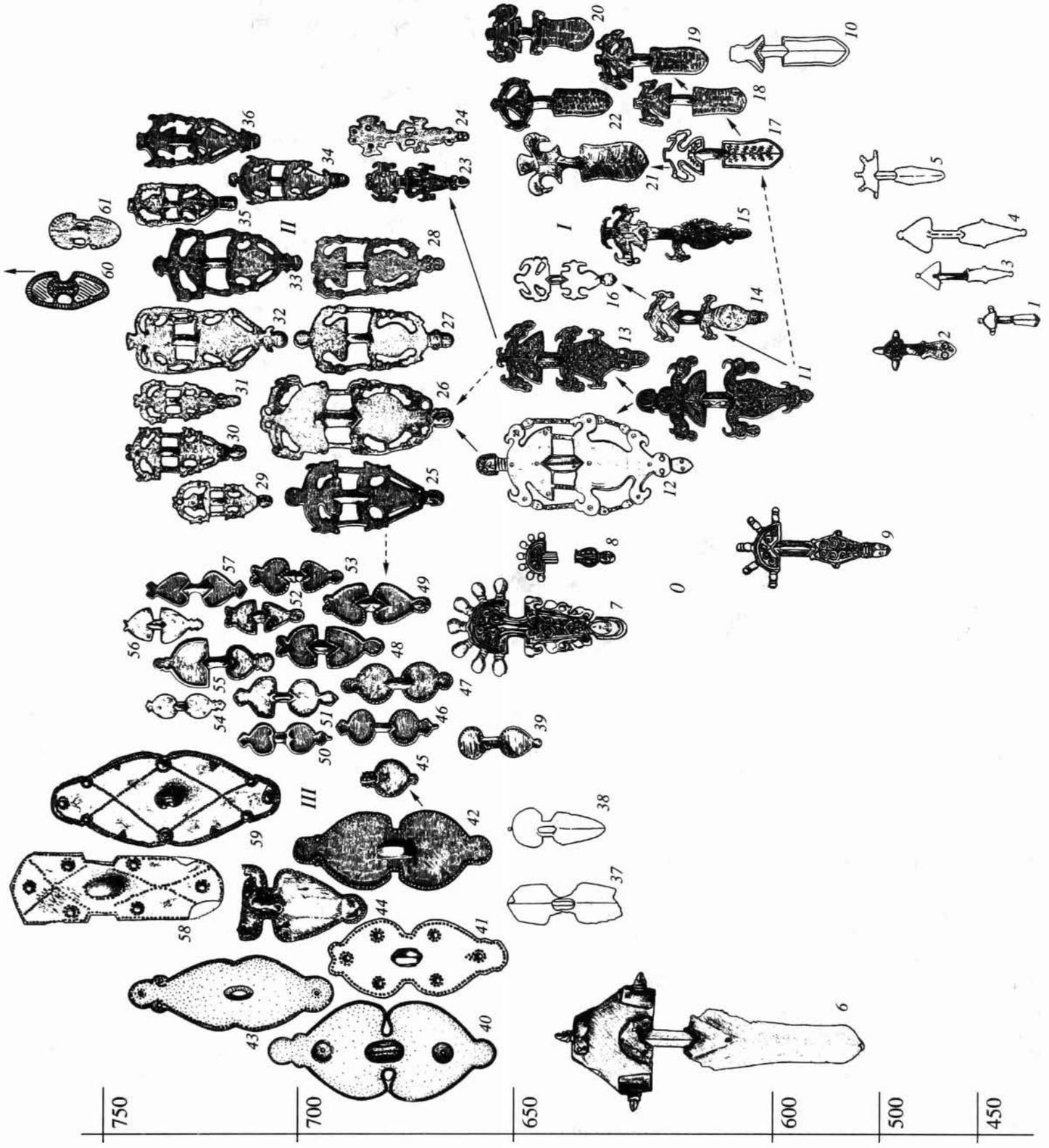


Рис. 1. Схема типологического развития антропозооморфных и двупластинчатых фибул. *0* – пальчатые фибулы; *I* – простые антропозооморфные фибулы; *II* – сложные антропозооморфные фибулы; *III* – днепровские двупластинчатые фибулы. *1* – Теремцы; *2* – Киевская губ.; *3* – Каневский уезд; *4* – Бригецио; *5* – Мощенка; *7* – Кладово; *9* – Княжа Гора; *10* – Суук-Су; *58* – Песчанка, кат. 5; *59* – Ивахники.

Пастырского городища, концы ножек которых осмыслены не как антропоморфные, а как предельно упрощенные зооморфные изображения (рис. 2, *16–19*) (Корзухина, 1996. № 56; 73, *77, 78, 80*. Табл. 33, *3, 4*; 88, *6*; Parczewski, 1991. S. 120. Ryc. 2, *3*; Tab. I, *7*; 1993. S. 115; Ryc. 2, *1*; 3, *1*; Любичев, 1994. С. 96. Рис. 1, *6*).

Тип II.2 представлен фибулами, удлиненные щитки которых оканчиваются отливками схематизированных звериных морд, а центральные вы-

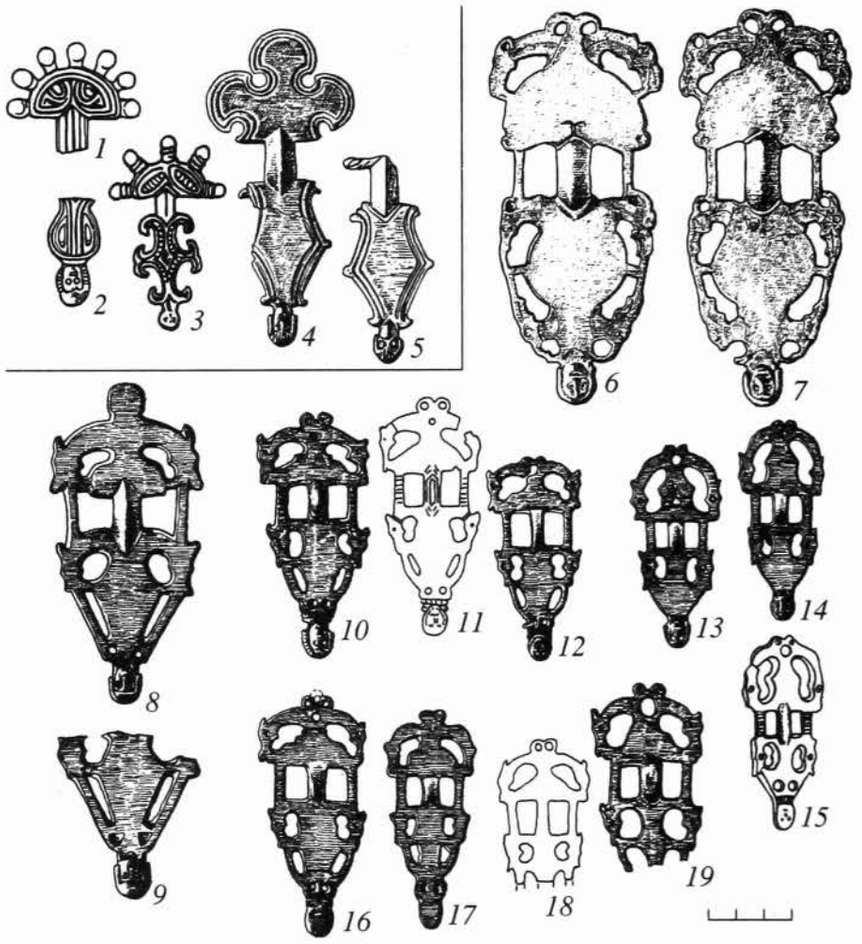


Рис. 2. Сложные антропозооморфные фибулы (тип II.1) и некоторые их возможные прототипы. *1–3, 5, 7, 8, 11, 13, 14, 16, 17* – Пастырское городище (*1–3, 5, 8, 11, 13, 14, 16, 17* – случайные находки; *7* – клад (?) 1892 г.); *4* – Степанцы; *6* – Киев, Маложитомирская ул.; *9* – Среднее Поднепровье; *10* – Каневский уезд; *12* – Борки; *15* – Великая Андрусовка; *18* – Старосалтовский могильник, катакомба 21; *19* – Черкасский уезд.

ступы на головных пластинах имеют округлую, трапециевидную или грибовидную форму. Такие находки сделаны на Пастырском городище (13 целых[2] и 13 фрагментированных экз.), в селах Исайки, Тростянец (2 экз.), Степанцы, Любовка, Дежки, Тимченки (уроч. Таранцево), в бывш. Черкасском (2 экз.) и Черкасском или Чигиринском уездах, южной части бывш. Киевской губ. (рис. 3, *1–28, 30–33*) (Корзухина, 1996. № 15, *1, 2*; 28, *3*; 32; 55; 57; 70; 73, *70–74, 79, 81–83, 85–100*; 102, *23*; 131. Табл. 32, *1–4, 6*; 33, *5–9*; 34; 87, *3, 7*; 88, *1–4, 7, 8*; 107, *8*; Parczewski, 1991. S. 120. Ryc. 2, *4, 5*; 3, *2*; Tab. I, *6, 8*; II, *2*; 1993. S. 115. Ryc. 2, *3*; 3, *3*; Приходнюк, 1998б. С. 38, 39, 56. Рис. 63, *3*; 65, *4*). Еще одна фрагментированная фибула, аналогичная экземпляру из Исаек и происходящая из с. Мальцево, не опубликована, экспонируется в Курском государственном областном археологическом музее, инвентарный номер КМА 162[3]. Формально к типу II.2 относятся также застежка из погребения 4 склепа 46 в Лучистом и "псевдофибула", найденная на могильнике аварского времени Врбас (рис. 3, *34, 35*) (Айбабин, 1990. С. 26. Рис. 13, *1*; Dimitrijević et al., 1962. S. 62, 63. Abb. 1; Nagy, 1972. P. 113. Pl. 22, *1*), однако внешний облик обеих этих вещей существенно отличает их от прочих изделий данного типа. Вероятно, следует предположить, что они являются "случайными мутациями" и возникли в результате влияния местных, крымских и дунайских, декоративных традиций на отдельные днепровские образцы, оказавшиеся вдалеке от своего основного ареала.

На уровне принадлежности к подгруппе сложных определяется антропозооморфная фибула "с прорезным орнаментом", случайно найденная в 1893 г. в Киеве и в настоящее время известная лишь по описанию (Корзухина, 1996. № 3, *6*). Фраг-

[2] Судя по сохранившимся изображениям, можно предположить, что одна из пастырских фибул должна атрибутироваться как два принадлежащих различным экземплярам фрагмента (рис. 3, *25, 26*). Один из них в настоящее время утрачен, другой находится в Краковском археологическом музее (Корзухина, 1996. № 73, *74*. Табл. 32, *3*; Parczewski, 1993. S. 115. Ryc. 2, *3*; 3, *3*).

[3] Благодарю хранителя археологических фондов музея А. Зорина за разрешение опубликовать информацию о находке.

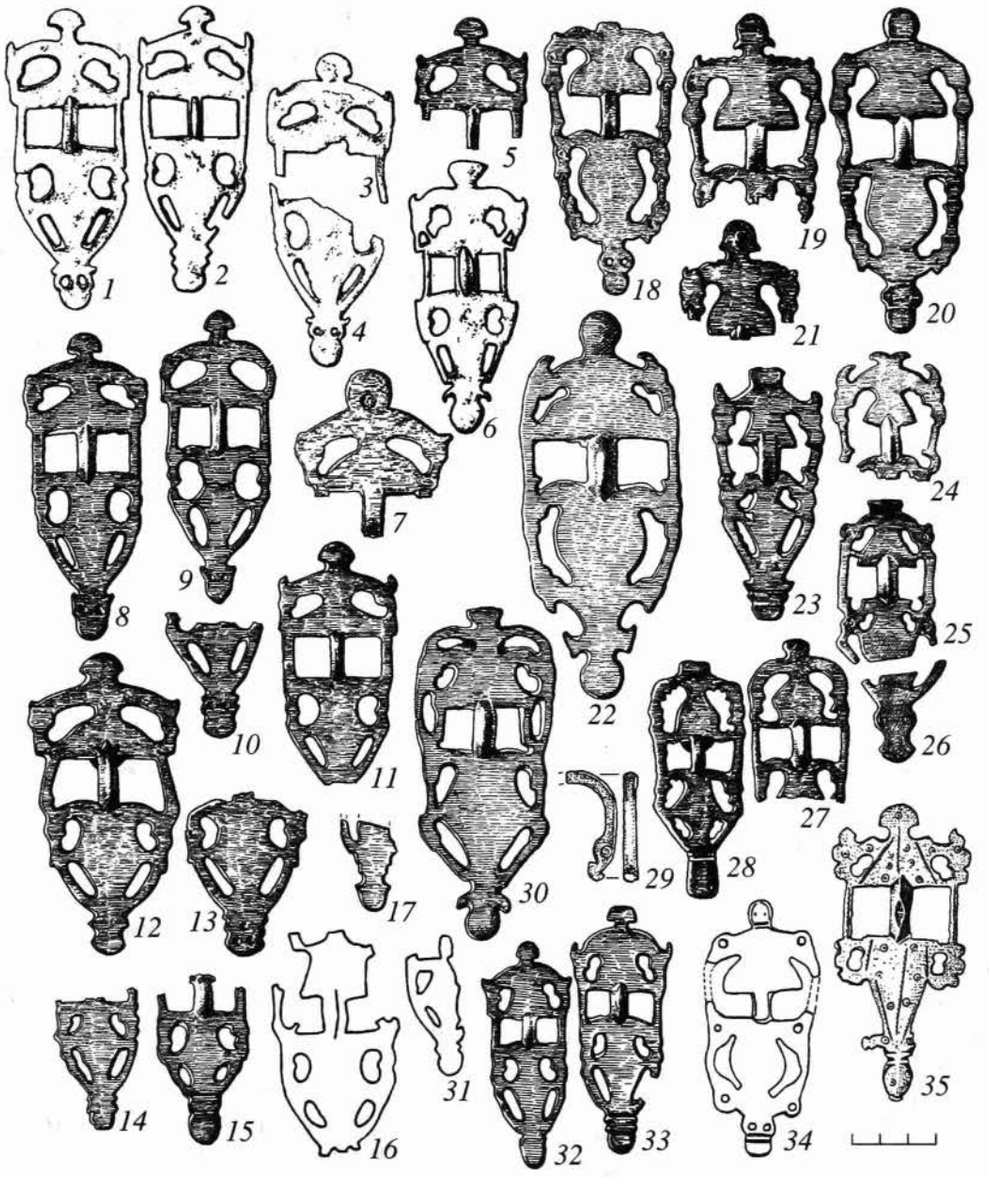


Рис. 3. Сложные антропозооморфные фибулы (тип II.2). *1–9, 14, 15, 19, 20, 22–26, 29, 30, 32, 33* – Пастырское городище; *10* – южная часть Киевской губ.; *11* – Черкасский или Чигиринский уезд; *12, 21* – Тростянец; *13, 27* – Черкасский уезд; *16* – Дежки; *17* – Любовка; *18* – Исайки; *28* – Степанцы; *31* – Тимченки (уроч. Таранцево); *34* – Врбас; *35* – Лучистое, склеп 46, погр. 4.

ментом такого украшения – боковым выступом, схематично изображающим голову животного на длинной шее, – возможно, следует считать и обломок из сборов на Пастырском городище (рис. 3, *29*) (Приходнюк, 2005. С. 38. Рис. 32, *б*).

Сложные антропозооморфные застежки представляют собой результат эволюции простых типа I.1 (рис. 1, *I*). На это указывают пропорции рассматриваемых вещей, очертания щитков, основу одного из которых составляет треугольная, а другого – овальная или ромбическая пластина, использованные в их декоре зооморфные мотивы и образы. У ряда простых антропозооморфных брошей на головках отмечены сдвоенные крючковидные или кольцевидные выступы, развитие которых фиксируется у сложных образцов типа II.1. Показателен также характер оформления ножек у экземпляров типа II.2. Они оканчиваются профилированными отростками, в которых можно распознать сильно деградировавшие изображения звериных голов. Это полностью соответствует традициям изготовления простых антропозооморфных фибул типа I.1 (и пальчатых застежек днепровских серий). Переходным звеном между I и II подгруппами можно считать находку из Блажков (рис. 1, *12*) (Амброз, 1993. С. 183. Рис. 3) или подобные ей вещи. Нужно лишь отметить, что большинство сложных антропозооморфных фибул не во всем соответствуют блажковскому канону, так как у них развиваются не две, а три пары выступов по бокам удлиненного щитка.

В предложенную эволюционную схему не вписываются, однако, экземпляры типа II.1, у которых на выступе, оканчивающем ножку, появляют-

ся рельефные человеческие изображения. Антропоморфные образы в целом не характерны для простых застежек подгруппы I – они встречены только на головных пластинах украшений из Мартыновки и Пузино, а также фибулы переходного типа из Блажков (Родинкова, 2006. Рис. 1, *1*, *29*; 2, *6*). Кроме того, судя по опубликованным изображениям, можно предположить, что и у специфической находки из Врбаса на головном щитке присутствует схематическое обозначение антропоморфной личины (рис. 3, *34*). Ножки всех без исключения брошей типа I.1 завершаются удлиненными профилированными выступами, которые, как было неоднократно отмечено, перекликаются с аналогичными деталями пальчатых экземпляров днепровских серий и восходят к "звериноголовым" прототипам германского круга традиций.

В то же время существует большая группа фибул, для которых изображение человеческого лица является важнейшим типообразующим признаком. Это – так называемые фибулы с маской на ножке и их дериваты, принадлежащие группе I славянских пальчатых застежек по Й. Вернеру (Werner, 1950. S. 150–158. Taf. 27–31). Зоной их происхождения и основным ареалом является Среднее Подунавье и прилегающие к нему территории, но они известны и в других регионах Восточной Европы. В бассейне Днепра таких вещей (в основном принадлежащих типам I.C – I.K по Й. Вернеру) встречено уже более 40, причем выделяются как изделия непосредственно дунайского производства, так и созданные на их основе местные формы (некоторые примеры см. на рис. 2, *1–5*). Важно, что около половины подобных днепровских находок связано с Пастырским городищем. "Дунайский импульс" исследователи видят и в других материалах данного памятника: характерной гончарной керамике, некоторых разновидностях украшений, инструментах для их изготовления и проч. (Айбабин, 1973; Приходнюк, 1994. С. 70–72; 2005. С. 63–65, 70, 74–76 и сл.; Щеглова, 1990а; и др.). Возможно, отмеченные инновации в материальной культуре пастырского населения свидетельствуют о миграции в район городища группы или групп выходцев из Среднего Подунавья, которые принесли с собой новые формы украшений, набор бытовых предметов, ремесленные технологии и приемы производства. Следствием этих событий могло стать и знакомство мастеров Среднего Поднепровья с дунайскими ювелирными традициями, художественными образами и сюжетами. Один из таких сюжетов – изображение человеческой головы на удлиненном щитке пальчатых фибул – оказался близок вкусам и эстетическим канонам местного населения и был использован в декоре типично днепровских украшений – сложных антропозооморфных фибул.

Традиционно считается, что эволюционный ряд антропозооморфных фибул завершают днепровские раннесредневековые двупластинчатые застежки (рис. 1, *III*). Это мнение, высказанное А.П. Калитинским (1928. С. 297) и повторенное Б.А. Рыбаковым (1948. С. 61. Рис. 7), до сих пор никем не оспаривалось. С моей точки зрения, однако, впечатление о близости данных групп украшений возникает лишь на первый взгляд. При более глубоком анализе наборов признаков, связанных с технологией производства, формой и манерой орнаментации антропозооморфных и двупластинчатых фибул, становится ясно, что между ними имеются весьма серьезные различия. Однако прежде, чем перейти к рассмотрению этого вопроса, остановимся на типологической характеристике исследуемого материала.

Двупластинчатые фибулы (подгруппа III), в отличие от простых и сложных антропозооморфных, составляют достаточно однородный массив находок. Фиксируемые различия, основная часть которых обусловлена разной техникой производства, позволяют выделить среди них пока только два более или менее унифицированных типа.

К типу III.1 принадлежат крупные (длиной 12.5–16.9 см) застежки, вырезанные из тонкой раскованной серебряной[4] пластины. Они состоят из двух примерно равных по размерам округлых или подтреугольных со скругленными углами щитков, каждый из которых оканчивается выступом "обтекаемой" формы. В месте соединения щитков штамповкой сделана удлиненная дужка. Лицевая поверхность фибул, как правило, украшена композициями из чеканных полусфер-"жемчужин" разного диаметра. Тип представлен изделиями с Пастырского городища (5 целых и 7 фрагментированных экз., в том числе 3 – из клада 1949 г. и 2 – из клада 1992 г.), из кладов в Самгородке (?), Харивке (5 целых и 1 фрагментированный экз.), на хут. Зайцев, а также случайными находками из бывш. Каневского уезда (4 экз.) (рис. 4; *5*, *1–9*) (Корзухина, 1996. № 49, *а*, *б*; 50, *а*, *б*; 72, *1*; 73, *6*, *7*, *128–132*; 89, *1*, *2*, *4*; 129, *1*. Табл. 23, *4*; 25, *1–3*; 36, *15–17*; 71; 75, *13*; 89, *1–3*; 94, *31*, *33*; 106, *10*; Приходнюк, 1998б. С. 94. Рис. 2–5; 2005. С. 40. Рис. 32, *4*; Приходнюк, Хардаев, 1998. С. 250, 252, 263, 264. Рис. 3; 4, *1*, *2*). Броши из Каневского уезда, Самгородка, Зайцевского клада сближает орнамент, состоящий лишь из одного ряда расположенных близко друг к другу небольших округлых выпуклин по краю. Наиболее изящным и изысканным изделием типа III.1 выглядит одна из харивских фибул. Она имеет размеры, близкие к максимальным зафиксированным для украшений данной разновидности (16.2 см в длину), и декорирована не чеканными, а напаянными (включая миндалевидную дужку) деталями (рис. 4, *1*) (Приходнюк, Хардаев, 1998, С. 252, 264.

[4] По данным Г.Ф. Корзухиной, только одна из пастырских находок была изготовлена из "медной" пластины (1996. № 73, *131*. Табл. 94, *31*).

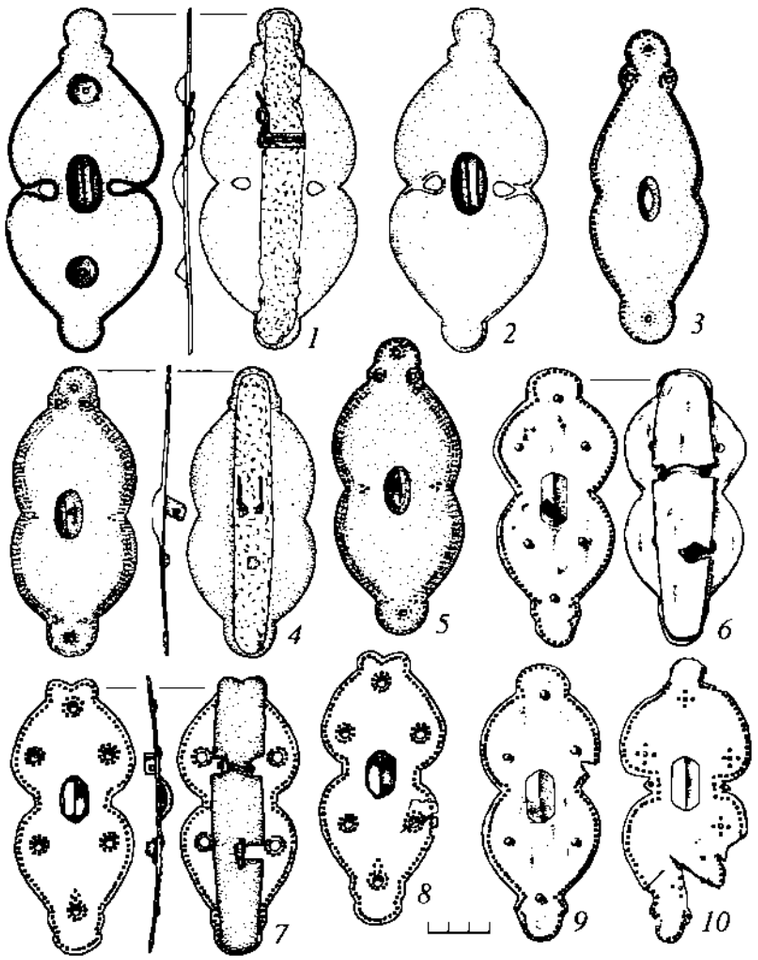


Рис. 4. Днепровские двупластинчатые фибулы (тип Ш.1). *1–5* – Харивский клад; *6–10* – Пастырское городище (*6, 9, 10* – клад 1949 г.; *7, 8* – клад 1992 г.).

Рис. 3, *1, 2*. Табл. VI). Возможно, она является одним из образцов, отмечающих зарождение нового стилистического направления в ювелирном искусстве Поднепровья. Прочие кованые двупластинчатые застежки меньше, проще и непритязательнее.

Фибулы типа III.2 напоминают изделия типа III.1 очертаниями и пропорциями, но отличаются меньшими размерами (5.8–11 см в длину). Кроме того, все они изготовлены в технике литья. Подавляющее большинство при отливке орнаментировано по контуру щитков бордюром из мелких выпуклых полушарий-"бусинок" или производным от него рубчатым или гладким валиком. Такие находки сделаны на Пастырском городище (18 целых экз. и 10 фрагментов), в Степанцах, Пекарях (2 экз.), Пшеничниках, Михайловке[5], Ясиноватой, Киеве (2 экз.), окрестностях Черкасс, на Княжой Горе (2 фрагментированных экз.), в неизвестных пунктах в пределах Среднего Поднепровья (3 целых экз. и 1 фрагмент), на поселении Ханска (3 экз.), в подбойной могиле 11 некрополя "Баклинский овраг" (в паре с большой пальчатой фибулой днепровского типа) (рис. 6, *1–31*) (Корзухина, 1996. № 3, *7, 8*; 12; 19, *5, 6*; 20, *3, 4*; 22; 28, *4*; 60; 73, *101–127*; 102, *24–27*. Табл. 35; 36, *1–14*; 89, *4–12*; 94, *1, 6, 7, 13, 14*; Привалова, Привалов, 1988. Рис. 18, *2*; Айбабин, Юрочкин, 1995. С. 128, 131, 132. Рис. 22, *3*; Приходнюк, 2005. С. 39, 40. Рис. 32, *5*; Teodor, 2003. P. 433. Fig. 3, *1, 2, 4*; P. 506. Fig. 5, *3–5*).

В конце эволюционного ряда днепровских двупластинчатых фибул принято размещать экземпляры из Ивахниковского клада (рис. 1, *59*) (Рыбаков, 1948. Рис. 7; Амброз, 1993. Рис. 3; Приходнюк, 2000. Рис. 7). К поздним формам двупластинчатых застежек принадлежат и находки из Песчанки и Салтова (рис. 1, *58*). Исследователи также иногда рассматривают их в контексте развития днепровских образцов (Приходнюк, 2000. Рис. 7; 2005. С. 74. Рис. 97), хотя, по моему мнению, к оценке генетической связи этих украшений следует подходить с осторожностью.

Ареал двупластинчатых фибул практически идентичен ареалу сложных и значительно меньше территории распространения простых антропозооморфных застежек (рис. 7; 8; ср.: Родинкова, 2006. Рис. 4). Подавляющее большинство изделий

[5] Обломок еще одной аналогичной фибулы найден в с. Ротмистровка Смелянского р-на Черкасской обл.; не опубликован.

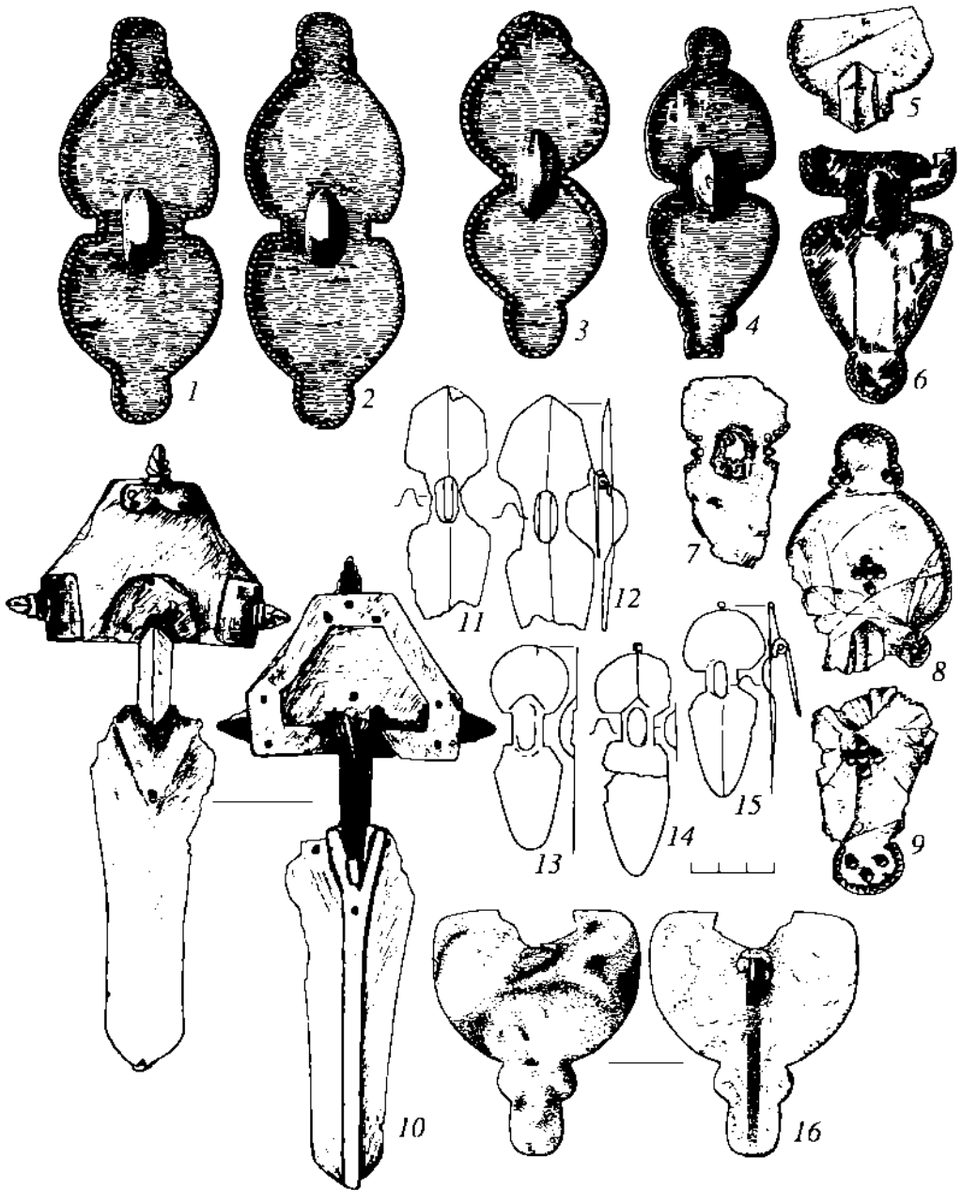


Рис. 5. Днепровские двупластинчатые фибулы (тип III.1) и некоторые близкие им находки. *1–3* – Каневский уезд; *4* – Самгородок; *5, 7–9* – Пастырское городище; *6* – хут. Зайцев; *10* – Суук-Су, мог. 56, погр. 5; *11, 12* – Чми, погр. 4; *13* – Кушнаренково, погр. 21; *14, 15* – Бирск (*14* – погр. 96; *15* – погр. 78); *16* – Залесье.

подгрупп II и III связано с узкой полосой правого берега Днепра от Киева до устья р. Тясмин. Единичные их находки зафиксированы на периферии Днепровского лесостепного Левобережья – в бассейнах Сейма, Северского Донца, в междуречье Днепра и Дона – а также в Среднем Подунавье, Пруто-Днестровском регионе, Поочье и юго-западном Крыму. Интересно, что кованые двупластинчатые застежки известны только в Поднепровье.

Собственно в среднем течении Днепра сложные антропозооморфные и двупластинчатые фибулы концентрируются там же, где и простые – в районе Канева и в низовьях Тясмина, вокруг Пастырского городища. Но, в отличие от экземпляров подгруппы I, застежки подгрупп II и III в обеих этих зонах представлены одними и теми же разновидностями. Можно предполагать, что различия между "северным" и "южным" вариантами среднеднепровского женского убора, фиксируемые в том числе некоторыми разновидностями простых антропозооморфных фибул (Родинкова, 2006. С. 47), характерны только для "древностей антов" I группы. В уборе, с которым связаны сложные антропозооморфные и двупластинчате фибулы, эти различия нивелируются. Во всяком случае, в Поднепровье территориальное распределение застежек рассматриваемых в настоящей статье типов не дает оснований говорить о локальной специфике их различий.

Важно, что 61% (35 из 57 учтенных) сложных антропозооморфных, 50% (12 из 24) двупластинчатых кованых и 58% (28 из 48) литых фибул найдено

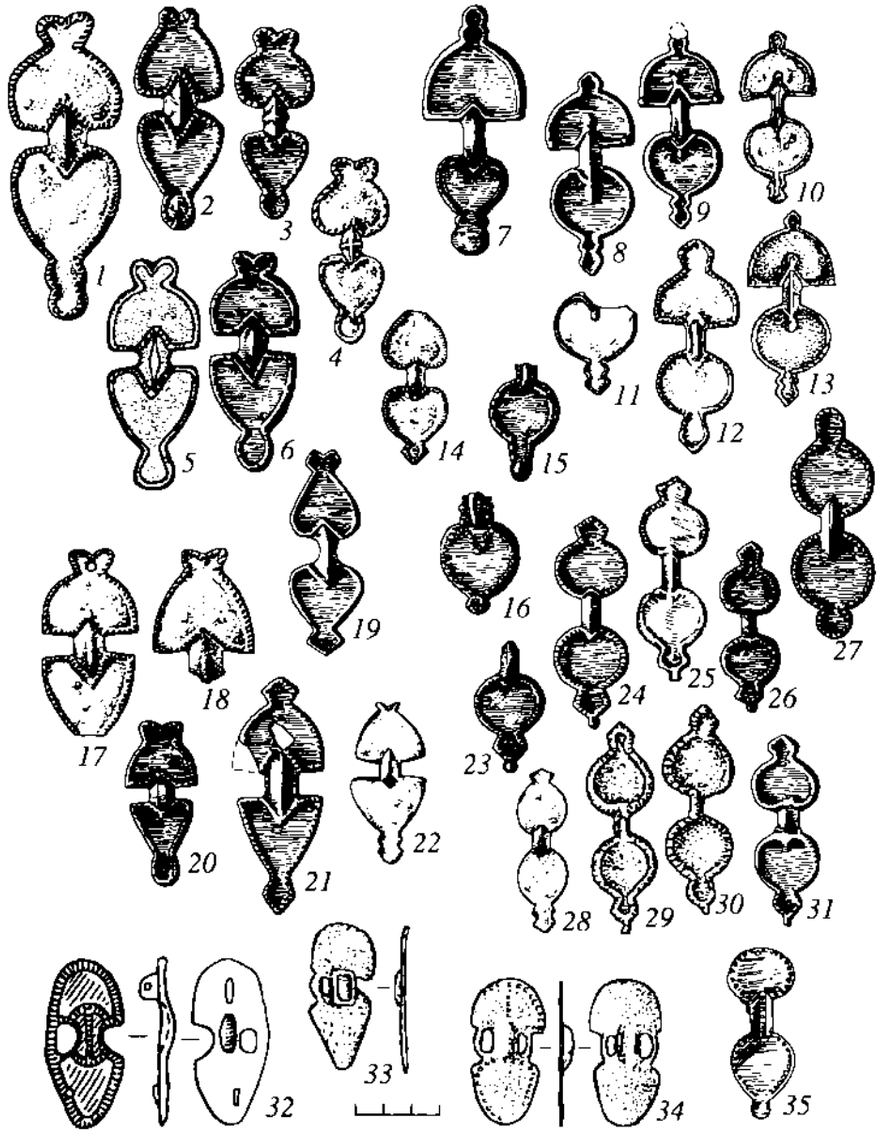


Рис. 6. Днепровские двупластинчатые фибулы (тип II.2) и некоторые близкие им находки. *1–4, 8, 10–12, 14, 17–19, 21, 22, 24, 27, 28, 31* – Пастырское городище; *5* – Ясиноватая; *6, 7, 15, 20* – Среднее Поднепровье; *9* – Степанцы; *13, 29, 30* – Ханска; *16* – Михайловка; *23, 26* – Пекари; *25* – "Баклинский овраг", могила 11; *32* – Бирск, погр. 382; *33, 34* – Алтынасар; *35* – Новинка, погр. 83.

на Пастырском городище. Эта статистика подтверждает распространенную точку зрения, согласно которой перечисленные разновидности украшений характеризуют прежде всего среднеднепровский, пастырский очаг ювелирного искусства (Рыбаков, 1948. С. 79, 80; Werner, 1950. S. 158, 159; Амброз, 1993. С. 181 и сл.; Приходнюк, 1994. С. 72; 2000. С. 65–67; 2005. С. 38, 39, 73, 76). Находки подобных изделий очерчивают границы территории, на которую распространялось влияние пастырского ювелирно-ремесленного центра, и фиксируют основные направления культурных и экономических связей населения указанного памятника. Экземпляры из Врбаса, Борков и с поселения Ханска отмечают проникновение элементов пастырского вещевого комплекса в материальную культуру некоторых групп населения Подунавья и Поочья. Образцы из Баклинского оврага и Лучистого свидетельствуют, что и на этапе существования в Поднепровье "древностей антов" II группы сохранялись традиционные связи среднеднепровских племен с обитателями юго-западного Крыма, хотя, очевидно, и в меньшем объеме, чем в период распространения украшений круга Мартыновского клада. До недавнего времени сложная антропозооморфная фибула из Лучистого была единственным украшением такого рода, известным на Крымском полуострове. Сейчас появились сведения о том, что из данного региона происходят и другие аналогичные изделия[6], причем также достаточно своеобразные и отличающиеся от днепровских прототипов. Можно предположить, что они, как и ряд других фибул круга "древностей антов", демонстрируют пере-

[6] Они найдены при грабительских раскопках, на данный момент не опубликованы.

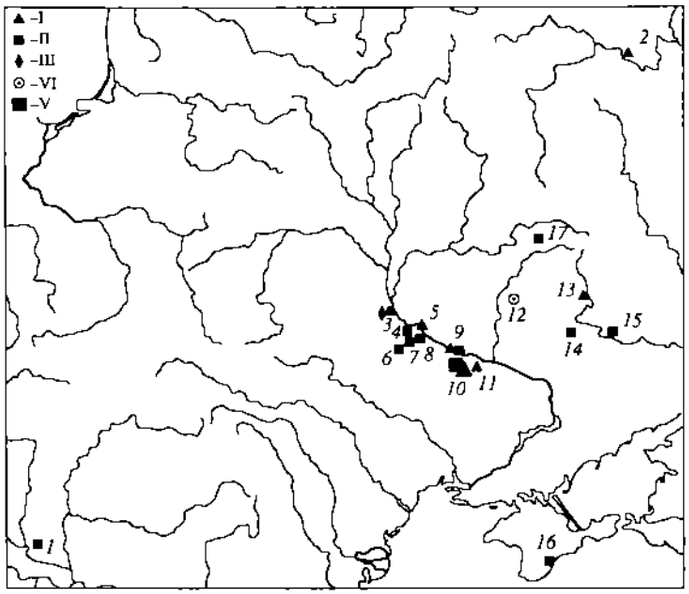


Рис. 7. Распространение сложных антропозооморфных фибул. I – фибула типа II.1; II – фибула типа II.2; III – фибула определяется на уровне принадлежности к подгруппе II; IV – фибула переходного типа из Блажков; V – более 2-х экз. *1* – Врбас; *2* – Борки; *3* – Киев; *4* – Тростянец; *5* – Каневский уезд; *6* – Дежки; *7* – Степанцы; *8* – Исайки; *9* – Черкасский уезд; *10* – Пастырское городище; *11* – Великая Андрусовка; *12* – Блажки; *13* – Старосалтовский могильник; *14* – Тимченки (уроч. Таранцево); *15* – Любовка; *16* – Лучистое; *17* – Мальцево.

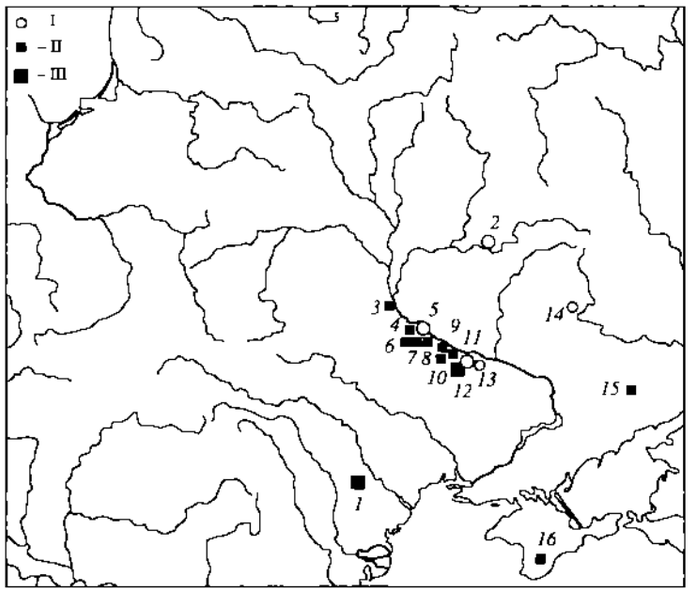


Рис. 8. Распространение днепровских двупластинчатых фибул. I – фибула типа III.1; II – фибула типа III.2; III – более 2-х экз. *1* – Ханска; *2* – Харивка; *3* – Киев; *4* – Пекари; *5* – Каневский уезд; *6* – Пшеничники; *7* – Степанцы; *8* – Княжа Гора; *9* – Черкассы; *10* – Ротмистровка; *11* – Михайловка; *12* – Пастырское городище; *13* – Самгородок; *14* – хут. Зайцев; *15* – Ясиноватая; *16* – могильник "Баклинский овраг".

осмысление ювелирами юго-западного Крыма незнакомых им ранее образцов и произведены в крымских мастерских.

Литые двупластинчатые застежки, вероятно, представляют собой подражания кованым – ярким, дорогим и, не исключено, социально значимым вещам. Но подражания эти выполнены в "экономичной" манере: меньше в размерах, изготовлены из более дешевого материала, с использованием упрощенной технологии, которая, возможно, была привычнее для местных мастеров. Сходство рассматриваемых типов украшений проявляется в близости их пропорций и форм. Кроме того, бордюр из псевдозерни на литых образцах, который в процессе воспроизводства превращается в разделенный поперечными насечками, а затем и в гладкий валик, представляет собой не что иное, как деградировавшую чеканную "жемчужную" окантовку кованых фибул. Аргументом за высказанное предположение является также попытка изготовить кайму из маленьких "бусинок" по бокам дужки у принадлежащих типу III.2 фрагментированных экземпляров из Михайловки и Ротмистровки (рис. 6, *16*). Данный элемент чужд литым, зато обычен на вырезанных из пластины днепровских брошах (рис. 4, *10*; 5, *4–6*).

Больше всего оснований говорить о генетической связи фибул подгрупп II и III предоставляет их форма. Конфигурация двупластинчатых застежек с определенными оговорками напоминает общие очертания сложных антропозооморфных. Не только у литых, но и у кованых изделий подгруппы III сохраняется выпуклая дужка, хотя у последних она уже не является функциональной деталью и штампуется (или напаивается) в месте слияния щитков, вероятно, как дань традиции. Выступы, размещенные на обоих концах днепровских двупластинчатых фибул, в целом нетипичны для украшений подобного рода, зато обязательны на антропозооморфных образцах, причем не только на сложных, но и на простых. К тому же у некоторых экземпляров подгруппы III на головках эти выступы раздваиваются (рис. 4, *7*, *8*; 6, *1–6*, *17–20*, *22*), вероятно, копируя и развивая аналогичные элементы застежек типа II.1. Наконец, на связь двупластинчатых (по крайней мере, литых) и сложных антропозооморфных фибул типа II.1 может указывать попытка воспроизведения человеческого лица на выступе щитка, прикрывающего иглоприемник одной из пастырских находок (рис. 6, *2*). Правда, не исключено, что данная вещь была создана под прямым влиянием дунайских пальчатых ("с маской на ножке") образцов, не опосредованным днепровской ювелирной традицией.

В то же время между формами сложных антропозооморфных и двупластинчатых брошей заметны и различия. В частности, у первых головные щитки в целом короче ножек, тогда как у вторых

длина головки, как правило, равна длине ножки. Кроме того, у кованых экземпляров типа III.1 щитки сливаются друг с другом, и украшение приобретает вид *одной* большой фигурной пластины, декорированной оттиском крупного удлиненного штампа в средней части. Сложные же антропозооморфные фибулы воспринимаются как состоящие из *двух* самостоятельных щитков, и даже дополнительные перемычки визуально не столько объединяют их, сколько участвуют в создании характерной ажурной каймы вокруг изделий. Логика развития антропозооморфных застежек, по моему мнению, скорее могла бы привести к появлению украшений типа найденных в Бирске и среди материалов джетыасарских курганов (рис. 6, *32–34*) (Мажитов, 1990. С. 265. Рис. 2, *14*; Левина, 1996. Рис. 119). Рудиментарные "тяжи", соединяющие головной щиток и ножку бирских и джетыасарских фибул по бокам дужки, с одной стороны, и выполненный при отливке орнамент (рубчатый валик или цепочка ямок по контуру вещи) – с другой действительно, вызывают ассоциации с изделиями, вышедшими из днепровских мастерских. Подобные находки могут быть рассмотрены в контексте каких-то связей населения Среднего Поднепровья и более восточных территорий. И.О. Гавритухин, обратившийся недавно к изучению этого материала, полагает, что имеющиеся данные свидетельствуют в пользу не столько прямых контактов, сколько некоего "параллелизма" развития украшений и художественных стилей различных регионов (Гавритухин, в печати[7]). По моему мнению, затронутая тема требует дополнительного изучения; аргументов за то, чтобы подтвердить или опровергнуть любое из выдвинутых предположений, сейчас недостаточно.

Рассматривая технологию производства, следует подчеркнуть, что и простые, и сложные антропозооморфные фибулы всегда изготовлялись при помощи литья. На оборотной стороне у них отлиты стойки для крепления оси пружины и иглоприемники, составляющие единое целое с корпусом вещи. Среди двупластинчатых застежек литыми являются только образцы типа III.2. Экземпляры типа III.1 вырезаны из раскованного тонкого металлического листа. На них наносился чеканный орнамент, так что с лицевой стороны образовывались полусферические выпуклости, а с тыльной – углубления. В средней части украшения при помощи удлиненного штампа оттиснута (возможно, в костяной форме) выпуклая дужка. К обратной стороне фибулы по всей ее длине припаивалась медная или бронзовая пластина, которая служила одновременно укрепляющим каркасом для тонкой хрупкой вещи и основой для размещения застежечного механизма (рис. 4, *1, 4, 6, 7*) (Приходнюк, 1994. С. 65, 66, 70).

Манеры орнаментации сложных антропозооморфных и днепровских двупластинчатых застежек также принципиально различны. Для брошей подгруппы II декорировка плоскостей головных пластин и ножек в целом не характерна. Основную орнаментальную нагрузку у них несут сложные многофигурные композиции, состоящие из образов животных, птиц, змей, людей и расположенные вокруг щитков. Вначале они более или менее реалистичны, но в процессе развития схематизируются и превращаются в ажурную кайму, литое "кружево" по краю вещи. Дополнительная рельефная окантовка явно перегружала бы восприятие, она не вписывается в эстетическую концепцию этих украшений. У застежек подгруппы III декоративный эффект, напротив, достигается за счет выпуклых "жемчужин", "бусин", "рубчатых валиков", в определенной системе расположенных на полях пластин. Необходимым, причем в большинстве случаев единственным (не считая дужки) орнаментальным элементом данной разновидности фибул является чеканный или литой бордюр, повторяющий контуры изделий. По моему мнению, появление указанного элемента на двупластинчатых экземплярах не может быть связано с художественными и стилистическими традициями, зафиксированными сложными антропозооморфными фибулами.

По сумме признаков антропозооморфным образцам ближе, кажется, застежки типа III.2. Они литые, более отчетливо сохраняют двухщитковую схему (головная пластина и ножка разделены дужкой), их щитки чаще имеют треугольные очертания. Фибулы типа III.1 напоминают вещи подгруппы II лишь общими контурами. Фактически единственная их деталь, появление которой можно объяснять влиянием антропозооморфных брошей, – это выступы, размещенные на противоположных дужке концах головных пластин и ножек, как и у литых экземпляров типа III.2. Однако мастера, изготовлявшие двупластинчатые застежки, в данном случае обращали внимание, так сказать, на форму, а не на содержание. Рассматриваемые элементы фибул подгруппы III имеют декоративный характер; их семантическая нагрузка, тот факт, что изначально эти выступы обозначали стилизованные человеческие или звериные головы, уже забылись.

Таким образом, двупластинчатые (особенно ковано-штампованные) фибулы, на мой взгляд, следует считать новым явлением в материальной культуре Поднепровья, связь которого с местными ювелирно-ремесленными и художественными традициями невелика.

Вырезанные из раскованного металлического листа двупластинчатые фибулы среди украшений днепровского региона, образно выражаясь, не оди-

[7] Благодарю И.О. Гавритухина за возможность ознакомиться с рукописью неопубликованной статьи.

ноки. Они входят в состав характерного "пластинчатого" женского убора, наиболее ярко представленного в кладах II группы "древностей антов" по О.А. Щегловой (1990б). Кроме них к этому убору относятся браслеты с расширенными полыми концами, украшенными чеканным и штампованным орнаментом, декорированные в той же технике пластинчатые подвески, ожерелья из полых металлических бусин, серьги с полыми подвесками, состоящими из штампованных паяных деталей, и некоторые другие изделия (Щеглова, 1990б. С. 176. Рис. 10–13; Корзухина, 1996. № 73, *6–25*; 89; 129. Табл. 25–27; 71–76; 106; Приходнюк, 1998б; Приходнюк, Хардаев, 1998). Исследования последних десятилетий показали, что в значительной степени формы перечисленных вещей, стилистика их орнаментации, технологические приемы и принципы, использованные при их создании, являются переосмыслением мощного культурного импульса из Подунавья. В свою очередь, мастера балканодунайских провинций Византии усвоили и переработали широкий спектр технических и художественных достижений античного времени (Fettich, 1972. Pl. 16–19; Kiss, 1977. Pl. II; XXXV, *18*; Айбабин, 1973; Щеглова, 1990а; Приходнюк, 1994. С. 70; 1998б. С. 96, 97; 2005. С. 70–76; Приходнюк, Хардаев, 1998. С. 245–250; Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 54, 55; Garam, 2001. Abb. 19; 21; 23. Taf. 17; 42–47; и др.). По мнению О.М. Приходнюка, в провинциально-византийской полиэтничной среде Подунавья следует искать и прототипы днепровских кованых двупластинчатых фибул (Приходнюк, 1994. С. 70; 2005. С. 73). Правда, близкие аналогии этим находкам, за исключением фрагмента неорнаментированной застежки из Залесского клада (рис. 5, *16*) (Корзухина, 1996. № 156. Табл. 115, *5*), в указанном регионе пока не известны.

В то же время "пластинчатая" техника изготовления украшений не является прерогативой дунайских ювелиров. На определенном хронологическом этапе она получила достаточно широкое распространение, в Восточной Европе существует целый пласт подобных изделий. В частности, среди древностей Южного Приуралья, на могильниках в Бирске и Кушнаренково, известны двупластинчатые фибулы, вырезанные из тонкого металлического листа, причем на широкой перемычке, соединяющей щитки, у них имеется удлиненная штампованная дужка (рис. 5, *13–15*) (Мажитов, 1968. С. 96, 98, 100. Табл. 8, *12*; Генинг, 1972. Рис. 8, *11*; Амброз, 1989. Рис. 28, *7, 12, 20, 21*). Аналогичные находки зафиксированы также среди материалов могильника Чми (рис. 5, *11, 12*) (Амброз, 1989. Рис. 27, *1, 2*). Особый интерес вызывает тот факт, что некоторые кавказские экземпляры украшены маленькими полусферическими прессованными выпуклостями по контурам щитков, как, например, образцы из Задалиска, Донифарса, Дигории, Лезгура (Гавритухин, в печати). В литературе уже высказывалось мнение о наличии в материальной культуре раннесредневекового днепровского населения северокавказских компонентов. Это касается своеобразной гончарной керамики, изготовлявшейся в центрах в Канцирке и Мачухах, ряда типов деталей поясной гарнитуры (Минаева, 1961. С. 119–128; Обломский, 1996. С. 123; Гавритухин, 1996б. С. 26 и сл.). В данный контекст вписывается также находка в балке Яцевой в Днепровском Надпорожье кованой заготовки для двупластинчатой фибулы, в облике которой заметны кавказские черты (Приходнюк, 1998в. С. 55. Рис. 66, *3*). Не исключено, что и интересующие нас двупластинчатые застежки круга "древностей антов" II группы возникли в Поднепровье не без влияния кавказских ремесленных традиций.

Хорошо известны двупластинчатые фибулы с накладками из юго-западного Крыма. Они характерны для могильников типа нижнего слоя Суук-Су и Лучистого и отражают одну из линий развития восточногерманского женского убора. Это – ближайшие к днепровским во времени и пространстве находки, имеющие каркас на оборотной стороне щитков. Правда, в отличие от "антских" застежек, у "готских" данный элемент актуален прежде всего для укрепления краев хрупких головных пластин (рис. 5, *10*). Тем не менее И.О. Гавритухин полагает, что именно крымские украшения послужили источником, из которого ювелиры Поднепровья почерпнули идею о каркасной конструкции двупластинчатых застежек (Гавритухин, в печати). С другой стороны, кажется, сама технологическая схема изготовления крупных украшений из тонкой металлической пластины диктует необходимость применения каких-либо каркасов и упрочняющих основ, поэтому широкая медная полоса на тыльной стороне пастырских, харивских и прочих подобных фибул могла быть собственным изобретением днепровских ремесленников, не связанным с влиянием крымских прототипов.

Двупластинчатые фибулы встречены и среди древностей Балтийского региона. В частности, экземпляр из Новинковского могильника имеет округлый головной щиток и удлиненную оканчивающуюся выступом ножку. Контур изделия подчеркивает полоса орнамента, выполненного, правда, в иной, нежели на днепровских вещах, манере (рис. 6, *35*) (Кулаков, 1999. Рис. 2, *5*). Не ясно, насколько обоснованно можно говорить о типологическом родстве этой находки и пластинчатых застежек, в большом количестве зафиксированных на Пастырском городище, но их стилистическое сходство налицо.

Таким образом, следует заключить, что источник формирования и непосредственные прототипы днепровских двупластинчатых фибул однозначно пока определить не удается. Отдельные же их элементы находят соответствия среди изделий кавказских, крымских, дунайских, днепровских,

прибалтийских мастеров. В целом, очевидно, рассматриваемые изделия принадлежат к кругу двупластинчатых фибул Восточной Европы, и именно в этом контексте следует проводить их дальнейшее изучение.

Весьма важным представляется вопрос о датировке интересующих нас разновидностей украшений. О.А. Щеглова, впервые аргументированно разделившая "древности антов" на две группы, отнесла сложные антропозооморфные и кованые двупластинчатые броши ко второй из них и датировала сокрытие кладов этой группы серединой VIII в. (Щеглова, 1990б. С. 172–182. Рис. 3–5). Несколько позже И.О. Гавритухин попытался пересмотреть данную точку зрения. Клады (?) с Пастырского городища 1892 г. и с Маложитомирской ул. в Киеве, содержавшие серьги пастырского типа, полые браслеты и сложные антропозооморфные фибулы, он выделил в группу 2а, а комплексы с двупластинчатыми коваными застежками – в группу 2б днепровских лесостепных кладов. Группа 2а, согласно исследователю, отражает начальную стадию формирования в Среднем Поднепровье нового набора женских украшений и синхронна "древностям антов" I группы (Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 54, 55).

По моему мнению, вопрос о дате сложных антропозооморфных и двупластинчатых фибул необходимо решать с учетом датировки Пастырского городища. На Пастырском встречено несколько пальчатых, простых антропозооморфных фибул, цельнолитых браслетов и других украшений, характеризующих финальный этап развития колочинской и пеньковской археологических культур. Кроме того, на ряде пеньковских поселений найдены фрагменты гончарной керамики пастырского облика (Приходнюк, 2005. С. 77). Следовательно, накопление раннесредневекового слоя на городище началось, когда лесостепное Поднепровье еще было заселено носителями пеньковской культурной традиции, не позднее середины – третьей четверти VII в., когда прекратила существование основная масса пеньковских памятников, вышли из употребления "антские" украшения I группы и выпали клады типа Мартыновского (подробнее о связи этих событий и их абсолютной хронологии см.: Гавритухин, 1996а; Родинкова, 1996). Основной же период функционирования Пастырского ремесленного центра относится к постпеньковскому времени. О.М. Приходнюк, активно исследовавший данный памятник, неоднократно отмечал, что на нем нет случаев перекрывания строительных объектов, т.е. жизнь здесь продолжалась в течение сравнительно непродолжительного периода времени, верхнюю границу которого исследователь относил к середине VIII в. (1998а. С. 18; 2005. С. 79). Вероятно, в момент гибели городища были сокрыты клады, содержащие кованые двупластинчатые фибулы и другие украшения II группы "древностей антов". На Пастырском найдены и инструменты для изготовления подобных украшений (Приходнюк, 1994). Все изложенное позволяет предположить, что кованые двупластинчатые застежки синхронизируются с основным периодом существования рассматриваемого памятника, доживая до его финала. Их абсолютная хронология может быть определена в рамках второй половины VII – первой половины – середины VIII в. Аналогичным образом, вероятно, датируются и литые двупластинчатые фибулы на основании их типологического сходства с коваными и того факта, что большинство их зафиксировано на Пастырском городище. Предложенную датировку подтверждает находка такой застежки на поселении Ханска с материалами культуры Луки-Райковецкой (Этнокультурная карта..., 1985. С. 111).

Проблема хронологии сложных антропозооморфных фибул несколько сложнее. О.М. Приходнюк связывал экземпляры из Великой Андрусовки, Дежков и Тимченков (уроч. Таранцево) с пеньковской культурой (2005. С. 77), но все они происходят не из закрытых комплексов, а из культурного слоя или с поверхности памятников, содержащих в том числе пеньковские материалы (Березовець, 1969. С. 68, 69; Берестнев, Любичев, 1991. С. 33–36; Приходнюк, 1990. С. 88). Не встречены подобные броши и в составе кладов типа Мартыновского, Гапоновского, Трубчевского и др., выпадение которых отмечает верхний хронологический рубеж существования в Поднепровье пеньковской и колочинской культур. Приведенные наблюдения противоречат гипотезе И.О. Гавритухина о синхронности сложных антропозооморфных застежек изделиям круга "древностей антов" I группы. Интересующие нас вещи могли быть найдены вместе с "антскими" украшениями II группы в 1892 г. на Пастырском городище и на Маложитомирской ул. в Киеве, но эти материалы происходят из дореволюционных собраний и их комплектность в настоящее время сомнительна (Корзухина, 1996. С. 352, 375. № 3, *2–4*; 73, *1–4*).

Таким образом, единственным основанием для датировки сложных антропозооморфных фибул сейчас является отмеченная выше их связь с Пастырским ремесленным центром. По-видимому, наиболее адекватно отражающим современное состояние источников нужно считать предположение О.А. Щегловой (1990б. С. 172–182) и рассматривать данные украшения в рамках единого с коваными и литыми двупластинчатыми брошами горизонта находок, датируя второй половиной VII – первой половиной – серединой VIII в. Отсутствие же их, как и двупластинчатых литых фибул, в достоверных комплексах II группы "древностей антов", возможно, следует объяснять, учитывая точку зрения О.М. Приходнюка о различиях в социальном (или этническом) статусе их владельцев

(2005. С. 78). Косвенно сравнительно позднюю дату сложных антропозооморфных застежек подтверждает и находка такого изделия с салтовскими материалами в катакомбе 21 Старосалтовского могильника.

Второй половиной VII – первой половиной VIII в. могут датироваться и фибулы варианта I.1.Б–а (рис. 1, *23*, *24*). Формально они принадлежат к группе простых антропозооморфных, однако общее впечатление от этих вещей, их внешний вид сближают их с застежками подгруппы II. Кроме того, из 15 таких находок 10 связаны с Пастырским городищем, что, по моему мнению, позволяет синхронизировать их со сложными антропозооморфными и двупластинчатыми брошами и относить время их бытования к постпеньковскому периоду в истории Среднего Поднепровья. М. Даскалов и Д. Димитров датируют пару таких фибул из Кэрнаре первой половиной VII в. или даже второй половиной VI – началом VII в. (Daskalov, Dimitrov, 1999. S. 78), однако их точка зрения базируется не столько на анализе конкретных материалов, сколько на рассуждениях об общей исторической ситуации в Подунавье и времени заселения славянами Болгарии.

До недавнего времени Ивахниковский клад, в составе которого зафиксированы поздние образцы двупластинчатых фибул, как и близкие им экземпляры из Песчанки и Салтова, датировались в рамках второй половины VIII – первой половины IX в. (Корзухина, 1954. С. 20, 21, 79, 80; Амброз, 1971. С. 130. Табл. IV). Иную точку зрения высказал А.В. Комар, которого поддержал И.О. Гавритухин (Комар, 1999. С. 123, 131–133; Гавритухин, в печати). Эти исследователи полагают, что материалы из Песчанки должны быть сопоставлены с рядом памятников Северного Кавказа, Донецкой лесостепи и др. и относятся к концу VII – первой половине VIII в., т.е. к тому же временно́му отрезку, что и древности из кладов типа Пастырских и Харивского в Поднепровье. Таким образом, все двупластинчатые и сложные антропозооморфные фибулы представляют собой хронологически весьма компактное явление, зарождение, расцвет и упадок которого связаны с функционированием и гибелью Пастырского ремесленного центра.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01435а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. 1973. № 3.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.

Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю. Могильник "Баклинский овраг" (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 2 // СА. 1971. № 3.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.

Амброз А.К. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. 1993. № 2.

Березовець Д.Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969.

Берестнев С.И., Любичев М.В. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Гавритухин И.О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996а.

Гавритухин И.О. Типологическое определение инвентаря. Детали ременной гарнитуры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996б.

Гавритухин И.О. Двупластинчатая фибула из частной коллекции (заметки о поздних формах двупластинчатых фибул). В печати.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Калитинский А.П. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П. Кондакова. Т. II. Прага, 1928.

Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. Київ, 1999.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга "древностей антов" в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Кулаков В.И. Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства) // Archaeologia Lituana. 1999. T. I.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1996.

Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII – начале VIII вв. // Древности. Харьков, 1994.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мажитов Н.А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. 1990. № 1.

Минаева Т.М. Кераміка балки Канциркі в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. 1961. Т. XIII.

Обломский А.М. Инородные компоненты в зоне пеньковской культуры. Ремесленные центры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Привалова О.Я., Привалов А.И. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев, 1988.

Приходнюк О.М. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. 1994. № 3.

Приходнюк О.М. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. 1998а. № 3.

Приходнюк О.М. Пастирський скарб 1992 року // АЛЛУ. 1998б. № 1–2.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998в.

Приходнюк О.М. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.

Приходнюк О.М., Хардаев В.М. Харивский клад // Archaeoslavica. 1998. № 3.

Родинкова В.Е. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (простые формы) // РА. 2006. № 3.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Щеглова О.А. Вещи дунайского происхождения в поздних кладах "Древностей антов" // Тезисы историко-археологического семинара "Чернигов и его округа в IX–XIII вв." Чернигов, 1990а.

Щеглова О.А. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990б.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Daskalov M., Dimitrov D.J. Ein paar anthropozoomorphe Bügelfibeln (des sog. Dnjeprtyps) aus Südbulgarien // Archaeololgia Bulgarica. 1999. III. № 3.

Dimitrijević D., Kovacević J., Vinski Z. Seoba naroda. Zemun, 1962.

Fettich N. Vestiges archéologiques slaves de l'époque des grandes migrations, dans le bassin des Carpathes – Relations koutourgoures // Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle. Budapest, 1972.

Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest, 2001.

Kiss A. Avar cemeteries in country Baranya. Cemeteries of the Awar Period (567–829) in Hungary. V. II. Budapest, 1977.

Nagy S. Le cimetiere de Vrbas de l'époque avare et ses rapports avec le trésor de Nagyszentmiklós et la tasse en argent d'Ada // Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle. Budapest, 1972.

Parczewski M. Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego // Archaeoslavica. 1991. № 1.

Parczewski M. Dalsze zabytki naddnieprzańskie z VI?, VII–VIII w. w zbiorach krakowskich // Archaeoslavica. 1993. № 2.

Teodor Dan Gh. Spatiul carpato-dunăreano-pontic în mileniul marilor migrații. Buzău, 2003.

Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950.

On the typological development of anthropozoomorphic fibulae (composite and two-plated forms)

V. E. Rodinkova

Summary

The article is a continuation of the work published in the previous issue of this magazine. It presents analysis of composite anthropozoomorphic and two-plated fibulae, which are a vivid element of the material complex of the Dnieper basin in the Middle Ages. The author offers a classification of the decorations and concludes that composite anthropozoomorphic fibulae evolved from one of the varieties of simple anthropozoomorphic brooches. The author is of the opinion that composite anthropozoomorphic fibulae depicting a human head on an elongated plate appeared in the Middle Dnieper region after local craftsmen had made acquaintance with the jewelry traditions of the Danube area. The craftsmen of the Dnieper area might have found models for their work in "Slav digitate fibulae with human mask on a stem" (as defined by J. Verner), which were brought to the Pastyrskoe hillfort region by settlers from the Danube area. Contrary to widespread opinion, the two-plate fibulae are a new element of the material culture of the Dnieper area, and their origin cannot be defined clearly. In general, these artifacts belong to the circle of two-plated fibulae of Eastern Europe; some of their details have analogies in Caucasian, Crimean, Danube, Dnieper and Baltic ornaments. The composite anthropozoomorphic and two-plated fibulae have no local distinctions. All their varieties are characteristic of the Middle Dnieper, Pastyrskoe center of jewelry and crafts production, and date from the existence of the Pastyrskoe hillfort, i.e. the second half of the 7th – first half of the 8th cc.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 64–73

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРЕСАЛ С СЮЖЕТОМ, ИЗВЕСТНЫМ В ИСТОРИОГРАФИИ КАК "ОДИН И ВОРОНЫ"

© 2006 г. Н. Б. Крыласова

Пермский филиал УрО ИИА РАН

В конце IX в. на территории Пермского Предуралья появились весьма оригинальные предметы материальной культуры – стальные кресала с бронзовой рукоятью. В силу своей чрезвычайной полифункциональности и декоративности эти предметы привлекали и продолжают привлекать внимание многих исследователей.

Вопрос о происхождении биметаллических кресал до сих пор остается открытым. Мнение о том, что первоначальный центр их изготовления находился в Прикамье, прочно утвердилось в литературе. По Л.А. Голубевой, подобные кресала изготовлялись в Прикамье финно-угорскими мастерами, и во второй половине X – начале XI в. попадали на далекий запад торговым путем через Сухону, Вычегду, Белоозеро и Ладогу. Навстречу по тому же пути шло западноевропейское серебро (Голубева, 1964. С. 115–132). Но считается, что позднее мог возникнуть собственный центр их производства в Финляндии. Вполне вероятным могло быть производство таких кресал и булгарскими ремесленниками.

Классификация биметаллических кресал разработана Л.А. Голубевой (1964). Но к настоящему времени круг изделий данного вида значительно расширился, и назрела необходимость дополнения имеющейся классификации.

Наибольший интерес исследователей вызывают кресала, на рукояти которых помещен сюжет с антропоморфной фигурой и двумя птицами. По Л.А. Голубевой кресала с данным сюжетом относятся к группе III (1964. С. 118, 128), по Н. Клеве – к типу *a* (Cleve, 1929. С. 51–60). Всего Голубевой описывается 11 кресал данной группы[1]. По особенностям изображения антропоморфной фигуры ею выделено в группе III три варианта: 1 – человек с опущенными руками в рост, 2 – человек изображен до пояса, 3 – схематичное изображение человека.

На сегодняшний день насчитывается уже 24 кресала с описываемым сюжетом, которые встречены в 18 пунктах (рис. 1). Более представительный круг источников позволяет несколько уточнить классификацию, предложенную в свое время Л.А. Голубевой.

Общая характеристика группы – рукояти кресал группы III (по Голубевой) имеют арочную форму, образованную фигурами двух хищных птиц, склонившихся к центральной антропоморфной, антропо-орнитоморфной или зооморфной фигуре; между головами птиц – петля для привешивания, в основании рукояти, как правило, – горизонтальный ряд выпуклых концентрических кружков или перлов, в некоторых случаях подчеркнутых снизу 1–2 горизонтальными валиками. На наш взгляд, центральные фигуры не имеют признаков пола, но Л.А. Голубева считала, что на огнивах изображено "мужское существо" (1964. С. 129); Г.Ф. Корхузина, опираясь на прорисовку кресала из Мало-Аниковского могильника, утверждала, что изображен "бородатый мужчина" (1977. С. 158).

Подгруппа 1 (рис. 2) – антропоморфная фигура в центре изображена в полный рост, с опущенными вдоль туловища руками, ногами, расставленными на ширине плеч. На круглом лице довольно отчетливо прослеживаются овальные глаза, нос и брови. У птиц относительно небольшие головы, вдоль шеи – полоски, поверхность крыльев заполнена несколькими дугообразными валиками, повторяющими форму крыла, хвосты и "штаны" в области бедра покрыты вертикальными полосками.

Вариант 1а – туловище центральной фигуры гладкое, только на запястьях парными линиями обозначены браслеты (рис. 2, *1*).

Вариант 1б – на туловище, ногах и руках горизонтальными и косыми насечками обозначена одежда (рис. 2, *2*, *4*).

Всего известно 4 экземпляра кресал данной подгруппы (рис. 2): 1 – из района Перми, Л.А. Голубева ссылается на H. Appelgren-Kivalo (1915. Рис. 51; Голубева, 1964. С. 128. Рис. 6, *1*); Г.Ф. Корхузина уточняет, что это кресало опубликовано в работе N. Cleve (1929. Рис. 3) (Корзухина, 1977. С. 161); 2 – из Мало-Аниковского могильника (Голубева, 1964. Рис. 6, *2*); 3 – фрагмент кресала из Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой); 4 – из д. Савиной Губдорской волости

[1] Г.Ф. Корзухина в своей статье отмечала, что Л.А. Голубевой допущена ошибка, она дважды указала одно и то же кресало, поэтому в реальности было известно 10 кресал с человеком и птицами (Корзухина, 1977).

Рис. 1. Схема распространения кресал с антропоморфной фигурой и птицами: *1* – Пермь; *2* – Мало-Аниковский могильник; *3* – Редикарский могильник; *4* – д. Савина; *5* – с. Гайны; *6* – Солдырьский могильник (Чемшай); *7* – Юмский могильник; *8* – могильник Черемисское кладбище; *9* – Выжумский могильник; *10* – могильник Нижняя Стрелка; *11* – могильник Усть-Балык; *12* – Сайгатинский I, VI могильники; *13* – Киев; *14* – Огурдинский могильник; *15* – Плеховский могильник; *16* – с. Пожва; *17* – Рождественский могильник; *18* – Окунево VI.

Чердынского уезда (Дневник Теплоуховых, С. 644. Рис. А).

Подгруппа 2 – центральная фигура изображена по пояс.

Тип 1 (рис. 3) – в центре антропоморфные фигуры с опущенными, как правило прижатыми к туловищу руками. На лице с высоким лбом и под треугольным подбородком, отчетливой линией обозначены нос и брови. На наиболее качественных отливках на руках четко просматривается по 4–5 пальцев. В большинстве случаев на фигурах обозначены детали одежды: на плечах – валики, туловище покрыто горизонтальными полосками, возможно, имитирующими доспех, на ряде фигур просматривается треугольный вырез ворота, на запястьях – браслеты, на отдельных изображениях имеется пояс в виде двух горизонтальных полос или валиков. Головы птиц с массивными клювами, глаза обозначены концентрическими кружками. На шее "воротничок" в виде выпуклого валика, ниже которого шея покрыта продольными полосками. На "штанах" и хвосте вписаны треугольники, повторяющие форму этих частей фигуры, в от-

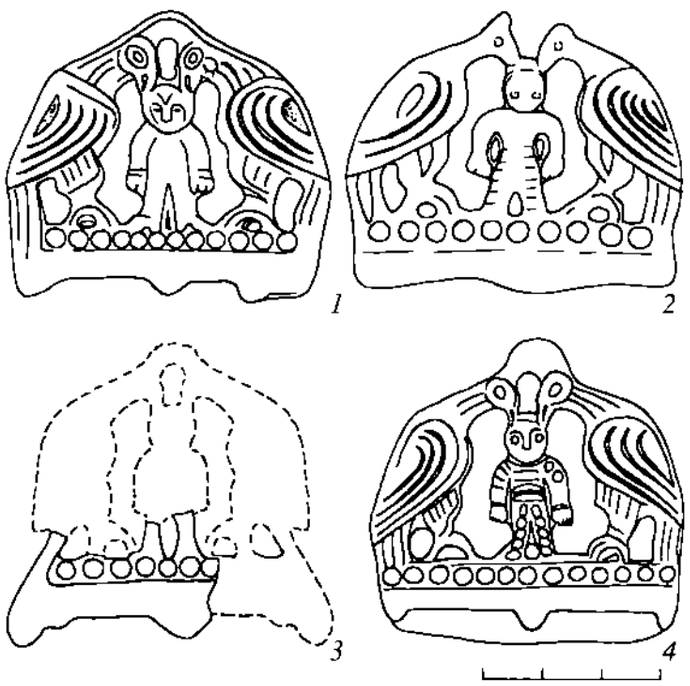


Рис. 2. Кресала подгруппы 1: *1* – Пермь; *2* – Мало-Аниковский могильник; *3* – Огурдинский могильник; *4* – д. Савина (по рисунку из дневника Теплоуховых, с. 644).

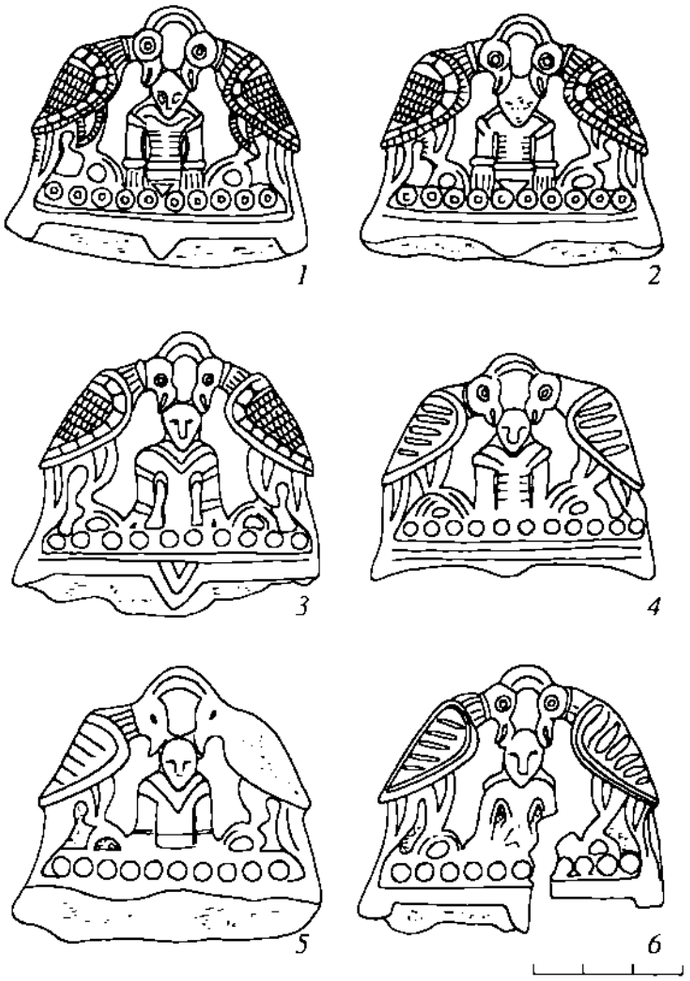


Рис. 3. Кресала подгруппы 2, тип. 1: *1* – Мало-Аниковский могильник; *2* – Сайгатинский VI могильник; *3* – могильник Нижняя Стрелка; *4* – Плеховский могильник; *5* – могильник Усть-Балык; *6* – Киев.

дельных случаях данные треугольники обрамлены валиками с насечками.

Вариант 2.1а – контуры крыльев птиц с внутренней стороны обведены одинарным или двойным валиком, при этом внешний валик гладкий или покрыт прямыми насечками, внутренний заполнен квадратами. Поверхность крыла заполнена горизонтальными валиками с насечками (рис. 3, *1–3*).

Вариант 2.1б – контуры крыльев птиц с внутренней стороны обведены одинарным или двойным валиком, поверхность крыла заполнена гладкими горизонтальными валиками (рис. 3, *4–6*).

На сегодняшний день известно шесть кресал с рукоятями данного типа (рис. 3): из Мало-Аниковского могильника (Голубева, 1964. Рис. 6, *3*); Сайгатинского VI могильника (раскопки К.Г. Карачарова); из могильника Нижняя Стрелка (Никитина 2002, фото 2); Плеховского могильника (Оборин, 1951. Рис. 62, *2*); погр. № 82 могильника Усть-Балык (Семенова, 2001. Рис. 21/6); дружинного кургана с сожжением в Киеве (Каргер, 1958. С. 193. Рис. 39, *1, 2*).

Тип 2 (рис. 4) – в центре антропо-орнитоморфные фигуры с отставленными от туловища крылообразными руками, на которых в отдельных случаях обозначено по три пальца. Не случайно В.А. Оборин, описывая одно из подобных кресал, посчитал, что на нем изображено три орла, "одна из птиц дана в анфас в центре" (1951. С. 201). Плечи покатые, иногда подчеркнутые волнистой линией, проходящей вдоль плеч и подбородка, или в виде четкого прямоугольника. Голова, как правило, с подтреугольным подбородком, лицо в большинстве случаев не проработано. Особенностями оформления лица отличается фигура с кресала из Редикарского могильника – здесь лицо в виде горизонтально вытянутого овала обрамлено выпуклым валиком, относительно глубоким рельефом выделены нос и линия бровей. Некоторыми деталями отличается и фигура с кресала из одиночного погребения Окунево VI на р. Таре – здесь лицо обозначено в виде круга, насечками обозначена одежда. Для птиц с рукоятей данного типа можно считать характерным схематичность, отсутствие изображения мелких деталей, глаза как правило отмечены точками, реже (рис. 4, *8–10*) – концентрическими кружками. Но на некоторых фигурах птиц просматриваются "воротнички", что характерно для предыдущего типа. Крылья птиц в двух случаях покрыты дугообразными линиями, как на рукоятях подгруппы 1, в одном случае крыло с внутренней стороны обрамлено двумя валиками, один из которых покрыт выпуклыми квадратами, а в двух случаях поверхность крыла заполнена горизонтальными полосками – эти особенности характерны для оформления изображений птиц на кресалах предыдущего типа. По характеру изображения птиц отличается от всех остальных кресало из Редикарского могильника. На шее и плечах у них концентрические кружки, на крыльях – скобкообразные выпуклые валики с косыми насечками.

Всего насчитывается 11 кресал с рукоятями данного типа (рис. 4): Выжумского могильника (Никитина, 2002. Рис. 28, *4*); Мало-Аниковского могильника (Чердынский краеведческий музей, инв. № 954/737); Сайгатинского VI могильника (раскопки К.Г. Карачарова); из погр. № 14 Юмского могильника (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. LIV, *12*); из погр. № 120 Рождественского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой); из Пожвинской дачи гг. Всеволожских (Ешевский, 1859. С. 139. Табл. 6, *3*); из Гайнского р-на Коми-Пермяцкого округа (Чердынский краеведческий музей); Редикарского могильника (Спицин, 1902. Табл. XXII); могильника Черемисское кладбище (Голубева, 1964. Рис. 6, *6*); из одиночного погребения Окунево VI на р. Таре (Могильников, 1991. С. 64, 65. Рис. 1, *14*); Солдырьского (Чемшай) мо-

гильника (Голубева, 1964. С. 128. ГИМ. Инв. № 42360/10).

Тип 3 (рис. 4, *11*) – в центре орнито-антропоморфная сильно стилизованная фигура, которая у авторов каталога "Угорское наследие" вызвала ассоциации с совой (Угорское наследие..., 1994. С. 90. Рис. 104. С. 138). Это навершие несколько отличается от остальных, оно выполнено отливкой в двусторонней форме с сердечником, и, по мнению авторов каталога, возможно, является навершием деревянного гребня. Но, с другой стороны, у авторов не вызывает сомнения, что его композиция восходит к сюжету описываемых кресал (Угорское наследие..., 1994. С. 138), поэтому вполне правомерно его рассмотрение в данной статье. Голова фигуры плавно переходит в плечи; на лбу изображены морщины, глаза большие миндалевидные с круглыми зрачками, нос с раздутыми ноздрями. Туловище передано очень схематично и орнаментировано таким образом, что создается облик крыльев, хотя явно они не подчеркиваются. Вместе с тем изображения птиц, расположенных по бокам от центральной фигуры, проработаны очень тщательно. Они имеют относительно небольшие головы с крупными клювами, глаза показаны концентрическими кружками, крылья по контуру обведены тройным гладким валиком, а центральная часть крыла у одной птицы заполнена орнаментом в виде косички, у другой – горизонтальными валиками. На "штанах" треугольники, на хвостах – вертикальные полосы, обозначающие перья. Навершие происходит из Сайгатинского VI могильника (Угорское наследие..., 1994. С. 90. Рис. 104. С. 138).

Подгруппа 3 – по Голубевой "отличается грубостью выполнения, фигура человека превращена в схему" (Голубева, 1964. С. 128). В действительности на данных предметах в центре помещено не изображение человека, а фигура-перевертыш, которая в нормальном положении представляется как схематичное изображение дерева (древа жизни?) в виде треугольника из концентрических кружков, а в перевернутом – в виде головы медведя. У птиц глаза переданы концентрическими кружками, на хвостах – вертикальные полоски, крылья в одном случае представляют собой овальный валик с насечками, во втором – крылья, оконтуренные гладким валиком, покрыты чередующимися горизонтальными валиками и рядами квадратных выпуклин.

Известны два экземпляра наверший, относящихся к данной подгруппе (рис. 5, *1, 2*): 1 – из Чердынского уезда Пермской губернии (Голубева, 1964. С. 128. Рис. 6, *4*), 2 – Сайгатинский I могильник (Угорское наследие..., 1994. С. 89. Рис. 101. С. 137).

Как отмечала в своей статье Г.Ф. Корзухина, в отличие от всех остальных "бессюжетных" кресал, в композицию с птицами и человеком вложено какое-то большее содержание, в связи с чем многие исследователи пытались найти расшифровку этого сюжета (1977. С. 157). Х. Аппельгрен-Кивало, специально исследовавший происхождение сюжета данных огнив, выводил его из буддийских изображений богини с двумя священными животными (слонами) (Appelgren-Kivalo, 1915. Fig. 49, 50). Н. Клеве вполне допускал подобную трансформацию индийских слонов в птиц в пермском искусстве (Cleve, 1929. S. 52). Л.А. Голубева отвергла эту версию главным образом по причине того, что, как она считала, "на наших огнивах изображено не женское, а мужское существо". Она объясняет композицию на кресалах как воплощение сюжета вознесения Александра Македонского двумя грифами на небо. По ее мнению, этот эпизод легенды об Александре, чрезвычайно популярный в искусстве средневековья, мог по-

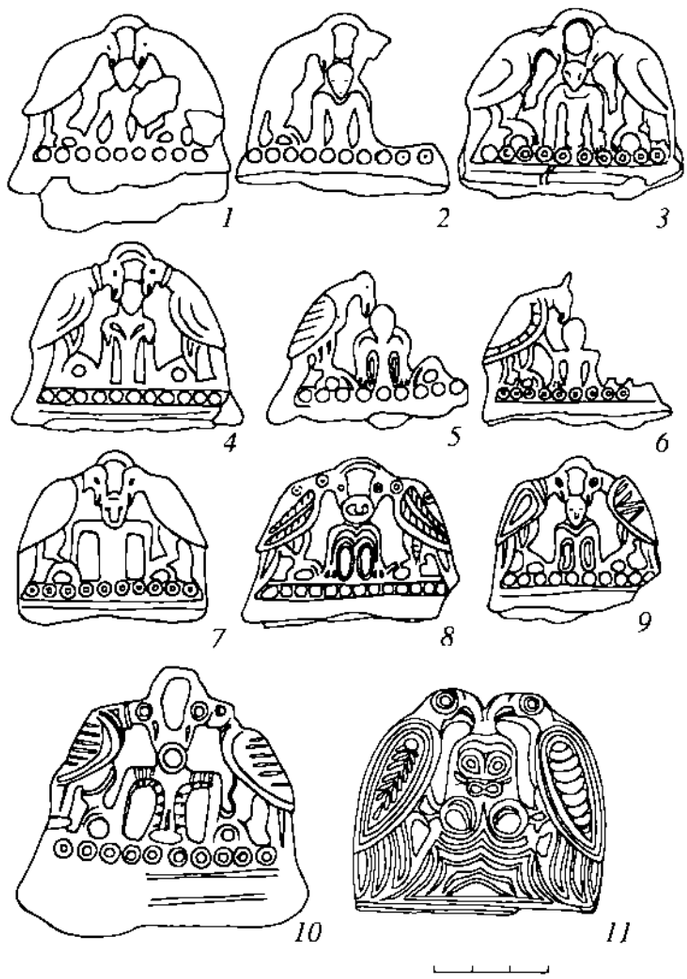


Рис. 4. Кресала подгруппы 2, типы 2, 3: *1* – Выжумский могильник; *2* – Мало-Аниковский могильник; *3* – Сайгатинский VI могильник (по рисунку К. Карачарова); *4* – Юмский могильник; *5* – Рождественский могильник; *6* – Пожвинская дача гг. Всеволожских; *7* – Гайнский район коми-пермяцкого округа; *8* – Редикарский могильник; *9* – могильник Черемисское кладбище; *10* – Окунево VI; *11* – Сайгатинский VI могильник.

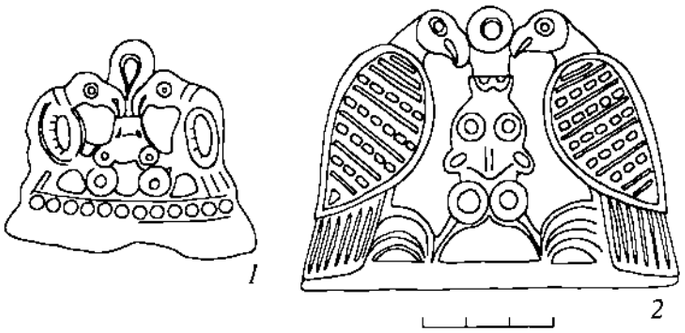


Рис. 5. *1–2* – подгруппа 3. *1* – Чердынский уезд; *2* – Сайгатинский I могильник.

пасть в Прикамье в пересказе или воплощенным в какое-либо изделие восточной или европейской торевтики; сюжет оказался созвучным древнему прикамскому мотиву птицы с человеческой личиной и был воплощен на рукоятях огнив (Голубева, 1964. С. 129, 130). Г.Ф. Корзухина подвергла версию Голубевой критике, в которой отметила, что сюжет на кресалах не вполне соответствует легенде. Кроме того, по мнению Корзухиной, на кресалах изображен бородатый мужчина, в то время как Александр Македонский никогда не изображался бородатым старцем (1977. С. 157, 158).

Г.Ф. Корзухина увидела в этой композиции на кресалах иллюстрацию к тексту "Младшей Эдды" о боге Одине и ручных воронах, сидящих у него на плечах (1977. С. 156–162): "Два ворона сидят у него на плечах и шепчут на ухо обо всем, что видят или слышат. Хугин и Мунин – так их прозывают. Он шлет их на рассвете летать над всем миром, а к обеду они возвращаются. От них-то и узнает он все, что творится на свете. Поэтому его называют богом воронов" (Младшая Эдда, 1970. С. 37). Правда, выдвигая свое толкование сюжета на рукоятях кресал, Г.Ф. Корхузина отмечает целый ряд расхождений композиции изображения с текстом "Младшей Эдды". Во-первых, согласно представлениям, Один всегда появлялся в синем плаще и низко надвинутой шляпе; "на кресалах ни плаща, ни шляпы нет, поскольку он принимал возвращающихся воронов у себя в жилище. Кроме того, прилетавшие вороны шептали Одину обо всем, что видели, в уши. Уши – существенный момент в мифе об Одине, и если бы художник надел ему шляпу, она закрыла бы уши". Во-вторых, несоответствие заключается в том, что Один, как известно, был одноглазым, а на кресалах он изображен с двумя глазами. В-третьих, вороны на кресалах изображены значительно крупнее, чем это полагалось бы по сравнению с человеком. Как считает Г.Ф. Корзухина, "камский мастер мог быть не в курсе всех тонкостей скандинавской мифологии и не знать ничего, кроме поразившего их мифа о двух вещих воронах, которых он решил "увековечить в бронзе" (1977. С. 157, 158).

Версия Г.Ф. Корзухиной стала очень популярной, многие исследователи активно используют ее как доказательство существования контактов уральского населения с викингами. К примеру, В.И. Кулаков развивает эту версию, рассматривая семантику различных изделий, выполненных в общегерманском зверином стиле. По его мнению, на протяжении V–XI вв. изображения Одина стали своеобразной "языческой иконой". Проникновение данного канона на территорию Восточной Европы объясняется ломкой там родовых отношений и созданием полиэтничной дружины. Родовые орнаменты не представляли для представителей этой дружины интереса в новой ситуации. У них сформировался особый декоративный стиль, включавший изобразительные традиции разных народов, сплоченных дружиной (Кулаков, 1995. С. 66–81). Поэтому у автора не вызывает удивления факт использования принципов композиции "Один и вороны" при изготовлении кресал у финно-угров. Эта схема, на его взгляд, могла проникнуть в местную среду в результате деятельности мастеров Волжской Булгарии. А проникновение в Скандинавию единичных украшений финно-угорского происхождения вызывало появление там подражаний этим предметам. Это показывает, что скандинавам был близок сюжет "божество и пара животных", схожий с каноном Одина (Кулаков, 1995. С. 74, 75).

По мнению А.В. Головнева (2002. С. 31), правомерность предложенной Корзухиной трактовки сюжета биметаллических кресал подтверждается находкой в Суздале среди коллекции варяжских вещей XI в. литейной формы для изготовления украшений. На ней вырезаны восточно-европейская лунница и две круглые подвески: на одной изображен Один с воронами, на другой в орнаментальную кайму включена руническая надпись, указывающая на принадлежность вещи некоему Олаву (Матвеев, 1964. С. 226). А.В. Головнев, рассматривая историю путешествий викингов на Север и на Восток – в Бьярмию, пишет: «Если кресала с Одином действительно распространялись из Бьярмии, они могли быть делом рук викингов или их спутников. Здесь, вдали от родины, Один играл роль "скандинавского" покровителя норманнов, и его изображение наносилось на амулеты (суздальская подвеска) и "домашние" изделия (огнива), сопровождавшие викингов в походах» (Головнев, 2002. С. 31). Отвечая на вопрос, почему же в таком случае культ Одина не оставил следов в местной мифологии, Головнев, полагает, что Один был "слишком скандинавским", его викинги всегда носили с собой (например, в знаках на кресалах), в отличие от Тора, которого викинги оставляли стеречь освоенные территории (например, на святилищах или в виде топонимов), поэтому Тор "перешагнул границу сакральных пространств" и оказал воздействие на духовную культуру различных народов Северной Европы, отразившись в

именах богов-Громовиков (финно-саамский Тиермес-Таара, обско-угорский Торум-Тарэм, валлийский Taran, чувашский Тором-Тора) (Головнев, 2002. С. 32).

Скандинавскими контактами с приуральским и зауральским населением объясняет появление биметаллических кресал и Н.В. Федорова. По ее мнению, некоторые оригинальные мотивы в изобразительном творчестве средневековых мастеров Приуралья и Западной Сибири нельзя объяснить только местными идеями. "Хорошим примером использования таких мотивов могут служить навершия биметаллических кресал: только на территории Западной Сибири их обнаружено около десятка, из них 4 выполнены в виде вариаций на тему "Один и два ворона", а экземпляр с фигурой зверя с развернутой на спину головой и разинутой пастью напоминает изображения животных в стиле "ringerike"» (Федорова, 2002. С. 98). Федорова не исключает, что эти вещи изготовлены западно-сибирскими мастерами, следовательно, чтобы скандинавские сюжеты или изобразительные приемы были усвоены в местной среде, нужны были прямые контакты (2002. С. 98).

Тем не менее гипотеза о скандинавском происхождении сюжета кресал с антропоморфной фигурой и хищными птицами кажется не совсем правдоподобной. Во-первых, находки этих предметов сконцентрированы на территории Пермского Предуралья, Западной Сибири, в Марийском Поволжье, на Чепце, лишь один экземпляр найден далеко от этих мест – в Киеве. Во-вторых, они изготовлены в технике, типичной для многих других бронзовых изделий, распространенной на территории Пермского Предуралья. Если бы, как полагает Головнев, эти вещи были изготовлены викингами, то, вероятно, они отличались бы от изделий местных мастеров материалом, техникой изготовления, стилистикой изображения. В-третьих, кресала с бронзовыми рукоятями и, в частности, кресала с антропоморфной фигурой и птицами встречаются в погребениях местной знати. Кстати, Л.А. Голубева ошибочно сделала вывод о том, что такие кресала были распространены "почти исключительно в военно-дружинной среде Верхнего Прикамья", через которую как раз, по ее мнению, в Прикамье могла проникнуть легенда о вознесении на небо Александра Македонского, "обошедшая весь свет" (Голубева, 1964. С. 130). Но таблица, приведенная Голубевой (Голубева, 1964. С. 116), и результаты раскопок прикамских могильников, проведенных за последние десятилетия, показывают, что биметаллические кресала встречаются преимущественно в мужских, но известны и в женских погребениях. Погребения с биметаллическими кресалами обычно отличаются богатством инвентаря, но в то же время они существенно не выделяются по погребальному обряду и не содержат никаких предметов, не характерных для Прикамья (в частности, скандинавских). оружия (за исключением наконечников стрел) эти погребения также не содержат, поэтому нет никаких оснований говорить о принадлежности погребенных к военно-дружинной среде. Показателем высокого социального положения владельцев этих кресал является наличие височных колец, браслетов, перстней, монет, в мужских погребениях – топоров, шильев, наконечников стрел, в женских – ожерелий, шумящих подвесок-накосников. Если придерживаться точки зрения Головнева о том, что такие кресала принадлежали викингам, то и погребения, вероятно, содержали бы какие-то вещи, характерные для них. Опять же не совсем понятно, каким образом викинги смогли настолько широко распространить эти кресала на территориях Приуралья и Зауралья и ни одного экземпляра не привезти на родину. Еще Г.Ф. Корзухина подчеркивала, что "ни одного кресала с Одином в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике пока не найдено" (1977. С. 156). Если вслед за Корзухиной и Федоровой считать, что образ Одина проник на нашу территорию под влиянием контактов со скандинавами и отразился, в частности, в сюжете кресал, производимых местными ремесленниками, то опять же не совсем понятно, почему этот мотив, бывший таким популярным, не оставил абсолютно никаких следов в финно-угорской мифологии.

Если внимательно рассмотреть рукояти с антропоморфной фигурой и птицами, то можно отметить, что не совсем совпадает с сюжетом "Один и вороны" и композиция изображения.

Птицы на кресалах изображены стилизованно, что давало исследователям возможность их широкой трактовки от орла или грифа до ворона. Мы решили для более точного определения птиц обратиться за консультацией к специалистам. На основании анализа изображений на кресалах, зав. кафедрой зоологии Пермского государственного педагогического университета, А.И. Шураков пришел к следующим выводам: «По внешнему облику данные птицы могут быть отнесены к отряду соколообразных или дневных хищных птиц, о чем свидетельствуют крепкое телосложение, мощный крючковато изогнутый клюв, крепкие ноги с острыми загнутыми когтями. Характерной особенностью всех птиц с кресал является наличие такого характерного для хищных птиц элемента покровного оперения, как "штаны" – удлиненные перья с внешней стороны бедра и голени (Рябицев, 2001. С. 95). У многих птиц на кресалах на шее наблюдается "воротничок". Наличие "воротничка" или "жабо" из удлиненных перьев является характерной особенностью таких крупных хищников, как черный гриф и белоголовый сип.

На навершиях из Сайгатинского I и VI могильников отчетливо видны различия в хвостовом оперении. На предмете из Сайгатинского I могильни-

ка хвост у птиц прямой и короткий, можно предположить, что прообразом этих птиц является орел-могильник или орел-беркут. На рукояти из Сайгатинского VI могильника определенно средние рулевые длиннее, чем крайние, такой хвост характерен для орлана-белохвоста».

Таким образом, прототипом птиц, изображенных на кресалах с рассматриваемым сюжетом, послужили крупные дневные хищники – орлы или грифы. У скептиков, вероятно, могут возникнуть сомнения в правомерности определения специалистами птиц по столь стилизованным изображениям. Однако хорошо известно, что при любой стилизации особо подчеркиваются наиболее характерные особенности изображаемых существ. В данном случае сочетание крючковатого клюва и мощных ног особо подчеркнутыми "штанами" не оставляют сомнения в том, что птицы относятся к отряду дневных хищников.

Орлы-беркуты – самые крупные из орлов с размахом крыльев 180–240 см, распространены в Евразии, Северной Африке и Северной Америке, но на Урале, в Приуралье и Западной Сибири являются редкой птицей. Орлы немного мельче беркутов, с размахом крыльев 180–215 см, имеют мозаичный ареал распространения от Испании до Забайкалья, в нашем регионе являются редким видом. Орланы-белохвосты крупнее беркута, с размахом крыльев 180–215 см, распространены по всей Евразии и на части Гренландии. Черные грифы – очень крупные птицы с размахом крыльев 250–300 см, распространены в горах от Юго-Западной Европы до Китая, гнездятся в основном на Кавказе, в Средней Азии и в Туве (Рябицев, 2001). Однако отмечалось довольно много залетов этих птиц не только на Южный Урал, но и в Пермскую, Свердловскую и Тюменскую области. Так, о появлении на Урале грифов, свойственных для гористых южных территорий, сообщается в заметке П.В. Сюзева: "В 1889 г. залетный черный гриф Vultur monachus L. был убит на горе Стожок близ оз. Тавтуй в Екатеринбургском уезде Пермской губернии. В Предуралье, в долине р. Обвы, лет 20 тому назад гриф был наблюдаем Ф.А. Теплоуховым. Весною, в мае 1910 г. инженером А.Н. Кузнецовым убит гриф около Кушвинского завода Верхотурского уезда. Это необычайно северный залет... Вид этого крупного хищника очень мрачный, зловещий... Гнездится черный гриф на неприступных скалах, но чаще на старых деревьях, устраивая из сучьев хвороста огромное гнездо" (Сюзев, 1911. С. 159, 160). Редкость крупных орлов и грифов, их внушительный вид, образ жизни придавали им в глазах древних обитателей нашего края особую загадочность, что могло сыграть свою роль в наделении этих птиц особыми сверхъестественными возможностями и обусловило выбор их в качестве прототипа доя образа мифологических персонажей.

Во́роны же, относящиеся к отряду воробьеобразных, семейству врановых, имеют большой, сжатый с боков клюв, в отличие от изображенных на кресалах, не загнутый крючком. Поскольку вороны питаются в основном падалью, у них не такие мощные ноги, необходимые для захвата крупной добычи, и нет характерных для хищников "штанов", которые изображены на кресалах. Таким образом, по характеру изображения птицы с кресал не могут быть воронами, поэтому разработка сюжета "Один и вороны" изначально была неверна.

Фигуры птиц на кресалах в полтора раза превышают по размерам антропоморфную фигуру. Только на одном кресале из Сайгатинского VI могильника (подгруппа 2, тип 3) хищные птицы сидят на плечах центральной фигуры (Угорское наследие..., 1994. С. 90. Рис. 104. С. 138). А в сюжете "Один и вороны" птицы должны сидеть на плечах божества, что и прослеживается на большинстве известных изображений, которые без сомнения могут быть соотнесены с мифом об Одине и воронах. Например, такая композиция представлена на навершие дуги конской упряжи из Готланда (Наследие варягов..., 1996. С. 25). А на навершии с изображением Одина из ювелирной мастерской в Старой Ладоге стилизованные изображения птиц помещены на голове божества в виде длинных ушей, завершающихся птичьими головками (Старая Ладога..., 2003. С. 63).

Среди кресал рассматриваемой группы известна также композиция (подгруппа 3), в которой две хищные птицы сидят на "дереве" (вероятно, мировом древе), изображенном в виде вытянутого кверху треугольника, составленного из окружностей, в перевернутом виде изображение "дерева" превращается в голову медведя (Угорское наследие..., 1994. С. 89. Рис. 101. С. 137). Хищные птицы на этих предметах изображены аналогично тем, которых мы видим в основной композиции. Но сюжет "Один и вороны" не имеет никакой связи ни с мировым древом, ни с медведем.

Странно, что никто из исследователей не попытался сопоставить птиц на кресалах с образом орла – одним из наиболее распространенных обожествляемых представителей фауны, который присутствует в мифологиях многих народов мира.

Орел обычно выступает как символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия. У финнов, самодийских народов, якутов, тунгусо-манчжурских народов и других народов Сибири культ орла был связан с представлением его в виде помощника шамана и культурного героя. Одним из главных подвигов орла как культурного героя в мифологиях Евразии (особенно Сибири) и Северной Америки является похищение им света или помощь, оказанная им людям в добывании огня. Например, у якутов орел почитался как хозяин и повелитель Солнца, хозяин огня, носитель плодородия, символ

священного дерева (Штернберг, 1936. С. 113–116) и был связан с легендой о принесении им огня; при некоторых обрядах врачевания ритуал высекания огня мог совершать только человек, чьим предком был орел (Мифы народов мира, 1982. С. 258). Интересно, что Л.А. Голубева также коснулась подобных мифов, в частности она упомянула телеутскую легенду о птице "карболко", научившей людей добывать огонь при помощи трута, кремня и железа. Но эту легенду Голубева приводит в связи с доказательством того, что у народов Прикамья и Сибири орел – "птица – хозяин неба" пользовался особым почтением, и что именно он, как это предполагал А.В. Шмидт, изображался на прикамских птицевидных идолах с личиной человека. Однако, несмотря на то, что птицы на огнивах напоминают орлов, сюжетной связи между изображением на огнивах и птицевидных бляхах Голубева не наблюдает (1964. С. 129), и выводов о том, что приведенная легенда в большей степени может касаться именно кресал, а не птицевидных блях, исследовательница не делает, по причине того, что ею была выдвинута иная (упомянутая выше) версия о содержании сюжета кресал с человеком и птицами.

Широко распространенными являются также мифы о разорителях гнезд орла. К. Леви-Строс в исследованиях по мифологии индейцев Северной и Южной Америки выделяет подобный миф в качестве основных. Согласно этому мифу, герой поднимается на дерево, чтобы разрушить гнездо орла; когда он потревожил птенцов, орел вступает в переговоры с героем и предлагает ему средство для добывания огня. Аналогичные мифы известны у народов Западной и Южной Сибири – кетов, васюганских хантов, тофов (Мифы народов мира, 1982. С. 259). Например, в одном из вариантов таких мифов, зафиксированном у кетом в Западной Сибири, герой, спасаясь от преследования, попадает на дерево и угрожает орлятам. Прилетевшая к гнезду орлица обещает герою орудие для добывания огня при условии, что он принесет ей коготь. Для выполнения поставленного условия герой спускается в нижний мир, где достает коготь (шип рыбы) с помощью мамонта. Мамонт у сибирских народов и обских угров относится к категории существ, связанных с водой, которая выступает эквивалентом первобытного хаоса, и является главным мифологическим существом нижнего мира. Вернувшись в верхний мир, герой обменивает коготь на орудие для высекания огня, с которым возвращается в земной мир (Мифы народов мира, 1982. С. 233). Важнейшее совпадение между разными вариантами мифов о разорителях гнезд орла состоит в том, что они являются мифами о происхождении огня, о получении его героем от орла, обитающего со своими детьми на вершине мирового дерева (Мифы народов мира, 1982. С. 259).

Прежде никто из исследователей не попытался искать объяснение сюжета кресал с человеком и птицами в местной финно-угорской мифологии, а не в легендах дальних стран, хотя все так или иначе сходятся во мнении, что центром их производства было Прикамье. Придерживаясь точки зрения о том, что до второй половины XI в. территория Прикамья была заселена преимущественно уграми, мы попытались найти объяснение мотиву, представленному на кресалах, в угорской мифологии, анализ которой позволяет предположить, что сюжет "человек и птицы" может быть связан с культом угорского божества Мир-Сусне-Хума, который в представлениях манси имеет связь с Крылатым Карсом.

Образ птицы Карс, или Тухланг-Карс (ханты), Товлынг-Карс (манси), широко известен у всех обских угров. Эту мифическую птицу представляли подобной гигантскому орлу или грифу. По описаниям иртышских хантов, это "птица гигантской величины, имеющая человеческую голову с большим клювом". Карс обладает необычайной силой – ей ничего не стоит перенести на спине человека. Кроме того, птица обладает разумом и человеческой речью. Эта птица обычно выступает по отношению к людям как враждебное существо, и поэтому не является объектом почитания (Мифы, предания..., 1990. С. 25). Некоторые исследователи (Д.Н. Анучин, В.Н. Чернецов) рассматривали образ Карса в связи с соответствующим циклом индоиранских мифов (Мифология манси, 2001. С. 73).

По преданиям обских угров, на юге, на озере или море растет огромная лиственница, на вершине которой находится гнездо четы крылатых карсов. В основании гнезда живет "железная лягушка", которая грызет крылья птенцов, когда карсы улетают за пищей для детей.

Согласно В.Н. Чернецову, в мифах о Крылатом Карсе отражен образ небесной птицы, тесно связанной с деревом. Космическая природа дерева и птицы не вызывает сомнения. В качестве птицы мирового древа в каждой конкретной традиции обычно выступает наиболее царственная птица – чаще всего орел, иногда обозначаемый как гром-птица (в сибирских шаманских традициях), реже некий обобщенный образ большой ("главной") птицы, в отдельных случаях с фантастическими чертами. Птица на мировом древе обозначает верх и в этом смысле противопоставлена животным классификаторам низа – хтоническим животным, прежде всего змее, рыбам, а у ряда сибирских народов – мамонту.

К числу известных мифов о разорителях гнезд принадлежит миф о Мир-Сусне-Хуме и Карсе. Мир-Сусне-Хум (манси), Мир-шэтиви-хо (ханты) – один из наиболее актуальных персонажей обско-угорского пантеона. Буквальное значение его имени "смотрящий за миром". Ему приписываются функции культурного героя. В одном из вариантом мифов герой убивает птенцов Карса. Но известен

также вариант мифа, в котором Мир-Сусне-Хум взбирается на дерево в облике горностая, убивает железную лягушку, которая грызла крылья птенцов Карса. В благодарность за это Карс обещает больше никогда не есть людей, помогает герою, а тот в свою очередь помогает ему вернуть маховые перья, оставшиеся у мамонта (Мифы, предания..., 1990. С. 47). За спасение птенцов Карс стал помощником Мир-Сусне-Хума, использовавшего его для дальних перелетов (Шуклин, 1998. С. 43). После этого Мир-Сусне-Хум приобрел власть над птицами (Мифы народов мира, 1982. С. 154). Сам Мир-Сусне-Хум нередко выступал в птичьей ипостаси (обычно в образе гуся), и, возможно, именно с этим связан антропо-орнитоморфный облик центральной фигуры на многих кресалах данной группы.

Эта версия мифа во многих деталях полностью совпадает с кетским мифом о разорителе гнезда орла. Учитывая, что культура обских угров и кетов имеет много общего, мы можем предполагать, что в древности и у угров вполне мог существовать сюжет, в котором разорение гнезда Карсов Мир-Сусне-Хумом сопровождалось получением последним орудия для добывания огня. Во всяком случае, в угорских мифах Мир-Сусне-Хум предстает перед нами как культурный герой, которому приписываются инициатива творения земли, создание человека, обучение промыслам, создание полезных растений и животных и многое другое, и, в частности, создание огня (Мифы, предания..., 1990. С. 19). К сожалению, в этнографическое время у обских угров кресала, хотя еще и выступают иногда в качестве магических предметов (например, при гадании), но такого отношения, как в древности, когда они украшались бронзовыми рукоятями в зверином стиле, к ним уже не было. Поэтому в преданиях обыденному бытовому предмету уделяется не так уж много внимания, и, возможно, в некоторых случаях, когда речь шла об орудиях для добывания огня, рассказчики выпускали эту банальную, на их взгляд, деталь.

Таким образом, миф о Мир-Сусне-Хуме – разорителе гнезд как нельзя лучше сочетается и с сюжетом изображения на рукояти кресала и с самим предметом для высекания огня.

Что касается рукоятей, сюжет композиции которых несколько изменен, то они тем не менее имеют тесную связь с основным сюжетом. Так, орнитоморфная фигура в центре одной из рукоятей, вполне вероятно, связана с тем же Мир-Сусне-Хумом. В некоторых мансийских преданиях Мир-Сусне-Хум назван отцом филина. В то же время имеются сообщения о том, что филин – одна из ипостасей мифического предка фратрии Пор, иногда отождествляемого с Мир-Сусне-Хумом (Мифы, предания..., 1990. С. 537, 546). Таким образом, филин в этих вариантах преданий выступает как культурный герой, стоящий почти наравне с Мир-Сусне-Хумом или тождественный ему.

Если рассмотреть центральную фигуру-перевертыш, которая в основном варианте предстает как стилизованное изображение мирового древа, а в перевернутом – голову животного (медведя?), то ее можно связать с мансийскими представлениями о Йур – мифическом звере. Этот зверь нередко отождествлялся с мамонтом, который является одним из персонажей приведенных мифов. Мамонт мог представляться в виде рыбы, лося, собаки, и, в частности – медведя (Мифы, предания..., 1990. С. 25). Песни вогулов, собранные Б. Мункачи, говорят о "живом", "ползающем", "зубастом", "крылатом", "ногастом", "железнотелом" Йур. В одной из песен рассказывается, что на священное дерево духа прилетает много крылатых зверей Йур; если верховой ветер качает ветви, то взлетает много зверей Йур (Мифология манси, 2001. С. 67). Таким образом, мы видим, что в древних представлениях мифический зверь Йур, который мог представляться и в виде медведя, имеет связь со священным мировым древом.

Таким образом, учитывая многочисленные параллели изображения и функции самого предмета (приспособления для добывания огня) с мифом о разорителе гнезд, учитывая, что кресала с бронзовыми рукоятями были в основном мужским предметом, важным социальным знаком, сюжет с антропоморфной фигурой и птицами вполне можно расценивать как "Мир-Сусне-Хум и Карсы".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гловнев А.В. Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002.

Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. 1964. № 3.

Дневник Теплоуховых. Архив ИИМК. Фонд № 48.

Ешевский С.В. Пермские древности, находящиеся в Москве, в Лазаревском институте восточных языков // Пермский сборник. Повременное издание. Пермь, 1859.

Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л., 1958.

Корзухина Г.Ф. Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

Кулаков В.Н. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995.

Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2.

Мифология манси. Новосибирск, 2001.

Мифы народов мира. Т. 1. М., 1982.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.

Младшая Эдда. Л., 1970.

Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э. // Проблемы археологии Евразии. М., 1999.

Наследие варягов. Диалог культур. Стокгольм, 1996.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.

Оборин В.А. Плеховский могильник на Каме // КСИИМК. Вып. XXXVI. М.; Л., 1951.

Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири. Справочник-определитель. Екатеринбург, 2001.

Спицин А.А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. № 26. СПб., 1902.

Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003.

Сюзев П.В. Необычайно северный залет черного грифа // Матер. по изучению Пермского края. Вып. IV. Пермь, 1911.

Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12).

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1987.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Шуклин В. Очерк мифологии народов Урала // Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1998.

Угорское наследие: древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. Екатеринбург, 1994.

Appelgren-Kivalo H. Kfnsallisuusvffrayksista muinaistieteessa // Finskt museum. 1915. V. XXII.

Cleve N. Finlfdska forsaker. Eldstal med bronsfaste // Finskt Museum. 1929. V. XXXVI.

On the interpretation of steels depicting the story known in historiography as Odin and the ravens

N. B. Krylasova

Summary

The steels with bronze handles which are frequently encountered in the Perm Urals, Mari Volga and Surgut Ob' basins include a group of objects traditionally considered in Russian archeology to illustrate the Scandinavian myth of Odin and the ravens. Yet the peoples of Siberia have a myth about a taker of nests in which the culture hero obtains a tool for lighting fire from a gigantic bird (an eagle or a vulture). With the Ob' Ugrians, this hero is the popular character Mir-Susne-Khum. The interpretation of the story depicted on the steels as Mir-Susne-Khum and Karsy conforms with the purpose of the artifacts.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 74–86

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД И ЕГО ОКРУГА

© 2006 г. Л. Ф. Недашковский

Казанский государственный университет

Нами были рассмотрены материалы 465 археологических объектов, группирующихся вокруг четырех крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья (на расстоянии не более 60 км от центров каждого из них). Краткие результаты анализа данных о памятниках, населении рассмотренных регионов, его питании и особенностях погребального обряда приводятся ниже.

УВЕКСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО ОКРУГА

Подробно материалы Увекского городища и его округи в настоящей статье не рассматриваются, так как они уже были опубликованы нами ранее (Недашковский, 2000).

Большой интерес представляет наличие на памятниках округи Укека значительного количества древнерусских и древнемордовских материалов.

Древнерусские материалы зафиксированы на 17 (32.1%) из 53 рассмотренных нами посслений (Алексеевское городище, Багаевка, Болдыревка, Колотов Буерак, Кондаково I–II, Курдюм, Мартышкино, Подгорное, Прапорский бугор, Пристанное, Рокотовка, Увекское городище, Хмелевка I, Чардымское II городище и селище, Широкий Буерак, Шумейка); количественно, по имеющимся данным, древнерусская керамика составляет на этих поселениях от 1.1% (Хмелевка I) до 50% (Кондаково I–II) всех керамических материалов. Отмечены древнерусские материалы и на одном из местонахождений (Александровское), а также в комплексе одного из курганов (Энгельс, 1959 г.). Приведенные данные убедительно свидетельствуют о заметной доле древнерусского населения не только в Укеке, но и в части окружавших его золотоордынских поселений.

Следует отметить и присутствие мордовских материалов на шести (11.3%) поселениях (Колотов Буерак, Увекское городище, Хмелевка I, Чардымские I–II городища, Широкий Буерак). Однако они не столь многочисленны, как древнерусские, и встречены лишь на Правобережье Волги (причем только в северной и центральной части рассматриваемого нами района – ближе к собственно мордовским памятникам XIII–XIV вв., например Аткарскому могильнику). Две находки сюльгам отмечены и в курганной группе у с. Зауморье, на левом берегу Волги, а одна – в кургане у с. Большая Дмитриевка на р. Карамыш.

ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО ОКРУГА

Поселения. Судя по площади, занимаемой памятниками, можно предполагать, что в округе Царевского городища крупные поселения с площадью более 7 га (их четыре, они составляют 23.5% всех выявленных поселений) преобладали над средними, с площадью 1–7 га (зафиксировано два таких поселения, т.е. 11.8% от их общего количества). Для остальных селищ данных нет. Крупные по площади памятники – Царевское, Водянское, Мечетное городища и поселение у Колобовки – являются остатками золотоордынских городов.

Мощность культурного слоя известна у четырех поселений: для Мечетного городища она не превышает 30 см, для Колобовки – 50 см, для Царевского и Водянского городищ достигает 120–150 см.

На Водянском городище помимо золотоордынских зафиксированы также материалы эпохи бронзы, раннего железного века и хазарского времени. На Царевском городище – материалы XVII–XVIII вв.

Грунтовые могильники. Зафиксированная глубина могильных ям колебалась от 3 до 170 см. Проанализируем суммарно данные о 256 захоронениях с известной ориентировкой из грунтовых могильников Царевского городища и его округи.

В имеющейся выборке оказались все разновидности ориентировки погребенных: западная (78.5% всех погребений), юго-западная (12.5%), северо-западная (3.9%), северная (1.9%), южная (1.6%), восточная (0.8%), северо-восточная (0.4%) и юго-восточная (0.4%).

Примечательно, что в рассмотренном материале склепы зафиксированы над 34 погребениями, расположенными только на могильниках Водянского и Мечетного городищ. Двенадцать из этих погребений располагались в мавзолеях. Кирпичные или каменные надгробия (67) имелись как над погребениями в склепах (23), так и над обычными могильными ямами (44). Из погребений в склепах 31 имеет западную ориентировку, два – юго-западную и одно – восточную. Из захоронений, вскрытых в мавзолеях, 17 были совершены без склепов с западной (10) или северо-западной (7) ориенти-

ровкой. Перечисленные 51 погребение (19.9% от общего количества) в мавзолеях или в склепах мы можем отнести к захоронениям золотоордынской аристократии.

На рассмотренных могильниках были наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная (которую можно рассматривать как отклонение от западной) ориентировки погребенных (вместе они составляют 94.9% всех захоронений), присущие основной части городского мусульманского населения Золотой Орды (Яблонский, 1975. С. 79, 81–83). Однако следует иметь в виду, что 56 из этих погребений (21.9% от общего количества) являются захоронениями населения некрополя древнерусского поселка Водянского городища. В 109 из 243 погребений с такими ориентировками были зафиксированы гробы, инвентарь – лишь в 33 из них.

Захоронения без склепов с северной (пять), южной (четыре), северо-восточной (одно), восточной (одно) и юго-восточной (одно) ориентировкой вместе составляют 4.7% всех захоронений. Данные типы погребений свидетельствуют о не устоявшемся погребальном обряде.

По имеющимся данным для 155 комплексов – 50 захоронений – мужские, женские – 55, детские – 43, 7 – подростки.

Погребальный инвентарь на рассматриваемой территории был зафиксирован лишь в 36 захоронениях (14.1% от общего их числа).

Остатки шапочки-бокки были найдены в одном (0.4% от общего количества комплексов) погребении.

Золотые украшения также встречены в одном захоронении, совершенном в мавзолее с западной ориентировкой.

Парчовые и шелковые ткани найдены в семи погребениях (2.7%). Пять из этих захоронений были совершены с западной ориентировкой и два – с северо-западной; погребения имели надгробия или были совершены в мавзолеях.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в трех захоронениях (1.2% от общего количества), причем в одном из них – только оружие.

Монеты обнаружены в шести грунтовых погребениях (2.3%) – на могильниках Водянского и Царевского городищ; в двух случаях были найдены дирхемы, в четырех – единичные пулы.

Три могильника располагались на месте некрополей предшествующих периодов: эпохи бронзы (Царев I–II), сарматского (Царев II) и хазарского (Водянский II) времени.

Курганы. Насыпи золотоордынских курганов, обобщенно характеризуемых ниже, имели диаметр от 4 до 43 м и высоту от 10 до 320 см; могильные ямы основных погребений имели глубину от 29 до 225 см. Вокруг насыпей иногда прослежены ровики.

Из 404 захоронений 347 (85.9%) являются основными и 57 (14.1%) – впускными. Четыре кургана (1.3%) с погребениями XIII–XIV вв. располагаются вне золотоордынских курганных групп, 297 (98.7%) – в курганных группах. 23 памятника (85.2%) размещаются в группах предшествующего времени: эпох энеолита (Зубовка), бронзы (Бахтияровка I, Верхнее Погромное, Заплавное I, Заяр, Калиновка, Колобовка I–II, IV, Красный Октябрь, Ленинск I–II, Маляевка I, V, Осадная балка, 15 поселок, Солодовка I–III, Царев), раннего железного века (Бахтияровка I–III, Верхнее Погромное, Заплавное I–II, Калиновка, Колобовка III–IV, Ленинск I, Маляевка V, 15 поселок, Солодовка III, Царев) и домонгольского периода (Калиновка). В одном случае в кургане золотоордынской эпохи (Мечетное, к. 56) было совершено погребение XVIII–XIX вв.

В насыпях некоторых курганов фиксировались угли и зола, кости животных, птиц и рыб, обгоревший мешочек с зернами внутри, керамика, фрагменты майолик, мозаики, кирпичи, куски алебастра, кусочки извести, камни, железные ножи, чаша, наковальня?, молот, пара кузнечных клещей, щипцы, ножницы для резки металла, гвозди, неопределенные предметы, фрагменты удил, подковы, топора, скобы, замка с остатками бронзовых деталей, кусок шлака, фрагменты берестяного колчана с орнаментированными обкладками, резные кожаные аппликации в виде листьев со следами отверстий от иглы, бронзовые фрагменты пластинок, фрагмент бляшки, бубенчики, литой сосуд, фрагмент сосуда, остатки деревянных конструкций, прослойки камыша и коры, заливка из ила, обмазка из сырой глины, кирпичные выкладки над могилами, квадратные, прямоугольные и круглые сырцовые оградки и надмогильные выкладки из сырцовых кирпичей.

В засыпях могильных ям зафиксированы угли и зола, кости животных, птиц и рыб, рыбья чешуя, куски алебастра, извести, кусок обожженной глины, шлак, неопределенная костяная поделка, сырцовые и обожженные кирпичи, фрагменты керамики и майолик.

У нас есть данные о 387 подкурганных захоронениях с известной ориентировкой. Отмечены все направления ориентировки погребенных: западная (72.6% всех погребений), юго-западная (12.6%), северо-западная (7%), северо-восточная (3.6%), восточная (2.6%), юго-восточная (1%), северная и южная (по 0.3%).

Как видим, западная ориентировка погребенных абсолютно преобладает. Погребения с западной и юго-западной ориентировками в простых ямах без костей коня (составляют 40.8% всех кочевнических захоронений округи Царевского

городища) мы можем связывать с процессом исламизации номадов Золотой Орды. В курганах с погребениями с западной, юго-западной, северо-западной и северо-восточной ориентировками фиксировались сырцовые конструкции в насыпях, связываемые исследователями с процессами исламизации кочевников и перехода их к оседлому образу жизни (Ракушин, 1993).

В 41 комплексе с западной ориентировкой (что составляет 14.6% всех захоронений с данной ориентацией) отмечены кости коней. Доля захоронений с костными остатками коней среди захоронений номадов с западной ориентировкой в округе Царевского городища (14.6%) вдвое больше, чем в округе Увекского городища (7.1%). По погребальной обрядности захоронения с черепами и костями ног лошади можно отнести к памятникам черных клобуков, переселившихся в Поволжье в золотоордынское время, а погребения с остовом коня – к памятникам половцев (Атавин, 1984. С. 135–139; Федоров-Давыдов, 1966. С. 150–152). В некоторых погребениях найдены лишь отдельные кости коня.

Погребения с северо-восточной, северной и северо-западной ориентировками, составляющие вместе 10.9% от всех захоронений, связаны, очевидно, с племенами восточного, центральноазиатского происхождения, появившимися в Поволжье в эпоху монгольского нашествия (Федоров-Давыдов, 1966. С. 159, 160). В четырех из этих погребений были зафиксированы подбои, которые иногда встречаются в погребениях средневековых монголов (Именохоев, 1992. С. 28); кроме этих комплексов на рассматриваемой территории есть 39 подбойных захоронений с западной ориентировкой, пять с юго-западной ориентировкой и два – с восточной.

Помимо частей конского скелета в могильных ямах 53 комплексов – 5 с северо-западной, 34 с западной, 8 с юго-западной, 2 с восточной и 4 с северо-восточной ориентировками – были обнаружены кости барана.

Остальные погребения составляют весьма значительную группу (34.9% всех комплексов), большую часть которой (31% всех комплексов) можно связывать с процессом исламизации кочевников.

Мужскими являются 130 захоронений, женскими – 133, детскими и подростковыми – 61 (данные есть лишь для этих 324 комплексов).

Инвентарь зафиксирован в 227 погребениях, что составляет 58.7% от их общего числа. Примечательно, что лишь 16 из безинвентарных захоронений были ориентированы головой не на запад или юго-запад; очевидно, исчезновение инвентаря в погребениях следует связывать с влиянием ислама.

Остатки шапочек-бокк найдены в 16 погребениях, 4 из которых были совершены в подбое.

Золотые и серебряные изделия встречены в 34 захоронениях (8.8% от общего числа), причем только золотые встречены в двух случаях, а в 32 случаях – только серебряные. Из этих 34 погребений 16 имеют западную ориентировку, 9 – юго-западную, 2 – северо-западную, 5 – северо-восточную, 1 – юго-восточную и 1 – восточную.

Остатки шелковых и парчовых тканей отмечены в 23 захоронениях (5.9% от общего количества): с западной, юго-западной и северо-восточной ориентировками.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в 91 захоронении (23.5% от общего количества), причем в 21 из них – только оружие, а еще в 28 – только конское снаряжение.

В двух погребениях с северо-восточной ориентировкой были найдены бронзовые застежки-сюльгамы.

Монеты обнаружены в 45 из 387 захоронений (11.6%); в 42 погребениях были обнаружены дирхемы, в 2 – пулы, в 1 – китайская бронзовая монета.

Примечательным представляется факт, что выше истока Ахтубы золотоордынские памятники округи Царевского городища располагаются по обоим берегам Волги, а ниже – почти только по левому берегу Ахтубы (за исключением поселения Грачи, располагающегося в Волго-Ахтубинской пойме). Очевидно, это объясняется менее благоприятными природными условиями берегов Волги в южной части региона по сравнению с Левобережьем Ахтубы.

Представляет интерес наличие на памятниках округи Царевского городища древнерусских и мордовских материалов.

Древнерусские материалы зафиксированы на трех (17.6%) из 17 учтенных нами поселений (Царевское, Водянское и Мечетное городища). Это свидетельствует о присутствии древнерусского населения не только на Царевском городище, но и на близлежащих к нему крупных золотоордынских поселениях Правобережья Волги.

Следует отметить и наличие мордовских материалов на Водянском городище. Находки сюльгам имеются в курганной группе у Зубовки на левом берегу Ахтубы.

СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО ОКРУГА

Поселения. Примечательно, что в регионе зафиксировано наличие лишь крупных поселений – остатков золотоордынских городов. Мощность культурного слоя известна для трех из них: в одном случае она достигает 30 см (Комсомольский), в другом – 1–1.2 м (Лапас), а в третьем – 2–3 м (Селитренное городище).

На Селитренном городище известны находки раннего железного века, раннего средневековья и XVI–XIX вв., на поселении Каменный Бугор – материалы XVIII в.

Местонахождения. Большинство памятников содержит находки предшествующих и последующих эпох. На двух местонахождениях (3.5% от общего числа) отмечены материалы периода неолита, на двух памятниках – энеолита, на 46 (80.7%) – эпохи бронзы, на 26 (45.6%) – раннего железного века, на 17 (29.8%) – раннего средневековья, на двух – XVII–XIX вв.

Грунтовые могильники. Зафиксированная глубина могильных ям колебалась от 6 до 285 см. Проанализируем суммарно данные о 573 захоронениях с известной ориентировкой из грунтовых могильников Селитренного городища и его округи.

В имеющейся выборке отмечен весь спектр ориентировок погребенных: западная (72.4% всех погребений), северо-западная (18.3%), юго-западная (6.3%), южная, восточная (по 1%), северная, северо-восточная (по 0.4%) и юго-восточная (0.2%).

Примечательно, что в рассмотренном материале зафиксированы 62 погребения в склепах, расположенные только на пяти могильниках (Каменный Бугор, Комсомольский II–IV, Селитреннос I), 22 из них – в мавзолеях. Кирпичные или каменные надгробия (их 53) имелись как над погребениями в склепах (13), так и над обычными могильными ямами (40). Из погребений в склепах 37 имеют западную ориентировку, 18 – северо-западную, 6 – юго-западную и 1 – северо-восточную. Из захоронений в мавзолеях 13 было совершено без склепов с западной (12) или северной (1) ориентировкой. Перечисленные 75 погребений (13.1% от общего количества) в мавзолеях или в склепах мы можем отнести к захоронениям золотоордынской аристократии.

На рассмотренных могильниках были наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная (которую можно рассматривать как отклонение от западной) ориентировки погребенных (они составляют вместе 97% всех захоронений), присущие основной части городского мусульманского населения Золотой Орды. В 303 из 556 погребений с такими ориентировками были зафиксированы гробы, инвентарь – лишь в 47 из них.

Захоронения без склепов и вне мавзолеев с северной (1), южной (6), северо-восточной (1), восточной (6) и юго-восточной (1) ориентировкой вместе составляют 2.6% всех захоронений. Данные типы погребений свидетельствуют о не устоявшемся погребальном обряде.

Мужскими являются 171 захоронение, женскими – 126, детскими – 121, подростковыми – 39 (данные есть лишь для этих 457 комплексов).

Погребальный инвентарь на рассматриваемой территории был зафиксирован лишь в 51 захоронении (8.9% от общего числа).

Остатки шапочек-бокк найдены в двух (0.4%) погребениях с западной и юго-западной ориентировками.

Золотые украшения встречены в трех захоронениях (0.5% от общего количества), совершенных с западной ориентировкой. Два из таких погребений (с 13 и 6 золотыми изделиями) были совершены в мавзолее, в склепах с кирпичными вымостками на поверхности, а в третьем захоронении была найдена лишь одна золотая бляшка.

Парчовые и шелковые ткани встречены в двух погребениях (0.4%) с западной ориентировкой, исследованных на Селитренном городище.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в трех захоронениях (0.5% от общего количества), причем в одном из них – только оружие.

Монеты обнаружены в 18 грунтовых захоронениях (3.1%): в 12 случаях были найдены единичные пулы, в 1 случае – клад из 53 пулов, в 1 случае – пулы и дирхемы, в 3 случаях – единичные дирхемы, в 1 случае – золотой каирский динар мамлюкского султана Египта ал-Мелик аз-Захир Рукн-ад-Дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277).

Один из могильников (Комсомольский III) находился на месте некрополя периода энеолита, другой (Комсомольский IV) – эпохи бронзы, савроматского, сарматского и хазарского времени.

Древнерусские материалы зафиксированы на одном (25%) из четырех известных поселений – Селитренном городище.

ГОРОДИЩЕ ШАРЕНЫЙ БУГОР И ЕГО ОКРУГА

Поселения. Судя по площади, занимаемой памятниками, можно предполагать, что в округе городища Шареный Бугор крупные поселения с площадью более 7 га (их шесть, они составляют 37.5% всех выявленных поселений) преобладали над средними, с площадью 1–7 га (зафиксировано три таких памятника, 18.8% всех поселений). Для остальных семи селищ данных у нас нет. Крупные по площади памятники – городища Шареный Бугор, Красный Яр, Мошаик, Самосделка, а возможно, также Чертово городище и поселение Маячное II – являются остатками золотоордынских городов.

Мощность культурного слоя известна у 10 поселений: для 4 памятников (Ильинка, Маячное II–IV) она не превышает 40 см, еще для 3 (Красный Яр, Татарская Башмаковка, Чертово городище) составляет 40–80 см, для 1 (городище Шареный Бугор) превышает 1 м, а для 2 (Мошаик, Самосделка) местами достигает 2–2.5 м.

Из 16 известных поселений на 4 (25%) зафиксированы материалы предшествующих эпох – раннего железного века (городище Шареный Бугор), раннего средневековья (Мошаик, Самосделка,

Чертово городище) и предмонгольского времени (Самосделка, Чертово городище). На городищах Шареный Бугор и Самосделка зафиксированы также материалы XVI–XVIII вв.

Местонахождения. 23 (40.4%) из 57 памятников этого типа содержат находки предшествующих эпох. На 10 местонахождениях (17.5% от их общего числа) отмечены материалы эпохи бронзы, на 15 (26.3%) – раннего железного века, на 13 (22.8%) – раннего средневековья.

Грунтовые могильники. Зафиксированная глубина могильных ям колебалась от 4 до 150 см. Проанализируем суммарно данные о 523 захоронениях с известной ориентировкой из грунтовых могильников городища Шареный Бугор и его округи.

В имеющейся выборке отмечены все направления ориентировки погребенных: западная (63.5% всех погребений), юго-западная (12.8%), северо-западная (9.8%), восточная (6.9%), южная (2.7%), северо-восточная (2.5%), северная и юго-восточная (по 0.9%).

Примечательно, что в рассмотренном материале склепы зафиксированы над 22 погребениями, расположенными только на шести могильниках (Красный Яр, Маячный Бугор I–II, Мечетный Бугор I, Мошаик I, Шареный Бугор). Одно из этих погребений располагалось в мавзолее могильника Маячный Бугор II. Кирпичные или сырцовые надгробия (их девять) имелись только над простыми могильными ямами. Из погребений в склепах восемь имеют западную ориентировку, одно – юго-западную, одно – южную, семь – восточную, четыре – северо-восточную и одно – северо-западную. Перечисленные 22 погребения (4.2% от общего количества) в склепах мы можем отнести к захоронениям золотоордынской аристократии.

На рассмотренных могильниках были наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная (которую можно рассматривать как отклонение от западной) ориентировки погребенных (они составляют вместе 86.1% всех захоронений), присущие основной части городского мусульманского населения Золотой Орды. В 204 из 450 погребений с такими ориентировками были зафиксированы гробы, инвентарь – лишь в 32 из них.

Захоронения без склепов с ориентировками восточной (29), южной (13), северо-восточной (9), северной и юго-восточной (по 5) вместе составляют 11.7% всех захоронений. Данные типы погребений свидетельствуют о неустоявшемся погребальном обряде, в округе городища Шареный Бугор их доля больше, чем в других группах памятников.

Мужскими являются 76 захоронений, женскими – 69, детскими – 125, подростковыми – 34 (данные есть лишь для этих 304 комплексов).

Погребальный инвентарь на рассматриваемой территории был зафиксирован лишь в 81 захоронении (15.5% от общего числа).

Остатки шапочек-бокк найдены в четырех (0.8%) погребениях: в одном с южной, в одном с северо-восточной и в двух с восточной ориентировкой.

Золотые и серебряные изделия встречены в 24 погребениях: в 4 комплексах – только золотые, еще в 4 – золотые и серебряные, и в 16 – только серебряные, вкупе они составляют 4.6% от общего количества погребальных комплексов. Одно такое захоронение имело юго-западную ориентировку, два – южную, два – юго-восточную, семь – восточную, семь – северо-восточную, одно – северную, два – северо-западную, два – западную.

Парчовые и шелковые ткани встречены в семи погребениях (1.3% от общего числа). Одно из этих захоронений было совершено с северо-западной ориентировкой, одно – с южной, пять – с восточной.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в четырех захоронениях (0.8% от общего количества), причем в одном из них – только оружие, а еще в одном – только конское снаряжение.

Монеты обнаружены в 18 грунтовых захоронениях (3.4%) – на могильниках Маячный Бугор I–II; в 16 погребениях были найдены серебряные монеты, в 2 – пулы.

Некоторые могильники микрорегиона располагались на месте некрополей эпохи бронзы (Икряное), раннего железного века (Барановка, Зеленга, Маячный Бугор I, Мошаик II, Шареный Бугор) и раннего средневековья (Барановка, Вакуровский Бугор I, Зеленга, Маячный Бугор I, Мошаик I, Татарская Башмаковка). На двух могильниках (Самосделка, Шареный Бугор) отмечены погребения XVIII–XIX вв.

Древнерусские материалы зафиксированы на 1 (6.3%) из 16 рассмотренных нами поселений округи Шареного Бугра (Мошаик), а также на 2 могильниках (Маячный Бугор I–II).

Земледельческие орудия в Нижнем Поволжье найдены в округе Увекского (поселения Хмелевка I, Широкий Буерак, Увекское городище, местонахождение Узморье, курганная группа Скатовка I), Царевского (Водянское и Царевское городища, курганные группы Заплавное I и Маляевка I) и Селитренного (Селитренное) городищ, а также Шареного Бугра (Красный Яр). Вероятно, с земледелием связаны также находки в низовьях Волги дигирных сосудов, служивших для водоподъемных колес: они найдены в округе Царевского (Царевское), Селитренного (Лапас, Селитренное) городищ и Шареного Бугра (поселения Барановка III, Красный Яр, Татарская Башмаковка, Чертово городище, Шареный Бугор, местонахождение Каразек II, могильник Маячный Бугор II).

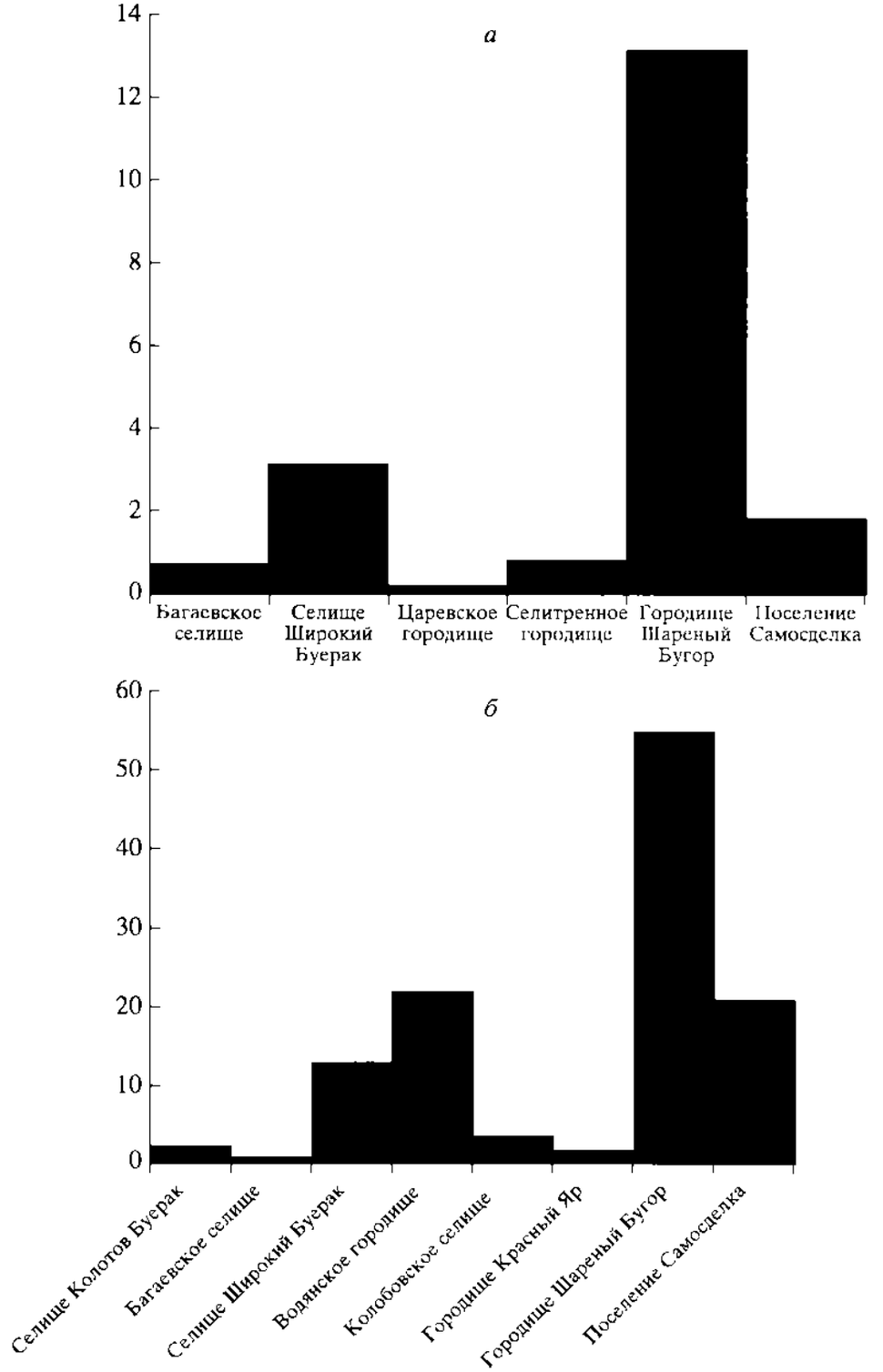


Рис. 1. Доля костей диких млекопитающих (в процентах от всех определимых костей млекопитающих и птиц) (*а*) и доля костных остатков рыб (в процентах от всех определимых костей) (*б*) на поселениях Нижнего Поволжья.

На золотоордынских памятниках были найдены костные остатки диких животных – зайца, перевязки, лисицы, волка, медведя, барсука, кабана, бобра, куницы, суслика, хомяка, лося, благородного оленя, северного оленя, косули, кулана, сайгака, тура (?), нерпы, черепахи – а также птиц (серый гусь, тетерев, серая куропатка, дрофа, чайка), свидетельствующие, наряду с письменными источниками, о вспомогательной роли охоты в хозяйстве населения. Но доля костей диких млекопитающих на поселениях, если они вообще присутствуют (табл. 1, 2)[1], не является значительной (рис. 1, *а*).

[1] При составлении табл. 2, 3 нами использовались данные из публикаций и отчетов (Гречкина, Зиливинская, 2001; Дворниченко, 2000; Дьяченко, 2000; Казаков, Пигарев, 1998. С. 74; Мыськов, 1998; 2000; 2001а. С. 254, 256; 2001б; 2002а. С. 120; 2002б; 2003; Плахов, 1984; Федоров-Давыдов, 2001. С. 229, 230).

Таблица 1. Видовой состав млекопитающих и птиц из раскопок и разведок на золотоордынских поселениях Саратовского Поволжья (в числителе указано количество костных остатков, в знаменателе – минимальное количество особей)

Вид	Хмелевское I селище	Селище Широкий Буерак	Багаевское селище	Селище Колотов Буерак	Увекское городище	Болдыревское селище	Селище у с. Шумейка в урочище "Подстепное"
Мелкий рогатый скот	215/12	131/9	36/5	65/7	1/1	–	1/1
Крупный рогатый скот	114/7	220/6	59/6	16/2	1/1	3/2	1/1
Лошадь	25/5	5/3	3/1	6/1	–	1/1	1/1
Свинья	–	25/3	–	–	–	–	–
Домашняя курица	–	11/2	48/23	3/2	–	–	–
Серый гусь	1/1	–	–	–	–	–	–
Тетерев	–	3/3	1/1	–	–	–	–
Серая куропатка	2/2	–	–	–	–	–	–
Чайка	–	1/1	–	–	–	–	–
Птицы (не определены)	3/2	1/1	1/1	–	–	–	–
Кошка	–	14/5	–	–	–	–	–
Волк	–	7/1	–	–	–	–	–
Лисица	–	1/1	–	–	–	–	–
Заяц	–	3/1	–	–	–	–	–
Хомяк	–	–	1/1	–	–	–	–
Медведь (?)	–	1/1	–	–	–	–	–
Куница	–	1/1	–	–	–	–	–
Всего определимых костей	360/29	426/36	139/16	90/12	2/2	4/3	3/3
Неопределимых костей	201	698	260	180	–	6	–

Судя по количеству мяса, которое может быть получено от одной особи различных животных (табл. 3)[2], в питании населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время абсолютно преобладали говядина, баранина и конина.

О развитии рыболовного промысла на крупных и мелких реках говорят находки рыболовных крючков, лодочных скоб, грузил, а также костные остатки и чешуя рыб, найденные на золотоордынских памятниках. Рыболовные принадлежности обнаружены на восьми поселениях округи Увекского городища (Алексеевское городище, Болдыревка, Квасниковка, "Плотина", Подгорное, Увекское городище, Хмелевка I, Шумейка), на двух памятниках округи Царевского городища (Водянское и Царевское городища), на двух – округи Селитренного городища (местонахождение Харабали I, Селитренное городище), а также на пяти памятниках округи Шареного Бугра (поселения Барановка Ш, Ильинка, Красный Яр, Маячное I, местонахождение Иванчуг). На золотоордынских поселениях были найдены кости осетров, белуг, севрюг, стерлядей, щук, судаков, сомовых и карповых рыб. На некоторых памятниках доля костей рыб очень значительна (рис. 1, *б*), и потребление рыбы заметно влияло на питание местного населения (табл. 3, 4).

Нами была осуществлена классификация погребального обряда грунтовых могильников и курганных групп (у нас имеются данные о 1561 грунтовом и 483 подкурганных захоронениях с известными деталями обрядности) рассматриваемых регионов.

Сравнивая аристократические (в мавзолеях и склепах) грунтовые захоронения низовьев Волги (рис. 2, *а*), можно заключить, что их процент был значительно выше в округе Царевского городища, а в округе Шареного Бугра – значительно ниже, чем в других рассмотренных регионах; эти данные позволяют предполагать наибольшую плотность проживания оседлой элиты Золотой Орды за пределами дельты Волги, с максимальными значениями для округи Царевского городища. Примечательно, что среди погребений в мавзолеях и скле-

[2] Мы используем в подсчетах на табл. 3 как условную единицу вес мяса, которое могло быть получено от одной овцы (около 30 кг). От одной особи крупного рогатого скота могло быть получено около 10 условных единиц (около 300 кг), от лошади – около 8.5 условных единиц (около 255 кг), от свиньи – около 1 условной единицы (около 30 кг), от белуги или осетра – около 2 условных единиц (около 60 кг). В подсчетах использованы данные о числе костных остатков.

Таблица 2. Видовой состав млекопитающих и птиц из раскопок золотоордынских поселений Волгоградского и Астраханского Поволжья (количество костных остатков)

Вид	Царевское городище	Водянское городище	Колобовское селище	Селитренное городище	Городище Шареный Бугор	Городище Красный Яр	Поселение Самосделка
Мелкий рогатый скот	12015	8691	404	9068	325	1076	896
Крупный рогатый скот	9013	5758	79	1317	80	143	240
Лошадь	3185	1174	51	1016	128	–	34
Верблюд	79	7	–	70	16	–	4
Свинья	3	80	–	–	–	–	16
Утка	–	–	–	–	81	–	–
Птицы (не определены)	57	552	12	1	–	–	46
Кошка	4	14	–	3	–	–	1
Собака	412	58	–	27	16	–	9
Кабан	–	–	–	–	8	–	–
Лисица	6	–	–	–	–	–	5
Заяц	33	–	–	88	–	–	1
Барсук	–	–	–	–	–	–	7
Перевязка	2	–	–	–	–	–	–
Косуля	2	–	–	–	–	–	–
Кулан	1	–	–	–	–	–	–
Сайгак	1	–	–	–	89	–	–
Тур (?)	–	–	–	1	–	–	–
Нерпа	–	–	–	–	–	–	10
Всего определимых костей	24813	16334	546	11591	743	1219	1269

Таблица 3. Потребление основных видов мяса золотоордынским населением Нижнего Поволжья (в числителе – в условных единицах, в знаменателе – в процентах)

Памятник	Баранина	Говядина	Конина	Свинина	Осетрина	Всего
Хмелевское I селище	215/13.7	1140/72.7	212.5/13.6	–	–	1567.5/100
Селище Широкий Буерак	131/5.3	2200/88.8	42.5/1.7	25/1	80/3.2	2478.5/100
Багаевское селище	36/5.5	590/90.6	25.5/3.9	–	–	651.5/100
Селище Колотов Буерак	65/23.4	160/57.6	51/18.3	–	2/0.7	278/100
Царевское городище	12015/9.3	90130/69.7	27072.5/21	3/0.0	–	129220.5/100
Водянское городище	8691/11.4	57580/75.4	9979/13.1	80/0.1	–	76330/100
Колобовское селище	404/24.8	790/48.6	433.5/26.6	–	–	1627.5/100
Селитренное городище	9068/29.4	13170/42.6	8636/28	–	–	30874/100
Городище Шареный Бугор	325/14.7	800/36.1	1088/49.2	–	–	2213/100
Городище Красный Яр	1076/42.9	1430/57.1	–	–	–	2506/100
Поселение Самосделка	896/24.9	2400/66.7	289/8	16/0.4	–	3601/100

пах наибольшая доля комплексов с северной и северо-восточной ориентировкой (характерными для монголов) зафиксирована на могильниках Увекского городища (рис. 2, *б*), памятники округи которого доминируют на наиболее раннем из выделенных нами хронологических этапов, когда золотоордынская аристократия, преимущественно центральноазиатская по происхождению, еще была слабо задействована влиянием ислама. Процент захоронений с золотыми и серебряными вещами (рис. 3, *а*) выше для округи Увекского городища и Шареного Бугра.

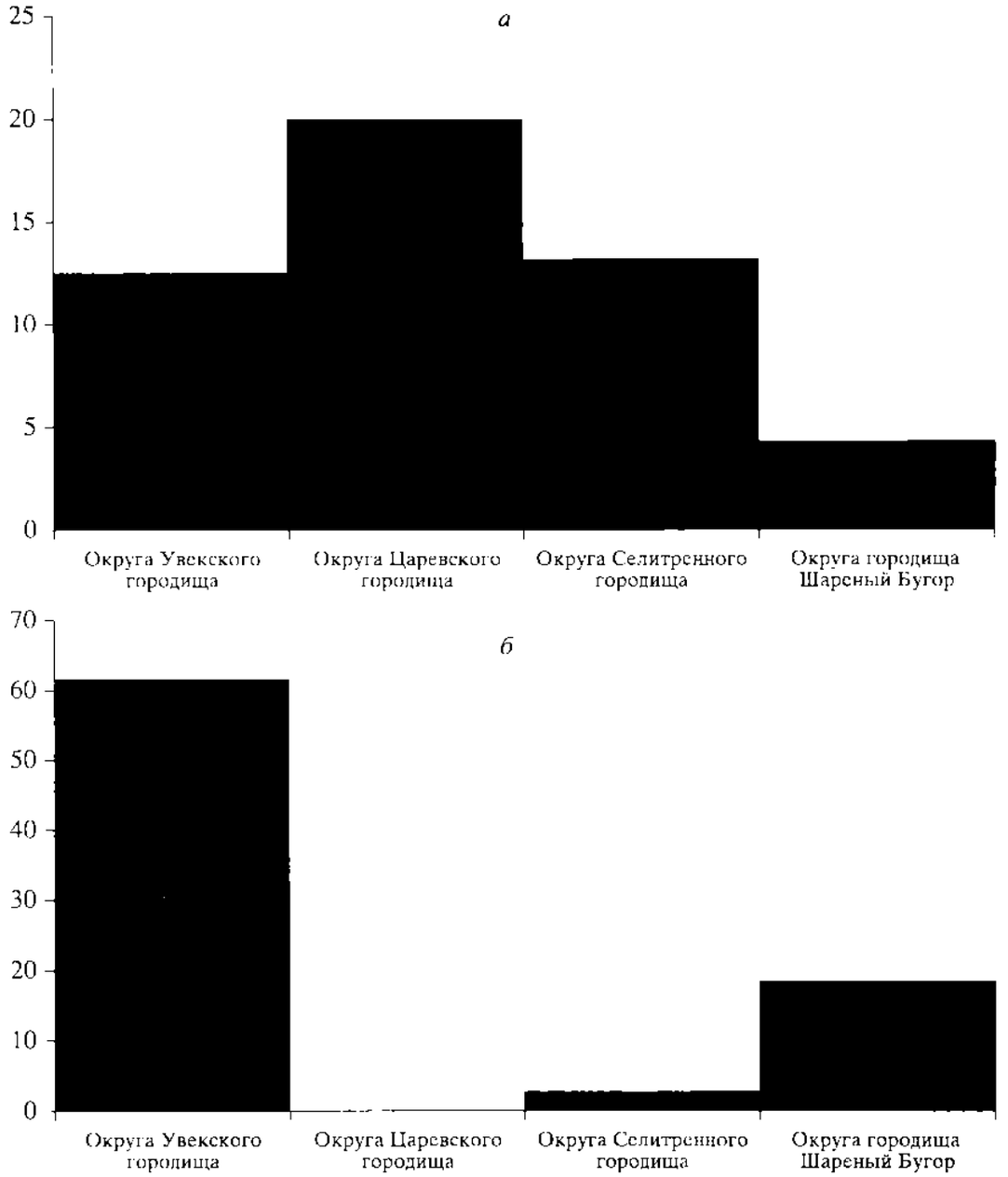


Рис. 2. Доля захоронений в мавзолеях или склепах (в процентах от общего количества погребений) (*а*) и доля аристократических захоронений с северной и северо-восточной ориентировкой (в процентах от общего количества погребений в мавзолеях или склепах) (*б*) из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Доля захоронений с мусульманскими ориентировками везде приблизительно одинакова – 82.7–97% (рис. 3, *б*), однако она максимальна для округи Селитренного городища, где больше всего памятников хронологически наиболее поздних этапов (1380–1459 гг.), связанных с господством ислама в Золотой Орде. С этим же, очевидно, связаны и наименьшие доли погребений с инвентарем (рис. 4, *а*) и

Таблица 4. Видовой состав рыб из раскопок золотоордынских поселений Саратовского Поволжья (в числителе указано количество костных остатков, в знаменателе – минимальное количество особей)

Памятник	Осетр, белуга	Стерлядь	Судак	Карповые	Всего
Селище Широкий Буерак	40/4	17/13	2/1	3/2	62/20
Селище Колотов Буерак	1/1	–	1/1	–	2/2
Багаевское селище	–	1/1	–	–	1/1

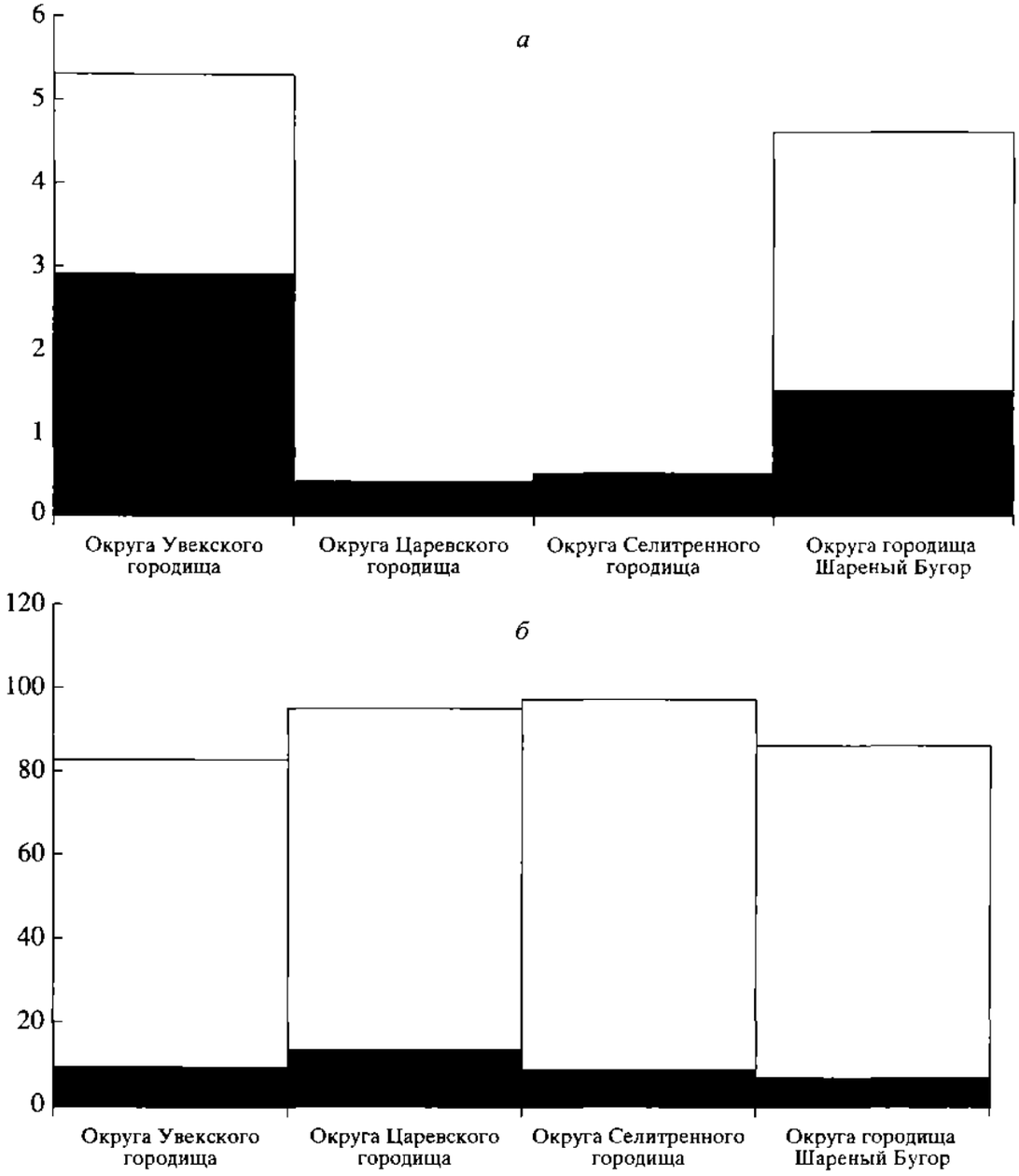


Рис. 3. Доля грунтовых захоронений с изделиями из драгоценных металлов (в процентах от общего количества погребений; черной заливкой показана доля захоронений с золотыми вещами) (*а*) и доля грунтовых захоронений, ориентированных головой на запад, юго-запад и северо-запад (в процентах от общего количества; черной заливкой показана доля таких захоронений с инвентарем) (*б*) из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

захоронений без склепов с немусульманскими ориентировками (рис. 4, *б*) в округе Селитренного городища.

Примечательно, что доля погребений без склепов с немусульманскими ориентировками максимальна для округи городища Шареный Бугор (рис. 4, *б*), где, вероятно, наблюдалась максимальная этническая пестрота населения, переходящего к оседлому образу жизни.

Зафиксировано значительное преобладание количества подкурганных погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых) в округе Царевского городища, что является уникальным для округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья: вероятно, кочевой мир в окрестностях Царевского городища доминировал. Практически все курганы округи Царевского городища расположены в группах золотоордынского времени, большинство которых образовалось вокруг насыпей предшествующих эпох, что несколько отличается от ситуации в округе Увекского городища, где меньше курганов располагается группами, а основная часть курганных групп представлена чисто золотоордынскими.

Процент подкурганных захоронений с мусульманской обрядностью значительно выше для округи Увекского городища, чем для округи Царевского (рис. 5, *а*), где встречена большая доля

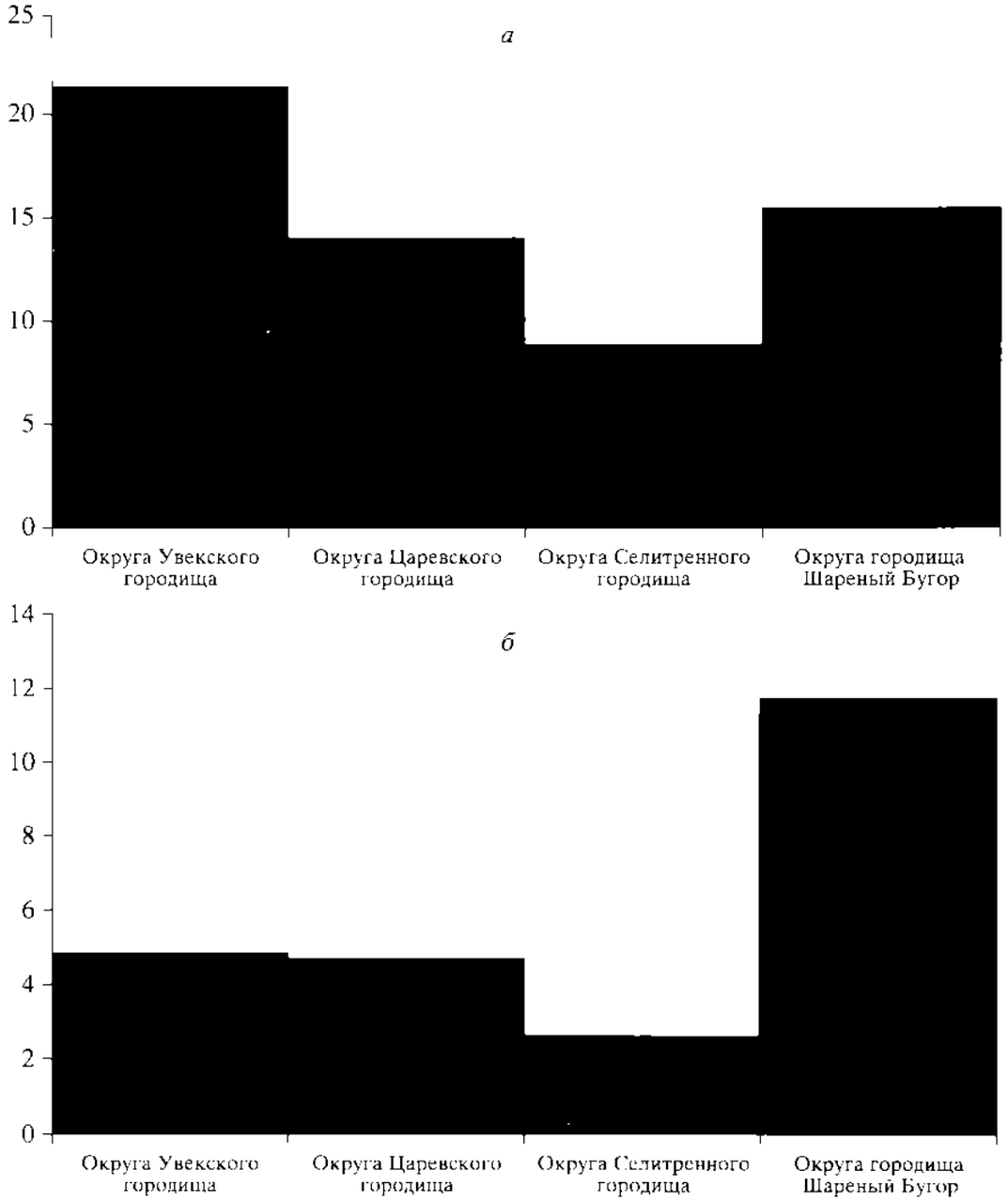


Рис. 4. Доля грунтовых захоронений с инвентарем (в процентах от общего количества погребений) (*а*) и доля грунтовых захоронений без склепов с немусульманскими ориентировками (в процентах от общего количества погребений) (*б*) из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

кочевнических погребений с изделиями из драгоценных металлов (рис. 5, *б*).

Представляет несомненный интерес практически полное отсутствие зафиксированных курганных насыпей золотоордынского времени в низовьях Волги – в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор – по сравнению с округой Увекского и Царевского городищ. Приблизительно такая же ситуация зафиксирована и для более ранних археологических эпох – курганы встречаются преимущественно в северных областях Нижнего Поволжья, а в низовьях Волги – преимущественно грунтовые могильники. Вероятно, не везде имелась возможность сооружения курганов из-за особенностей ландшафта – в случае захоронений на песчаных дюнах или на бэровских буграх с очень твердым грунтом.

Но в золотоордынское время кочевники в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор, несомненно, обитали. Об этом свидетельствует, в частности, присутствие трех грунтовых захоронений с черепами и костями ног коней (Хошеутово, погр. 7, Комсомольский IV, погр. 10, Маячный Бугор I, погр. 253). Во всех этих случаях в инвентаре погребений имелись оружие и конское снаряжение

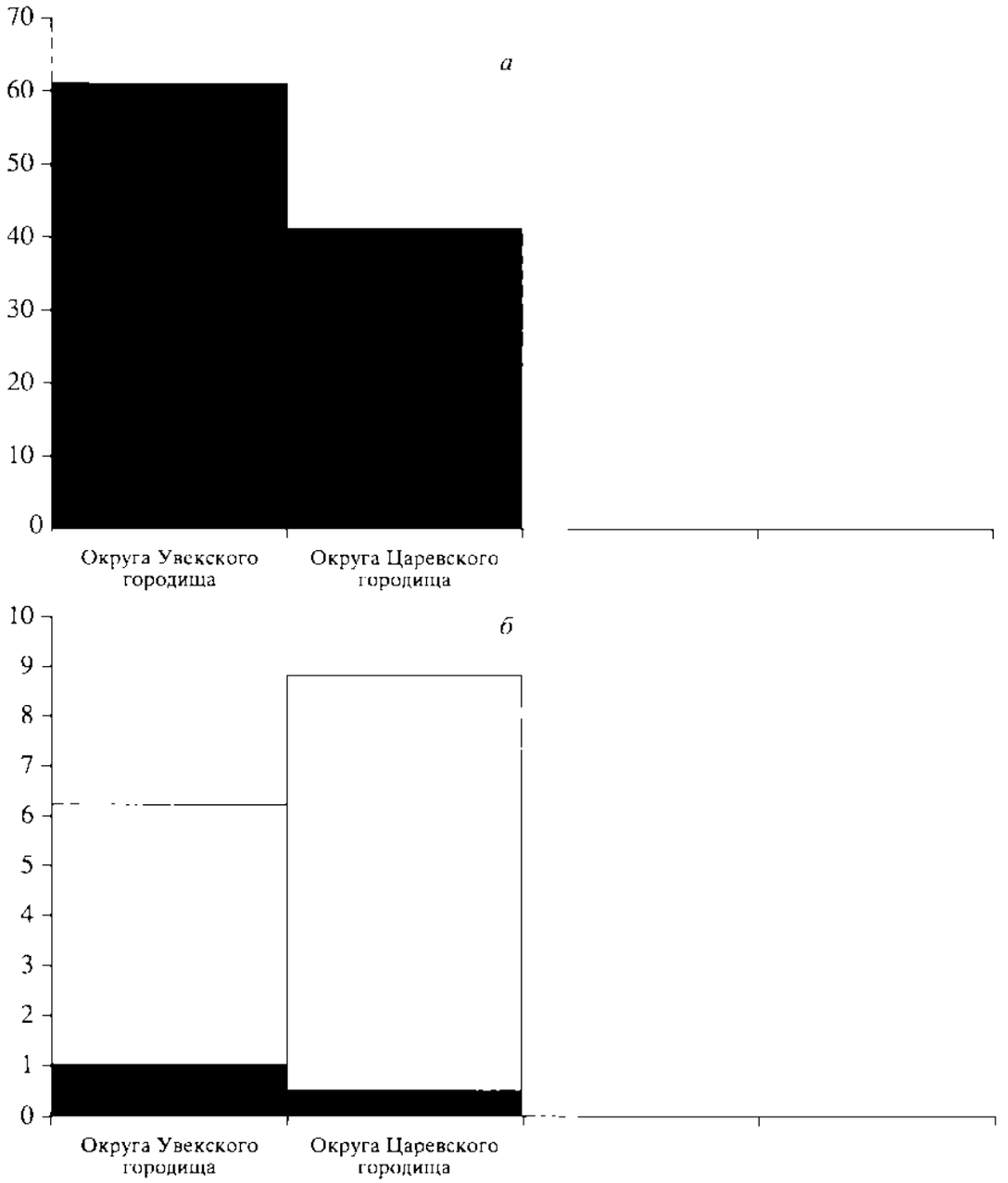


Рис. 5. Доля подкурганных мусульманских захоронений (в процентах от общего количества подкурганных погребений) (*а*) и доля подкурганных захоронений с изделиями из драгоценных металлов (в процентах от общего количества погребений; черной заливкой показана доля захоронений с золотыми вещами) (*б*) из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

(в других рассмотренных нами захоронениях низовий Волги они одновременно не встречаются).

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053.2005.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1.

Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках городища Самосделка Камызякского района Астраханской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. 2001. Р-1. № 22316–22318.

Дворниченко В.В. Отчет о раскопках поселения и курганного могильника Колобовка-IV у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 23682.

Дьяченко А.Н. Отчет о проведении охранных археологических раскопок разрушающихся участков Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области в 2000 году // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 23420.

Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи сред-

невековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992.

Казаков П.В., Пигарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–90 гг.) // Матер. и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола, 1998.

Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археол. экспед. Волгоградского гос. пед. ун-тета в 1998 году // Архив ИА РАН. 1998. Р-1. № 22132.

Мыськов Е.П. Отчет об археол. исслед., проведенных Волго-Ахтубинской археол. экспед. Волгоградского гос. пед. ун-тета на Водянском городище и могильнике Маляевка VI в 2000 году // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 23741.

Мыськов Е.П. Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Матер. по археологии Волго-Донских степей. Вып.1. Волгоград, 2001а.

Мыськов Е.П. Отчет об исслед., проведенных Волго-Ахтубинской археол. экспед. Волгоградского гос. пед. ун-тета на Водянском городище, северо-западном и северо-восточном пригородах Царевского городища в 2001 году // Архив ИА РАН. 2001б. Р-1. № 22251.

Мыськов Е.П. Северо-западный пригород Царевского городища // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002а.

Мыськов Е.П. Отчет об исслед., проведенных Волго-Ахтубинской археол. экспед. Волгоградского гос. пед. ун-тета на Водянском городище в 2002 году // Архив ИА РАН. 2002б. Р-1. № 23675.

Мыськов Е.П. Отчет об археол. исслед., проведенных Волго-Ахтубинской археол. экспед. Волгоградского гос. пед. ун-тета на Водянском городище, могильниках Жирновск III, Недоступов и кургане у с. Линево в Дубовском и Жирновском районах Волгоградской обл. в 2003 году // Архив ИА РАН. 2003. Р-1. № 23798.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Плахов В.В. Отчет по раскопкам усадьбы XIV века на городище Хаджи-Тархан в 1984 г. // Архив ИА РАН. 1984. Р-1. № 11416–11416а.

Ракушин А.И. Подкурганные кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье (предварительные выводы) // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вест. МГУ. Сер. История. 1975. № 2.

Lower Volga Golden Horde town and its neighborhood

L. F. Nedashkovsky

Summary

At Golden Horde sites bone remains of wild animals and birds have been discovered. Still, the number of bones of wild mammals at the settlements, if they were present at all, did not make up a significant portion of the total faunal assemblage. Judging by the amount of meat which could be obtained from one animal, beef, mutton and horse meat absolutely prevailed in the diet of the population of the Lower Volga region. Fish bones were also found at Golden Horde settlements; in some of them the proportion of fish bones was very high and fish was an important staple of the local diet. Comparing aristocratic (mausoleum and crypt) burials in the Lower Volga, we may conclude that their share was significantly higher in the region of the Tsarevskoe site, and significantly lower in the Sharenyi Bugor region, than in other regions investigated. It is notable that among mausoleum and crypt burials, the largest share of complexes with north- and north-east orientation (characteristic of the Mongols) is found in burial grounds of the Uvek site. The proportion of burials with gold and silver goods is higher in the regions of the Uvek site and Sharenyi Bugor. The share of burials with Muslim orientation is approximately the same everywhere – 82.7%–97%, but it is maximal for the region of the Selitrennoe site, where there is the majority of monuments of the chronologically latest stage (1380–1459), connected with the domination of Islam in the Golden Horde. Apparently, this was also the reason for the smallest share of burials with grave goods and burials without crypts with non-Muslim orientations in the region of the Selitrennoe site. It is notable that the share of burials without crypts with non-Muslim orientations is the highest in the region of the Sharenyi Bugor site, where there was probably the highest ethnic diversity of population which led a settled way of life. The share of graves under burial mounds with Muslim rituals is significantly higher in the region of the Uvek site than in the region of the Tsarevskoe site, where a large part of nomadic burials with grave goods made of precious metals were found.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 87–94

ДИСКУССИИ

К ПРОБЛЕМЕ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

© 2006 г. А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

СОСТОЯНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Эпоха финального палеолита на территории Центральной России относится к числу наименее изученных. Между тем это обстоятельство определяется не столько отсутствием самих памятников, сколько некритическим отношением к тем немногочисленным естественно-научным датам, которые имеются, и состоянием самих археологических источников. Первая проблема излагалась ранее[1], а сейчас попробуем детальнее разобраться с состоянием источниковедческой базы названного времени.

В пределах рассматриваемой территории до максимума валдайского оледенения известны: Сунгирь, Русаниха и Зарайская стоянка. К югу от нее, в бассейне Десны, к этому времени относятся Хотылево 2, Пушкари, Мезин, в бассейне Дона – Гагарино, Масловка и большинство стоянок Костенковско-Боршевского р-на. Индустрии этих памятников не были культурно однородными (Палеолит СССР, 1984). После 15000 л. н. регион Центральной России перестал быть "ближним приледниковьем" (Динамика..., 2002; Квасов, 1975; Палеогеография..., 1982) и, следовательно, эта территория вновь была потенциально готова к своему освоению. Вторичное заселение региона (после максимума Валдая) было, вполне возможно, потомками обитателей этих мест, живших здесь до максимума оледенения. Следовательно, это могло быть население костенковско-стрелецкой культуры или восточно-граветтское население (тимоновско-пушкаревское и/или хотылевско-гагаринское). Вместе с тем не вызывает сомнения, что аналогичная возможность возникала и у других групп, ранее не обитавших на этой территории, но хорошо адаптированных к условиям Приледниковья. Последовательно освобождавшиеся от ледника пространства Восточной Европы были в прямом смысле бескрайними. Они потенциально могли вместить как потомков тех, кто здесь жил до ледникового максимума, так и новое население, не связанное родовыми корнями с этими местами. Все это вполне возможно, особенно если рассматривать данное пространство в сравнении с вероятным количеством потенциальных насельников, которые могли реально включиться в процесс вторичного заселения региона.

В литературе бытует мнение о "восточно-граветтском эпизоде" (Восточный гравет, 1998). Лишь Х.А. Амирханов в последние годы не просто говорит о "длинной хронологии" восточно-граветтской традиции и ее существовании в позднее ледниковье, но и продляет эту цепочку, по-видимому, до начала голоцена (1998; 2002). Он полагает, что зарайская индустрия находит свое дальнейшее развитие в материалах позднеплейстоценовых стоянок Трегубово 2 и Колтово 7, которые, в свою очередь, нашли продолжение в материалах раннего этапа иеневской культуры (Умрышенки 3) (2004).

Л.В. Кольцов еще в 1970–1980-е годы писал об участии "палеолита Десны в сложении волго-окского мезолита" (1977; 1989; Крайнов, Кольцов, 1979, 1983). В.В. Сидоров уже с конца 1980-х годов высказывал идею о финальноплейстоценовом возрасте некоторых иеневских материалов, однако, в отличие от Х.А. Амирханова он считает, что иеневское население было потомком выходцев с Алтая (2002). М.Г. Жилин полагает наличие в финальном палеолите региона не менее чем четырех традиций: эпиграветтской, постлингбийской, золоторучьинской и свидерской (2004). Проблему верхнепалеолитического наследия в финальнопалеолитическое время активно затрагивает в своих работах С.Н. Лисицын (2002). Автором высказана идея о развитии хотылевско-гагаринской (восточно-граветсткой) традиции населением рессетинской культуры (Сорокин, 1987; 1989; 2002; 2004а, б; Sorokin, 1999). Эта же проблема рассматривалась и другими исследователями. При всем многообразии мнений их все объединяет устойчивая тенденция поиска связей среди населения разных эпох. Ясно также, что дискуссионность вопроса определяется главным образом скудостью имеющихся источников. Постараемся точнее определиться с теми материалами, которые в настоящее время имеются.

Анализ данных показывает, что в литературе упоминается не так много памятников, которые относятся к финальному палеолиту, среди них можно назвать: Алтыново, Золоторучье 1, Авсерьгово 1, Скнятино, Федюково 1, Заозерье 1 и 2,

[1] См. мою статью "К проблеме финального палеолита Центральной России" // РА. № 2. 2006.

Елин Бор (н.с.), Усть-Тудовку 1, Подол 3, Баранову Гору, Теплый Ручей, Троицкое 3, Суконцево 9 и 8, Тарусу 1, Шильцеву Заводь 5, Ладыжино 3, Акулово 1, Исток 1 (н.с.), Гремячее 1, Умрышенки 3, Колтово 7, Вышетравино 1–3, Трегубово 2, Рыбаки, Нерское озеро 1, 2, Брикет 7, Тростенскую 7 и 10[2]. К сожалению, полноценных коллекций среди них единицы. В Алтыново, Авсерьгово, Скнятино и Федюково 1 материалов фактически нет (Формозов, 1977; Мезолит СССР, 1989). Полагаю, если бы в этих коллекциях содержались выразительные орудия, они были бы опубликованы, и не было бы нужды тиражировать недостоверные данные (Кольцов, 1989; Крайнов, Кольцов, 1979; 1983; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2004). В самом деле, в Алтыново нет никаких острий типа федермессер, а присутствует лишь случайный предмет с нерегулярной ретушью (Сорокин, 2001; Кравцов, 1998). Что касается Золоторучья 1 (Крайнов, 1965), то, даже признав, что эта коллекция до настоящего времени сохранила целостность и существует в том же виде, как была раскопана, в орудийном отношении она крайне невыразительна и выводить из нее, как это деласт М.Г. Жилин (2004), бутовскую культуру нет никаких оснований.

Стоянки Вышетравино 1–3, Колтово 7 и Трегубово 2 относятся еще к поздней поре верхнего палеолита, но состав коллекций недостаточен для их полноценной характеристики, хотя "зарайская традиция" здесь, несомненно, ощущается.

Коллекции Заозерье 1 и 2 – это главным образом подъемный материал. Четкого деления на скопления нет, материал сортировался по степени патинизации кремня. Естественно-научные даты отсутствуют (Фролов, 1987). Конечно, разделение на комплексы по сырью – операция вполне возможная, тем не менее не ясно, какое отношение оба они имеют к некогда реально бытовавшим. Даже если сама процедура "культурного межевания" проведена А.С. Фроловым верно, фактическое подтверждение этому получить невозможно, ибо в настоящее время памятники уничтожены.

Материал Елина Бора попросту фальсифицирован. Из 18 орудий, приписываемых так называемому нижнему слою стоянки (Кольцов, 1966; 1989), ни одно, судя по описи, не происходит из него, а за наконечник выдано случайное изделие, происходящее из подъемного материала (Сорокин, 2001). Колонка, якобы взятая М.Г. Жилиным на этом памятнике и датирующая так называемый "нижний слой" молодым дриасом (Кольцов, Жилин, 1999), на самом деле происходит неизвестно откуда, так как данные о шурфе в отчете М.Г. Жилина отсутствуют, что также свидетельствует об ее фальсификации.

Комплексы стоянок Гремячее 1 (Воеводский, 1941) и нижнего слоя Исток 1 (Сорокин, 1988) малочисленны. Первая представляет собой охотничий лагерь аренсбургской культуры; охотничье вооружение второй коллекции, за исключением единственного наконечника, сильно фрагментировано, что не позволяет уверенно говорить об ее иеневской или аренсбургской атрибуции. Естественно-научных дат у обоих памятников нет.

Стоянки Теплый Ручей, Троицкое 3 (Кольцов, 1994; Ланцев, Мирецкий, 1996), Аносово 1 и 4 (Лисицын, 2002) также не датированы. Есть мнение об их принадлежности к подольской культуре, выделяемой Г.В. Синицыной (2000). Эпонимная стоянка Подол 3 датирована по пыльце поздним ледниковьем (скопление 1 – молодым дриасом Dr 3, скопление 2 – аллередом) (Синицына, 1996; 2000; Синицына, Кильдюшевский, 1996). Примерно к этому же времени относится и Баранова Гора. Все эти памятники принадлежат к лингбийской традиции (Синицына, 1996).

Усть-Тудовка 1 по пыльце отнесена к молодому дриасу (Жилин, Кравцов, 1991), в культурном отношении это один из ранних иеневских памятников (Сорокин, 1991).

Геологический возраст Тарусы 1 и Суконцево 9 определен концом плейстоцена. Оба этих памятника наряду с весьма выразительными материалами Суконцево 8 относятся к рессетинской культуре.

Для Умрышенки 3, Колтово 7 (Сидоров, 2002; Амирханов, 2002; 2004), Ростиславля, Трегубово 2 (Трусов, 2004а; б), Нерского озера 1, 2, Брикета 7, Тростенской 7 и 10 естественно-научных дат нет[3].

Среди других памятников можно назвать Шильцеву Заводь 5 (Dr 3 – Bo 1, пыльца), Ладыжино 3 (Pb) (Фролов, Жилин 1978; 1981; Кравцов, Коннов, 2002), Акулово 1 (14C, 9990 ± 70) (Сидоров, 1996. С. 76), Дальний Остров (Bo) (Кравцов, Леонова, 1992), Митино 5 (Bo 2), Еловка (Pb), Брагино (Pb), Коприно (Sb), Беливо 6B (Pb), но большая часть этих колонок не привязана к археологическому материалу (Кравцов, 1998), и их достоверность вызывает серьезные сомнения.

В случаях, когда материал достаточен для атрибуции, выделяются стоянки культур Лингби (подольская культура – по Г.В. Синицыной), аренсбургской, иеневской и рессетинской. Возможно, было и население культуры федермессер, но этот вопрос далек от своего разрешения. Есть и некоторое число своеобразных памятников, о культурной принадлежности которых судить рано (Акулово 1). Таким образом, основной вывод из анализа источников состоит в том, что в пределах рассматриваемой территории не было единства материалов, и здесь существовало население разных археологических культур.

[2] Верхнепалеолитический возраст памятников, в которых есть мамонтовая фауна, таких как Шатрищи или Карачарово, сомнения не вызывает.

[3] Речь идет об отсутствии геологических заключений о возрасте этих памятников, хотя залегание материалов большинства из них в покровных суглинках и предполагаст их плейстоценовый возраст.

НЕМНОГО ТЕОРИИ

"Культурная пестрота", которая прослеживается по имеющимся материалам, хорошо объяснима из экологии заключительной фазы плейстоцена. Исчезновение мамонтовой фауны и наступление "века северного оленя" (Clark, 1975; 1980) неизбежно должно было привести к тому, что часть обитавшего здесь населения должна была перейти к специализированной охоте и постоянно вести кочевой образ жизни. Сезонно-подвижный образ жизни, характерный для населения эпохи финального палеолита и мезолита, определялся экологией основных объектов охоты. Маршруты кочевий животных были стабильными, и влиять на них могли лишь глобальные климатические изменения. Поэтому люди, охотившиеся на северного оленя и знающие его повадки, приходили из года в год на одни и те же места, например у переправ через водные преграды, где успех охоты был гарантирован. Это и создает археологическую иллюзию значительных площадей памятников и массовости коллекций, чего реально не было.

Однако маршруты передвижений человека определялись не только маршрутами кочевий животных, но и традицией. В этом отношении радикальная экологическая перестройка рубежа плейстоцена – голоцена не могла не вызвать активизации процессов адаптации, смены кочевий и "смещения ареалов миграций". Поскольку природные изменения шли в сторону потепления климата, к ним, вероятно, приспосабливаться было легче, чем к "холодовому" стрессу. Нет сомнения в том, что адаптивная способность к пребыванию в рассматриваемом регионе была выработана у человека не в голоцене, а еще в ледниковое время, когда положительные колебания климата были менее длительны и резче сменялись фазами похолоданий, в силу чего были более чувствительны. Протяженность финального палеолита составляет примерно 3200 лет – от 13500 до 10300 л.н. (Палеогеография Европы..., 1982; Динамика..., 2002). Мезолит укладывается в отрезок 10300–7200 л.н., или 3100 лет (Хотинский, 1977), т.е. они приблизительно равны по длительности. А по своему экологическому "содержанию"? Первый из них, более суровый, с полным правом называется поздним ледниковьем, второй, более теплый, – ранним голоценом. Если для первого радикальность изменений касалась "мамонтового фаунистического комплекса" и почти не было зональной изменчивости флоры, то во втором случае происходила еще и радикальная перестройка растительного покрова. Европейское население, выросшее в суровых ледниковых условиях, было, несомненно, хорошо адаптировано к ним. Глобальное потепление возвращало его в забытое "первобытное состояние", однако и оно было таким, к которому вид исторически уже был готов. Ибо род человеческий, как известно, происходит из Африки.

Когда говорят о кочевьях групп первобытного населения, надо учитывать одно немаловажное обстоятельство: физические возможности человека для передвижения существенно меньше возможностей северного оленя, поэтому и амплитуда кочевий человека не представляла собой копию первых. Экологическая емкость ландшафта могла обеспечить и "непересекаемость" ареалов кочевий разных групп населения. Этнографические данные показывают, что эта емкость существенно превышает потребности людей, живущих в районах Крайнего Севера, хотя, безусловно, не исключает экстремальных ситуаций и исчезновения каких-либо популяций.

Смещение ландшафтных зон, расширение ойкумены неизбежно приводили и к изменению ареалов кочевий. Общий вектор этого перемещения был в сторону тающего скандинавского ледника. При этом из-за бескрайности просторов один "этнос" не теснил другой, а перемещался, вероятно, "параллельным курсом" и оказывался на свободной, никем ранее не занятой территории. Нет сомнения, что все, кто занимал экологическую нишу Приледниковья, были хорошо адаптированы к этим суровым условиям. Не было, вероятно, и стычек, так как вновь открываемые территории существенно превосходили возможности своих потенциальных насельников. Не было и постоянной нужды в заимствованиях, ибо у каждой группы был свой родовой опыт, свои жесткие традиции, как выживать в этой среде, и свои средства избавления от чуждого, инородного влияния.

Формы адаптации, как и типы инвентаря, сознательно не выбирали, тем более, вопреки выражению Л.В. Кольцова, "не отбрасывали" (Кольцов, 2002. С. 46). Они складывались путем естественного отбора, путем проб, ошибок и выработки опыта с его последующим наследованием. А унаследованный опыт это и есть форма экологической адаптации вида. Результат этого процесса мы и фиксируем археологически, различая культуры по их разному орудийному и технологическому набору – федермессер, гамбург, лингби, аренсбург, свидер, рессета и т.д. Следует ли при этом удивляться тому, что для всех них характерны одни и те же категории каменного инвентаря? Ведь этот набор определялся тем минимумом, который был необходим для выполнения стандартных производственно-бытовых операций эпохи каменного века, обработки одних и тех же видов сырья и продуктов питания, которые были нужны для поддержания жизнедеятельности в определенной экологической нише Приледниковья. Да, форма части из них, особенно охотничьего вооружения, была разной. Но должны же хоть в чем-то проявляться попытки разных групп древних людей выжить отнюдь не в тепличных условиях Приледниковья и должны же хоть в чем-то проявляться традиции конкретных групп населения, обитавших здесь?!

Анализ экосистем охотников на северного оленя позволяет с полным правом утверждать, что нет локальных археологических культур, а есть лакуны наших знаний о них. Территория конкретной археологической культуры не может локализоваться устьем Камы, средним течением Вычегды, Верхним Поднепровем или площадью одного речного бассейна, как бы велик он ни был, ибо такова экология человека как биологического вида. Вместе с тем она не может быть и бесконечно большой, скажем, охватывать территорию Европы или Азии. Поэтому устанавливать "территориальные рамки" археологической культуры следует не только по сходству каменного инвентаря, но и с помощью моделирования изменений окружающей среды, растительного и животного мира, образа жизни и физических возможностей самого человека.

Насколько можно судить, в основе "территориального единства археологической культуры" лежит сезонно-подвижный образ жизни первобытного населения, поэтому для финального палеолита – эпохи северного оленя – минимальный диаметр ареала должен составлять приблизительно 1000 км. Можно задаться вопросом, насколько физически реальны подобные перемещения? Проведем несложный расчет. Если принять стандартный день пути пешехода за 30 км, то расстояние в 900 км (приблизительно столько разделяет верхневолжские рессетинские стоянки и Пулли в Эстонии) (Сорокин, 2004б) он преодолеет за 30 дней. По времени, учитывая скорость пешего хода 5 км/ч, отрезок в "день пути" преодолевается всего за 6 часов. Таким образом, еще 18 часов в сутки остается для сна, отдыха и трудовой деятельности. В таком случае для передвижения на расстояние в 1500 км, а это протяженность среднего сезонного маршрута кочевий северного оленя, требуется 50 суток. Эти данные не только хорошо вписываются в амплитуду ежегодных миграций северного оленя, но и перемещений этнографических охотников на него (Дзенискевич, 1987; Сыроечковский, 1986; Симченко, 1976). безусловно, конкретная практика не обязательно совпадала с нормой передвижения, и определялась совокупностью обстоятельств, которые могли ускорять или, напротив, замедлять скорость в каждом отдельном случае. Важнее другое: расчет показывает физическую возможность человека для таких перемещений. В археологическом отношении эти вычисления объективно позволяют уточнить ареал археологических культур конца плейстоцена, когда Европа оставалась приледниковьем и экологической нишей северного оленя.

Совокупность названных обстоятельств определила не только амплитуду сезонных миграций населения и их возвратно-поступательный характер, но и археологические маркёры – разбросанные по всей приледниковой Европе артефакты, по которым реконструируются ареалы археологических культур (Сорокин, 2002; 2004б). Сокращение ледника с общим вектором в сторону Скандинавии неизбежно должно было сопровождаться как значительным широтным охватом кочевий северных оленей, так и постепенным превращением освобождавшихся территорий в ойкумену, увеличением и изменением амплитуды передвижения "преследователей оленьих стад". На Великих Европейских зандровых равнинах не было непреодолимых географических границ, поэтому не могло быть естественных границ и у мест обитания древнего населения. Ареалы разных групп очерчивались не столько географией, сколько самой численностью населения. Деление Европы на Восточную и Западную произошло позднее, уже в голоцене, но отнюдь не раннем. Это и показывает присутствие сходных материалов на Великих Европейских зандровых равнинах от Британии до Урала. Тем не менее для детализации культурных процессов эпохи финального палеолита имеющихся данных явно недостаточно, и это задача отдаленной перспективы. Пока эта картина вырисовывается лишь в самых общих чертах. Так, можно выделить по меньшей мере две традиции: восточно-граветтскую, которая от Хотылево 2 – Гагарино связывает финальноплейстоценовую рессетинскую культуру с голоценовыми пуллийской и бутовской (Sorokin, 1999; Сорокин, 2002; 2004б); и лингбийскую традицию, которая объединяет аренсбургскую, иеневскую, песочноровскую, гренскую и усть-камскую культуры, а также культуры Фосна и Комса (Залізняк, 1999; Сорокин, 2002). Нет сомнения, что сходство, которое наблюдается в инвентаре этих последних, как и в случае с восточно-граветтской традицией, могло возникнуть только в определенной экологической нише приледниковой Европы на территориях, не занятых ледником, т.е. на тех участках суши, которые в финальном плейстоцене служили ареалом северного оленя. По мере освобождения от ледникового покрова Прибалтики и Северной Европы в зону кочевий этого населения попадают территория Литвы и скандинавское побережье. В Скандинавии это население известно по материалам культур Фосна и Комса. Часть памятников усть-камской культуры (Сюкеевский Взвоз, Тетюшская 3) имеют геологические даты, "укладывающиеся" в конец плейстоцена (Бутаков и др., 1999; Галимова, 1999). Молодым дриасом датированы иеневские стоянки Усть-Тудовка 1 и, вероятно, Шильцева Заводь 5, тогда как один из наиболее ранних памятников культуры Фосна – Тоскёр А, который ничем не отличается по своему набору от иеневско-гренско-песочноровских коллекций, датируется по радиокарбону уже началом пребореального времени (Taute, 1968; J. & S. Kozlovsky, 1975).

Исходя из того, что было сказано ранее о палинологическом и радиокарбоновом датировании, а также о состоянии слоев финальноплейстоцено-

вых и раннеголоценовых стоянок, голоценовые даты рессетинской и иеневской культур следует признать неверными, а их появление объяснять феноменом естественного омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов. Таким образом, на основании типологии, палеогеографической и хозяйственно-культурной реконструкции рессетинская и иеневская культуры должны быть удревнены и признаны, наряду с усть-камской, гренской и песочноровской, финальнопалеолитическими. Скорее всего население лингбийской традиции оставляет пределы Центральной России, Украины и Белоруссии до начала пребореального времени, где в это время начинают господствовать лесные формации, и уходит вслед за северным оленем на Скандинавский полуостров. Их дальнейшая судьба связана с населением культур Фосна и Комса. В то же время восточно-граветтское население продолжает осваивать центральные области и северо-восток Европы – Вологодскую и Архангельскую области и территорию Республики Коми (Археология Республики Коми, 1997).

Понятия "восточный вариант культуры федермессер", "восточный федермессер" и "восточный аренсбург", которые предлагаются отдельными исследователями (Кольцов, 1977; Zhilin, 1995; Koltsov, Zhilin, 1999, Жилин, 2004), неизбежно предполагают, что есть еще "западный", а возможно, "северный" и "южный" варианты этих культур. На самом деле ничего подобного в литературе нет, а есть лишь неразбериха с тем, что понимать под археологической культурой. Если исходить из понимания этого термина, как "гносеологической категории пространственно-временной связи ископаемых объектов", а за ареалом археологических культур каменного века видеть "размах пространственных колебаний популяций в пределах кормовых территорий" (Сорокин, 2002; 2004б), то памятники с остриями типа федермессер – это и есть культура федермессер, а стоянки с лингбийскими наконечниками – это и есть памятники культуры лингби, где бы они ни встречались. При этом все рассуждения про "восточные" варианты не имеют реального содержания, ибо совершенно не учитывают экономическую основу обществ эпохи финального палеолита, экологию основного промыслового животного этого времени – северного оленя и образ жизни первобытного населения.

Территория археологической культуры в каменном веке – это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие "археологическая культура" (Захарук, 1976), а не ареал с жесткими контролируемыми границами. Ее нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Население региона в рассматриваемое время было столь малочисленно, что весьма правдоподобна ситуация, когда некая группа мезолитического населения обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это "временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива". Из-за малочисленности групп охотников-собирателей контролю подчинялось лишь видимое пространство и не более того. Ни о каком контроле над территорией речи не могло быть в принципе.

Границы археологических культур финального палеолита и мезолита, следовательно, фактически совпадают с ареалом годичных, хозяйственных циклов, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но в целом никак не мог контролироваться и обороняться. Этого просто некому было делать. Из-за того, что у охотников на северного оленя он был одним, у охотников на мамонта другим, а у охотников на лося третьим, разными были и площади, которые были способны прокормить адаптированное к этим видам население. Картина, которая фиксируется археологически, – это результат суммирования и наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически это спрессованная последовательность разновременных событий, а не отражение одновременной заселенности территории, одновременно бытовавших групп населения и параллельно существовавших базовых и временных стоянок, охотничьих и рыбацких лагерей, мест забоя и разделки животных и т.д. Это спроецированная на карту история реальных событий, происходивших с людьми в течение всего времени существования конкретных популяций. Этим, по-видимому, и объясняется наложение ареалов синхронных культур, но у нас чрезвычайно мало данных для их строгого соотнесения.

Сказанное отнюдь не означает полную нивелировку коллекций всех памятников в пределах каждой из культур. Различия остаются, но разница в мерных признаках и особенности в стилистике обработки изделий на разных стоянках одной и той же культуры, разделенных многими сотнями километров друг от друга, не являются доказательством их разной культурной принадлежности. Более того, они легко объяснимы. Как это показал канадский археолог и этнолог Брайен Гордон, долгое время живший среди индейцев-охотников на карибу, все эти показатели связаны с разной сезонностью памятников и их неодинаковой удаленностью от источников сырья (Gordon, 1997). Сюда же можно, по-видимому, добавить временные показатели и индивидуальные особенности производителей. Но главными все же являются два первых признака. Вот почему нет необходимости выделять отдельную подольскую (Синицына, 2000) или красносельскую культуры (Залізняк, 1999) и связывать их происхождение с Бромме-Лингби. Ибо это и есть одно и то же "лингбийское" население,

которое кочевало вслед за северным оленем по бескрайним просторам приледниковой зоны Европы в экологической нише финального плейстоцена.

Заселение новых территорий, освобождавшихся от ледника, не было случайным актом, а было процессом их хозяйственного освоения, являлось своего рода "вживанием населения в территорию". Этот процесс осуществлялся людьми, хорошо адаптированными к условиям северных широт. Он происходил перманентно по мере освобождения от ледникового покрова приледниковых земель, говоря иначе, расширения географической емкости ландшафта. Однако справедливо и то, что "заполнение ландшафта" осуществлялось не сразу, а лишь когда для этого созревали необходимые предпосылки. На сезонные передвижения людей этого времени нужно смотреть в контексте образа жизни первобытного населения и хозяйственно-культурного типа охотников тундровой и зарождавшейся лесной зон, рассматривая этот процесс не как однонаправленное движение к Северу, а как возвратно-поступательные, челночные передвижения, подчиненные годовому природному циклу и экологии северного оленя. Система хозяйства, при которой в орбиту хозяйственной деятельности были вовлечены удаленные на значительное расстояние друг от друга участки территории Европы и были жизненно необходимы длительные сезонные миграции, могла возникнуть и существовать лишь при охоте на северного оленя. Для конкретной рассматриваемой территории – это конец плейстоцена, время финального палеолита. Ибо северный олень – это единственное животное Средней полосы, для которого длительные сезонные кочевья являются стереотипом поведения (Сырочковский, 1986; Сейбутис, 1974; 1980; Крупные хищники..., 1978; Палеография Европы..., 1982). И если есть люди, способные на него охотиться, археологически может возникнуть "общность территорий", значительно удаленных друг от друга. Ибо охотники на северного оленя неизбежно будут совершать кочевья на значительные расстояния вслед за стадами северного оленя (Дзенискевич, 1987; Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986) и неминуемо, следовательно, оставлять материальные признаки своего присутствия там.

В этой связи хочу обратить внимание на следующее. В археологической литературе, как правило, схемы миграций населения традиционно обозначаются стрелками, идущими в одном направлении. Например, заселение Прибалтики аренсбургским населением отмечается как однонаправленное передвижение с запада на восток: с Северо-Германской низменности – в Понеманье. А вектор свидерского населения ориентирован с юго-запада на северо-восток, из Польской и Полесской низменностей в Верхнее и Среднее Поднепровье. Тем самым не только определяется направление "миграционных потоков" в момент заселения конкретной территории, но и подспудно понимается, что эта территория постоянно или длительное время была заселена носителями конкретной археологической культуры. Если реконструкция хозяйственно-культурного типа этого времени верна, условия хозяйства охотников на северного оленя могли реализовываться лишь в виде "челночных" возвратно-поступательных миграций. И никак иначе. Следовательно, однонаправленное графическое изображение передвижений первобытного населения идет вразрез с историзмом и формирует неточную картину миграций в каменном веке. Ибо эти миграции не были ни массовыми, ни тем более потоками. Напротив, они были малочисленными, сезонными и, как уже сказано, возвратно-поступательными, т.е. шли в обоих направлениях. Конечно, переселение людей на новые земли происходило и в финальном палеолите, и в мезолите, но не эти единичные переселения определяли суть миграций этих эпох, ибо для них было больше присуще не переселение людей на новые территории, а поэтапное расширение ойкумены путем сезонных, возвратно-поступательных миграций. При этом глобальные, положительные изменения природной среды в конце плейстоцена – начале голоцена неизбежно вели к расширению ареала и создавали благоприятные возможности для его освоения. Это не значит, что такие возможности постоянно реализовывались, это означает только, что возникала сама возможность их реализации.

В ряде случаев крайние точки ареала, фиксируемого памятниками археологии, – это и есть размах пространственных перемещений населения в пределах кормовых территорий северных оленей. Малочисленность первобытных коллективов, живущих на краю ойкумены, и особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяли и образ их жизни. Из этого следует: когда северный олень был в теплое время года в тундре на пастбищах, это были северные, приледниковые территории, и все население было, вероятно, именно там. А в холодное время вслед за северным оленем группы населения откочевывали южнее, в том числе на возвышенности Центральной России, где проще было перезимовать и оленям, и людям.

И только эволюция климата и палеосреды, резко изменившие картину мира, к которым впоследствии прибавились особенности политической истории, возведшие межгосударственные границы, привели к тому, что археологическая мозаика никак не хочет складываться в четкую и логически связную картину. А все так и остается абстракцией в виде отдельных "территориально обособленных мазков", плохо связанных друг с другом, изученность которых зависит от количества и финансовых возможностей исследователей.

Таким образом, источниковедческая база мезолита Центральной России включает не пять (Со-

рокин, 2004б), а всего три культуры – бутовскую, пургасовскую и култинскую. Стоянки рессетинской и иеневской культур, ранее относимые к мезолиту, следует считать финальнопалеолитическими, что не просто позволяет снять с повестки сам вопрос об облике материалов эпохи финального палеолита в пределах изучаемого региона, но и дает методическое основание для дальнейшей детальной разработки проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М., 1998.

Амирханов Х.А. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.

Амирханов Х.А. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.

Археология Республики Коми. М., 1997.

Бутаков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1999.

Воеводский М.В. Стоянка Гремячес // МИА. № 2. М., 1941.

Восточный граветт. М., 1998.

Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. М.; Казань, 2001.

Дзенискевич Г.И. Атапаски Аляски. Л., 1987.

Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет. Атлас-монография. Под ред. А.А. Величко. М., 2002.

Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.

Жилин М.Г., Кравцов А.Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.

Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.

Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

Квасов Д.Д. Приледниковые озера и внутренние моря Восточной Европы. Л., 1975.

Кольцов Л.В. Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. Вып. 126. М.; Л., 1966.

Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М. 1977.

Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.

Кольцов Л.В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.

Кольцов Л.В. Формирование мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999.

Кравцов А.Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.

Кравцов А.Е., Коннов С.Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.

Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмосковье // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992.

Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. 1964. Вып. 97.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюз. конф. Тез. пленарных докл. Л., 1979.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4.

Крупные хищники и копытные звери. М., 1978.

Ланцев А.П., Мирецкий А.В. Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Лисицын С.Н. Технология расщепления кремня на финальнопалеолитической стоянке-мастерской Аносово 1 // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.

Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.

Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. Атлас-монография. М., 1982.

Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984.

Сейбутис А.А. Палеогеография, топонимика и этногенез // Известия АН СССР. Сер. географическая. № 6. М., 1974.

Сейбутис А.А. Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. № 11. М., 1980.

Сидоров В.В. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. 1. Археология. Кашира, 2002.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.

Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.

Синицына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.

Синицына Г.В., Кильдюшевский В.И. Хронологические комплексы археологического памятника Подол 3 // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987.

Сорокин А.Н. Коллекция нижнего слоя стоянки Исток 1 (к вопросу о памятниках с асимметричными наконечниками в Мещере) // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М., 1988.

Сорокин А.Н. Рессетинская культура (к проблеме изучения памятников рубежа плейстоцен-голоцен в центре Русской равнины) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.

Сорокин А.Н. Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.

Сорокин А.Н. Рец.: Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999 // РА. 2001. № 3.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.

Сорокин А.Н. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. 2004а. № 3.

Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004б.

Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М., 1986.

Трусов А.В. Финально-палеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Матер. научного семинара. М., 2004а.

Трусов А.В. Грегубово 2 – палеолитичекая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004б.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.

Фролов А.С. Позднемезолитическая стоянка Заозерье 2 на юге Подмосковья // СА. 1987. № 2.

Фролов А.С., Жилин М.Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. 1978. № 1.

Фролов А.С., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 // СА. 1981. № 2.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.

Clark G.D. The earliar Stone Age of Scandinavia. Cambridge, 1975.

Clark G.D. The Mesolithic Prelude. The paleolithic-Neolithic Transition in Old World Prehistory. Edinburg, 1980.

Gordon B. The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-sedentary Hunters? Toronto, 1997.

Kozlowski J.K., Kozlowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p.n.e. Warsawa, 1975.

Koltsov L.V., Zhilin M.G. Tanged points cultures in the upper Volga Basin // Tanged Points cultures in Europe. Lublin, 1999.

Sorokin A.N. On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolithigue et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP. Paris, 1999.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Koln, 1968.

Zhilin M.G. The Western Part of Russiain the Late Palaeolithic – early Mesolithic // Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologies Lundensia. 1995. V. 80. № 24.

Back to the problem of the final Palaeolithic stage in Central Russia

A. N. Sorokin

Summary

Sources on the Final Palaeolith of Central Russia, which are mentioned in literature, are in general inexpressive and scanty. However, the problem consists in a mistaken determination of their age and an incorrect theoretical method of its resolution rather than in this fact.

The revision of natural-science datings shows that for mineral excavations the methods of palynological, radiocarbon and geological dating of monuments relating to the end of the Pleistocene – the beginning of the Holocene require a serious correction. Palynology tuned out to be the less reliable as it reflects as a rule the age of overlying sediments and not the time of living on a monument. It inevitably results in a rejuvenation of artefacts, which are in sediments. A geological dating is seldom used for the age determination of objects of a concerned time and permits at best to judge global events i. e. attribution of sediments to the Pleistocene or to the Holocene. The change of a sedimentation character and the cessation of forest formation resulted in the sedimentation deceleration and it adversely affected the rate of culture stratum formation and safety of samples used for the radiocarbon dating. A typological analysis and some natural-science data permit to estimate the age of jenevskaya and ressetinskaya cultures as more ancient and consider them as relating to the Final Palaeolith. In this case the total quantity of monuments abruptly increases and their image becomes material. Therefore, one can not only give a positive answer to the question about the presence of sites of this period on the Central Russian territory but also concretize its contents by no less than the two cultural traditions – East-Gravettian and Lingby traditions which includes both aforementioned cultures.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 95–102

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ САКРАЛЬНЫЕ ЗОЛЬНИКИ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

© 2006 г. А. С. Русяева

Институт археологии НАН Украины, Киев

Характерной особенностью и составной частью отдельных городских и внегородских святилищ древнегреческих божеств и обожествленных героев в Нижнем Побужье были своеобразные сакральные комплексы – так называемые зольники, исследования которых дают много важных материалов для изучения определенных аспектов религиозного мировоззрения населения[1]. В последнее время в результате новых раскопок в разных регионах Украины интерес к ним значительно возрос. Тем не менее нельзя уверенно считать, что все вопросы относительно их интерпретации окончательно решены. Отсутствует обобщенное исследование не только древнегреческих сакральных зольников в Северном Причерноморье, но и вообще всех памятников такого типа, не разработана их классификация, не выяснены назначение и этнические особенности, не доказана правомерность сопоставления с якобы сходными археологическими комплексами из отдаленных регионов, между которыми существуют большие хронологические разрывы, что нередко приводит к ошибочным выводам[2]. До сих пор нет единого мнения относительно их происхождения, конкретного назначения и смыслового определения, вследствие чего предложены и различные дефиниции: зольник, эсхара, алтарь-эсхара, зольник-эсхара, зольно-земляной жертвенник, зольный алтарь, алтарь-святилище, зольник-святилище, святилище, героон и т.д.

Согласно публикациям, наибольшее количество безусловно сакральных зольников обнаружено, но только частично исследовано в Нижнем Побужье и на Боспоре Киммерийском. Не указывается их наличие в Херсонесском и Тирасском полисах, где пока не открыты теменосы, но, возможно, и не укоренилась сходная культовая традиция, хотя, например, несомненно сакральный зольник был полностью разграблен и вывезен на строительство дороги в Каллатисе (Канараке, 1969. С. 4, 16–19; Русяева, 2004. С. 298). По размерам, местонахождению и характеру находок зольники в Нижнем Побужье распределяются на две группы. К первой из них, которой и посвящена настоящая статья, в основном относятся зольно-земляные возвышения с наличием в них несомненно культовых вещей. Вторая группа представлена сравнительно небольшими зольными выбросами рядом с жилищами, в закрытых помещениях или дворах, но их назначение не всегда достоверно установлено, а во многих случаях и проблематично, хотя не исключена их связь с домашними святилищами и очагом Гестии, служившим одновременно и ее алтарем (Козуб, 1975. С. 144–146; Марченко, Доманский, 1983. С. 37–40; Крыжицкий и др., 1989. С. 26, 27; ср.: Кругликова, 1975. С. 60, 65, 108; Масленников, 1997; 1999. С. 128, 129; 2002. С. 195, 196; Охотников, 1990. С. 19, 60; Кутайсов, 2004. С. 84, 85).

Для общего представления о том, каким образом создавались сакральные зольно-земляные насыпи, в первую очередь будут кратко рассмотрены открытые автором в отдельных святилищах Западного теменоса в Ольвии (Русяева, 1991. С. 134; 2004. С. 299; Rusyaeva, 1994. P. 97). Из девяти зольников лучше других сохранились два в совместном святилище Гермеса и Афродиты IV–III и в святилище анонимного божества II–I вв. до н. э. Первый из них, состоящий из наслоений земли, перемешанной с золой и мелкими углями (2.8 м^2 в основании, 0.7 м^2 в верхней части, высотой – 0.90–1 м) был рас-

[1] Термин "зольник" с различными оговорками, дополнениями и уточнениями стал по существу общепринятым в археологии. Для античных памятников он был введен В.Ф. Гайдукевичем на основании исследованных им в Мирмекии двух разновременных насыпей, возникших в результате систематического высыпания золы и такого же последовательного выброса сюда вещевого материала (множества фрагментов амфор и другой посуды, терракот, монет, разнообразных вотивов, костей животных, строительных отходов) из теменоса (Гайдукевич, 1965. С. 29–37; 1987. С. 91–97). Из-за преобладания золы, связи многих находок с культовой сферой и сходными памятниками в Греции насыпи также считались зольно-земляными жертвенниками или алтарями-эсхарами.

[2] Отдельные сведения о зольниках эпохи поздней бронзы, скифской и античной эпох были собраны И.П. Русановой (2002. С. 106–118); краткая история изучения зольников представлена в дискуссионной статье Я.П. Гершковича, в которой также упомянуты несколько зольников Лесостепной Скифии, Нижнего Побужья и Боспора (2004. С. 104–111), что в общем не соответствует всей имеющейся информации об этом типе памятников, тем более с противоречивыми и ошибочными трактовками их в качестве "постоянно действующих примитивных алтарей-святилищ", "зольника-святилища Ахилла на Бейкушском мысу" или зольных всхолмлений эпохи поздней бронзы, которые в представлении эллинов Нижнего Побужья служили материальными следами пребывания здесь Ахилла, что в итоге привело автора к парадоксальному выводу: "Древнегреческими поселенцами Северного Причерноморья и теми современными археологами, которые являются сторонниками исключительно культовой трактовки зольников белогрудовского типа, была допущена одна и та же ошибка в их восприятии!" (Гершкович, 2004. С. 111).

положен на культурном слое, насыщен большим количеством пережженных костей животных и обломков амфор; в нем же найдены мелкие фрагменты краснофигурных чаш, разбитая терракота двух пьяных силенов, антропоморфная лепная статуэтка, свинцовые букрании и гиря, наконечники стрел, маркировочные граффити соседних святилищ Матери богов и Диоскуров. Лишь на единичных обломках керамики прослеживались слабые следы горения, что указывает на то, что собственно на зольнике не проводился обряд жертвоприношений, а сжигались, вероятно, бурьяны у его подножия во время уборки в святилище.

Второй зольник открыт возле полностью сохранившейся низкой каменной эсхары для сжигания жертвоприношений в святилище анонимного божества № 2, внутренняя часть которой была заполнена серозолистым грунтом с большим количеством пережженных костей животных (Русяева, 1991. С. 135). В основании он занимал площадь почти 10 м^2, в верхней части – около 1 м^2 при общей высоте 0.70–0.80 м. В слоях чистого пепла и золы, смешанной с землей, мелкими углями, пережженными костями, находилось множество необожженных костей осетровых рыб и чешуи, мелкие фрагменты амфор, кувшинов, лагиносов, мисок, различных рельефных (так называемых мегарских) чаш, отдельные маловыразительные обломки терракот Деметры, Матери богов и Эрота в общем III – первой половины I в. до н. э. Этот зольник возник над культовым ботросом, в зольно-земляном заполнении которого тоже преобладали кости рыб, обломки амфор и столовой посуды этого времени.

По характеру его образования, а также открытых в Западном теменосе более ранних остатков от зольников, понятно, что они были такого же типа примитивными алтарями, как и ботросы, заполненные вперемешку с золой, землей, глиной, множеством разнообразных культовых вещей, которые вышли из обращения или специально разбивались во время проведения ритуальных действий с жертвоприношениями и возлияниями, после сакральных коллективных трапез. В некоторых из них заполнение поднималось значительно выше дневной поверхности и расползалось, в результате чего образовывались культурные слои на территории теменоса. Кроме керамических обломков в ботросы в Западном и Восточном теменосах сбрасывали разнообразные вотивы, золу и угли с алтарей, кости животных и рыб, ракушки и водоросли, кусочки краски и серы, архитектурные детали, сырцовые кирпичи, камни и другой строительный мусор вместе с землей, глиной и песком (Леви, 1964. С. 131–174; Русяева, 1991. С. 134–138; Rusyaeva, 1994. P. 84–102). В общем по структуре наслоений и характеру находок их заполнения не отличаются от зольников, что свидетельствует о том, что они тоже создавались путем сброса "священного мусора", а не периодического устройства на них ритуальных кострищ (эсхар) для сжигания жертвоприношений и проведения других обрядов. Если бы с обоих ольвийских теменосов вывезти содержимое ботросов в одно место, то такой сакральный комплекс по мощности и количеству находок намного превысил бы зольник типа китейского (Молева, 2002а. С. 70–106). Однако в ольвийских святилищах для этих целей использовались в основном ботросы разных размеров, котлованы, разрушенные полуземлянки, одно-двухкамерные помещения, а позже пришедшие в негодность цистерны для воды в пределах обеих сакральных зон.

Следует добавить, что и в других святилищах значительная роль для "захоронения священного мусора", в том числе и золы с эсхар, отводилась ямам и в меньшей мере насыпным зольникам. Такое сочетание характерно, например, для святилищ VI–V вв. до н.э. Деметры в Нимфее (Худяк, 1962. С. 52, 53) и Ахилла на Бейкушском мысу (Буйских, 2001. С. 35, 36). Из заполнения "ботросов", для которых первоначально использовались естественные расселины в материковой скале, возник и мощный зольник Китея (Молева, 2002а. С. 70–106; б. С. 151–154; 2003. С. 75–80; Молев, 2002. С. 146–151; Молев, Молева, 2003. С. 252–263). По мощности напластований и продолжительности существования (последняя треть V в. до н.э. – IV в. н.э.) он представляет собой уникальный комплекс в Причерноморье. Таким же образом в результате многолетних выбросов золы и мусора в юго-восточный береговой обрыв начиная с конца VI в. до н.э. возник большой зольник в античном местечке Зенонов Херсонес в Приазовье (современный мыс Зюк) (Масленников, 1992. С. 125–138). Мирмекийские зольники, несмотря на отдельные противоречия в их современной интерпретации, тоже имели прямое отношение к святилищам с начала их образования (ср.: Гайдукевич, 1965. С. 29–37; Бутягин, 2002. С. 91–94; 2004а. С. 51, 52; б. С. 126–131; Чистов, 2004. С. 131–142). В святилище Ахилла на Левке в прибрежной северо-восточной низинной части острова, над ботросами, куда в течение веков сбрасывали все остатки жертвоприношений и возлияний, разнообразные дары, образовались значительные культурные слои, которые явно представляли собой расплывшиеся под воздействием дождей и штормов зольно-земляные насыпи, бессистемно раскопанные в XIX в. (Охотников, Островерхов, 1993. С. 18–20).

Сходные зольники известны в различных областях античного мира. Древнейшие захоронения сакральных вещей, вотивов, фрагментированных архитектурных деталей от алтарей, костей жертвенных животных вперемешку с золой и землей относятся еще к крито-микенскому периоду во многих святилищах, в частности на акрополе Афин, Крите, в Дельфах, Триаде и т.д. (Nilsson, 1976. S. 86, 87). Еще больше зольников, которые

М. Нильсон резонно интерпретирует и как "святость жертвенных остатков", зафиксировано в Средиземноморье архаического и классического времени. В святилище Артемиды Ортии в Спарте вблизи храма VII в. до н.э. раскопаны два мусорных всхолмления с тысячами обломков расписных глиняных масок вместе с различными свинцовыми и костяными вотивами (Dawkins, Dickins, 1929. P. 14–18; Nilsson, 1976. S. 86). Даже в знаменитых святилищах Элевсина, Эпидавра, Амикл, Фермоны возле алтарей открыты грунтово-зольные свалки с костями животных. Опираясь на сведения Павсания, археологи исследовали в Аркадии на вершине горы святилище Зевса Ликейского раннеэллинистического времени, в котором действительно находилась насыпь площадью около 485 м^2 и высотой 1.50 м. В прослойках земли, перемешанной с пеплом и кальцинированными костями, найдены маленькие вазы, черепки и металлические предметы (ср.: Paus. VIII, 38, 6, 7; Nilsson, 1976. S. 87 – с лит.). На горной вершине Эты в северной части Средней Греции, где, по преданию, Геракл разжег огромный костер для самосожжения, еще в архаическое время было устроено его святилище. Возле строительных остатков небольшого храма и алтаря раскопан огражденный каменными плитами зольно-земляной холм неправильной трапециевидной формы, наполненный костями животных, обломками сосудов VI в. до н.э., среди которых встречались бронзовые статуэтки этого героя, железные наконечники копий, махайры, топоры, серпы, ножи, монеты и т.п. (BCH, 1920. P. 392–394).

В общем, исходя только из этих данных можно предположить, что таким же образом появились зольники и в тех местностях Нижнего Побужья, где достоверные остатки святилищ не сохранились или же еще не открыты. Древнейшие из них раскопаны в Борисфене (Березанском поселении), хотя таковыми пока не считаются вследствие их первичной интерпретации. Впервые на них обратил внимание еще А.С. Уваров, отметив, что на северной оконечности о-ва Березань хорошо различаются шесть нераскопанных "курганов" (1856. С. 142, 143). К сожалению, только четыре из них частично исследовались Э.Р. фон Штерном в течение 1904–1910 гг. как погребальные курганы (ОАК, 1908. С. 35–37; 1909. С. 56–58; 1913. С. 111–116). Раскопки велись траншеями крест-накрест и лишь в отдельных местах небольшими по площади сегментами. Следует отдать должное фон Штерну в том, что он, хотя и не совсем понял назначение "курганов", однако в итоге пришел к выводу, что погребения в них относятся к средневековому и новому времени, а сами насыпи – главным образом к последней четверти VII – середине VI в. до н.э. и не имеют ничего общего с собственно погребальными курганами. В наивысшей точке они достигали в среднем 3–3.50 м высоты, самый крупный из них имел в окружности 78.94 м при отвесной высоте 3.57 м (ОАК, 1913. С. 112). Под отдельными из них открыты ямы, заполнение которых почти не отличалось от зольно-земляных культурных напластований насыпей. Местами в них прослеживались прослойки только золы, угля, раздробленных и обугленных костей домашних животных (быков, баранов, свиней), раковин мидий, а также большого количества обломков различных категорий посуды из многих античных городов. В значительной мере был раскопан только "курган" К-4, насыпь которого была сплошь заполнена черепками, лежавшими вперемешку с золой, раковинами, костями животных (ОАК, 1913. С. 114, 115). Э.Р. фон Штерн отмечал, что трудно объяснить, как именно она возникла. Отнести ее к религиозной традиции борисфенцев он тогда не смог и в конечном итоге допускал, что насыпь образовалась путем вывоза мусора с жилищ, хотя это и противоречило древнегреческим обычаям (ОАК, 1913. С. 116). Между тем различные ямы под зольниками и поблизости от них, очевидно, представляли собой ботросы для захоронения "священного мусора" с теменоса, о наличии которого здесь свидетельствуют остатки длинных каменных оград и разных сооружений (ОАК, 1908. С. 57, 58; 1913. С. 113). Возможно ли еще более детальное доисследование этих памятников ради установления хотя бы приблизительных границ теменоса, пока не известно. О том, что в Борисфене были отдельные святилища, свидетельствуют как уже открытые остатки храмов и алтарей в разных его районах, так и граффити, в том числе и маркировочные (Толстой, 1953. С. 54–56; Яйленко, 1980. С. 89–92; 1982. С. 287–297; Лапін, 1975. С. 483; Назаров, 2001. С. 154–164).

В последние десятилетия на территории ольвийской хоры открыто несколько разновременных зольников. Один из них частично раскопан на северо-западной окраине поселения Козырька II, которое входило в Ольвийский полис в период его наивысшего экономического расцвета во второй половине IV – первой трети III в. до н.э. (Головачева и др., 1998. С. 104–107; Головачева, Рогов, 2002. С. 41, 42). Он имел в плане овальную форму длиной 60, шириной около 50, высотой 1.5 м, однако исследовано только 600 м^2. В центре насыпи прослежены прослойки золы, пепла, сажи, материкового суглинка, строительного и хозяйственного мусора, обожженной глины; в периферийной части преобладала серая зола. Несмотря на различный характер наслоений все зольники более-менее равномерно наполнены большим количеством находок. По составу они близки к найденным на поселении, однако насыщенность их в зольнике в несколько раз больше. К уникальным находкам относится письмо на обломке амфоры, в котором речь идет о подарке коня полководцу Александра Македонского Зопириону (Vinogradov, 1997. S. 323–335). О культовом назначении козырского зольника свидетельствует в первую очередь его располо-

жение на месте позднеархаического святилища с небольшим храмом и алтарем. Кроме того, в нем обнаружено большое количество костей жертвенных животных и немало присущих для такого типа памятников вотивных приношений: точильные бруски, рыболовные и ткацкие грузила, монеты и обломки терракот.

Остатки разрушенного зольника IV–III вв. до н.э. зафиксированы на невысоком кургане эпохи бронзы, в северо-западной части поселения Кателино 1 (Рубан, 1982. С. 54; Снытко, 1988. С. 67; Крыжицкий и др., 1990. С. 58). На глубоко вспаханной поверхности удалось обнаружить интересные вотивы: свинцовые букраний и пластинку в виде квадриги, которой правит Гелиос, терракотовую герму, известняковый алтарик. Два зольника раскопаны в юго-западной части поселения V – середины III вв. до н.э. в урочище Глубокая Пристань на правобережье Днепровского лимана (Буйских, 1989. С. 80–82). Первоначально эти насыпи начали создаваться на месте древних оврагов и только после их полного заполнения до уровня дневной поверхности здесь постепенно выросли холмики. С учетом всей толщины их слоев высота первого зольника достигала 4 м, второго – 2.8 м. В течение приблизительно столетнего существования сюда вместе с золой и мусором было выброшено много обломков амфор разных центров производства, кухонной, в том числе лепной, и столовой посуды, светильников, а также монеты, пряслица, ткацкие грузила, бусины, бронзовые наконечники стрел, кости животных. Среди культовых вещей выделяются вотивные глиняные "хлебцы", мелкие сглаженные камешки, обломки терракот и граффити на фрагментах сосудов. На южной оконечности мыса на окраине греческого поселения Кошары, которое также было составной частью Ольвийского полиса в IV – первой четверти III вв. до н.э., недавно исследована сравнительно небольшая насыпь овальной формы (высота 2.5, длина 30, ширина 20 м), состоящая из золы, песка, глины, раковин мидий, костей рыб, домашних и диких животных, обломков посуды и отдельных культовых вещей (Носова, 2002. С. 62–68; 2003. С. 123–130). Среди последних выделяются фрагментированная протома Коры-Персефоны, вотивные глиняные "лепешки" и модели зерен, керамические остраконы и гальки, зооморфные и антропоморфные камни естественного происхождения. На основании этого комплекса высказано мнение относительно того, что он формировался аналогично пепельному алтарю Зевса в Олимпии, отличие якобы состояло лишь в том, что на кошарский зольник ссыпали "отходы домашних очагов" ("домашних жертвенников"), здесь же происходили как кровавые, так и бескровные жертвоприношения. Вместе с этим произвольно интерпретируются зольники как особые памятники в этническом, политическом и территориально-полисном значении на Боспоре и в Ольвийском государстве.

К самому позднему времени в Нижнем Побужье относится сакральный зольник на Ахилловом Дроме (совр. о-в Тендра), открытый значительно раньше всех рассмотренных выше. Однако длительное время никто из исследователей не отождествлял его прямо с этим типом памятников. В 1824 г. под руководством капитан-лейтенанта Н.Д. Критского была раскопана небольшая насыпь высотой около 1 м, диаметром 17 м на северо-восточной оконечности Тендры в 40–45 м от берега (Толстой, 1918. С. 56–59; Тункина, 2002. С. 453–472, 627–630). О ее назначении высказаны разные гипотезы и сделаны выводы. Вследствие того что в насыпи находилось погребение христианина Михаила, академик Е.Е. Кёлер трактовал ее как курган с гробницей конца IV в. н.э., где был похоронен владелец большого количества монет, своего рода нумизмат-коллекционер античной эпохи, а обломки рельефов и надписей были привезены сюда из о. Левки (Köhler, 1826. P. 619–627). Однако, по наблюдениям Н.Д. Критского, это не мог быть курган, поскольку найденные в насыпи монеты и другие вещи были разбросаны на всей ее площади и на разной глубине; она же состояла из перегнивших веществ и земли с небольшими примесями пепла и углей (Тункина, 2002. С. 627–630). По всей вероятности, ближе к правильному ее пониманию тогда стоял И.П. Бларамберг, считая, что "поблизости от этой кучи пепла существовал алтарь на открытом воздухе или храм, посвященный Ахиллу, независимо от тех, которые ольвиополиты возвели этому герою в своем городе и на о-ве Березань" (Blaramberg, 1828. P. 19).

По прошествии около полутора веков А.Н. Щеглов отметил, что здесь был раскопан "зольный холм (по всем признакам эсхар)" (1972. С. 132). По мнению В.Д. Блаватского, раскопки 1824 г. показали, что "святилище было, видимо, не храмом, а открытым герооном или алтарем, посвященным Ахиллу" (1978. С. 83). В последнее время И.В. Тункина представила несколько иную и более детальную интерпретацию (2002. С. 462, 463), но и она требует уточнений и корреляции в сопоставлении с вышерассмотренными зольниками. Соответственно ее выводам, во-первых, это – святилище, по своей конструкции – жертвенное место (героон или алтарь) под открытым небом в виде земляного холма, как будто-то описанного как "небольшое сооружение" из необожженного кирпича – т.е. представляло собой тип простейшего земляного алтаря; во-вторых, поскольку святилище существовало около 600 лет, то лишь в течение непродолжительного времени насыпь была окружена сырцовой оградой; в-третьих, в общем же алтарь должен был иметь определенное архитектурное оформление, ибо найденные здесь каменные блоки и барельефы, возможно, относятся к жертвен-

нику, который украшал вершину холма, подобно жертвеннику на алтаре Зевса в Олимпии.

Однако описанные Павсанием пепельный алтарь ("чудо") Зевса в Олимпии (Paus. V, 13, 8–11; 14, 1; ср.: Yavis, 1949. P. 210. Ill. 53, 54) и небольшие жертвенники Геры Олимпийской и Самосской, Геи и Аполлона Сподия, тоже состоящие из чистого пепла бедренных костей жертвенных животных (Paus. V, 13, 8; 14, 8, 10; IX, 11, 7), которые постоянно многими исследователями привлекаются как прямые аналогии для северопонтийских древнегреческих зольников, по своей структуре, конструкции, назначению и проводившимся религиозным ритуалам не могут сопоставляться ни с тендровской насыпью, ни вообще с какими-либо такого типа античными комплексами в Северном Причерноморье, а тем более зольниками эпохи поздней бронзы и раннего железного века[3].

Благодаря просеиванию земли через решето в зольнике на Тендре было найдено около 1200 монет многих античных государств II в. до н.э. – третьей четверти IV в. н.э.[4]; обломки плохо сохранившихся мраморных рельефов, амфор и других сосудов, черепиц, сырцовых кирпичей, два каменных блока. Пять фрагментированных надписей не вызывают сомнения в том, что они относятся к посвятительным памятникам Ахиллу I–III вв. н.э. (IOSPE, I^2. 328–332; Толстой, 1918. С. 56–59). Очевидно, в основном этим же временем датируются и рельефы. Несмотря на их очень плохую сохранность считается, что здесь стояли стелы с изображением Ахилла, атлетов, Артемиды с ланью и всадника (Тункина, 2002. С. 458). В общем начало возникновения зольника можно сопоставить со сведениями Страбона, использовавшего несколько более ранний источник о том, что на мысу Ахиллова Дрома находилось святилище Ахилла (Strabo. VII, 23, 19), что, бесспорно, подтверждается его материалами.

Исходя из того, что в разных местах и на разной глубине тендровского "холма" были обнаружены все упомянутые выше находки, на которых не отмечено следов огня, сюда, как и в другие сакральные насыпи, периодически выбрасывали обломки культовых памятников, зольно-земляной мусор, в том числе и сырцовые кирпичи с территории святилища, где традиционно должен был стоять алтарь для возлияний и эсхара, на которой, принимая во внимание незначительное количество золы, вероятно, изредка сжигали какие-то приношения. Поскольку найдены только разрозненные маловыразительные обломки надписей и рельефов, то понятно, что здесь были и другие места для хранения устаревших и разбитых священных вещей. Здешнее святилище Ахилла, как и на о-ве Левка, явно подвергалось разграблениям пиратами и местными варварами. Кроме того, столь близкое расположение зольника к берегу может указывать на то, что культовые постройки полностью разрушены морскими водами или же давно разобраны и вывезены. Отсутствие в нем костей животных, видимо, еще не является достоверным свидетельством, что в святилище совсем не проводились обряды их жертвоприношений.

Зольник на Тендре отличается от других (за исключением святилища на Левке) прежде всего тем, что в нем найдено множество монет из разных античных центров. Главная причина таких приношений заключалась в том, что святилище на Ахилловом Дроме располагалось вблизи опасного морского пути, вследствие чего проплывавшие мимо эллины из разных городов могли здесь остановиться, чтобы поклониться местному сотеру Ахиллу, пополнить запасы колодезной водой, о наличии которой вряд ли случайно упоминал Страбон (Strabo. VII, 3, 19). В Ольвии, на Березани и Тендре зафиксированы самые поздние в Нижнем Побужье римские монеты Валента (364–378 гг.) (Карышковский, 1988. С. 130), свидетельствующие о том, что святилище Ахилла прекратило существование если не синхронно, то почти синхронно с ними приблизительно в пределах третьей четверти IV в. н.э.

При определении основного фактора образования древнегреческих зольников нельзя не учитывать, что они в разных сакральных зонах имели свои характерные черты и особенности. В каждом из них, несмотря на отличия в их форме, размерах, остатках жертвоприношений и находках, взаимосвязи с определенными культами, общим является, в той или иной мере, наличие золы, то в виде отдельных прослоек и линз, то смешанной с землей, песком, известняковой крошкой, глиной. Так же, как и зола, остатки жертвенных приношений и коллективных праздничных трапез, устаревший культовый инвентарь, по древнему обычаю, ставшим общим священным законом эллинской религиозной практики, оставались в пределах каждого святилища. Вследствие таких традиций все, что принадлежало божеству в отведенном для его почитания месте, являлось его собственностью. Таким образом служители культов издавна защищали святилища от ограблений, в связи с чем появи-

[3] Олимпийский алтарь Зевса, согласно описанию Павсания (V, 13, 8–11; 14, 1, 2), в его время имел коническую форму с нижней окружностью 37 м и высотой 6.5 м. Он состоял из пережженных бедреных костей жертвенных животных, раз в год обмазывался собранным пеплом из пританея, смешанным с водой из реки Алфей. Жертвы приносились ежедневно внизу на преджертвии, к которому со всех сторон вели мраморные ступени, и только бедренные кости на дровах из белого тополя сжигали на вершине алтаря. Поскольку на верхнюю часть жертвенника вели ступени из пепла, то, очевидно, что он представлял собой твердую спрессованную массу кальцинированных костей. Как место популярного языческого культа алтарь был полностью снесен в V в. н.э. при императоре Феодосии II (Yavis, 1949. P. 210; Simon, 1998. S. 18, 19).

[4] Более уточненная хронология монет приведена И.В. Тункиной соответственно датировке П.О. Карышковского (ср.: Зограф, 1941. С. 153, 154; Тункина, 2002. С. 464–470).

лись сакральные законы о запрещении что-либо выносить за их пределы. Все, что было связано со святилищами, жрецами, жертвоприношениями, в том числе и жертвенное животное, имело названия, производные от ΙΕΠΟΣ – "священный". Этим самым издавна вся терминология, относившаяся к религиозным обрядам, утверждала святость жертвоприношений и даров как сакральной собственности божества или обожествленного героя (Nilsson, 1976. S. 87, 88).

Традиционными и наиболее распространенными в религиозной жизни эллинов, в каких бы уголках ойкумены они ни обитали, были определенные ритуалы, эмоциональное воздействие которых достигалось включением в них таких компонентов, как огонь, жертвоприношение животных, кровь, оружие, возлияния, коллективные трапезы (Burkert, 1985. P. 54). Важнейшую роль в них играло ритуальное убийство животного, мясо которого съедали в коллективной трапезе, благодаря чему жертва становилась особым посредником между людьми и божествами (Vernant, 1981. P. 3–40). В самых богатых святилищах кости животных чаще всего сжигали. По данным раскопок святилищ в северопонтийском регионе сожженные кости случаются сравнительно редко, хотя открыто немало жертвенников, на которых, вероятно, сжигали внутренние органы животных и жарили мясо для трапез. Поедание жертвенного мяса почитателями связано с сакральной практикой, но в то же время имплицитно несет в себе и социально-политические функции, объединяя граждан полиса в сообщества типа народных собраний, общих выступлений на защиту отчизны и других подобных акций (Detienne, 1979. P. 7–35). Вместе с тем отдельные находки разнообразных вещей в зольниках дают представление об индивидуальности вотивных даров мужчин, женщин и детей, которые приносили их в святилища. Именно они являются достоверным свидетельством того, что эллины и на окраинах античного мира, как и в Элладе, всегда стремились своими вотивами закрепить в памяти божеств в материализованном виде воспоминания об их труде, благочестии, благодарности и надежде на счастливую будущность.

Известно, что в границах городских и внегородских теменосов для "священного мусора" чаще всего использовали ботросы, меньше – насыпные зольники, которые нередко возникали над ними. При этом необходимо учитывать, что в качестве хотя и примитивных алтарей они имели более сложное назначение, чем традиционные каменные алтари и эсхары. Зольники, как и ботросы, представляли собой в завершенном виде символически вечные сакральные хранилища всего, что было в то или иное время связано с общественным отправлением культов божеств и обожествленных героев при проведении календарных праздников с соответствующими ритуалами, жертвоприношениями и трапезами. Не исключено также, что они использовались и для каких-то специальных обрядов, в частности, относящихся к их периодическому очищению от бурьянов и другого мусора, сжигавшегося у подножия насыпей, и возлияний подземным божествам в специально вырытые ямы. Само собой разумеется, что такие культовые комплексы не могли существовать вне святилищ, поэтому сам по себе зольник – это еще не самостоятельное святилище и не жертвенник, аналогичный пепельному алтарю Зевса Олимпийского, а только часть одного или нескольких святилищ. Не стоит употреблять для определения этих насыпей и термин "эсхара", который впервые предложил В.Ф. Гайдукевич, опираясь на Павсания (1965. С. 34). Однако из пассажа этого автора: "Точно так же и в Пергаме, где жертвенник Гере Самосской тоже сделан из пепла и не представляет ничего особенного сравнительно с теми обычными эсхарами, которые афиняне наскоро сооружают в Аттике для жертвоприношений" (Paus. V, 13, 8–9), – понятно, что он был на самом деле небольшим и низким, что действительно соответствует эсхаре для сжигания специально выделенных частей жертвенных животных, но отнюдь не зольно-земляным насыпям со множеством находок и перегнившего мусора. Отдельное место – будь то яма, какое-то углубление или площадка в святилище, куда начали складывать вышедший из употребления инвентарь вместе с золой из жертвенников, костями животных, обломками посуды, устаревшими вотивами – считалось священным, приобретало значение самого алтаря, существование которого оказалось намного более длительным по сравнению с давно разрушенными теменосами.

В итоге краткого рассмотрения древнегреческих зольников можно полагать, что традиция их возникновения восходит к периоду греческой колонизации Нижнего Побужья и заканчивается с гибелью античных памятников в этом регионе. Совместно с почитанием божеств и устройством святилищ она была перенесена из метрополии и развивалась независимо от обычаев населения эпохи поздней бронзы и скифской Лесостепи со свойственными только для них этническими истоками, культовой и хозяйственно-бытовой спецификой, хотя огонь как символ жизни и смерти, радости и страха везде являлся неотъемлемой частью религиозных обрядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватский В.Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978. № 3.

Буйских С.Б. Эсхары Глубокой Пристани // Древнее Причерноморье. КСОАО. Одесса, 1989.

Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Херсонесский сборник. Вып. XI. Севастополь, 2001.

Бутягин А.М. Новые исследования раннего мирмекийского зольника // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002.

Бутягин А.М. Пять лет работ Мирмекийской экспедиции // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004а.

Бутягин А.М. Дом под мирмекийским зольником // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч.1. СПб., 2004б.

Гайдукевич В.Ф. Зольники-эсхары Мирмекия // КСИА. 1965. Вып. 103.

Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа // РА. 2004. № 4.

Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Уникальные сооружения северного района ольвийской хоры // РА. 1998. № 3.

Головачева Н.В., Рогов Е.Я. Сельский храм и зольник у поселения Козырка II на хоре Ольвии // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002.

Зограф А.Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черном море // СА. 1941. № 7.

Канараке В. Танагрские маски и статуэтки из мастерских Каллатиса-Мангалия. Констанца, 1969.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988.

Козуб Ю.И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. Киев, 1975.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев, 1990.

Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.

Лапін В.В. Релігія // Археологія УРСР. Т. 1. Київ, 1971.

Леви Е.И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.

Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Масленников А.А. Сельский теменос (?) в Восточном Крыму // ВДИ. 1997. № 4.

Масленников А.А. Сельские святилища античного Боспора // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.

Масленников А.А. Сельские святилища античного Боспора (загадки и разгадки) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002.

Марченко К.К., Доманский Я.В. Культовый зольник на поселении Куцуруб I // КСИА. 1983. Вып. 174.

Молев Е.А. Сакральные граффити Китея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002.

Молев Е.А., Молева Н.В. Терракотовые статуэтки из китейского святилища // Боспорские исследования. Т. III. Керчь, 2003.

Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002а.

Молева Н.В. Дионисийские мотивы в сакральных комплексах Китея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002б.

Молева Н.В. Культ Диониса в боспорском городе Китее // Из истории античного общества. Вып. 7. Н. Новгород, 2003.

Назаров В.В. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1.

Назаров В.В. Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины. Киев, 2003.

Носова Л.В. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002.

Носова Л.В. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Древнее Причерноморье. V Чтения пам. проф. П.О. Карышковского. Одесса, 2003.

Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев, 1990.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993.

Рубан В.В. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино I // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы, 2002.

Русяева А.С. Исследования Западного теменоса в Ольвии // ВДИ. 1991. № 1.

Русяева А.С. К истории изучения культовых памятников Боспора и Ольвийского полиса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические вопросы. Керчь, 2004.

Снытко И.А. К вопросу об интерпретации зольников античных поселений Нижнего Побужья // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV Конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988.

Толстой И.И. Остров Белый и Таврика в Понте Евксинском. Пг., 1918.

Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., 1953.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Уваров А.Н. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1856.

Худяк М.М. Из истории Нимфея VI-III вв. до н.э. Л., 1962.

Чистов Д.Е. Святилище Деметры в Мирмекии: попытка реконструкции комплекса // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 2004.

Щеглов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Таврид. № 3. К Polyb., IV, 41 // ВДИ. 1972. № 2.

Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2.

Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982.

Blaramberg J. de. Géographie ancienne: Notice sur la position du Parthènium, et de l'Achilléum de Strabon, considérés comme points de trajet d'une rive du Bosphore Cimmérien à l'autre // J. d'Odessa. 1828. T. 18/30. № 5.

Burkert W. Homo Necana: The Anthropology of Ancient Greek sacrificial Ritual and Myth. Berkeley, 1985.

Dawkins R.M., Dickins G. The Sanctuary of Artemis Orthia. L., 1929.

Detienne M. Pratiques culinaires et esprit de sacrifice // Le cuisine du sacrifice en pays grec. Paris, 1979.

Köhler H.K.E. Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont Euxin // Mémoire de l'Academie imperiale des scienus de St. Péterburg. SPb., 1826.

Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1976.

Rusyaeva A.S. Investigations of the Western Temenos of Olbia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. 1. № 1. Leiden, 1994.

Simon E. Die Göter der Griechen. München, 1998.

Vernant J.-P. Théorie générale du sacrifice et mise à mort dans la ΘΥΣΙΑ grecque // Le sacrifice dans l'Antiquité. Vandoeuvres; Génève, 1981.

Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz; Rhein, 1997.

Yavis C. Greek Altars. Sant Louis, 1949.

Ancient Greek sacral cinder-heaps in the Lower Bug region

A. S. Rusyaeva

Summary

The article considers the main data on the best-preserved sacral cinder-heaps in the Lower Bug region as briefly compared to similar religious sites in Greece and the Cimmerian Bosporos. The author's own observations and the study of similar archeological complexes are used to introduce definite suggestions and amendments as to the formation and purpose of these monuments. In structure and purpose, the cinder-heaps in question are primivive altars of the same type as bothroi in temenoi, the main function whereof was to serve as repositories for "sacral refuse" which it was prohibited to take outside their limits. These were not individual sanctuaries, but constituted an integral part of public ones. Neither should the term eschara be applied to them. Cinder-heaps in classical towns and their chora are within the Hellenic tradition of worshipping gods and deified heroes, brought in from the barbarian tradition which had its own sources and peculiarities.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 103–111

КРИЗИС "ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ" V В. ДО. Н.Э. И ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

© 2006 г. А. А. Завойкин

Институт археологии РАН, Москва

В 1984 г. В.П. Толстиков предпринял первую (и до сих пор единственную[1]) попытку охарактеризовать процесс образования Боспорского государства на основании данных археологии.

Недавно автор рассмотренной ниже гипотезы вновь обратился к данной теме, учитывая материалы, ставшие достоянием науки лишь в последние два десятилетия. В частности, он пишет: "Интенсивные археологические исследования последних лет не внесли сколь-нибудь серьезных коррективов в ту историческую картину, которая была предложена Ю.Г. Виноградовым... и, как представляется, подкреплена и детализирована автором этих строк" (Толстиков, 2001б. С. 46). Согласиться с приведенной оценкой состояния данной проблемы, на мой взгляд, трудно. Это и побуждает к исследованию того, в какой степени выдержали проверку временем (*resp.* новыми источниками) основные положения, предложенной В.П. Толстиковым в 1984 г. гипотезы.

Вместе с тем высказывались и критические замечания в адрес концепции Виноградова – Толстикова или отдельных ее положений. В.С. Долгоруковым (1990) и Д.В. Григорьевым (1998) были предложены альтернативные факторы военно-политической дестабилизации (*стасис* вследствие прибытия новых потоков колонистов после разгрома персами Ионийского восстания в 494 г.; межполисные конфликты и проч.). А.Н. Васильев (1992. С. 114, 117, 118) предпринял попытку отыскать логические изъяны концепции. Е.А. Молев (1997. С. 27–41; 2005. С. 210–214) пришел к заключению, что "...анализ международной обстановки в Причерноморье, внутреннее состояние скифской державы и следы разрушений в городах Боспора в первой четверти V в. до н.э. не дают оснований говорить о скифской угрозе как катализаторе объединительных процессов..., приведших в итоге к власти династию Археанактидов" (Молев, 1997. С. 33). А.А. Масленников (1996. С. 61–69), опираясь на новые материалы раскопок в Восточном Крыму, рассмотрел ряд спорных вопросов ранней истории Боспора и, в частности, пришел к выводу, что "...начальный импульс созданию боспорского территориального государства был положен вовсе не греко-варварским противостоянием"; он также допускает "...возможность конфликтов различных групп греческого населения, например: попытка передела... земельных пространств после прибытия последней крупной волны греческих переселенцев; соперничество Пантикапея и Нимфея; наконец, захват власти в Пантикапейском полисе родом Археанактидов (установление режима тирании)".

Следует, однако, отметить, что исследованию В.П. Толстикова предшествовала концептуальная разработка Ю.Г. Виноградовым (Vinogradov, 1980. S. 69, *f*; Виноградов Ю.Г., 1983. С. 394–420) проблемы становления Боспора как "более или менее" единого государства (т.е. с рядом весьма существенных оговорок, которые в значительной степени были "забыты" его последователями, прежде всего Ф.В. Шеловым-Коведяевым (1985), считающим, например, своей творческой заслугой, которая опирается на логическое противоречие в концепции Ю.Г. Виноградова, удревнение "союза боспорских городов", якобы предшественника государства Археанактидов, – ранее 480 г.). В соответствии с выводами этого исследователя о решающем значении "скифской угрозы" (в конце VI – начале V в. до н.э. образовалось мощное в военном и экономическом отношении Скифское царство, после и – в определенной степени – вследствие похода в скифские степи Дария I) в стимулировании процесса объединения боспорских полисов, В.П. Толстиков концентрирует внимание в первую очередь на поиске следов этого варварского натиска на Боспор и следов ответной реакции на эту агрессию местного эллинства.

По мнению исследователей, ситуация на Боспоре усугублялась тем обстоятельством, что через Восточный Крым по льду Боспора Киммерийского на Тамань и в земли синдов (Her. IV. 28) проходили пути миграций скифов. Ю.Г. Виноградов и В.П. Толстиков подчеркивают военный характер

[1] Разумеется, я оставляю "за чертой" те работы общего характера, в которых декларируется исключительная важность археологических источников в исследовании различных вопросов истории Боспора, в том числе и проблемы образования Боспорского государства, и даже приводятся указания на ряд хрестоматийных примеров, связанных с этой темой (Тиритакский вал, храм Аполлона Врача в Пантикапее, разрушения в некоторых городах и на поселениях сельской территории, и проч.), но в которых нет самостоятельной разработки археологических источников.

этих походов, отрицая мнение о сезонных миграциях (ср.: Вахтина и др., 1980. С. 157). Наиболее обстоятельно этот вопрос изучен А.А. Масленниковым (1996. С. 62; 2001. С. 313–317), который показал, что нет веских оснований, позволяющих считать переправы скифов в Синдику военными походами. Напротив, автор полагает, что следует говорить только о нерегулярных "бытовых" миграциях рядовых пастухов в особенно суровые зимы (см.: Масленников, 1999. С. 176 уподобляет эти походы "полюдью"; ср.: Молев, 1997. С. 27, 28).

Необходимо указать на хронологическую неопределенность свидетельства Геродота: в качестве *terminus ante quem* применима только дата кончины Отца истории – между 430 и 424 гг., возможно, – дата переселения его в Фурии (где, как полагают, он выпустил в свет свой труд) в 443 г. (см.: Лурье, 1947. С. 26–28). Добавим, что археологические свидетельства скифских миграций через пролив (курганные погребения "Филатовка – Тимир Гора – Цукур Лиман") относятся к эпохе предшествующей интересующим нас событиям (последняя четверть VII – вторая четверть VI в. до н.э.). Синхронные же памятники такого рода, подтверждающие походы скифов в первой половине V в. до н.э., не известны. И это хорошо понимает и В.П. Толстиков (1984. С. 26).

Автор, анализируя материалы ранних боспорских поселений, исследованных раскопками (Киммерик ("холм А"), пос. Героевка I, Нимфей, Андреевка Южная, Южно-Чурубашское[2], Тиритака, Пантикапей, Мирмекий, Порфмий, пос. на мысе Зюк, Гермонасса, Фанагория, Кепы), указывает на отсутствие на них следов пожарищ и разрушений, а также остатков фортификации в VI в. до н.э., что свидетельствует о мирной обстановке в регионе в этот период (Толстиков, 1984. С. 26–28).

В противовес тому, в первой половине V в. до н.э. крепостные стены возводятся (весьма спешно) в Тиритаке, перекрыв погибшие в пожаре дома; в контексте разрушения встречены сравнительно многочисленные наконечники стрел. В.П. Толстиков датирует эту катастрофу временем около 480 г., преждевременно привязывая археологический контекст к историческому обстоятельству, связь с которым еще только предстоит доказать. Упоминаются также крепостные стены Мирмекия, возведенные в первой четверти V в., а концу того же столетия потерявшие свое оборонительное значение. Следы разрушений того же примерно времени исследователь находит и на других поселениях, всего на 7 из 13 названных ранее: Героевка I, Нимфей (клад конца VI – начала V в. и пожарище в святилище Деметры), мыс Зюк, Андреевка Южная, Фанагория (предметы вооружения в пожарище[3]) и Кепы. В конце VI – первой половине V в. до н.э. в Пантикапее фиксируется массовое производство предметов вооружения (в первую очередь наконечников стрел). Данное обстоятельство исследователь ставит в прямую взаимосвязь с "дестабилизацией военно-политической обстановки" (Толстиков, 1984. С. 30–32).

Упомянутые материалы В.П. Толстикова требуют значительной корректировки с учетом новых публикаций. Во-первых, из списка поселений, подвергшихся разрушениям в начале – второй четверти V в. до н.э., следует исключить поселение на мысе Зюк и Андреевку Южную, поскольку как раз в это время они только и появились (Масленников, 1992. С. 139, 141; Абрамов, Масленников, 1991. С. 234; Абрамов и др., 1993; Кругликова, 2001. С. 182. Прим. 1). (Оперируя датировками из публикаций, предшествующих выходу в свет "Керамической тары Боспора" (Зеест, 1960), необходимо учитывать, что в ряде случаев датировки памятников несколько занижены, в особенности при наличии в контексте пухлогорлых амфор Хиоса: с окрашенным венцом и полосами автоматически относились к VI в. до н.э., а пухлогорлые второй четверти V в. – к VI–V вв. до н.э.)

По той же причине из приведенного перечня "ранних" поселений следует исключить и "Киммерик" (холм А) (Кругликова, 1958. С. 235–243; Блаватский, 1961. С. 200, 201; Абрамов, Паромов, 1993. С. 78. Табл. 6; Завойкин, 1997. С. 133). Трудно объяснимая неточность касается и поселения Героевка I. О каком-либо разрушении, пожарище и запустении в первой половине V в. до н.э. в цитируемой работе И.Т. Кругликовой не говорится. Указано только, что в V в. погибло помещение с печью. Собственно, само "помещение" выявлено не было, найдены только остатки печи конца VI – начала V в. до н.э., от которой "уцелели две глиняные лепешки толщиной 3 см с загнутыми краями, которые опирались на центральный глиняный столбик" (Кругликова, 1975. С. 40). Позднее В.А. Горончаровским (1991. С. 19–23) на памятнике была исследована углубленная в материк структура (землянка) овальной формы (4 × 3 м), относящаяся, по-видимому, к последней четверти VI в. до н.э. "Возможно даже, что поселение было оставлено жителями и какое-то время находилось в запустении. Но в конце V в. до н.э. или на рубеже V и IV вв. до н.э. жизнь на поселении оживилась". В то же время автором раскопок сообщается, что каменные дома на поселении появляются в конце V–IV в. (более ранние постройки найдены не были)

[2] В.Н. Зинько (2003. С. 37), ссылаясь на материалы раскопок И.Т. Кругликовой и свои собственные, исключает это поселение из числа ранних, полагая, что находки ранее середины V в. до н.э. на нем не представлены. Это мнение ошибочно, см. материалы, опубликованные И.Т. Кругликовой: (2002. Табл. 11а, *1, 2, 8, 10*; 12, *11*).

[3] Упоминаемые здесь же оборонительные сооружения Фанагории в районе "Керамика", конечно же, не имеют отношения к рассматриваемым событиям, поскольку определенно относятся ко второй половине (а вероятнее, концу третей четверти) V в. до н.э. (Завойкин, 2004. С. 40–51).

(Кругликова, 1975. С. 31, 40–43). Таким образом скорректированное соотношение учтенных разрушенных поселений, по перечню В.П. Толстикова, будет 10 : 4. Первые сельские поселения в Восточном Крыму *появляются* в последней четверти VI в.: Героевка 1 и 2, Южно-Чурубашское, Тобечик-8; Михайловка (?), Чокракский родник; Чабацкая Балка, мыс Такиль, Заветное 5 (Масленников, 1998. С. 37; 1999. С. 179; 2001а. С. 85; б. С. 305; Кругликова, 2002. С. 248; Зинько, 2000. С. 47; 2001. С. 104; 2003. С. 26, 44, 45, Рис. 20; Соловьев, 2003. С. 16–24, 25; Молева, 1990. С. 126–128; Соловьев, Шепко, 2004. С. 25. Рис. 39. Табл. 1. Рис. 36, *2*, 17, *3* и др.).

В отношении оставшихся трех пунктов (не считая Тиритаки) необходимо сказать, что зафиксированные контексты разрушений на них локальны: подвал дома в Кепах[4]; небольшой участок слоя пожарища на "Центральном раскопе", перекрытый строительными остатками в Фанагории; пожар в святилище Деметры в Нимфее.

Пожар в святилище Деметры датируется автором раскопок *концом* VI в. до н.э., а никак не рубежом первой – второй четвертей V в. (Худяк, 1962. С. 47). Каких-либо следов синхронных разрушений на других участках памятника не отмечается. Едва ли поэтому можно перестройку на рубеже VI и V вв. в Нимфее связывать с экспансией скифов. Святилище претерпело разрушения и в середине V в. до н.э. в связи, по мнению М.М. Худяка (1962, С. 48, 49), с сейсмическими процессами. А вот разрушение первой половины IV в. может быть сопоставлено с общим катаклизмом, археологически зафиксированном и на акрополе Нимфея (Худяк, 1962. С. 32, 53, 56; Завойкин, 2004а). Вряд ли небольшой монетный клад (17 экз.) мелких номиналов начала V в. до н.э. (Голенко, 1974. С. 68–71) сам по себе дает сколько-нибудь весомые основания для того, чтобы предполагать нестабильность военно-политической ситуации в данный период. В.М. Скуднова (1950. С. 78) датировала этот клад, найденный в полосатом ионийском кувшинчике, исходя из контекста, последней четвертью VI в. до н.э., а Д.Б. Шелов (1951. С. 263), ошибочно (вслед за Скудновой) полагая наличие одной монеты с буквенным обозначением – началом второй четверти V в.

Предметы вооружения присутствуют только в фанагорийском комплексе (но, что характерно, в нем отсутствуют наконечники стрел).

Таким образом, "исправленная" картина получается куда бледнее той, что была представлена В.П. Толстиковым в 1984 г. Исключая показательный комплекс Тиритаки, сложно говорить о чуть ли не тотальных разрушениях боспорских поселений в данный период, тем более что в это же самое время неуклонно растет число сельских поселений, особенно на Таманском п-ове, где их численность достигает во второй четверти столетия 76, против 59 в предшествующий период (Абрамов, Паромов, 1993. С. 73, 76); вдвое увеличивается площадь Фанагории (Долгоруков, 1989. С. 41, 42; 1990. С. 30–37), никаких следов разрушений не обнаружено при раскопках Гермонассы, на V в. в целом приходится ее "расцвет" (Зеест, 1974).

С другой стороны, база источников, связанных с интересующей нас темой, за прошедшие два десятилетия существенно пополнилась. Прежде всего были открыты ранние оборонительные сооружения Порфмия, Мирмекия[5], Пантикапея (Вахтина, 1991а. С. 33–34; 1995; Вахтина, Виноградов, 2001; Виноградов, Тохтасьев, 1989. С. 27, 28; 1994); в Мирмекии жизнь за пределами линий обороны прекращается вплоть до третьей четверти V в. до н.э. (Виноградов, 1991. С. 74; Гайдукевич, 1949. С. 45; 1952б. С. 17–19; Толстиков, 2001а. С. 397, 398; б. С. 54, 55; Толстиков и др., 2003. С. 322–325; 2004. С. 352, 353); фортификация акрополя Пантикапея датируется началом второй четверти V в. Затем, новые раскопки самого В.П. Толстикова в будущей столице Боспора выявили несомненные следы разрушений военного характера. Аналогичные материалы были обнаружены в Мирмекии и Порфмии (Толстиков, 1992. С. 76, 77; 2001б. С. 46–48; Гайдукевич, 1952а. С. 85, 88; б. С. 217; Виноградов, Тохтасьев, 1989. С. 27, 28; 1994; Бутягин, 2000. С. 143, 144; Вахтина, 1995. С. 33). Возможно, новые материалы интересующего нас времени и характера найдены и на Таманском п-ове: в Патрее (в его затопленной части) обнаружены монетные "клады" (?) второй четверти V в. до н.э. (Абрамов, Болдырев, 2001. С. 143–145), а в двух горизонтах разрушений сырцовых домов (последней четверти VI и первой четверти V в. до н.э.) и яме-погребе с амфорами (последней четверти VI в. до н.э.) найдены, хотя и немногочисленные, наконечники стрел (Абрамов, 2004); аналогичная ситуация зафиксирована на соседнем поселении "Береговой 4" в слое второй четверти V в.[6].

Пожалуй, уместно упомянуть и поселение (по неясной причине оставленное без внимания В.П. Толстиковым) на мысе Тонкий, у входа в Геленджикскую бухту ("Торик"), которое было оставлено населением в первой четверти V в. до

[4] Примечательно, что в серии ям, связанных с перепланировкой конца VI – первой четверти V в. до н.э., вскрытых В.Д. Кузнецовым с уровня материка, остатки разрушений не представлены, в то время как таковые присутствуют в ранней серии ям (до третьей четверти VI в.) (Кузнецов, 1992. С. 29, 42).

[5] Помимо упоминавшихся ранее городских стен, сооруженных в первой четверти V в., – оборонительные рубежи акрополя возведенны еще в третьей четверти VI в. до н.э.

[6] Выражаю искреннюю признательность авторам раскопок А.П. Абрамову и Н.И. Судареву за информацию и любезное разрешение использовать ее еще до публикации ими материалов раскопок.

н.э. (автор раскопок датирует событие "не позднее второй четверти этого столетия", однако материалы этого периода на памятнике не представлены). Впрочем, следов насильственных разрушений на памятнике в завершающий (3-й) строительный период выявлено не было. Зато фиксируется катастрофа, – сопровождающаяся разрушениями, сильным пожаром и находками наконечников стрел (один из них найден застрявшим в стене), – на рубеже VI–V вв. до н.э., предшествовавшая финальному строительному периоду. Н.А. Онайко связывала разгром поселения с варварским нашествием, после которого население ранней апойкии произвело реконструкцию строений, но через два – три десятилетия окончательно оставило свои жилища (Онайко, 1980. С. 44, 49, 84, 94).

Названные открытия в значительной мере дезавуируют тезис В.П. Толстикова о том, что Тиритакский вал разделяет поселения, подвергшиеся разрушениям со стороны скифов (к западу от этого рубежа), и поселения, избегшие разгрома (к востоку от него)[7] – Пантикапей, Мирмекий, Порфмий, которые (исключая Мирмекий) не имели, якобы, крепостных стен. Напомню, что данный тезис в исследовании В.П. Толстикова играет весьма существенную роль: согласно его мысли, "создание (или воссоздание) тиритакского рубежа явилось первой и, вероятно, главной стратегической оборонительной мерой объединившихся ["под главенством Археанактидов". – *А.З.*] боспорских полисов перед лицом скифской угрозы" (Толстиков, 1984. С. 35). А поскольку (согласно расчетам исследователя) собственных сил у боспорских греков было недостаточно для своевременного обустройства этого заслона от набегов скифов, к строительству были привлечены синды, тоже заинтересованные в том, чтобы создать препятствие походам в их земли воинственных номадов. Это предположение беспочвенно. Исследователь ссылается на то, что "данные археологии и отрывочные свидетельства античных авторов указывают на то, что к началу V в. отношения между боспорскими эллинами и синдами прошли значительный путь развития" (Толстиков, 1984. С. 38); совершенно не ясно, о каких археологических памятниках и свидетельствах авторов идет речь? Насколько мне известно, эта гипотеза не встретила сочувствия у кого-либо, исключая С.Р. Тохтасьева (2004. С. 176. Прим. 136) и Ф.В. Шелова-Коведяева (1985. С. 76), который полагает даже, что синды помогали Археанактидам в подчинении полисов, якобы отпавших от союза.

В.П. Толстиков превосходно понимает, что хронология Тиритакского вала – вопрос более чем дискуссионный (1984. С. 32), тем не менее, опираясь на косвенные соображения о месте ранних оборонительных сооружениях Тиритаки в системе "стратегической обороны" восточно-крымских полисов, принимает раннюю и узкую (около 480 г.) датировку этого памятника фортификации. К счастью, после фундированного исследования вала А.А. Масленниковым (2003. С. 131; Ермолин, 2005. С. 171–173) в данной проблеме появились "просветы". На сегодняшний день ясно, что так называемый Тиритакский вал состоит из трех разновременных элементов: 1 – северная его часть (от Азовского моря до Кара-Обинской гряды) относится, видимо, к доколонизационной эпохе; 2 – в средней части (между Кара-Обинской и Митридатовой грядами) наблюдаются два параллельных объекта – продолжение вала доантичного времени и вал 1774 г.[8]; 3 – южная часть (не достигающая Тиритаки) – по мнению А.А. Масленникова, не ранее IV, а может быть и начала III вв. до н.э. Притом "все эти три участка не образовывали единой линии" (Масленников, 2003. С. 166, 189, 217, 218, 250). Иначе говоря, "Тиритакский вал" никаким образом не может быть соотнесен с интересующими нас событиями. И если это так, то и рассуждения В.П. Толстикова о значении данного "комплекса" фортификационных памятников в истории миграций скифов по льду от Нимфея на Таманский п-ов[9], а также в исторической специфике этого полиса ("скифский протекторат") в значительной мере обесцениваются. В.М. Зубарь справедливо акцентирует внимание на условности термина "протекторат", когда дело касается взаимоотношений оседлых и кочевнических обществ. По сути дела речь должна идти о даннических отношениях, "экзополитарной" эксплуатации, завуалированной заключением соглашений, предполагающих охрану греческих центров (в том числе от других орд номадов) или же просто обязательство оставить их в покое. Отношения эти могли иметь спорадический характер (по мере появления орды под стенами города) (Зубарь, 2003. С. 48, 49. Прим. 25; Крижицький, 2001. С. 21–35).

По мнению В.П. Толстикова (1984. С. 44–47), стабилизация обстановки на Боспоре произошла примерно в 60-е годы V в. до н.э. И яркое свидетельство этого процесса исследователь видит в строительстве на акрополе Пантикапея грандиозного храма Аполлону (Врачу) "сразу после объединения боспорских центров под главенством Археанактидов". В.П. Толстиков в вопросе датировки найденных фрагментов храма следует мнению

[7] Должен сознаться, не совсем понятно, каким образом это положение согласуется с указанными автором военными катаклизмами на азиатской стороне Боспора.

[8] Именно этот вал представлен на хрестоматийно известных фотографиях; параметры именно этого участка "обсчитывал" В.П. Толстиков.

[9] Сложно понять логику "стратегической обороны", если даже допускать, что "Тиритакский вал" отрезал скифов от северной переправы, что могло помешать кочевникам, возвращаясь с азиатского берега на европейский, воспользоваться северной переправой.

И.Р. Пичикяна (1975. С. 120–126; 1984. С. 165), который датировал постройку "первой половиной V в. до н.э. вплоть до ее середины". Эта датировка, – отвергшая мнение по данному вопросу В.Д. Блаватского (1957. С. 32), который считал, что храм Аполлону был возведен на рубеже VI и V вв., – оставалась до последнего времени незыблемой. Однако недавно А.В. Буйских авторитетно высказалась в пользу ранней датировки периптера на акрополе Пантикапея: "не позднее последней четверти VI в. до н.э." (Буйских, 2003. С. 33). И с этой точкой зрения, вроде бы, склонен теперь соглашаться В.П. Толстиков. Если же это действительно так, то храм Аполлона относится ко второй фазе II строительного периода на западном плато Пантикапея (по периодизации В.П. Толстикова), которая характеризуется монументальной застройкой с толосом и многокамерными домами центральной части города в последней четверти VI – до рубежа первой и второй четвертей V вв. до н.э. Следующий строительный период (III: вторая четверть V в., фаза 1) "характеризуется разрушением и частичной выборкой монументальных построек предшествующего периода... строительная деятельность и жизнь здесь не прекратилась – они приобрели лишь качественно иные формы: на смену монументальным зданиям вновь приходят землянки" (Толстиков, 1992. С. 71).

До последнего времени исследователь подчеркивал постепенность перехода от II периода к III, отсутствие следов катастрофы или пожара, обветшание ранних строений в течение ряда лет (Толстиков, 2001а. С. 398, 399; б. С. 54). Однако новые материалы заставили пересмотреть данное положение. "Археологические исследования на северном склоне плато близ МК II и МК III впервые выявили значительные участки слоя пожарища, образованного скоплением золы, сажи, горелого рушенного сырца, закопченой керамики, синхронного слою разрушения этих построек. Очень выразительная картина была прослежена возле западного фаса и юго-западного угла МК III. Здесь в мощном слое пожарища, на участке площадью не более 15 м^2 было найдено компактное скопление около 20 наконечников стрел, причем один из них обнаружен торчащим в шве между камнями цоколя здания, а два наконечника были найдены в развале его сырцовой стены (Табл. XVII, *4–18*)"; позднейшие фрагменты хиосских амфор из слоя пожарища датируют его второй четвертью V в. до н.э. (Толстиков и др., 2003. С. 323, 324). Именно в этот период возводятся и первые крепостные сооружения Пантикапея.

Следовательно, храм Аполлона не имеет отношения к числу свидетельств, характеризующих *последствия* объединения боспорских полисов "под властью Археанактидов" ввиду скифской опасности.

Последняя группа фактов, которая упоминается В.П. Толстиковым в связи с образованием Боспорского государства, – серебряные монеты с легендой "АПОЛ". Начало чеканки этих монет, исходя из стилистических особенностей, по мнению Д.Б. Шелова (1956. С. 28), следует относить не ранее, чем к концу второй четверти V в. до н.э. (на соответствие типа аверса "аполлонийских" относительно поздним группам пантикапейских указывал и А.Н. Зограф (1951. С. 166)). На это обстоятельство современные исследователи, к сожалению, обращали мало внимания, датируя "аполлонийские" монеты всей второй и третьей четвертями V в. до н.э.

Как мы уже видели, по хронологическим соображениям эта чеканка не может быть сопоставлена с расходами на строительство храма Аполлона. Это невозможно даже в том случае, если вслед за некоторыми исследователями (Дюков, 1975; Анохин, 1986; Борисова, Молев, 2002; Терещенко, 2004) считать "храмовыми" монеты с двумя буквами – "АП" (вместо "ПА"). Вместе с тем эти эмиссии (не исключено даже приведшие к временной приостановке собственной чеканки Пантикапея, на монетном дворе которого, по мнению Н.А. Фроловой (1995. С. 206, 207; 1996. С. 60), они были выпущены) остаются нашим единственным свидетельством объединения под эгидой Аполлона усилий ряда боспорских полисов, во главе которых, очевидно, стоял Пантикапей, в котором с 480/79 г. правили Археанактиды (Diod. XII. 31, 1). Независимо от того, какой интерпретации данных монет придерживаться (храмовая чеканка, монетный союз, религиозная амфиктиония и симмахия), их характер и хронология указывают на то, что вплоть до третьей четверти V века[10] (т.е. довольно короткий промежуток времени)[11] ни о каком централизованном государстве еще говорить не приходится, если даже бездоказательно допускать, что Археанактиды, будучи "стратегами-автократорами" в союзе боспорских полисов, постепенно начали прибирать к рукам власть в союзных органах, если таковые были. Определить список этих полисов у нас нет никаких оснований: это могут быть и только милетские колонии, и только полисы Европейского Боспора, и почти все эллинские колонии на обоих берегах пролива. Учитывая, что монеты с АПОЛ (в предложенной Ю.Г. Виноградовым интерпретации) остаются единственным "свидетельством" самого существования союза, вряд ли можно утверждать, что данная гипотеза обладает доказательной силой. Она скорее способствова-

[10] Для Д.Б Шелова (1956. С. 30) *terminus ante quem* – пантикапейские выпуски с "головой барана" на реверсе (что, впрочем, не бесспорно).

[11] Очень ценен вывод Н.А. Фроловой о кратковременности, но интенсивности "аполлонийского" чекана (Фролова, 1988. С. 132; 1992. С. 208; 1995. С. 207): четыре типа в 2-х сериях.

ла выявлению того простого факта, что до сих пор не найдено сколько-нибудь убедительное объяснение данного феномена боспорской нумизматики. Во всяком случае, принимая во внимание характеристику самой чеканки (типология, система номиналов, ее объемы), хронологию и топографию находок (преобладание на Таманском п-ове по отношению к пантикапейским), вряд ли можно без натяжек признать убедительным толкование этих монет как "храмовых" (критику см.: Фролова, 1988; 1992), так и "союзных" (критику см.: Анохин, 1986; 1999).

Принимая в целом гипотезу об объединительных тенденциях в политической и экономической жизни Боспора во второй – третьей четвертях V в. до н.э. (стимулируемых, видимо, не в последнюю очередь, обострением военно-политической ситуации в регионе), не нахожу никаких оснований для того, чтобы рассматривать власть пантикапейских тиранов – Археанактидов как монархию, простирающуюся едва ли не на весь Боспор, хотя правители самого сильного в регионе полиса, видимо, играли в этот нестабильный период важнейшую роль в борьбе с внешней угрозой.

Очень симптоматично мнение И.Т. Кругликовой, так характеризующей историю сельской территории в интересующий нас период: "Объединение боспорских городов в единое государство под властью Археанактидов *не могло* не отразиться на положении сельского населения. Создание единой границы и укрепление обороноспособности *должно было* способствовать увеличению числа сельских поселений. Но самые серьезные изменения размеров и статуса сельскохозяйственной территории происходят в *конце V и первой половине IV в. до н.э.*, когда в Боспорском государстве укрепилась династия Спартокидов" (Кругликова, 1975. С. 30, 31).

Вся история античного общества свидетельствует, что, помимо синойкизма, существовал только один путь объединения полисов, а именно завоевание сильнейшим слабейшего (разного рода добровольные объединения, как правило обусловленные серьезной внешней угрозой, всегда были недолговечны или вскоре становились "добровольными" только по видимости). Но этот этап консолидации Боспора начинается значительно позднее того периода, который характеризуется археологическими памятниками как "нестабильный". И во главе этого процесса становятся представители уже другой династии пантикапейских тиранов (притом, не самые первые из них) (Васильев, 1992. С. 124, 125).

Подведем итоги нашему, по необходимости краткому очерку. Из всех положений, высказанных два десятилетия назад В.П. Толстиковым, сохраняет свою силу тезис о фиксируемых археологически разрушениях на ряде поселений как Европейского, так, видимо, и Азиатского Боспора. Однако хронологические рамки "конфликтной ситуации", вероятно, следует расширить до последней четверти VI в., а может быть даже до третьей его четверти (укрепления акрополя Мирмекия, следы разрушений в ямах на городище Кеп). Это обстоятельство подрывает распространенное представление, будто в течение всего первого с момента колонизации века обстановка в регионе была исключительно мирной (Виноградов, 2002. С. 13). Кроме того, это же заставляет отказаться от мысли о единственном факторе военно-политической напряженности в регионе – "скифской экспансии". В то же время следует подчеркнуть и то, что пик военно-политической напряженности приходится, видимо, примерно на рубеж первой – второй четвертей V в. до н.э.

Здесь уместно сделать маленькое отступление относительно исходного тезиса рассмотренной концепции. В последние полтора десятилетия взгляды исследователей на историю Скифии конца VI – начала V в. до н.э. претерпели значительную эволюцию: "Имеющиеся археологические материалы вообще не дают оснований говорить о существовании в V в. до н.э. единого скифского государства" (Виноградов, 2002. С. 15). Ю.А. Виноградов обращает особое внимание на отсутствие в это столетие в северопричерноморских степях курганов "царского" ранга (и относительно мало элитных), вплоть до конца V в. (курган Солоха). Вслед за А.Ю. Алексеевым (1992. С. 109–113, 165) автор связывает фиксируемые перемены в облике скифской культуры в последней трети VI – первой четверти V в. до н.э. и дестабилизацию обстановки в регионе с появлением здесь "скифов царских" (*сколотов*), которые начали "завоевание новой родины" (Виноградов, 2001. С. 124, 125; 2002. С. 15–17; Масленников, 2001б. С. 315). Возможно, в этой же связи необходимо рассматривать и появление на рубеже VI–V вв. до н.э. в Восточном Крыму (в Приазовье и у южной части пролива) населения, оставившего погребения в "каменных ящиках" (Масленников, 1995. С. 61), вероятно, связанного с автохтонным населением предгорий Крыма (см.: Колотухин, 2000. С. 69–71; Храпунов, 2004. С. 15–17).

Показательно, что скифские подкурганные погребения на Таманском полуострове (если не принимать во внимание архаическую могилу на лимане Цокур) появляются вблизи городов и крупных населенных пунктов не раньше второй половины V в. до н.э. (Паромов, 2000. С. 72–75)[12].

[12] Автор приводит короткий перечень (10) "скифских" погребений VI–IV вв. до н.э. на Тамани (второй четверти VI в. – 1; V в. – 1; второй половины V в. – 3; V–IV вв. – 1; первой половины/середины IV в. – 3; IV в. – 1). Не совсем уверен, что все эти воинские погребения следует относить к скифам.

Уже неоднократно указывалось (Абрамов, Паромов, 1993. С. 78, 79) на необычайно контрастную картину в освоении сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора (при всех возможных оговорках, численность поселений на Таманском п-ове во много раз превышает синхронные памятники в Восточном Крыму). Представляется более чем простой вероятностью взаимосвязь этого факта с тем, что уже ко второй четверти V в. четыре города в Восточном Крыму имели крепостные стены (компактно расположенные Мирмекий, Порфмий, Пантикапей, Тиритака)[13], в то время как ни на одном городище Таманского п-ова пока не обнаружено фортификационных систем того же времени.

Ю.А. Виноградов (2002. С. 13), как и некоторые другие исследователи, говорит об "остатках оборонительных сооружений" в Синдской Гавани, ссылаясь на работы Е.М. Алексеевой (1990; 1991; 1997). Это заблуждение. Никаких оборонительных построек древнее поселение, предшествующее Горгиппии, не знало (во всяком случае они не были обнаружены), если таковыми не считать "канаву" (без вала; "древесно-плетневая конструкция" на ее крае лишь предполагается), обнаруженную на окраине (?) поселения. Е.М. Алексеева (2003. С. 18, 19. Табл. 1) относит эту "канаву", как и две "полуземлянки", к I строительному периоду (конец VI – первая четверть V в. до н.э.) и считает ее наиболее ранним оборонительным сооружением. Постройки эти погибли в пожаре, канава была засыпана. Материал из засыпи датируется концом VI – "началом" [второй четвертью. – *А.З.*] V в. до н.э. Во II строительный период ("начало" – [вторая четверть. – *А.З.*] V в. до н. э.) остатки полуземлянок перекрыты полами дома 1, а в створе засыпанного рва открыты остатки постройки 11.

Аналогичная система, возможно, прослежена в Патрее (городище у пос. Гаркуша), где в зачистке берегового обрыва выявлен ров, отрезавший ранее (Западное) поселение, располагавшееся на мысу, ограниченном с востока неглубокой балкой (водотоком), а с юга – водами Таманского залива. Керамика из заполнения "рва" от датируемой третьей четверти VI до IV – начала III вв. до н.э. (т.е. соответствует хронологии данной части городища в целом). Автор раскопок приводит серию аналогичных объектов на памятниках Таманского п-ова, ни один из которых, к сожалению, не был исследован раскопками (Абрамов, 2000. С. 7, 8. Рис. 1). Следовательно, мы не имеем оснований предлагать сколько-нибудь узкой датировки Патрейского "рва". К сожалению, верхние слои интересующего нас участка городища были уничтожены карьером кирпичного завода, так что топографически интересующий нас объект совершенно не выражен. Более того, я бы не исключал полностью вероятности, что мы имеем дело не с рукотворным сооружением, а с заполненной еще в древности "старицей" водотока, берущего начала на южном склоне г. Горелой, или – устьем соседнего древнего водотока.

Сохраняет свое значение еще одно важное положение, высказанное В.П. Толстиковым уже в последующих работах (публикуемых по мере того, как раскопками были выявлены новые синхронные комплексы центральной части Пантикапея), – взаимосвязь "перестройки" в будущей столице Боспора на грани II и III ее строительных периодов с приходом к власти Археанактидов. Видимо, следует согласиться с автором раскопок, что чрезвычайные военно-политические обстоятельства, сложившиеся ("вызревшие") в конце первой четверти V в. до н.э., стали причиной того, что к власти в сильнейшем полисе Боспора приходят Археанактиды. Кризисные ситуации всегда создавали питательную среду для становления тираний. Этой же тирании суждено было сыграть роль "зародыша" (ядра) территориального монархического государства, в котором реализовались тенденции к объединению боспорского эллинства, обусловленному комплексом исторических причин.

Работа выполнена в рамках проекта "Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия и Боспор (опыт сравнительного изучении)" – РГНФ (код – 05-01-91111а.Укр.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., Масленников А.А. Амфоры V в. до н.э. из раскопок поселения на мысе Зюк // СА. 1991. № 3.

Абрамов А.П., Масленников А.А., Розов В.Н. Керамический комплекс рубежа V–IV вв. до н.э. с городища на мысе Зюк // КСИА. 1993. Вып. 207.

Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. № 2.

Абрамов А.П. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. Материалы исследования. Вып. 1. М., 2000.

Абрамов А.П. История исследования Патрея // Патрей. Материалы исследования. Вып. 2. М., 2004.

Абрамов А.П., Болдырев С.И. "Клады" 1998 г. из Патрея // БФ. Ч. I. СПб., 2001.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992.

Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н. э.) // КСИА. 1990. Вып. 197.

Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.

Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.

Алексеева Е.М. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ДБ. 2003. Т. 6.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.

[13] Примечательно, что первые оборонительные стены Керкинитиды сооружаются в 70–60-е годы V в. до н.э., что ставится В.М. Зубарем (2003. С. 47. Рис. 1) во взаимосвязь с появлением в Северо-Западной Таврике на рубеже VI–V вв. до н.э. кочевой скифской орды.

Блаватский В.Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 гг. и 1952–1953 гг. // МИА. 1957. № 56 .

Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.

Борисова В.С., Молев Е.А. Монеты с легендой АПОЛ и политическая история Боспора // Μνημα. Сб. статей памяти В.Д. Жигунина. Казань, 2002.

Буйских А.В. О коллекции античных архитектурных деталей из собрания Керченского лапидария // Боспор Киммерийский и варварский мир. Матер. IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.

Бутягин А.М. Мирмекий в период архаики // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000.

Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.

Вахтина М.Ю. "Скифский путь" в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Межвуз. сб. Белгород; Воронеж, 1991а.

Вахтина М.Ю. Некоторые итоги исследования древнейших слоев городища Порфмий в Восточном Крыму 1986–1990 г. // Древние культуры и археологические изыскания. Матер. к пленуму ИИМК. СПб., 1991б.

Вахтина М.Ю. О древнейших сооружениях античного Порфмия // Фортификация в древности и средневековье. Матер. методич. семинара ИИМК. СПб., 1995.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. Ч. I. СПб., 2001.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4.

Виноградов Ю.А. Исследования на западной окраине Мирмекия // КСИА. 1991. Вып. 204.

Виноградов Ю.А. Две Скифии и скифы царские // БФ. Ч. II. СПб., 2001.

Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. 2001б. № 4.

Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2002.

Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия (предварительные итоги исследования) // Проблемы исследований античных городов. Тез. докл. III чтений памяти В.Д. Блаватского. М., 1989.

Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1.

Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952а. № 25.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952б. № 25.

Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974. Т. XI.

Горончаровский В.А. Новые данные для изучения боспорской хоры VI–II вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф. Одесса, 1991.

Григорьев Д.В. К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э. // ПИФК. 1998. Вып. 5.

Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Проблемы исследований античных городов. Тез. докл. III чтений памяти В.Д. Блаватского. М., 1989.

Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА.1990. Вып. 197.

Дюков Ю.Л. О монетах с изображением львиной головы и надписью АПОЛ // ВДИ. 1975. № 4.

Ермолин А.Л. Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС (Второй Змеиный курган) – ТЭЦ (Тиритака) // ДБ. 2005. Т. 8.

Завойкин А.А. Киммерида – полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. Т. 4. Ч. 1. М.; Магнитогорск, 1997.

Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам "Южного города" // ДБ. Supplementum I. М., 2004.

Завойкин А.А. "Время Клеофона фасосского" на Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Матер. V Боспорских чтений. Керчь, 2004а.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.

Зеест И.Б. Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4.

Зинько В.Н. Хора Нимфея (VI–III вв. до н.э.) // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице. Матер. международной конф. Керчь, 2000.

Зинько В.Н. Становление Нимфейского полиса // БФ. Ч. I. СПб., 2001.

Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея // БИ. 2003. Вып. IV.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.

Зубарь В.М. Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI–III в. до н.э. // ПИФК. 2003. Вып. XIII.

Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы степного Крыма. Симферополь, 2000.

Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА. 1958. № 85.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Кругликова И.Т. Поселение Андреевка Южная // ДБ. 2001. Т. 4.

Кругликова И.Т. Южно-Чурубашское поселение // ДБ. 2002. Т. 5.

Крижицький С.Д. Ольвія і скіфи у V ст. до н.е. До питання про скіфський "протекторат" // Археологія. 2001. № 2.

Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепах 1984–1989 гг. // ОАИБ. М., 1992.

Лурье С.Я. Геродот. М.; Л., 1947.

Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // ОАИБ. М., 1992.

Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // БС. 1995. № 8.

Масленников А.А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. Вып. III. Ч. 1.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.

Масленников А.А. Греки и варвары на границах Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГВЕ за 1996–97 гг. М., 1999.

Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора. (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. 2001а. Вып. I.

Масленников А.А. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 2001б. Т. 4.

Масленников А.А. Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.

Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород, 1997.

Молев Е.А. Греко-персидский конфликт в конце VI – начале V в. до н.э. и процесс формирования государственной системы Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Матер. VI Боспорских чтений. Керчь, 2005.

Молева Н.В. Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму // АМА. 1990. Вып. 7.

Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.

Паромов Я.М. Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000.

Пичикян И.Р. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э. // ВДИ. 1975. № 1.

Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984.

Скуднова В.М. Два клада монет из Нимфея // ВДИ. 1950. № 4.

Соловьев С.Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003.

Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. Архаические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. СПб., 2004.

Терещенко А.Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.

Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // ОАИБ. М., 1992.

Толстиков В.П. Ранний Пантикапей в свете археологических исследований // ДБ. 2001а. Т. 4.

Толстиков В.П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспоро-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // БФ. Ч. I. СПб., 2001б.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V веков до н.э. // ДБ. 2003. Т. 6.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. 2004. Т. 7.

Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.

Фролова Н.А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. (По поводу выхода книги В.А. Анохина "Монетное дело Боспора". Киев, 1986) // ВДИ. 1988. № 2.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – IV в. н.э. в свете новых исследований // ОАИБ. М., 1992.

Фролова Н.А. О проблеме чеканки монет с надписью АПОЛ // БС. 1995. № 6.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. // РА. 1996. № 2.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI.

Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. Т. XVI.

Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III веков до н.э. Л., 1962.

Шелов Д.Б. К публикации двух кладов из Нимфея // ВДИ. 1951. № 1.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // ДГ СССР за 1984. М., 1985.

Vinogradov Yu.G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. J. Chr. // Chiron. 1980. № 10.

The crisis of the first half of the 5th c. B.C. and the formation of the Bosporos State

A. A. Zavoikin

Summary

The author gives a critical analysis of the study carried out by V.P. Tolstikov (1984), who undertook an attempt, based mainly on archeological sources, to corroborate the concept of the formation of the unified Bosporos State suggested by Yu.G. Vinogradov (1980, 1983). They are of the opinion that it was the threat on the part of the Scythians at the end of the 6th – first quarter of the 5th cc. B.C. that induced the Bosporos poleis to unite. It was the material traces of Scythian aggression and Hellenic defense measures that V.P. Tolstikov attempted to identify. The author of the present article aimed at detailed analysis of the sources used by his predecessor and maximal usage of new data obtained in the course of excavations during the last two decades, and also of research on new groups of materials, which allows to significantly modify the conclusions reached by V.P. Tolstikov. Though we accept the thesis that external threats might have stimulated the consolidation of the Bosporos poleis, we should reject the idea that the Tiritaka wall (not earlier than the 4th c. B.C.), the temple of Apollo Iatros on the Acropolis in Pantikapaion (last quarter of the 6th c. B.C.) and the minting of coins bearing the legend АПОЛ (middle to the third quarter of the 5th c. B.C.) are in any way related to the formation of the Bosporos State, much less to the Archeanactides' rise to power in 489/79 mentioned by Diodorus (Diod. XII. 31, 1). At the same time, the aggravated politico-military situation in the region between the first and second quarters of the 5th c. B.C. must have brought about the coup in Pantikapaion (fortifications and wreckage on the Acropolis). The tyranny in Pantikapaion (under the Spartocides) played a decisive role in the unification of Bosporos Greeks on either bank of the Cimmerian Bosporos.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 112–114

К ВОПРОСУ ДАТИРОВАНИЯ ОДНОЙ ГРУППЫ ХИОССКИХ АМФОР (ПО МАТЕРИАЛАМ ГРЕЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ ПИЧВНАРИ V В. ДО Н.Э.)

© 2006 г. А. Ю. Кахидзе, М. С. Халваши

Батумский археологический музей, Грузия

Окрестности Пичвнари (рис. 1), одного из важнейших городских центров Восточного Причерноморья античного периода, были заселены с каменного века. Находки с поселения Испани, расположенного в 2.5 км от Пичвнари, свидетельствуют, что интенсивное освоение Колхидской низменности началось с эпохи энеолита – ранней бронзы. В конце эпохи средней бронзы население Испани (из-за заболоченности местности) переселилось в устье рек Чолоки–Очхамури, в частности на территорию современного Пичвнари. В эпоху поздней бронзы – раннего железа Пичвнарское поселение стало одним из мощных очагов колхидской культуры, который сыграл огромную роль в возникновении Колхидского царства, развитии городской жизни и международных отношений с античным миром. Пичвнарское поселение городского типа VI–II вв. до н.э. охватывало территорию почти 100 га. Обнаружены колхидский могильник V в. до н.э. (347 погребений), греческий некрополь V в. до н.э. (273 погребения) и IV в. до н.э. (90 погребений), эпохи эллинизма (212 погребений) и IV–V вв. н.э. (Кахидзе, 1971; 1981; Кахидзе, Викерс, 2004).

Особенный интерес вызывает Пичвнарский греческий некрополь классической эпохи. Это пока единственный могильник в Восточном Причерноморье и Закавказье в целом, непосредственно связанный с эллинским этносом. Прекрасная сохранность исследуемых погребений и ритуальных площадок позволяет точно определить обряд захоронения, типы погребений и хронологические рамки сопровождавшего погребения инвентаря.

Наряду с разнообразными находками (греческие расписные вазы, образцы торевтики и ювелирного искусства, предметы, связанные с палестрой, стеклянная посуда, терракоты, монеты, украшения и т.д.) на тризнах и в отдельных погребениях обнаружено множество амфор из разных производственных центров. В представленной публикации дается новая датировка поздних пухлогорлых хиосских амфор по данным Пичвнарского греческого некрополя V в. до н.э.

Продукция острова Хиос рано распространяется на Черноморском побережье Грузии. Обнаруженные на территории Батумской крепости хиосские амфоры, покрытые белым ангобом, по структуре глины, технологии изготовления, росписи и многочисленным аналогам датируются концом VII и началом VI в. до н.э. Сравнительно интенсивный характер импорт хиосской продукции получает с конца VI в. до н.э. и особенно в первой пол. V в. до н.э.

Как известно, в последней четверти VI в. до н.э. происходят резкие изменения в производстве хиосских амфор. Они уже имеют яйцевидную форму, дно цилиндрическое, горло низкое и выпуклое. Наряду с выпуклым горлом характерной особенностью является оформление черными и красными полосками лака и крестообразными изображениями (Абрамов, 1993. С. 27; Брашинский, 1980. С. 96; 1984. С. 16). Этот вид амфор И.Б. Брашинский считает ранними образцами пухлогорлых хиосских амфор и, опираясь на афинские материалы, делает вывод об их появлении в конце VI в. до н.э. и использовании в 1-й четверти V в. до н.э. (1980. С. 96). Р. Кук и П. Дюпон нижней датой существования пухлогорлых амфор указывают 480–470 гг. до н.э. (Cook, Dupont, 2002. С. 149). На примере материалов из Пичвнари видно, что даже во 2-й четверти V в. до н.э. форма хиосских амфор остается неизменной, но на поверхности уже нет росписи (рис. 2, *1*). В это время получает распространение второй вариант, у которого горло выпуклое лишь в верхней части (рис. 2, *2*). Различна также конфигурация дна – сложнопрофилированное, морфологически похожее на дно поздних амфор с прямым горлом. По классификации С.Ю. Монахова, А.П. Абрамова и И.Б. Брашинского, этот тип появляется в 3-й четверти V в. до н.э. (Абрамов, 1993. С. 27; Брашинский, 1980. С. 16; Монахов, 1999. С. 144, 145). В Елизаветском могильнике рядом с подобными амфорами была обнаружена панафинейская амфора 430–425 гг. до н.э. На основании этого С.Ю. Монахов нижней датой для амфор второго варианта считает как минимум середину 20-х годов V в. до н.э. (1999. С. 145. Табл. 49, *1*). Указывается на их сосуществование с амфорами с прямым горлом (Брашинский, 1980. С. 16). По итогам раскопок, проведенных в юго-западной части Коринфского форума, Г. Матингли

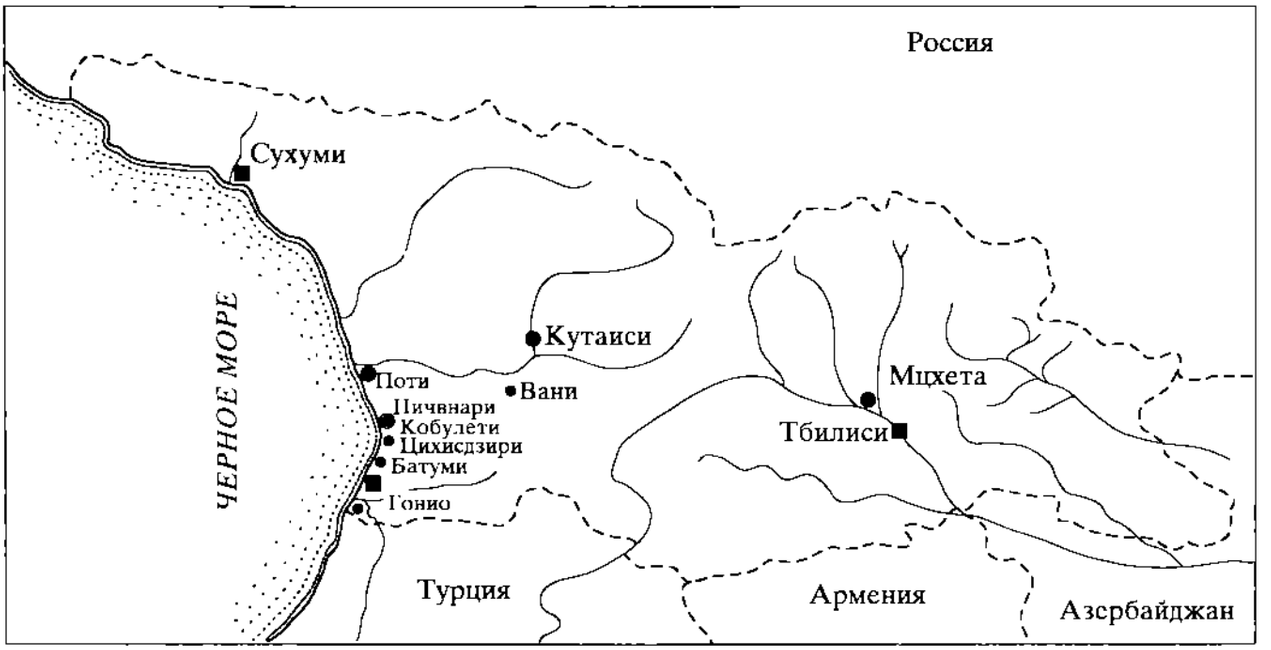


Рис. 1. Карта Грузии.

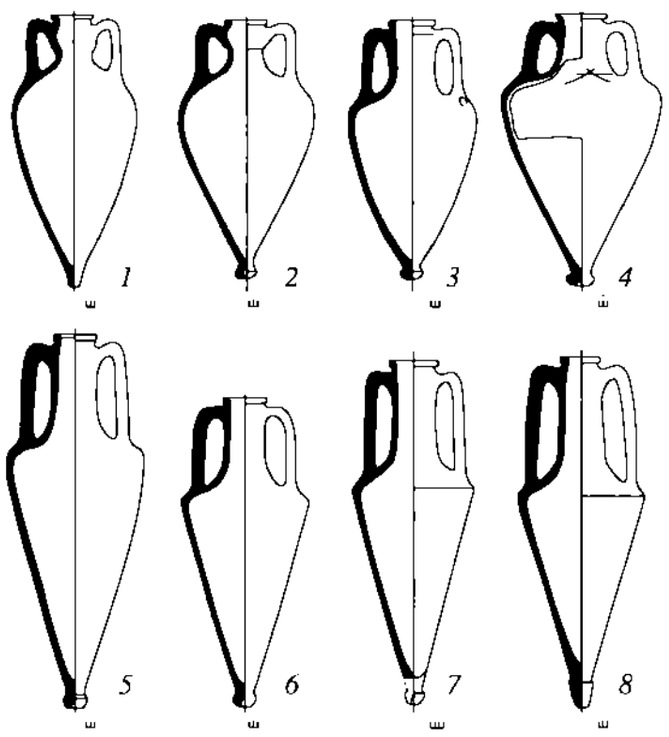


Рис. 2. Хиосские амфоры V–IV вв. до н.э. из Пичвнари.

отмечает, что пухлогорлые хиосские амфоры окончательно выходят из употребления в 430 г. и полностью замещаются амфорами с прямым горлом (Mattingly, 1981. С. 78, 79).

Другая картина наблюдается по материалам из Пичвнари: в датированных 3-й четвертью V в. до н.э. погребениях греческого некрополя пухлогорлые хиосские амфоры не найдены вообще, а амфоры с прямым горлом представлены 25 экземплярами. Середина и особенно 3-я четверть V в. до н.э. является периодом расцвета греческого поселения Пичвнари. Закономерно считать, что наряду с амфорами с прямым горлом в Пичвнари могли завезти и подобного рода продукцию, если она производилась. Следует также учесть приоритетную роль Хиоса для Колхиды и конкретно Пичвнари. Мы делаем выводы, что с середины V в. до н.э. резко ограничивается или вовсе прекращается изготов-

ление амфор подобного типа. Налицо существование совершенно новой формы хиосских амфор. Интересно и то, что уже во 2-й четверти V в. до н.э. появляется тип хиосских амфор с горлом и дном, отличающимся от второго варианта. В этом отношении особо следует отметить (Монахов, 1999. С. 53. Карт. 129) найденную на жертвенной площади греческого некрополя 2-й четверти V в. до н.э. амфору высотой 0.63 м, у которой цилиндрическое прямое горло, почти конусообразное и профилированное, отделенное от тулова дно с выемкой (рис. 2, *3*). Аналогичная амфора обнаружена в Северном Причерноморье (Брашинский, 1984. С. 99. Табл. X, *2*).

Как мы можем наблюдать, постепенно исчезают черты, характерные для ранних форм хиосских амфор. Появляется новый вид, который уже к началу 3-й четверти V в. до н.э. принимает совершенную форму.

По Пичвнарским комплексам видно, что к середине V в. до н.э. прекращается производство пухлогорлых амфор. Во 2-й четверти V в. до н.э. появляется новый вид керамической тары данного центра, который можно считать переходной формой между хиосскими амфорами с выпуклым и прямым горлом. Во второй пол. V и IV в. до н.э. изготовлялись только амфоры с прямым горлом (рис. 2, *4–8*). Думаем, что обнаружение пухлогорлых амфор в комплексах этого периода (вторая пол. V в. до н.э.) можно объяснить только случайностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. № 3. М., 1993.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.

Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984.

Кахидзе А.Ю. Античные города Причерноморья Грузии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).

Кахидзе А.Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (Колхские могильники). Батуми, 1981.

Кахидзе А.Ю. Викерс М. Пичвнари I. Греки и колхи на Восточном Причерноморье. Батуми; Оксфорд, 2004 (на груз. и англ. яз.).

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье, комплексы керамической тары. Саратов, 1999.

Cook R.M., Dupont P. Archaic East Trade Amphoras. East Greek Pottery. L., 2002.

Mattingly H.B. Coins and amphoras Chios, Samos in the Fifth Century BC // The J. of Hellenic Studies. 1981. V. CI.

On the question of dating a group of Chios amphorae (based on materials from the Greek necropolis of Pichvnari of the 5th c. B.C.)

A. Yu. Kakhidze, M. S. Halvashi

Summary

The article gives new dating for late convex-throat amphorae based on the material of the Pichvnari Greek necropolis of the 5th c. B.C. It has been noted that production of amphorae of this type was stopped in the middle of the 5th c. B.C. In the second quarter of the 5th c. B.C. a new type of Chios amphorae appears, which could be considered as a transitional form between Chios amphorae with convex and straight throats. In the second half of the 5th c. B.C. only straight-throat amphorae were manufactured. The discovery of convex-throat amphorae in complexes of this period may only be explained as accidental.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 115–118

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ЖАРОВНЯ ИЗ ГАЙМАНОВОЙ МОГИЛЫ (К ВОПРОСУ О СКИФО-МАКЕДОНСКИХ КОНТАКТАХ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ IV В. ДО Н.Э.)

© 2006 г. М. Ю. Трейстер

Институт классической археологии, Свободный Университет, Берлин

Один из наиболее известных скифских царских курганов, Гайманова Могила у с. Балки, открытый раскопками Института археологии Украины под руководством В.И. Бидзили в 1969–1970 гг. (1971. С. 44–56; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 142–146) до сих пор монографически не издан. В настоящее время С.В. Полин готовит его публикацию. По предложению С.В. Полина, я обрабатываю металлические сосуды из Гаймановой Могилы, и представленная публикация является частью этой работы[1].

В северной стенке Северной могилы Гаймановой Могилы размешалась обширная ниша с кухонным инвентарем. В ней были найдены большой и малый бронзовые котлы, ситула, двуручная железная жаровня, четыре амфоры, бронзовое блюдо-жаровня, на котором лежали килик, ойнохоя, цедилка, ажурный черпак и железные пружинные щипцы для углей (рис. 1). В передней части ниши лежал скелет "воина-стража" с оружием (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 145)[2]. Амфоры из Северной могилы Гаймановой могилы датируются в пределах 30-х годов IV в. до н.э., а комплекс относится вероятнее всего к середине 330-х годов до н.э. (Монахов, 1999. С. 387–389. Табл. 172, 173; 2003. С. 69, 99. Табл. 45, *1*; 69, *5*; 70, *1*, *2*).

Публикуемая бронзовая жаровня состоит из двух частей, соединеных в горизонтальной плоскости днищами по кругу (в пределах углубленной центральной части) шестью большими заклепками с круглыми головками и четырьмя заклепками меньшего размера, расположенными в центральной части. Верхняя часть жаровни имеет форму плоского круглого блюда с углубленной центральной частью с плоским горизонтальным дном, по краю верхней части которого имеется невысокий вертикальный бортик с горизонтальным срезом. По двум сторонам в верхней части жаровни снизу двумя заклепками каждая приклепаны массивные атташи вытянутой трапециевидной формы, заканчивающиеся с внешней стороны расположенными по вертикальной оси петлями, в которые вставлялись концы горизонтальных подвижных ручек. Ручки образованы железными крючками с заостренной частью, обращенной к центру, на которых фиксировались деревянные ручки. Нижняя часть жаровни изготовлена из массивного бронзового листа в форме срезанного конуса и преклепана к верхней части[3] (рис. 2, *1*, *2*).

Находки подобных жаровен в скифских курганах до сих пор не известны, чрезвычайно редки они и за пределами Северного Причерноморья. Ближайшими параллелями являются бронзовые жаровни-эсхары (εσχάρα) из Олинфа на полуострове Халкидика и Пеллы в Македонии.

1. Жаровня из Олинфа была найдена в доме A XI 10 под уровнем пола и предположительно была спрятана владельцем непосредственно перед захватом города Филиппом Македонским в 348 г. до н.э. Д.М. Робинсон датирует жаровню первой половиной IV в. до н.э. (Robinson, 1941. P. 181. № 570, *a–c*. Pls. XXXVII–XXXVIII; Cahill, 2002. P. 49).

Жаровня образована подставкой высокой конической формы со срезанной вершиной с отогнутым наружу нижним краем (ширина около 1.5 см), свернутой из кованого бронзового листа и приклепанного шестью заклепками с крупными круглыми головками (диаметр около 2.2 см) к ее верхней части. Блюдо жаровни с углублением в центре, имеет дно с небольшим уклоном к центру и почти вертикальным слегка наклоненным наружу бортиком с горзонтально срезанным венчиком. Расположенные на равном расстоянии друг от друга четыре кованые вертикальные подставки-стержни

[1] Автор выражает искреннюю признательность за возможность работы с материалами из Гаймановой Могилы С.В. Полину (Институт археологии НАН Украины), Л.В. Строковой и Е.И. Подвысоцкой (Музей исторических драгоценностей Украины, Киев), а также сотрудникам археологических музеев Полигироса и Пеллы (Македония) за возможность ознакомиться с жаровнями из Олинфа и Пеллы.

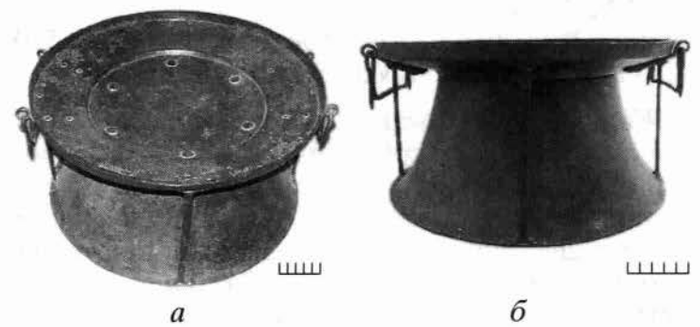
[2] См. фотографию: Charrière, 1974. Abb. 348; Rolle, 1989. S. 111 Abb. 83. См. акварель Г.С. Ковпаненко: Мозолевський, 1983. С. 122. Табл. 97; см. котел: Kat. Schleswig, 1991. Nr. 119.

[3] Диаметр ее верхней поверхности – 55.0 см; центрального углубления – 30.0 см; глубина – 1.9 см. в центре, 0.7 см – у края. Жаровня деформирована, высота ее со стороны одной из ручек 19 см, с другой стороны – 12 см. Атташи для крепления ручек: длина 14 см, толщина 1.2 см, ширина 4.7–7.1 см, диаметр отверстия 2.7 см.

Рис. 1. Ниша в северной стенке Северной Могилы кургана Гайманова Могила (фото: Rolle, 1989. S. 111. Abb. 83).

1 *2*

Рис. 2. *1* – бронзовая жаровня из Гаймановой Могилы. Рисунок (Институт археологии НАН Украины), прорисовка; *2* – фото.



а *б*

Рис. 3 (*а, б*). Бронзовая жаровня из Олинфа. Полигирос, Археологический музей. Фото М.Ю. Трейстера.

прямоугольного сечения 1.5 × 0.7 см соединяют слегка отогнутый наружу нижний край подставки с краем верхнего блюда жаровни, обеспечивая стабильность конструкции. В верхней и нижней своих частях стержни раздваиваются, образуя по два уплощенных атташа подпрямоугольной формы со скругленными углами, каждый из которых соединен с жаровней при помощи небольшой заклепки с круглой головкой (диаметр 0.6–0.7 см): головки приклепаны к основанию и снизу к расширяющемуся отогнутому верхнему краю жаровни. По двум сторонам в верхней части жаровни снизу двумя заклепками (диаметр 0.9–1.0 см) каждая приклепаны массивные атташи вытянутой трапециевидной формы, заканчивающиеся с внешней стороны расположенными по вертикальной оси петлями, в которые вставлены концы горизонтальных слегка прогнутых подвижных ручек с длинными крючками[4] (рис. 3, *а, б*).

2. Аналогичная, но несколько меньших размеров жаровня была найдена в раскопках юго-западной части Пеллы 1914 г. Контекст находки не позволяет датировать ее (Oikonomos, 1914. S. 144. Fig. 11; Siganidou, Lilimpaki-Akamati, 1996. P. 37)[5]. В отличие от жаровен из Олинфа и Гаймановой Могилы, конструктивно жаровня из Пеллы была выполнена несколько иначе – без использования вертикальных столбиков. Ручка жаровни имеет длину около 10 см и она выполнена из прута ромбовидного сечения, при этом атташи ручек напоминают по форме атташи ручек жаровен из Олинфа и Гаймановой Могилы. В центральной части имеется не шесть, а четыре заклепки: одна – в центре, три – на равном расстоянии по окружности; диаметр заклепок 1.5–2.0 см (рис. 4).

Сравнение с жаровнями из Македонии с очевидностью показывает, что жаровня из Гаймановой Могилы была изготовлена в той же технике и отличается аналогичными конструктивными деталями исполнения. Расположение, форма и размер заклепок жаровни из Гаймановой Могилы соответствуют заклепкам жаровни из Олинфа. Практически не вызывает сомнения, что жаровня из Гаймановой Могилы была изготовлена в мастерской Халкидики или, шире, Македонии. Вместе с тем бросается в глаза тот факт, что у жаровни из Гаймановой Могилы отсутствуют вертикальные стержни опоры, имеющиеся у жаровни из Олинфа, хотя они безусловно изначально были, о чем свидетельствуют отверстия для заклепок у основания конической подставки и в верхней части. Композитные ручки жаровни из Гаймановой Могилы являются вероятнее всего результатом ее починки мастером-кустарем.

Предполагаемое нами македонское происхождение жаровни из Гаймановой Могилы находит косвенное подтверждение при анализе других бронзовых сосудов, обнаруженных вместе с жа-

[4] Высоты 34.5 см; верхний диаметр 66.3 см; диаметр центрального углубления 39.0 см; ширина ручек 23 см; высота края 2.7 см, ширина 0.7 см (Полигирос, Археологический музей).

[5] Высота 20 см; верхний диаметр 46 см; диаметр центрального углубления 26 см. Горизонтальный отогнутый край имеет ширину около 1.0 см. Центральная часть заглублена примерно на 1.0 см.

ровней в северной нише Северной могилы. Среди них отметим бронзовую ойнохою с биконическим туловом (рис. 5) (Cat. Paris, 1975. P. 157. № 75), находящую параллели как среди находок второй половины IV – начала III в. до н.э. из Северного Причерноморья (три экземпляра), так и с территории Македонии и Фракии (по шесть находок) и из гетского некрополя Зимнице в Румынии (Treister, 2003. P. 64–66). Привлекает внимание также ситула в форме калафа (рис. 6) (неопубликована), которая относится к довольно редкому варианту бронзовых ситул (Zahlhaas, 1971. S. 74. (тип B); Pfrommer, 1983. S. 250. Abb. 9; Archibald, 1998. P. 189, 190; 275, 276; Bart-Shartar, 2000. P. 280, 281; 2002. P. 70–72), до сих пор неизвестному в Северном Причерноморье, имеющая пяти аналогий: из фракийского погребения в Оризово (Цончев, 1948. С. 19, 20. № 1. Рис. 4; Venedikov, 1977. P. 99. № 11. P. 80. Fig. 31; Archibald, 1998. P. 275, 276. № 46. P. 329; Bart-Shartar, 2000. P. 280, 281), а также четыре экземпляра из македонских гробниц A и B в Дервени (Themelis, Touratsoglou, 1997. P. 33, 34. № A48. Pl. 3, 35. № A49. Pl. 36. № A50. Pl. 37. P. 73. № B28. Pl. 18, *78*). Особенности конструкции и декора ситулы из Гаймановой Могилы позволяют сравнивать ее скорее с находками из Дервени, которые были предположительно изготовлены мастерами, работавшими в аттической традиции, основавшими свои мастерские в Македонии (Bart-Shartar, 2000. P. 281).

Анализируя набор серебряных и бронзовых сосудов из гробницы III кургана на Зеленской Горе, который изначально использовался для симпосия, я уже отмечал, что большинство форм сосудов характерно для богатых захоронений Македонии последней четверти IV в. до н.э. (Treister, 2003. P. 66, 67). В случае с рассмотренными выше бронзовыми сосудами из Гаймановой Могилы имеются еще более очевидные параллели, позволяющие предположить, что значительная часть сосудов, обнаруженных в северной нише Северной могилы могла происходить из Македонии. Убедительно установленная на основании анализа амфор археологическая датировка комплекса (330-е годы до н.э.), а также рассмотренная выше параллель жаровне из Гаймановой Могилы, обнаруженная под полом одного из домов Олинфа, разрушенного в результате захвата города Филиппом Македонским в 348 г. до н.э., позволяет относить приобретение скифами указанных сосудов к 340-м – началу 330-х годов до н.э.

Таким образом, неоднократно высказывавщиеся гипотезы о скифо-македонских контактах первой половины 330-х годов до н.э., в период царствования Филиппа Македонского и скифского царя Атея (Алексеев, 2003. С. 238–242 с обзором литературы), в том числе предположение о переговорах после столкновения 339 г. до н.э., получают новое косвенное подтверждение.

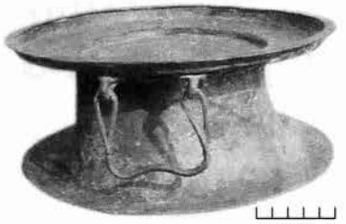


Рис. 4. Бронзовая жаровня из Пеллы. Пелла, Археологический музей. Инв. № M387a. Фото М.Ю. Трейстера.

Рис. 5. Бронзовая ойнохоя из Гаймановой Могилы. Киев, Музей исторических драгоценностей Украины. Инв. № АЗС-2789. Фото М.Ю. Трейстера.

Рис. 6. Бронзовая ситула из Гаймановой Могилы. Киев, Музей исторических драгоценностей Украины. Инв. № АЗС-2786. Фото М.Ю. Трейстера.

P.S. Когда текст статьи уже был принят редакцией к публикации, автор обнаружил еще одну жаровню рассматриваемого типа. Она происходит из подводных раскопок города птолемеевского времени Гераклиона, расположенного к востоку от Александрии в Египте экспедиций Франка Годдио.

Рис. 7. Бронзовая жаровня из Гераклиона. Александрия, хранилище экспедиционных материалов, SCA 912 (фото: Kat. Berlin 2006. S. 229. Nr. 288).

В июне 2006 г. мне удалось осмотреть ее на выставке находок экспедиции Ф. Годдио, проходившей в Берлине (Kat. Berlin, 2006. S. 229, 435. № 288). По своим размерам (высота 23 см, верхний диаметр 46 см, диаметр центрального углубления 24 см) и конструктивным особенностям (отсутствие вертикальных столбиков, наличие четырех заклепок) жаровня из Гераклиона (рис. 7) обнаруживает наибольшую близость к жаровне из Пеллы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

Бідзиля В.І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. № 1.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. Київ, 1983.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв.до н.э. Саратов, 1999.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Северном Причерноморье. М.; Саратов, 2003.

Цончев Д. Антична могилна гробница при Оризово // Годишник на Народния археологически музей Пловдив. Т. 1. София, 1948.

Archibald Z.H. The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford, 1998.

Barr-Sharrar B. Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla // Antike Bronzen, Werkstattkreise: Figuren und Geräte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen in Köln // Kölner Jahrbuch. 20000. Bd. 33.

Barr-Sharrar B. Osservazioni sulla produzione di vasi in bronzo greci tra il V e il III secolo a.C. // Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia. Trieste, 2002.

Cahill N. Household and City Organization at Olynthus. New Haven; L., 2002.

Cat. Paris. Or des Scythes (Arts antiques d'Asie centrale et de Siberie).Tresors des musees sovietiques. Paris, 1975.

Charrière G. Die Kunst der Skythen. Köln, 1974.

Kat. Berlin. Ägyptens versunkene Schätze. München; Berlin; L.; N.Y., 2006.

Kat. Schleswig. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.

Oikonomos G.P. Πελλα // Πρακτικά. 1914.

Pfrommer M. Italien-Makedonien-Kleinasien. Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik // Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. 1983. Bd. 98.

Robinson D.M. Metal and Minor Miscellaneous Finds // Olynthus. V. X. Baltimore, 1941.

Rolle R. The World of the Scythians. Berkeley; Los Angeles, 1989.

Siganidou M., Lilimpaki-Akamati M. Pella. Capital of Macedonians. Athens, 1996.

Themelis P.G., Touratsoglou I.P. Οι τάφοι του Δερβενίου. Athens, 1997.

Treister M.Y. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and related finds from Karagodeuashkh // Ancient West & East. 2003. V. 2. Pt. 1.

Venedikov I. Le situles de bronzes en Thrace // Thracia. 1977. V. 4.

Zahlhaas G. Grossgriechische und romische Metalleimer. München, 1971.

The brazier from Gaimanova Mogila (on Scytho-Macedonian contacts in the third quarter of the 4th c. B.C.)

M. Yu. Treister

Summary

The article is devoted to an extremely rare artifact discovered during the excavations at the Scythian royal mound of Gaimanova Mogila – a bronze biconic brazier which has no parallels among the finds from the North Pontic area. The author considers two similar artifacts, one from Olynthos in the Chalkis peninsula and the other from Pella in Macedonia. The structural components of the braziers from Gaimanova Mogila and Olynthos are so similar that it may be assumed that the brazier found in Gaimanova Mogila originated in a Chalkis or, broader, Macedonian workshop. There are reasons to consider the published finds in the context of Scytho-Macedonian contacts in the end of the 340s and the beginning of the 330 s. B.C.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 119–130

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ИЛУРАТА

© 2006 г. В. А. Горончаровский

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Крепость Илурат I–III вв. н.э., расположенная в 17 км к юго-западу от г. Керчь (Ленинский р-он Автономной Республики Крым), исследовалась Боспорской экспедицией ИИМК с 1947 г. по 2000 г., и за этот период было вскрыто около четверти ее территории. В силу исключительной сохранности всех элементов оборонительной системы Илурат заслуживает особого внимания, поскольку позволяет достаточно полно охарактеризовать проблемы, связанные с развитием крепостной архитектуры Боспорского царства первых веков н.э.

Начало изучения системы обороны Илурата связано с именем выдающегося исследователя античного Боспора Поля Дюбрюкса (1770–1835). С 1827 г. он занялся описанием и съемкой плана городища у татарской деревушки Кермеш-Келечик (позднее дер. Ивановка), представлявшегося ему акрополем раскинувшегося вокруг города или "дворцом босфорских царей" (Дюбрюкс, 1858. С. 54–63; Гайдукевич, 1950. С. 173 и сл.; Тункина, 1999. С. 16; 2002. Рис. 53). Безусловной заслугой П. Дюбрюкса, не раз возвращавшегося к этой работе, является тщательная фиксация и описание сохранившихся здесь оборонительных сооружений (рис. 1), что во многом облегчило работу последующих поколений археологов. В.Ф. Гайдукевич, первым начавший регулярные раскопки городища, счел возможным отождествить его с Илуратом (Гайдукевич, 1950. С. 203 и сл.), о местонахождении которого на территории Восточной Таврики сообщает географ II в. Клавдий Птолемей (Ptol. Geogr. III. 6. 4). В настоящее время эта локализация стала общепризнанной (Зубарев, 1998. С. 117).

Многолетние раскопки Илурата позволили выявить основные элементы фортификации и этапы строительства крепости (рис. 2), игравшей роль военно-административного центра для прилегающей сельской округи (Горончаровский, 1989. С. 36 и сл.; 1995. С. 60; 2002. С. 68 и сл.). По местоположению это самое южное звено в системе обороны северо-восточной части Керченского п-ва. Руины крепости высятся на пологом скалистом плато высотой около 45 м (рис. 3), на правом высоком берегу небольшой речушки, текущей с запада на восток и впадающей через 5 км в Чурубашское солесное озеро. В районе городища долина речки довольно узкая, с крутыми бортами. В ней находится неширокая пойма и остатки двух надпойменных террас. Изучение особенностей топографии городища позволило выявить в районе восточного угла крепости своеобразный, довольно широкий пандус, скорее всего естественного происхождения, но, по-видимому, подправленный местными жителями для удобства подъема из долины на плато. Современный уклон здесь составляет около 10°, т.е. наверх легко могла подняться повозка, а тем более всадник. Внизу, на первой надпойменной террасе пандус переходит в дорогу, следы которой заметны в рельефе. Постепенно удаляясь от оборонительной стены, дорога подходит к северной угловой башне, где река делает крутой поворот. Вероятно, тут находилась переправа, поскольку на противоположном склоне долины имеется пологая балка, удобная для подъема. Само скалистое плато, на котором расположена крепость, также постепенно понижается в северо-восточном направлении, при этом перепад уровней на застроенном участке составляет 15 м. Этим обусловлена специфическая система обустройства городской территории – создание нескольких искусственных террас высотой от 0.6 м до 2 м. Добытый таким образом камень использовался на месте для строительства. Оборонительные стены, фланкированные башнями, на северо-западе и северо-востоке, где существуют естественные рубежи обороны в виде крутых склонов холма, следуют рельефу местности; с напольной же стороны они пересекаются под прямым углом. Максимальная площадь застройки Илурата после включения в нее в III в. северо-западной надпойменной террасы составила около 3 га.

Илурат был основан во второй трети I в. н.э., но установить первоначальный облик этого укрепления почти невозможно. Размеры раннего Илурата скорее всего соответствуют размерам памятника более позднего времени. Что касается устройства стен, то привлекает внимание наличие в основании облицовки внутреннего фаса юго-западной оборонительной стены кладки из хорошо обработанных известняковых блоков, отделанных в руст (Гайдукевич, 1981. С. 133. Рис. 50). Эта часть стены настолько разительно отличалась от привычного облика илуратских фортификационных сооружений, что В.Ф. Гайдукевич в свое время вполне естественно предположил вторичное использование рустованных плит, добытых из какого-то более

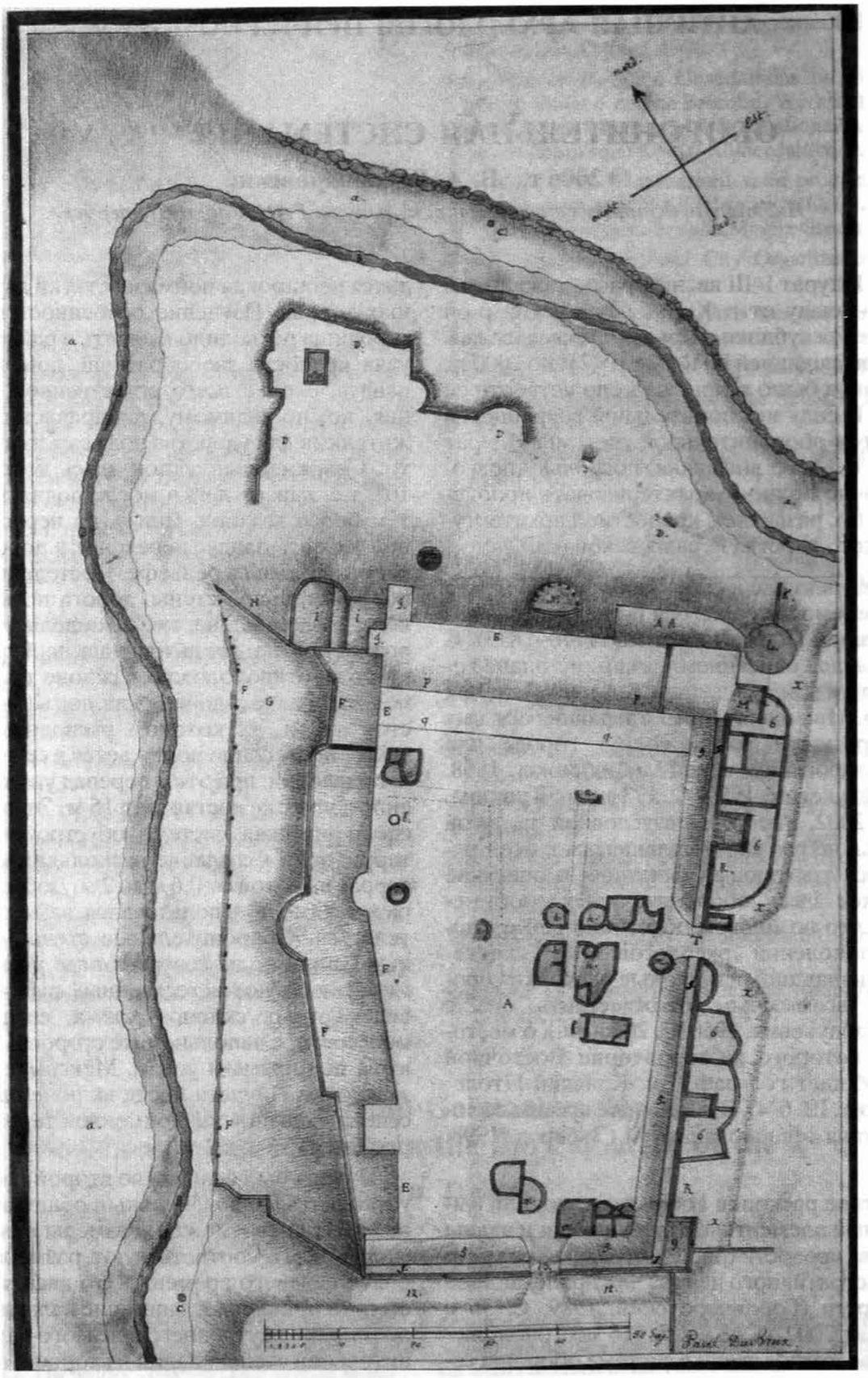


Рис. 1. План Илурата, составленный П. Дюбрюксом в 1833 г.

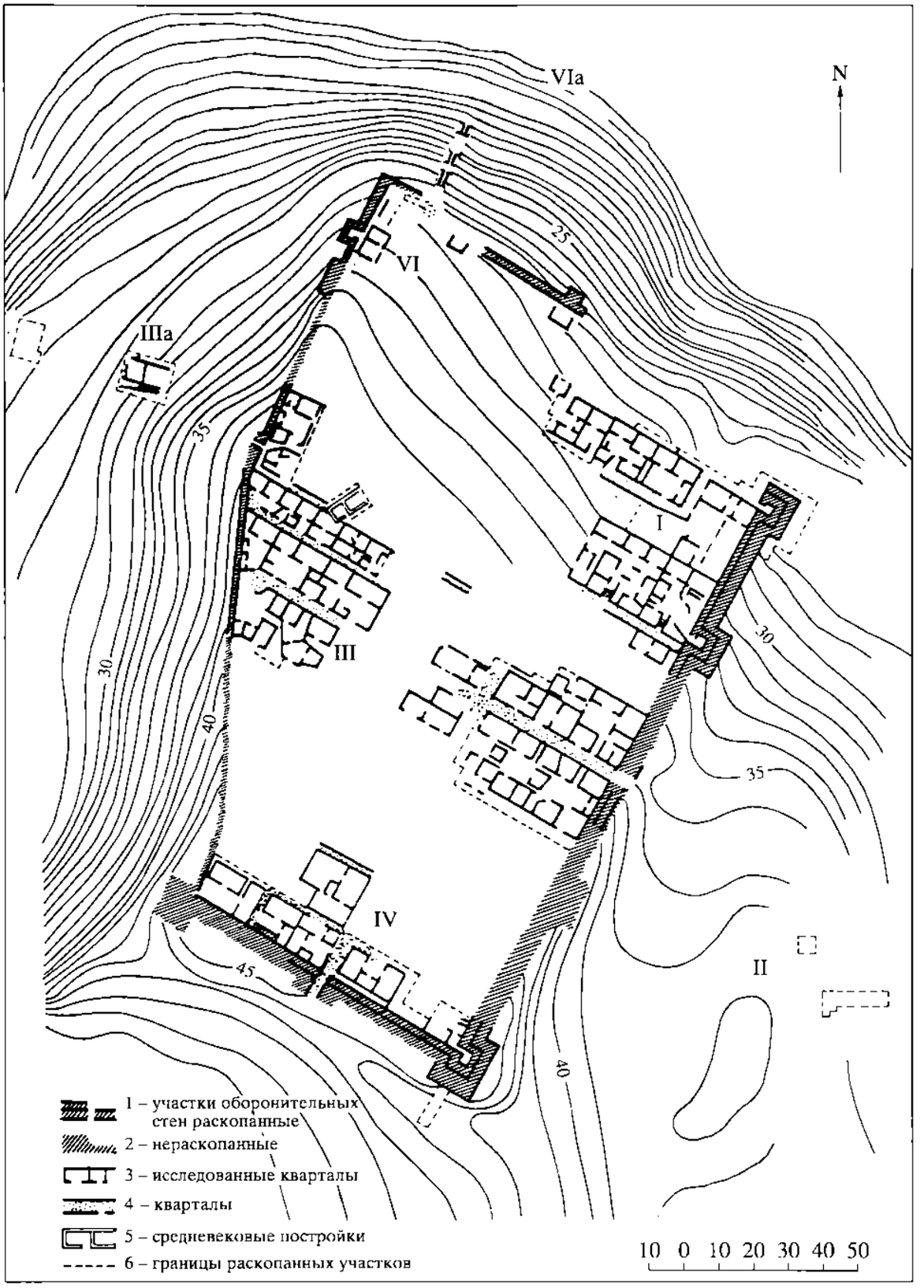
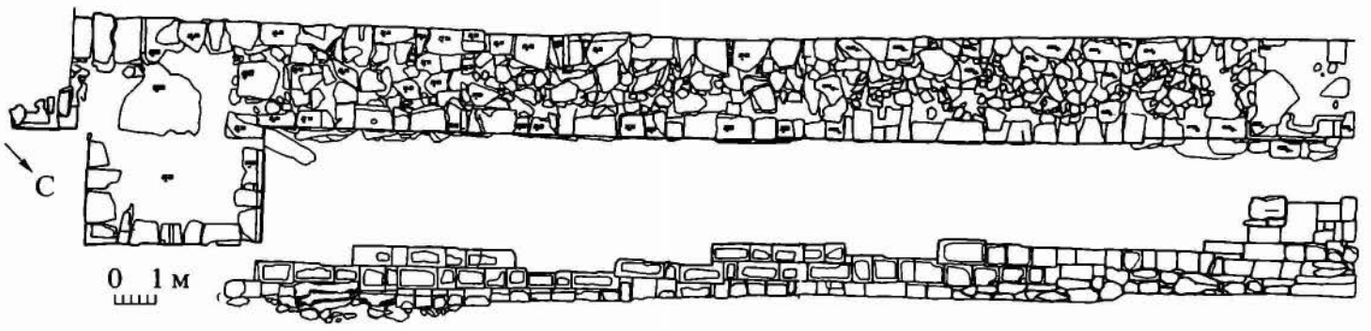


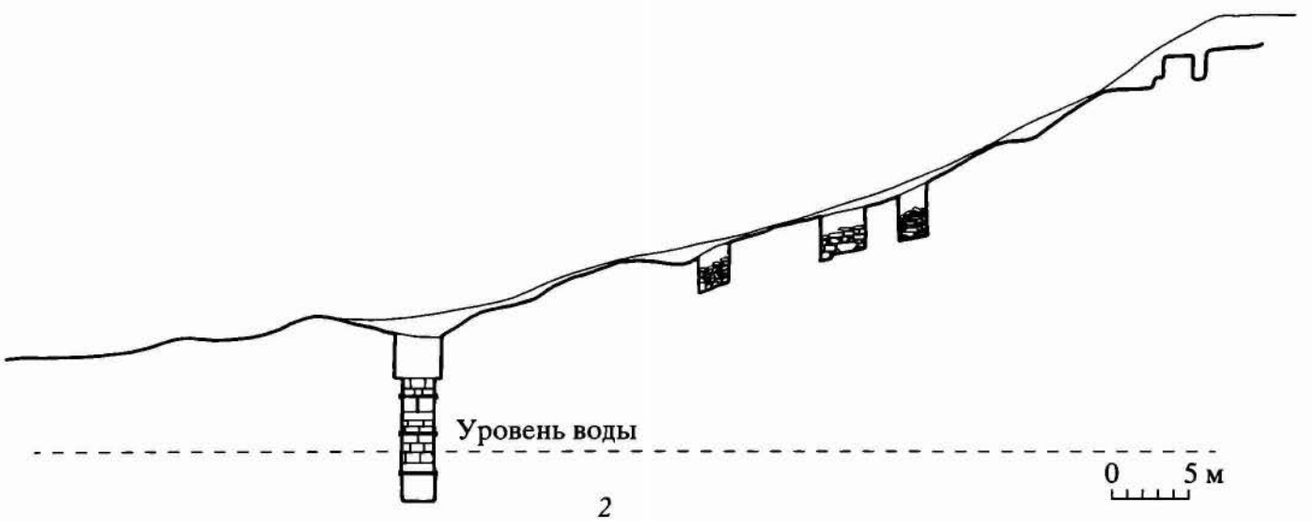
Рис. 2. Вид северо-восточного склона городища Илурат.

раннего укрепления, может быть, на этом же месте (1981. С. 135). Этот вопрос прояснило открытие на противоположном склоне городища остатков оборонительных сооружений раннего периода: небольшой башни размерами 4.4 × 2.8 м и примыкающего участка оборонительной стены с рустованными квадрами по внешнему фасу (рис. 4, *1*). Кладка стены толщиной 2.5 м вскрыта к северо-западу от башни на протяжении 27 м. Пространство между склоном холма и стеной на этом

Рис. 3. План Илурата (по данным раскопок 1947–2000 гг.).



1



2

Рис. 4. Северо-восточная линия обороны Илурата: *1* – крепостная стена с башней (план и фасировка); *2* – разрез склона холма по линии подземного хода и осадного колодца.

участке было снивелировано строительным мусором таким образом, что перепад высот между основанием башни и вымосткой более позднего жилого комплекса II–III вв., расположенного выше, составил 3.5 м. Согласно правилам фортификации того времени, северо-восточная оборонительная стена возведена на подтесанном скальном основании из крупных, хорошо обработанных квадров известняка желтовато-серого цвета. Они имеют по фасу размеры от 0.9 × 0.45 до 1.2 × 0.42 м, при этом на многих сохранились следы распилов и отески. Руст здесь представлял собой определенный технический прием для наилучшей подгонки известняковых квадров разных размеров, выступая над их подтесанной поверхностью всего на 1–2 см.

Ранняя оборонительная стена имеет трехчастную структуру: два панциря, в которых блоки уложены рваной поверхностью внутрь, и забутовка из грубо обколотых камней между ними. Прочность подобной кладки без применения связующего раствора достигалась как за счет ее собственной тяжести, так и за счет деревянных балок, уложенных на всю ширину стены. Вырубы под них обнаружены и в башне, и в стене. Это буквально совпадает с рекомендациями Филона Византийского (III в. до н.э.): "Внутри стен и башен нужно проложить составные деревянные брусья в четыре локтя, чтобы в случае повреждения стены литоболами легче было привести ее в исправность" (Philon. Byz. III. 3). Использование рустованных квадров на юго-западной и северо-восточной линиях обороны Илурата позволяет говорить о том, что в I в. в боспорской фортификации сохранялись традиции позднеэллинистической строительной техники. В данном отношении Илурат отнюдь не исключение. Есть все основания полагать, что внешний пояс стен Тиритаки, сложенный из квадров, обработанных в руст, относится не к эллинистическому времени (Гайдукевич, 1958. С. 157–163), а к периоду их реконструкции в I–II вв. Еще один пример использования рустованных кладок в оборонительных сооружениях первых веков н.э. демонстрируют остатки римских крепостей второй половины II – начала III в. на территории Фракии – Абритуса и Филиппополя (Иванов, 1980. С. 49, 91, 118, 208. Рис. 39, 101, 136, 230).

Датирующий материал из слоя у подошвы северо-восточной оборонительной стены относится ко времени не позднее второй трети I в. Эта датировка подтверждается находкой в забутовке стены асса царицы Гипепирии 37/38–39 гг. (Анохин, 1986. С. 95, 96. Табл. 12, *326*). Таким образом, начало строительства крепости относится либо к периоду подготовки царя Митридата VIII к войне с Римом, либо ко времени правления Котиса I в связи с возросшей военной активностью крымских скифов (Гайдукевич, 1958. С. 278).

Тогда же, по-видимому, были решены и проблемы водоснабжения крепости. Дело в том, что выгодные топографические условия, использованные при возведении крепости, не компенсировали один существенный недостаток: отсутствие источников воды на ее территории, что в случае осады должно было поставить обитателей крепости в крайне тяжелое положение. Единственным выходом было устройство цистерн для дождевой воды, на что совершенно определенно указывает Аристотель (Arist. Pol. VII. 10. 2). Видимо, эти требования соблюдались и в Илурате. Здесь на дворах многих домов и даже на главной улице обнаружены выдолбленные в твердой материковой скале вместительные пустые цистерны колоколовидной формы объемом от 7 до 10 м^3. Впрочем, целиком удовлетворить потребности населения Илурата в питьевой воде в условиях ведения военных действий они не могли.

Между тем, еще П. Дюбрюкс отмечал следующее: "Несколько ниже угловой северной башни у подошвы горы находится заполненное землей углубление, бывшее, вероятно, потайным ходом, через который защитники укреплений, расположенных в ложбине, могли выходить из крепости и возвращаться туда же" (Дюбрюкс, 1958. С. 56). В.Ф. Гайдукевич также считал, что тут был выход из туннеля, вырубленного в скале, а длинное канавообразное углубление, спускающееся по склону близ северного угла крепости, вполне могло образоваться в результате осадки грунта на линии какого-то разрушившегося подземного хода. Этот провал завершался большой воронкообразной впадиной глубиной 1.5 м. Наличие такого сооружения именно в этом месте объяснялось расположением неподалеку в ложбине источников воды (Гайдукевич, 1958. С. 20).

Учитывая наличие выхода водоносных слоев у подножия скалистого плато можно было предположить, что на месте впадины должен находиться колодец, являвшийся для жителей Илурата постоянным источником воды в случае затянувшейся осады. И действительно здесь, в 2.5 м от современной поверхности была обнаружена массивная кладка потайного осадного колодца с почти квадратным устьем – 1.85 × 1.8 м (Горончаровский, 2001. С. 31 и сл.). Он был исследован на глубину 7.85 м. По мере выборки заполнения открывались один за другим подогнанные друг к другу квадры известняка, сложенные на известковом растворе с примесью песка. Высота рядов кладки колеблется от 0.45 до 0.67 м. Особая тщательность ее указывает на значение, которое придавалось этому сооружению.

При зачистке стен колодца были выявлены интересные технологические детали. На расстоянии от 2.05 до 2.2 м по высоте располагались три линии пазов, заранее выпиленных в известняковых блоках и расположенных на стыке рядов кладки по всему периметру сооружения, выше или ниже ще-

лей шириной 7 см. Пазы, находящиеся на противоположных стенах, соответствуют друг другу. Вероятно, в процессе строительства они использовались для крепления балок, образовывавших жесткую решетку для дощатого настила, с уровня которого выводили следующие ряды кладки. Кусок деревянной балки сечения 0.12 × 0.1 м был обнаружен в одном из пазов, оказавшихся под водой. Для нее был использован ствол старой сосны большого диаметра[1]. В дальнейшем, в ходе эксплуатации колодца, пазы и щели могли служить для устройства этажей, связанных лестницами, по которым можно было спуститься вниз, к урезу воды, для очистки дна колодца. Наряду с этим, несомненно, существовал и какой-то механизм для подъема воды наверх. В целом, при значительных внутренних размерах, колодец должен был обеспечивать достаточно эффективную систему сбора воды, поступавшей по водоносным пластам.

Со дна колодца извлекли остатки каменной конструкции, перекрывавшей его устье: блоки пиленого известняка размерами 0.7 × 0.25 × 0.22 м и их обломки, общее число которых достигло 142. Скорее всего, в перекрытии использовались также деревянные балки, поскольку в некоторых квадрах сохранились прямоугольные пазы. Впрочем, не исключено, что свод перекрытия был уступчатым. По крайней мере, есть все основания полагать наличие такового в перекрытии подземного хода длиной около 40 м до линии оборонительной стены, спускавшегося к колодцу несколькими пологими маршами с глинобитным полом (рис. 4, *2*).

Строительство подобного рода сооружений на Боспоре, видимо, связано с воздействием архитектурных традиций, существовавших на территории Понтийского царства и использовавшихся при Митридате VI и его преемниках. Укрепленные поселения Понта и в других соседних областях располагались, как правило, на труднодоступных вершинах холмов или скальных плато, бедных водными ресурсами. Поэтому первостепенной задачей было прорубить спуски к воде, порой насчитывавшие до двух сотен ступеней. Выделяются два типа туннелей: одни выводили к источнику воды непосредственно у подножия скалы и пробивались по покатому склону, другие подводили к подземному водоему в самой скале (Gall, 1967. S. 509; Сапрыкин, 2002. С. 186–190). Илуратский подземный ход, относящийся к первому из них, имел простую конструкцию. Он представляет собой траншею, вырубленную с поверхности в материковой глине. Ее стенки укрепили каменными кладками, сохранившимися в высоту до 1.8 м, а в качестве перекрытия использовали огромные известняковые плиты. Ширина подземного хода – 1.4 м, тогда как найденные в заполнении три каменные плиты от упавшего перекрытия имели длину 1.05–1.1 м, т.е. они должны были покоиться хотя бы на двух-трех уступах с каждой стороны.

Трасса подземного хода проходит рядом с угловой башней IX, близ ее юго-восточной стены. Зафиксированная здесь округлая впадина диаметром 1.25 м, как показали раскопки, оказалась следствием размыва скальной породы. Она постепенно суживалась до глубины 1.5 м, где были отмечены отходящие вниз и в сторону щели и пустоты, из которых веяло холодом. Таким образом, верхняя часть хода, проходившая под оборонительными сооружениями, была выдолблена в скале и, очевидно, выходила на двор близлежащего дома.

Учитывая местоположение и размеры илуратского подземного хода, где с трудом могли разойтись два человека, можно было предполагать, что система водоснабжения крепости этим не ограничивалась. В 1999–2000 гг. там же, на северо-восточном склоне городища, проводились раскопки впадины диаметром около 5 м, находившейся на той же горизонтальной отметке, что и открытый ранее колодец, в 80 м к юго-востоку от него. В заложенном здесь шурфе была выявлена траншея шириной 3.6 м, вырубленная в материковой глине, а на глубине 5.1 м обнаружена часть кладки: два блока пиленого известняка, уложенные в линию. Очевидно, они относятся к устью второго колодца, скорее всего, также связанного с крепостью подземным ходом, выходившим в район Большой Продольной улицы. Отсюда воду легко можно было доставить в любой из городских кварталов.

Ранняя крепость, скорее всего, просуществовала недолго и подверглась разрушению где-то в конце I в. н.э. Сохранявшаяся для западных рубежей царства угроза нападения сарматов и крымских скифов обусловила спустя несколько десятилетий полную реконструкцию всей оборонительной системы Илурата. Масштабная перестройка крепости проводится не ранее второй четверти II в. н.э., если судить по фрагментированной строительной надписи на тонкой мраморной плите (КБН № 966). В пользу этого предположения говорит и отсутствие в слое монет периода правления Савромата I (92/93–123/24).

В этот период нижние ряды рустованной кладки северо-восточной оборонительной стены надстраиваются в совершенно другой технике из грубо обработанных огромных блоков известняка размерами до 1.5 × 1.1 × 1.1 м. То же зафиксировано и на юго-западной стене, которая, как и северо-западная и юго-восточная линии обороны, возводится фактически заново, очевидно, в весьма сжатые сроки. Только стремлением к быстрейшему завершению работ в условиях реальной военной опасности можно объяснить использование на самых уязвимых с напольной стороны участках строительства любого годившегося в дело матери-

[1] Определение сделано сотрудником Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, д.б.н. Е.С. Чавчавадзе.

ала, вплоть до архитектурных деталей, каменных кормушек для скота и антропоморфных надгробий. После перестройки стены крепости имели с трех сторон толщину 2.4 м и только с северо-запада – 1.8 м. И все же, судя по небрежно заделанному пролому близ южной башни IV (Гайдукевич, 1981. С. 110, 111), они не смогли служить надежной защитой для города. Пролом мог быть следствием нападения крымских скифов, обладавших стенобитными орудиями. В частности, изображение тарана в виде повозки с односкатной крышей сохранилось на штукатурке в одном из зданий Неаполя Скифского (Дашевская, 1962. С. 182. Рис. 10).

В дальнейшем происходит дополнительное усиление всей оборонительной системы Илурата, сопровождавшееся перестройкой ряда жилых кварталов, что в конечном счете и определило облик памятника, открытый раскопками. Основой регулярной планировки города, которая, видимо, существовала изначально, являются две главных улицы, пересекающиеся под прямым углом и выходящие к воротам. Они носят условные названия Большая Продольная и Большая Поперечная и имеют ширину соответственно 6 м и 4.5 м. Большую Продольную улицу пересекают десять поперечных улиц шириной от 1 до 1.8 м, образующих отдельные кварталы из нескольких жилых домов. Можно говорить о том, что основную массу жителей Илурата составляли выходцы из варварской среды, размещенные здесь как военные поселенцы. Следует попытаться определить численность населения крепости на заключительном этапе ее существования по методике, разработанной С.Д. Крыжицким (1985. С. 94 и сл.). Учитывая максимальное использование пространства внутри крепостных стен и на северо-западной террасе (около 2.6 га), а также суммарную площадь улиц и переулков (около 0.4 га), процент площади города, отведенной под жилую застройку, составляет не менее 2.2 га. При средней площади илуратского дома около 180 м^2 общее количество домовладений должно приближаться к 120. Соответственно, из расчета 8–10 человек в семье, включая слуг или рабов, получается, что в Илурате проживало около 900–1200 человек. Таким образом, численность гарнизона крепости составляла примерно 150 воинов.

Третий строительный период падает на конец II в. н.э., когда Савроматом II предпринимаются энергичные меры по укреплению обороны государства. Причиной этой бурной строительной деятельности стала новая активизация варваров на границах Боспора (см.: КБН № 1237). Около 186–193 гг. военные действия даже затронули территорию царства, и потребовались совместные действия боспорской армии и солдат I Италийского легиона для предотвращения этой угрозы (Зубарь, 1998. С. 109 и сл.). В эти годы дополнительно усиливаются, главным образом, напольные линии обороны Илурата. К юго-восточной оборонительной стене (сохранилась на высоту 3.15 м) на всем ее протяжении около 200 м был пристроен внешний панцирь толщиной 4 м, игравший роль противотаранного пояса. Он состоит из пяти рядов кладки высотой до 1.7 м, сложенной под углом 67° от основания. При этом на куртине между башней I и воротами противотаранный пояс пристроен непосредственно к оборонительной стене (общая толщина 6.4 м), а далее за воротами и на юго-западном участке обороны пространство между основной стеной и внешним панцирем заполнено плотно утрамбованным щебнем и известковой крошкой. Таким образом, толщина стен в основании достигла здесь 8.2 м. Дополнительный панцирь мощностью 1.35 м получает и северо-западная стена.

На линии юго-восточной оборонительной стены с промежутком около 31 м, считая проем ворот, располагались четыре башни. Из них исследованы три, практически идентичные по конструкции. Все они, начиная с башни I у восточного угла, имеют прямоугольную форму с внутренними помещениями и связаны с примыкающими жилыми комплексами. Возле башни II, в том месте, где 1-й Поперечный переулок выходил к юго-восточной стене, была открыта пристроенная к ней с внутренней стороны кладка шириной 2.1 м. Вскрытая длина ее составила 8 м при высоте до 1.4 м. Возможно, это остатки аппарели – полого пандуса для поднятия на стену метательных орудий (Гайдукевич, 1958. С. 22 и сл.). Неподалеку от аппарели в доме № 3 было найдено хорошо обработанное известняковое ядро в форме шара диаметром 7 см и весом около 450 г. (Гайдукевич, 1958. С. 71. Рис. 63, *2*). Считается, что ядра такого калибра имели универсальный характер и предназначались для поражения живой силы противника (Сокольский, 1962. С. 246; Акопян, 1986. С. 233). Это ядро, скорее всего, предназначалось для камнеметного орудия, установленного на башне крепости.

Ворота в юго-восточной стене не сохранились. П. Дюбрюкс в свое время отмечал, что "ворота Т" в этом месте имели ширину 3–4 сажени, т.е. около 8 м. Это впечатление – результат разрушения и выборки стены возле них, отчего проем в стене казался шире, чем был на самом деле в древности. При раскопках на этом участке никаких следов каменных кладок обнаружено не было. Впрочем, проем ворот, естественно, не мог быть шире Большой поперечной улицы, т.е. 4.5 м.

На стыке юго-восточной и юго-западной стен, расположенных под прямым углом друг к другу, находилась самая мощная, угловая башня крепости (IV). Ее внешние размеры 10 × 14 м, внутреннего помещения – 3.3 × 4.5 м. В башне имелся входной проем высотой 1.6 м, перекрытый двумя массивными известняковыми блоками (рис. 5, *1*). Выявленный в ее северо-западной стене квадр с

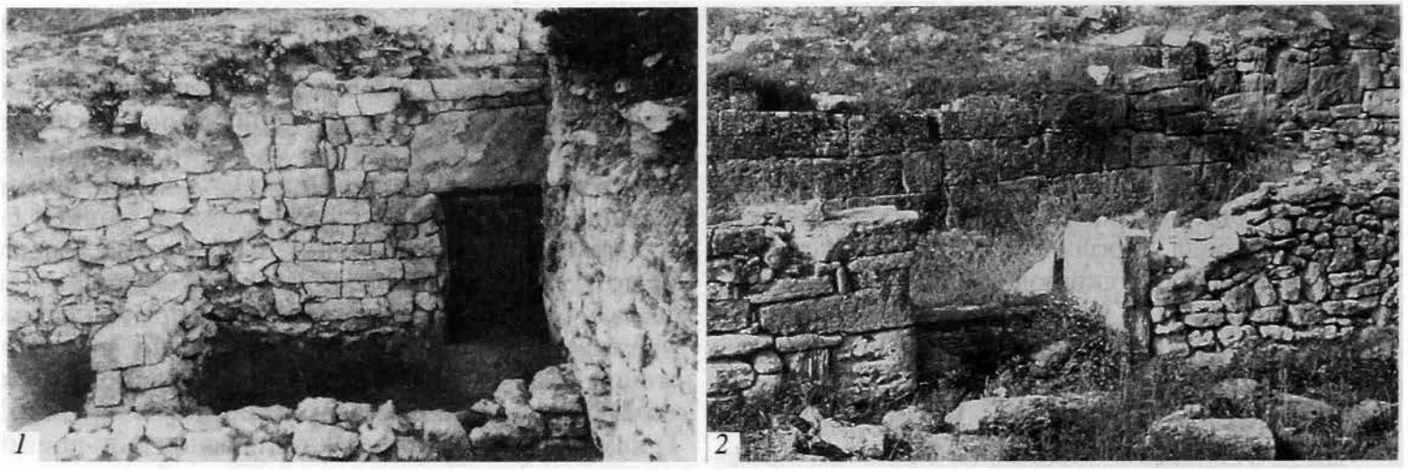


Рис. 5. Юго-западная линия обороны Илурата: *1* – вход в башню IV; *2* – лестница на стену (вид с северо-востока).

пазом для балки перекрытия позволяет установить высоту первого этажа – 2.6 м. Таких этажей, связанных внутренними лестницами, видимо, было не менее четырех. Соответственно общая высота башни, включая зубцы, составляла около 12 м. Расположенная на самой высокой точке крепости она, очевидно, являлась для ее защитников главным наблюдательным пунктом, откуда осуществлялось руководство обороной в случае нападения врага. Отсюда открывался отличный обзор не только всех фортификационных линий и подступов к крепости с напольной стороны, но и окрестностей с дорогами, ведущими к ближайшим городам и населенным пунктам. Не исключено, что с этой башни могла осуществляться подача световых сигналов, с помощью которых оперативная информация передавалась в другие укрепления.

Башня IV погибла в огне пожара. В заполнении ее внутреннего помещения было найдено большое количество сгоревшего дерева (сосны) и остатков камыша или соломы, очевидно, использованных для поджога (Гайдукевич, 1981. С. 111). Пожар был настолько сильным, что камни кладки изнутри приобрели красноватый оттенок и растрескались. С внешней стороны башни вскрыт участок рва, выдолбленного в скале на глубину 1.5 м. В разрезе он имеет форму перевернутой трапеции: ширина в верхней части – 6.2 м, по дну – 3.5 м. Ров проходил вдоль всего внешнего фаса юго-западной стены с перемычкой в районе ворот и, в случае дождей, заполнялся водой. Видимо, основное назначение этого элемента обороны заключалось в том, чтобы затруднить подвоз стенобитных орудий.

Юго-западная крепостная стена вскрыта с внутренней стороны целиком на протяжении 94 м от башни IV до башни V. Определить ее высоту позволяют остатки лестницы шириной 1.2 м (рис. 5, *2*), от которой сохранились семь ступеней с углом возвышения около 45° (Гайдукевич, 1981. С. 129). При длине основания лестницы 10.95 м и приблизительных размерах площадки для перехода на боевой марш стены в 1.5 м высота стены должна была составлять около 8.5–9 м, что соответствует стандартам античной фортификации (Philon. Byz. III. 2).

Более простая конструкция хода на стену, очевидно, была реализована по другую сторону юго-западных ворот. Расположенный здесь дом не пристроен, как обычно, к оборонительной стене: между ними имеется промежуток шириной 1.3–1.7 м. За исключением примыкающего к воротам отрезка он забит на высоту до 1.1 м плотно утрамбованным грунтом с примесью бута. Общая длина этого коридора – 18 м, что давало возможность устроить здесь пологий подъем от ворот на стену (Гайдукевич, 1981. С. 115). Вероятно, он имел вид земляной насыпи с углом возвышения около 30°, в нижней части дополненной несколькими каменными ступенями.

В центре юго-западной оборонительной линии, в 43 м от угловых башен находятся единственные сохранившиеся ворота крепости, связанные с трассой главной улицы города. Проем ворот представляет собой вытянутую камеру-шлюз длиной 10.2 м и при ширине 3.75 м (рис. 6). На этом участке подтесанная поверхность скалы понижается в направлении центра города на 0.88 м. Важной деталью устройства ворот является выявленный на высоте 1.4 м прямоугольный желоб (0.32 × 0.28 м) длиной 5.3 м, для запиравшего их внутренние створки деревянного засова. Когда ворота закрывались, засов выдвигался из желоба и, очевидно, вставлялся в несохранившийся паз на противоположной стене (Гайдукевич, 1981. С. 113). Несомненно, имелись и внешние створки ворот, фланкированные не башнями, как это обычно практиковалось, а пилонами, выступавшими на 2 м за линию стены. Возможно, они были перекрыты арочным проемом и усилены надвратной башней. Не исключено, что для защиты проема ворот, помимо створок, запиравшихся деревянной балкой, дополнительно применялась падающая решетка-катаракта (Толстиков, 1992. С. 44 и сл.). Таким образом, обычно сложная конструкция привратных сооружений до

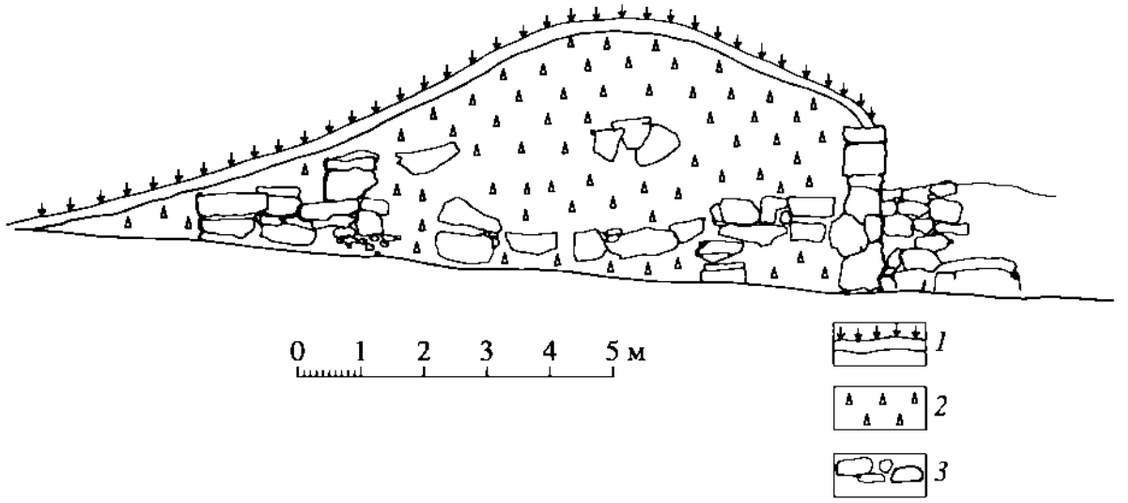


Рис. 6. Юго-западные ворота крепости. Разрез по линии юго-запад – северо-восток): *1* – гумусный слой; *2* – щебень; *3* – каменная кладка.

предела упрощена, что, с одной стороны, ограничивало возможность перекрестного обстрела прилегающих куртин, с другой – позволяло сузить перемычку в районе ворот на линии рва и создать тем самым дополнительные трудности на пути атакующего противника. Сходное устройство ворот зафиксировано в Неаполе Скифском (Высотская, 1979. С. 44. Рис. 10) и в римской крепости II–III вв. Августа Траяна во Фракии (Иванов, 1980. С. 204. Рис. 226). Возможно, именно в случае создания длинного проема ворот древние строители отказывались от их значительного усиления с внешней стороны.

На стыке юго-западной и северо-западной оборонительных стен находилась башня V. Вход в нее открывался с того самого двора дома, откуда можно было подняться по лестнице на боевой марш стены. Устройство этой башни отличалось от описанных ранее тем, что ее первый этаж полностью забутован камнем, а к стороне, обращенной во двор, пристроен пилон, сложенный из тщательно отесанных и подогнанных друг к другу блоков известняка (рис. 7, *1*). Рядом находился углубленный, относительно вымостки двора, каменный ящик с зольным заполнением. Учитывая, что такие ящики обычно находились под лестницами (Гайдукевич, 1958. С. 49. Рис. 35–37), наиболее вероятным представляется использование пилона для крепления деревянной лестницы, которая вела на площадку второго этажа.

Северо-западная оборонительная стена длиной 240 м, изгибаясь, следует рельефу местности. Даже после усиления за счет пристройки дополнительного панциря, толщина ее оставалась сравнительно небольшой – 3.15 м. Видимо, наспех возведенная на достаточно крутом склоне фортификационная линия неоднократно требовала ремонта. Об этом свидетельствует наличие подпорной стены длиной около 10 м на ее северо-восточном отрезке и такой же стены под угловой северной башней IX.

Всего на протяжении северо-западной стены зафиксировано пять башен, считая угловые. Помимо башни V, в ходе раскопок были исследованы еще две – VIII и IX. Они защищали северный угол крепости и находились рядом друг с другом. Расстояние между остальными башнями колеблется от 26 до 93 м и обусловлено их расположением на естественном рубеже, что требовало меньше усилий в случае обороны. Единственным проемом здесь является калитка шириной 1.2 м. С юго-запада она фланкирована башней VII, остатки которой видел П. Дюбрюкс (Гайдукевич, 1958. С. 27. Рис. 11)[2]. Рядом находилось караульное помещение с двумя выходами, во двор и переулок. По другую сторону переулка находился дом 1, со двора которого можно было подняться на стену. Между ней и жилым помещением 4 были открыты остатки еще одной лестницы: каменная платформа размерами 6.4 × × 1.8 м, служившая основанием верхнего марша лестницы. От расположенного под прямым углом к нему нижнего марша сохранились пять ступеней лестницы шириной 0.65 м (Гайдукевич, 1958. С. 29). Таким образом, имеются все исходные данные для попытки определить высоту стены на этом участке обороны. Ступени нижнего марша лестницы с углом возвышения 60° выходили на промежуточную площадку на высоте 2.2 м. Если предположить, что ее размеры, как и площадки для перехода на стену, не превышали в длину 1.5 м, то, при том же наклоне верхнего марша, высота северо-западной стены составит около 7 м (с зубцами ≈ 8.5 м). Следовательно, она была как минимум на 2 м ниже стен с напольной стороны крепости.

Башня VIII, отмеченная на плане П. Дюбрюкса, расположена в 62 м от калитки. Ее внешние размеры 7,6 × 5.5 м. Башня плохо сохранилась, но даже то, что уцелело, производит впечатление крайне

[2] Башня VI зафиксирована на плане П. Дюбрюкса, но не определена на местности.

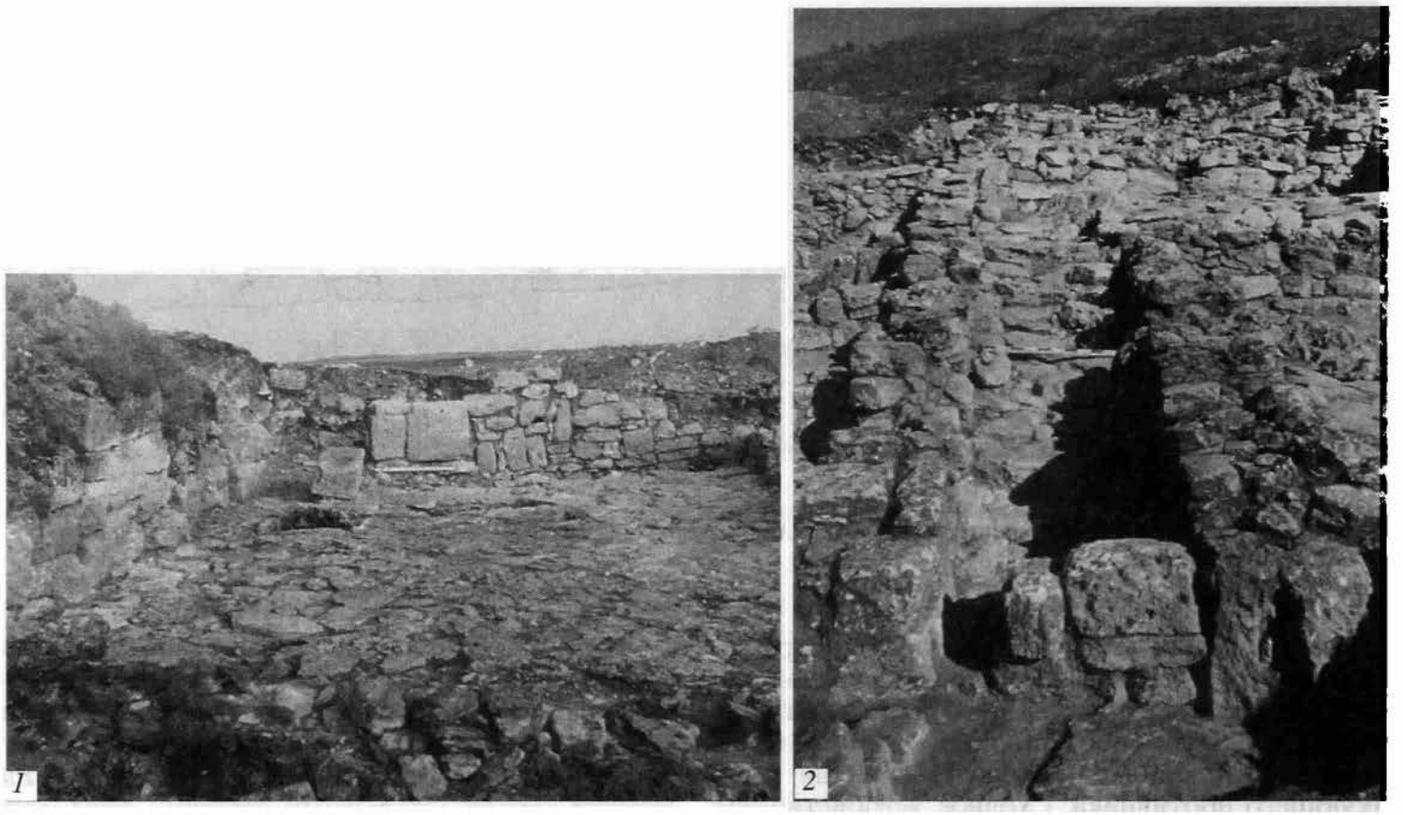


Рис. 7. Северо-западная линия обороны Илурата: *1* – вход в башню V (вид со стороны двора примыкающего в ней жилого комплекса); *2* – заложенный вход в дом на террасе перед калиткой в крепостной стене.

небрежного строительства. Видимо, это является следствием перестройки (может быть, и не одной) северного угла крепости в III в. Как результат перестройки следует рассматривать и изменение структуры кладки стены близ северной башни: тут не отмечено двух последовательно возведенных поясов. К юго-западу от башни VIII, между ней и выступом подпорной стены, оборонительная линия имеет толщину всего 1.4 м. Правда, под острым углом к ней расположена стена крупного жилого комплекса, и этот промежуток забит плотно утрамбованным грунтом с включениями мелкого бута. Таким образом, он играет роль внутреннего панциря, доводя общую толщину оборонительной линии до 2.7 м.

К северо-востоку от башни VIII оборонительная стена имеет толщину 1.8 м и с внешней стороны укреплена в основании бутовой кладкой на глине мощностью до 2 м, сложенной чрезвычайно небрежно. Между стеной и северной башней IX проходит коридор шириной 1.2 м. С одной стороны, он был связан с упоминавшимся жилым комплексом, с другой – выходил прямо на склон холма у башни, очевидно, завершаясь калиткой. Сама угловая башня с внешними размерами 9 × 7.5 м, от которой сохранилось только основание, возведена с использованием скального выхода, снивелированного крупными известняковым и плитами. Из пристроенного к ней дома на площадку ее первого этажа вел проход шириной 1.4 м.

Последним этапом в развитии оборонительной системы Илурата явилось возведение в первой трети III в. н.э. полосы застройки за пределами северо-западной оборонительной стены. С одной стороны, таким образом, видимо, пытались решить проблему дефицита свободной площади под строительство на основной территории крепости, с другой – устранялась возможность для нападавших сосредоточить свои силы на имеющейся здесь террасе для штурма относительно слабого участка обороны. Строительные работы на этом склоне, где вплоть до начала III в. ссыпали золу и бытовые отходы, судя по монетным находкам, производятся не ранее времени правления царя Ининфимея (234–238), когда на Боспоре строятся новые укрепления и приводятся в порядок старые (КБН № 1249–1252). Явно, это было связано с подготовкой к отражению новых варварских нападений.

Внешняя линия обнаруженных на склоне разноуровневых жилых комплексов проходит в 30 м от оборонительной стены. При нападении врагов узкие входные коридоры и проходы между домами закладывались, создавая дополнительное препятствие, своего рода "протейхизму", отмеченную на плане П. Дюбрюкса (Гайдукевич, 1958. С. 13. Рис. 37). Так, в одном из домов начало прохода шириной 1.3 м с внешней стороны было заложено несколькими крупными квадрами известняка, по-видимому, в момент военной опасности (рис. 7, *2*). Легко было перекрыть и расположенный рядом

проход через всю линию застройки. Вскрытая длина его составила 19 м, ширина в нижней части – 2.5 м, а в верхней, видимо, запиравшейся калиткой – 0.87 м. Часть прохода была оформлена как лестничный спуск из девяти ступеней. В случае же серьезной угрозы осажденные могли подняться чуть выше и через калитку в северо-западной стене отступить на основную территорию крепости.

Илурат прекращает свое существование в связи с событиями периода готских походов. Видимо, нападение на крепость было в известной мере внезапным. В ряде кварталов вспыхнули пожары. Владельцы некоторых домов не успели увести скот, и все животные погибли в огне (Шургая, 1970. С. 63). Именно тогда в угловом помещении дома близ перекрестка главных улиц был спрятан клад из 66 биллоновых статеров времени правления царя Рескупорида V, датированных 242–267 гг. (Фролова, Шургая, 1982. С. 91 и сл.). Если учесть, что между 267 и 275 гг. чеканка монет на Боспоре не производилась, то на это время и приходится гибель крепости, оставленной ее гарнизоном без боя. Почему это произошло, возможно, в какой-то степени объясняют результаты недавних раскопок в северо-восточном районе городища. Здесь доследовался дом № 8, настолько основательно разрушенный в результате землетрясения где-то около середины III в., что каменный завал мощностью до 1.2 м даже не стали разбирать, а прямо на его выровненной поверхности надстроили и укрепили старые или возвели новые стены. Между землетрясением и прекращением существования упомянутого дома прошло не так уж много лет, поскольку новый уровень двора так и не успели перекрыть вымосткой. Следы серьезных повреждений того же времени, вызванных сейсмической волной, пришедшей с северо-востока, отмечены и на ряде других памятников (Винокуров, Никонов, 1998. С. 101–103; 2004. С. 95–103). Даже если стены и башни Илурата, хотя бы частично пострадали в результате подземных толчков, восстановить их в условиях нестабильной обстановки в государстве и отсутствия средств в казне вряд ли представлялось возможным. Тогда становится понятным, почему, как это отмечал уже В.Ф. Гайдукевич, впрочем никак не объясняя этот факт, нормальная жизнь в крепости протекала только до середины III в. н.э., а с начала второй половины этого столетия Илурат перестал быть важным опорным пунктом в системе обороны Европейского Боспора. (Гайдукевич, 1958. С. 73). Представители командной верхушки гарнизона покинули его и принадлежавшие им большие дома в центральных кварталах стали использоваться рядовыми жителями, оставшимися здесь на свой страх и риск в далеко неспокойный период "готских походов". Когда после 267 г. обстановка внезапно обострилась, обитатели полуразрушенной крепости не стали защищаться и покинули ее в спешном порядке.

Так или иначе, но в отношении оборонительной системы Илурат на протяжении более чем двух столетий оставался одним из наиболее укрепленных населенных пунктов Боспора. Достаточно сравнить мощность его крепостных стен, в отдельных случаях превышающую 8 м, с обычными для боспорских городов фортификационными сооружениями: Пантикапей – 4.5 м, Тиритака – 3.4 м, Мирмекий – 2.5 м (Гайдукевич, 1952. С. 17; С. 136; Толстиков, 1977. С. 158 сл.). В этом отношении сравнение выдерживают только стены Неаполя Скифского, толщина которых в основании колеблется от 5.4 м до 7.35 м (Высотская, 1979. С. 44. Рис. 8, 9). Таким образом, изучение Илурата, как эталонного памятника фортификации римского времени на Европейском Боспоре, наглядно демонстрирует ее эволюцию на протяжении этого периода и все характерные для нее элементы.

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ № 04-01-00141а и № 04-01-000164а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопян А.М. Каменные ядра из Арташата // Проблемы античной культуры. М., 1986.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Винокуров Н.И., Никонов А.А. О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора // РА. 1998. № 4.

Винокуров Н.И., Никонов А.А. Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.

Высотская Т.Н. Неаполь Скифский – столица поздних скифов. Киев, 1979.

Гайдукевич В.Ф. Боспорский город Илурат // СА. 1950. № XIII.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.

Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 85.

Гайдукевич В.Ф. Илурат (раскопки 1954–1960 гг.) // Боспорские города. Л., 1981.

Горончаровский В.А. Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследования античных городов. М., 1989.

Горончаровский В.А. Крепость Илурат в системе обороны западной границы Боспорского царства в I–III вв. н.э. // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995.

Горончаровский В.А. К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001.

Дашевская О.Д. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1962. № 1.

Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавший на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. IV.

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.

Иванов Т. Абритус. София, 1980.

Крыжицкий С.Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Матер. III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985.

Сапрыкин С.Ю. Был ли на Боспоре храм Асклепия // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002.

Сокольский Н.И. Каменные ядра из Пантикапея // МИА. 1962. № 103.

Толстиков В.П. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея // ВДИ. 1977. № 3.

Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. Вып. 10.

Тункина И.В. О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса // Боспорский феномен: греческая на периферии античного мира. СПб., 1999.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX). СПб., 2002.

Фролова Н.А., Шургая И.Г. Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1.

Шургая И.Г. Раскопки в юго-западном районе Илурата в 1966–1968 гг. // КСИА. 1970. Вып. 124.

von Gall H. Zu den kleinasiatischen Treppentunneln // AA. 1967. № 82.

The defense system of Ilurat

V. A. Goroncharovsky

The excavations at Ilurat are of special significance for the study of Bosporos fortifications of the Roman time, due to the fact that all the elements of the defense system are remarkably well-preserved. The remains of early defense stuctures include a small tower and adjacent portion of a rusticated defense wall, hence it may be said that late Hellenistic building techniques were still employed in Bosporos fortification of the 1st c. A.D. In the event of a siege, even rainwater cisterns would not have provided enough for the garrison's needs, hence the problem of water supplies was solved in an especially interesting way. An underground passage 50 m long led to a well dug out at the base of a rocky plateau. The early citadel must have existed for a short period of time and was destroyed at the end of the 1st c. A.D. Judging by the fragmented building inscription (Corpus of Bosporos Inscriptions, № 966), large-scale reconstruction must have started not earlier than the second third of the 2nd c. A.D. After reconstruction, the walls of the citadel were 2.4 m thick on three sides and 1.8 m thick on the northwestern side. The third construction period relates to the end of the 2nd c. A.D., when Sauromates II took active measures to improve state defenses. In this period, the three defensive lines of the citadel were reinforced with an external stone layer which served as protection against battering-rams. A trench 1.5 m deep created and additional obstacle in the south-west and south-east. The latest stage in the development of the fortification system at Ilurat saw the construction, in the first third of the 3d c. A.D., of a strip of dwelling complexes outside the northwestern defensive wall. The dwelling complexes are situated at different levels on a slope which forms a small terrace and then comes to a sharp drop. In the event of an attack, the narrow entrance corridors and the passages between houses were blocked, creating additional obstacles for the enemy. In the event of a serious threat, the besieged could retreat into the main citadel through a gateway in the northwestern wall. Ilurat ceased to exist due to events dating from the period of Gothic campaigns. It must have been the destruction caused by a seismic wave in the middle of the 3d c. A.D. that caused the garrison to leave this strong fortress without fight.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 131–136

ПО ПОВОДУ МЕТОДИКИ ДАТИРОВКИ СКЛЕПОВ С РАННЕХРИСТИАНСКОЙ РОСПИСЬЮ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА

© 2006 г. В. М. Зубарь

Институт археологии НАН Украины, Киев

В отличие от некрополя Пантикапея или могильников Паннонии, в Херсонесе пока не выделены участки, где в конце IV – начале V в. совершались захоронения христиан (Зубарь, 1991. С. 22). Объясняется это тем, что могилы приверженцев традиционных античных религиозных взглядов и адепты нового религиозного учения по чисто археологическим признакам (типу погребального сооружения, наличию сопровождающих вещей) первоначально мало чем отличались друг от друга. Причем христиане использовали для захоронений своих умерших родственников те же типы погребальных сооружений, которыми пользовались их предшественники – язычники, и достаточно долго вместе с телом умершего клали сопутствующий инвентарь (Зубарь, 1991. С. 9–16; Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 55–58). Это связано и с тем, что собственно христианский обряд захоронения был разработан церковью достаточно поздно, а античная традиция запрета погребать умершего в городской черте была отменена в Византии только императором Львом IV (775–780 гг.) (Тяжелов, 1876. С. 101). Поэтому отсутствие ярко выраженных христианских комплексов на протяжении переходного периода от язычества к христианству, который в Херсонесе охватывает период с IV до VI вв. (Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 55–58, 98), следует признать вполне закономерным.

Единственным исключением из этого правила являются склепы с христианской росписью, зафиксированные в некрополе Херсонеса. Большинство таких погребальных сооружений были открыты до 1917 г. и впервые в полном объеме введены в научный оборот М.И. Ростовцевым, который первым предложил их датировку и интерпретацию сюжетов живописи (1914. С. 443–507) (рис. 1). Несмотря на то, что его работа издана достаточно давно, целый ряд положений этого выдающегося отечественного исследователя не потеряли своего значения и сегодня. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что попытки более или менее подробного описания росписи отдельных раннехристианских склепов предпринимались и несколько ранее в связи с подготовкой к предполагавшейся их реставрации и консервации (Скубетов, 1907а. С. 166, 167; 1907б. С. 168, 169), которые так и не были осуществлены. Но результаты этих работ, тем не менее, были использованы при издании монументального труда М.И. Ростовцева (Скубетов, 1915. С. 176–189).

В конце XX в. работы по археологическому изучению склепов с раннехристианской росписью на территории некрополя Херсонеса были возобновлены. В 1998 г. совместной украинско-австрийской экспедицией были начаты раскопки двух склепов с росписью, открытые грабителями на западном берегу Карантинной бухты, в непосредственной близости от участка некрополя у Загородного храма (рис. 1, *9*). В 1999 гг. они были завершены, а в следующем году опубликован отчет (Зубарь и др., 2000. С. 144–154; Zubar, Pillinger, 2000–2001. P. 123 – 130). В 2002 г. грабителями был вскрыт квадратный в плане расписной склеп, вырубленный в скале, с двумя нишами-лежанками, который располагался приблизительно в 20 м к северо-востоку от Загородного храма (Marchenko, Turovskij, 2003. P. 19, 20) (рис. 1, *10*). Общее количество известных сейчас склепов с раннехристианской росписью, которые объединены в одну группу, составляет 11. После раскопок склепа в 1998–1999 гг. росписи снова привлекли к себе внимание и стали предметом специальных исследований, в том числе с учетом новых материалов (Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 58–81; Зубарь, 2002. С. 105–108; 2004. С. 75–82; Диатроптов, 2002. С. 34–37; Завадская, 2003. С. 408–412; 2005. С. 258–288).

В свое время М.И. Ростовцев, датируя эту группу склепов, опирался на нумизматический материал, который, с его точки зрения, свидетельствовал о том, что их следует относить ко второй половине IV – началу V в. (1914. С. 451, 457, 462, 469, 503–507). Мнение М.И. Ростовцева относительно датировки склепов с росписью на долгие годы стало решающим аргументом в пользу заключения о сравнительно раннем проникновении христианской религии в среду населения Херсонеса. Позднее, на основании особенностей денежного обращения в позднеантичном Херсонесе и стилистического анализа росписей, эти памятники были отнесены ко времени не ранее VI–VII вв. (Зубарь, 1988. С. 3–14; 1991. С. 17, 18; Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 58–98). Однако такая поздняя датировка не была принята рядом исследователей. Поэтому вопрос о времени появления склепов с росписью в некро-

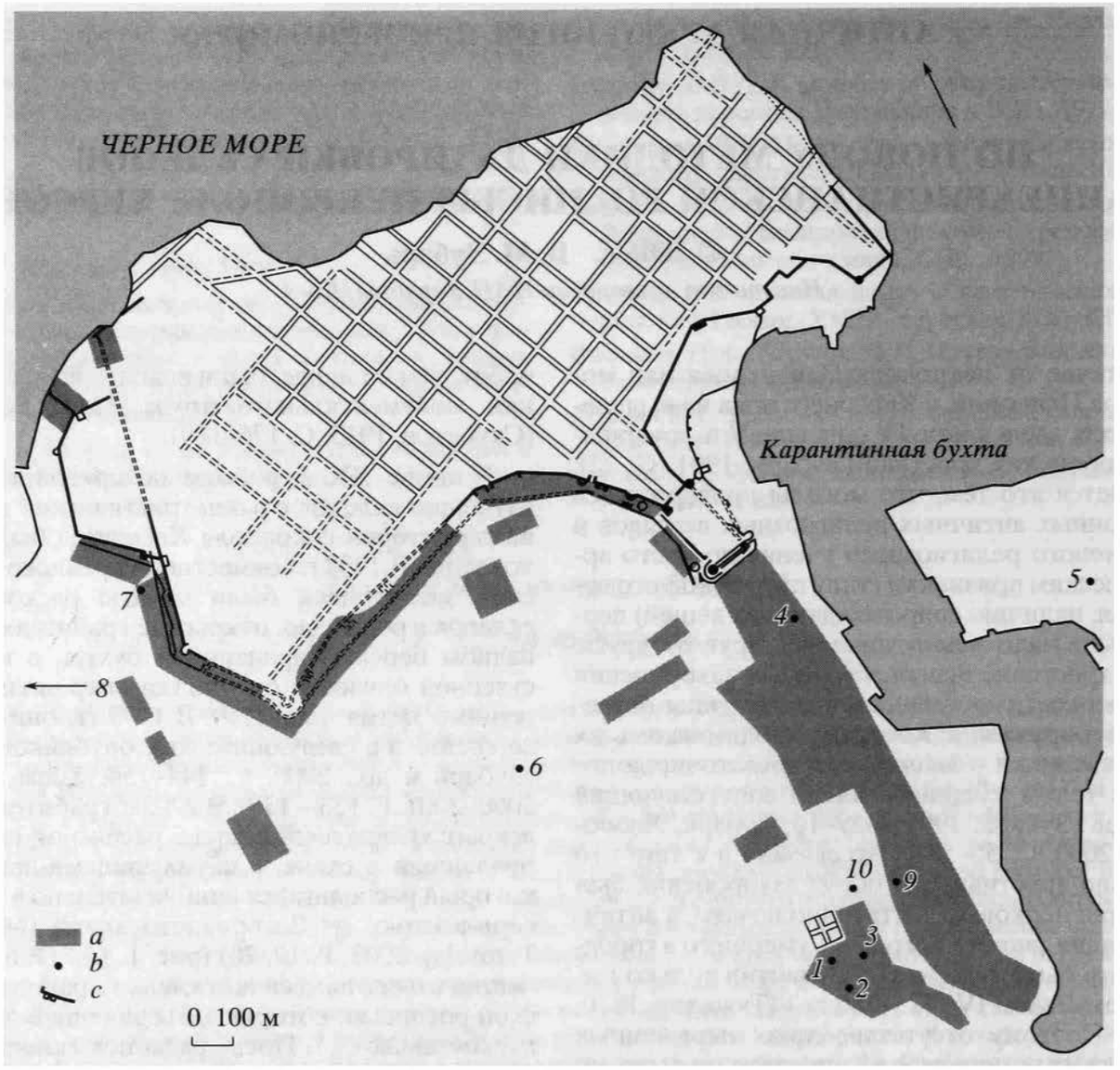


Рис. 1. Схематический план расположения склепов с раннехристианской росписью, по М.И. Ростовцеву, с дополнениями автора. *a* – раскопанные участки некрополя; *b* – склепы с росписью; *c* – оборонительные стены. *1* – склеп 1905 г.; *2* – склеп 1905 г.; *3* – склеп 1904 (1893) г.; *4* – склеп 1907 г.; *5* – второй склеп 1907 г.; *6* – склеп 1912 г.; *7* – склеп 1909 г.; *8* – склеп на земле Н.И. Тура; *9* – два склепа 1998–1999 гг.; *10* – склеп 2002 г.

поле Херсонеса нельзя считать окончательно решенным, и дискуссия по этой проблеме активизировалась в последнее время (Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 58–81; Зубарь, 2002. С. 105–108; 2004. С. 75–82; ср.: Диатроптов, 2002. С. 34–37; Завадская, 2003. С. 408–412; 2005. С. 258–288).

Датировка склепов с росписью самым непосредственным образом связана не только со временем проникновения и утверждения христианства, но и с вопросом о локализации древнейших участков христианских захоронений на территории некрополя Херсонеса. Поэтому, не претендуя на окончательное решение этой сложной проблемы, которое во многом зависит от дальнейшего анализа фактического материала и новых подходов, следует обратить внимание на методику датировок раннехристианской росписи склепов Херсонеса, предложенную И.А. Завадской и П.Д. Диатроптовым, и высказать по этому вопросу ряд критических замечаний.

И.А. Завадская считает, что монеты, на основании которых М.И. Ростовцев определял дату росписи, могли попасть в склепы в начальный период своего "хождения", а не по прошествии определенного отрезка времени, хотя и признает, что монеты IV–V вв. могли находится в обращении до VII в. К этому следует лишь добавить, что, как правило, в могилы попадали монеты, уже не имевшие реальной ценности, и уже поэтому они не могут служить надежным основанием для датировки погребальных комплексов, с чем полностью согласна И.А. Завадская. Исследовательница считает, что решающее значение для определения даты имеют не монеты, а стилистические особенности росписи (2003. С. 408, 409; 2005. С. 258–288), с чем трудно не согласиться.

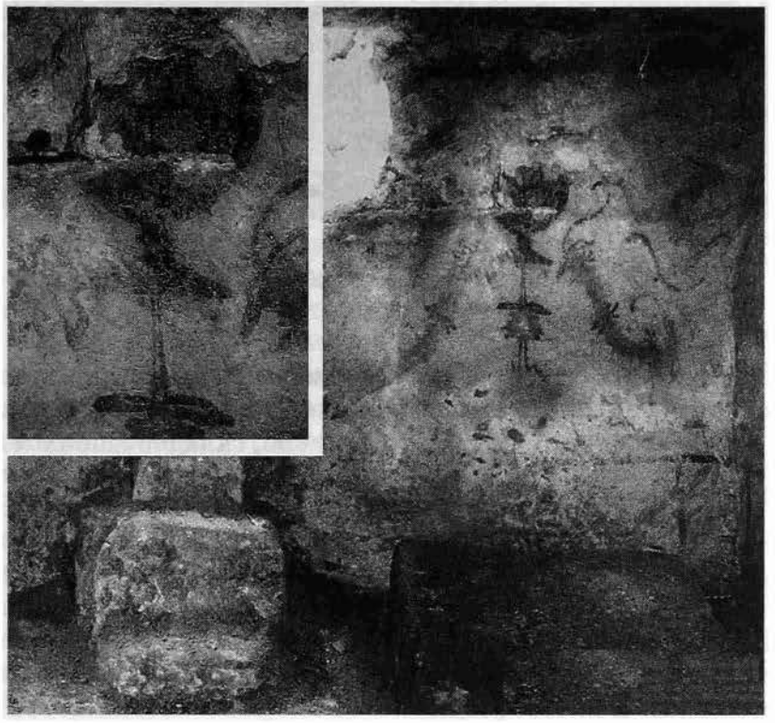


Рис. 2. Фрагмент росписи с изображением чаши в склепе № 1 1998–1999 гг.

В работе, где уточнялась предложенная ранее датировка склепов с раннехристианской росписью, автор уже обращал внимание на изображение чаши на высокой ножке в росписи склепа № 1 1998/1999 гг., которая передана достаточно реалистично (рис. 2). Это, видимо, стеклянная чаша (потир), с округлым, плавно повышающимся к венчику туловом и конусовидной подножкой, написанная черной и синей краской. Характер венчика неясен, так как рисунок верхней части сосуда не сохранился вследствие разрушения в этом месте скалы. Судя по сохранившейся части изображения чаши, особенно ее ножки, сосуд принадлежит к категории рюмок, с округлым дном, широким полусферическим туловом и конусовидной в сечении подножкой со слабым утолщением на середине ее высоты, как правило, изготовленных из стекла серо-голубого оттенка. По закрытым комплексам можно утверждать, что такие сосуды широко использовались в различных центрах Средиземноморья и Причерноморья, включая Херсонес. Причем не исключено, что они изготовлялись в местных мастерских, о чем свидетельствуют их находки в Херсонесе вместе с остатками стеклоделательного производства (Голофаст, 1998. С. 321). Появляется такая форма сосудов во второй половине V в., а период наиболее широкого распространения приходится на VI–VII вв. (Голофаст, 2001. С. 155, 156). Исходя из этого, за terminus post quem для росписи склепа было предложено принимать вторую половину V в., а само погребальное сооружение датировать несколько более поздним временем, так как в раннехристианской живописи могли найти отражение более или менее массовые образцы стеклянной посуды, использовавшейся в быту и церковных обрядах населением Херсонеса (Зубарь, 2004. С. 75–82).

Но И.А. Завадская, ознакомившись, правда, только с тезисами доклада на эту тему (Зубарь, 2002. С. 107, 108), а не с аргументацией, изложенной позднее в специальной статье (Зубарь, 2004. С. 75–82), не согласилась со сделанным выводом. Она полагает, что чаша в росписи этого склепа являлась не изображением какого-то конкретного сосуда, а была лишь обобщенным образом данного культового предмета, и его сходство с определенным типом может быть вполне случайным, хотя и не отрицает возможности отнесения росписи этого склепа ко времени не ранее второй половины V в. (Завадская, 2003. С. 412). Однако возникает вопрос, как тогда объяснить наличие изображения совершенно аналогичного сосуда в мозаичном полу расположенного рядом со склепом Загородного храма (рис. 3), возведение которого, как и большинства херсонесских базилик, И.А. Завадская относит ко второй половине VI – началу VII в. (2000. С. 77–90). Если даже принять заключение о том, что в склепе № 1 1998–1999 гг. культовый сосуд являлся "лишь обобщенным образом", то все-таки нужно признать, что наличие таких "обобщенных образов" и в росписи склепа, и в мозаике пола христианского храма свидетельствует о хронологической близости этих памятников, отражающих определенный этап развития раннехристианского декоративного искусства (ср.: Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 78, 79, 86, 87). В этом отно-

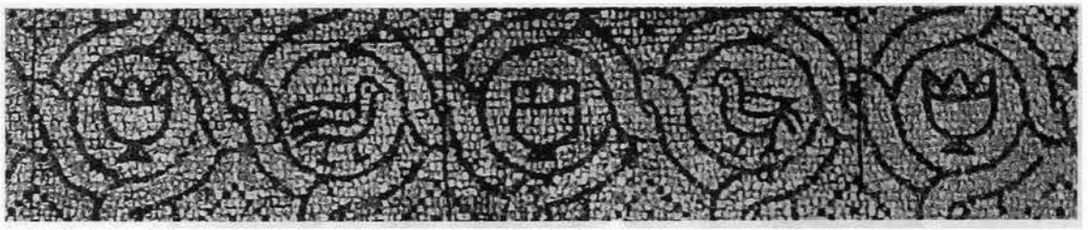


Рис. 3. Фрагмент мозаичного пола Загородного храма.

шении примечательно, что шесть из одиннадцати склепов с раннехристианской росписью открыты поблизости Загородного храма и, по всей видимости, связаны с ним (рис. 1).

И.А. Завадская, как, впрочем, и П.Д. Диатроптов, поддерживают мнение М.И. Ростовцева о том, что христианская живопись в Херсонес была привнесена в уже готовом виде извне и по своему характеру близка живописи восточных областей Римской империи, где под сильным влиянием античных традиций формировались сюжеты раннехристианского искусства (Завадская, 2003. С. 409). А П.Д. Диатроптов, вслед за М.И. Ростовцевым совершенно определенно указал, что херсонесские росписи созданы по влиянием сирийского искусства, "хотя весьма самобытны и прямых аналогий не имеют" (Диатроптов, 2002. С. 34). Наиболее близкие параллели им следует искать среди аналогичных памятников некрополя Сердики (сов. София), так как в восточных областях Римской империи росписей, подобных херсонесским, пока не зафиксировано (Ростовцев, 1914. С. 84; ср.: Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 84; Диатроптов, 2002. С. 34). На основании сравнения с группой аналогичных памятников, открытых в некрополе Сердики и датирующихся концом IV–V в., он полагает, что и херсонесские склепы должны быть отнесены к тому же времени, исключая конец V в. (Диатроптов, 2002. С. 35, 36). С такой датировкой в принципе согласна и И.А. Завадская, которая на основании наличия сходных мотивов в росписи херсонесских склепов и склепов, открытых в Сердике, а также в некрополях других центров преимущественно Балканского полуострова, относит раннехристианскую роспись Херсонеса ко времени не позднее конца V в. (2003. С. 409–411; 2005. С. 258–288).

Однако такой методический подход к датировке херсонесских склепов с росписью вызывает определенные сомнения. Не отрицая близости раннехристианской росписи херсонесских склепов и аналогичных памятников Сердики, а также других центров Балканского полуострова, следует подчеркнуть, что они лишь стилистически близки, но не тождественны. Сходство же сюжетов и техники живописи следует объяснять не прямым заимствованием, в пользу чего нет никаких оснований, а только общей линией развития раннехристианского декоративного искусства того времени. Хронологические рамки ряда элементов росписи в зависимости от конкретно-исторических условий, складывавшихся в том или ином центре в период распространения и утверждения новой религии, могли варьироваться. Ведь от особенностей процесса христианизации в конечном итоге зависели формы и художественные приемы, которые использовались в декоративном искусстве в течение IV–VI вв. Поэтому на основании сходства сюжетов росписи склепов Балканского полуострова и Херсонеса нельзя исключать того, что в последнем имело место некоторое "запаздывание" хронологических рамок бытования того или иного элемента в сравнении с центрами, где процесс христианизации, безусловно, шел быстрее, чем в Таврике. М.И. Ростовцев специально подчеркивал, что роспись херсонесских склепов была принесена сюда уже в полностью сформировавшемся виде (1914. С. 440–441). Значит, появление склепов с такой росписью следует связывать не столько с проникновением христианской идеологии вообще, сколько со временем утверждения новой идеологии в среде херсонесской знати, которой принадлежали эти погребальные сооружения (ср.: Завадская, 2003. С. 412; 2005. С. 258–288).

Это позволяет усматривать определенную связь между появлением склепов с раннехристианской росписью и временем укрепления связей Херсонеса с Восточно-Римской империей, где христианская религия стала государственной и администрация которой активно поддерживала процесс христианизации. В отличие от более раннего времени, когда новая религия была религией в основном бедноты, в позднеантичный период ее приверженцами становились достаточно состоятельные люди, ибо после соответствующих императорских распоряжений только христиане могли рассчитывать на сохранение своего достаточно высокого социального статуса (ср.: Macr. Sat., III, 6; Amm. Marc., XXIII, *3, 7*; Буасье, 1892. С. 411–414). Ведь только лица, обладавшие достаточным состоянием и принадлежавшие к высшему сословию общества, могли позволить себе при жизни построить усыпальницу и украсить ее стены живописью христианского содержания (ср.: Завадская, 2005. С. 269). Следовательно, для появления таких памятников, как, впрочем, и первых христианских

храмов на территории города, должны были сложиться определенные условия.

Если обратиться не к "Житиям св. епископов Херсонских", которые не могут использоваться как аутентичный источник, а к тому, что сейчас действительно известно о позднеантичном Херсонесе, то можно констатировать, что, судя по началу чеканки в городе монет имперского облика не ранее второй четверти – середины V в. (Коршенко, 2000. С. 228–231; Соколова, 1983. С. 17, 18), византийская администрация именно в это время активизировала свою политику в Таврике. В этом отношении весьма показательна надпись времени правления императора Зинона (474–491 гг.), которая датируется 487/488 г. (Латышев, 1896. С. 7–15, № 7; Храпунов, 2004. С. 525–530). А экономический подъем, начавшийся при императоре Анастасии (491–518 гг.), подготовил развитие экспансионистского направления во внешней политике Византии, которое наиболее ярко проявилось в период правления Юстиниана I (527–565 гг.). В период его достаточно длительного правления была провозглашена политика реставрации Римской империи с центром в Константинополе в ее прежних границах. Эта идея была горячо поддержана византийским духовенством, которое провозгласило единство всей христианской ойкумены, естественно, во главе с константинопольским патриархом. Именно тогда окончательно Таврика вошла в орбиту политики Византии (Зубарь, Сорочан, 1998. С. 120, 121), а Херсонес юридически был включен в ее состав (Храпунов, 2004. С. 530–532), что, видимо, можно предположительно относить к промежутку времени между 532 и 539 гг. (Успенский, 1996. С. 307). К периоду правления Юстиниана I и его наследников относится начало широкомасштабного строительства на территории города христианских храмов (Завадская, 2000. С. 77–90). Целенаправленной политикой имперской администрации был обусловлен переломом, который ознаменовал собой завершение переходного периода от язычества к христианству (Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 98). Поэтому время правления этого императора, скорее всего, и является terminus post quem для христианской росписи большинства склепов Херсонеса, принадлежавших, вне всякого сомнения, представителям семей социальной верхушки общества.

С другой стороны, для датировки христианской росписи херсонесских склепов в первую очередь следует использовать сравнительный материал не из других районов христианского мира, а те, пусть и не многочисленные, хронологические реперы, которые имеются в памятниках собственно Херсонеса, и в частности изображение уже упоминавшегося сосуда в росписи склепа № 1 1998–1999 гг., аналогия которому имеется в мозаиках пола Загородного храма. Как уже отмечалось, стиль раннехристианской росписи склепов достаточно близок, если не тождественен, оформлению мозаичных полов христианских базилик, в котором преобладают орнаментальные мотивы, изображения виноградной лозы, канфары, гроздья винограда, птицы, животные, павлины, птицы у канфара, т.е. мотивы, которые символизировали райский сад, Христа и его учение. Цветовая палитра росписи херсонесских склепов и мозаик также очень близки между собой (Якобсон, 1959. С. 223–247; Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 87). Все это самым непосредственным образом связано с художественной формой выражения раннехристианской догматики. Ввиду этого херсонесские склепы с росписью и мозаики базилик следует рассматривать в качестве двух категорий памятников, отражающих одно и то же культурно-историческое явление, и можно полагать, что они были близки не только стилистически, но и хронологически.

Исходя из особенностей конкретно-исторического развития Херсонеса в позднеантичный период, а также близости целого ряда элементов раннехристианской росписи сюжетам мозаичных полов базилик, можно констатировать, что в настоящее время нет надежных оснований относить появление склепов рассматриваемой группы ко времени ранее конца V в. Напротив, имеется ряд достаточно весомых аргументов в пользу датировки большинства склепов с раннехристианской росписью периодом, близким времени массового строительства базилик, полы которых были украшены близкими по смысловой нагрузке и стилю исполнения мозаиками, т.е. VI в. Определенный же хронологический разрыв между раннехристианской росписью склепов Херсонеса и аналогичных погребальных памятников, например Балканских провинций Византии, следует объяснять достаточно медленным процессом утверждения христианства в этом центре. Не в последнюю очередь это могло быть связано с традиционным консерватизмом греков – херсонеситов, засвидетельствованным различными категориями источников для более ранних периодов истории этого центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буасье Г. Падение язычества. Исследование последствий религиозной борьбы на Западе в IV в. СПб., 1892.

Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.

Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 2001. Вып. 8.

Диатроптов П.Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.

Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. 7.

Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып. 10.

Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2005. Т. 11.

Зубарь В.М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988.

Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991.

Зубарь В.М. Новые материалы к датировке раннехристианской росписи склепов некрополя Херсонеса // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Матер. науч. конф. Судак, 2002.

Зубарь В.М. Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998–1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // Сугдийский сборник. Киев; Судак, 2004.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Херсонский сборник. 1998. Вып. 9.

Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000.

Зубарь В.М., Пиллингер Р., Туровский Е.Я. Отчет о раскопках склепов с полихромной росписью на территории некрополя Херсонеса в 1998–1999 гг. // Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.). Киев, 2000.

Коршенко А.Н. Херсонесский выпуск монет Федосия II и Валентиниана III // МАИЭТ. 2000. 7.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

Скубетов М.И. Проект реставрации росписи склепа № 2086 // ИАК. 1907. Вып. 25.

Скубетов М.И. Проект реставрации росписи склепа № 2114 // ИАК. 1907б. Вып. 25.

Скубетов М.И. Древне-христианский фамильный склеп IV века с фресковой декоративной росписью близ Херсонеса (на земле Н.И. Тура), окончательно доследованный в ноябре 1912 г. // ИТУАК. 1915. № 53.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении церкви после Юстиниана. М., 1876.

Успенский Ф.И. История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996.

Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Т. 63.

Marchenko L.V., Turovskij E.J. A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersonesse Tauric //International Conference: The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d–7th c. AD). Varna, 2003.

Zubar V.M., Pillinger R. New Tombs with Early Christian Murals from the Necropolis of Tauric Chersonesus (Preliminary Note) // TALANTA. 2000–2001. № 32–33.

On the method of dating crypts with early Christian paintings from the necropolis of Chersonesos

V. M. Zubar'

Summary

The article covers the issue of dating previously known and recently discovered crypts with paintings on Christian subjects in Chersonesos (11 crypts). On the basis of data on the political, cultural and religious development of the town in the second third of the 1st millennium B.C., the author concludes that the crypts could not have appeared earlier than the second half of the 5th c., whereas traditional datings, which still have many adherents, relate them to the 4th – beginning of the 5th cc. B.C. The argumentation is based on numismatic materials and the iconography of the crypts.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 137–141

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ОБ ОДНОЙ ПОМЕТКЕ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

© 2006 г. Г. П. Гарбузов

ЮРИА-Центр, Ростов-на-Дону

На археологической карте Таманского п-ова, составленной сотрудниками Таманской экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. под руководством А.А. Миллера (1931. Л. 3а. Паромов, 1992. С. 124, 125), хорошо различима двойная пунктирная линия, пересекающая небольшой мыс на северном побережье Динского залива, расположенного в северо-западной части Таманского п-ова (эта часть нередко выделяется в самостоятельный Фонталовский п-ов). Мыс находится менее чем в километре к югу от современного пос. Батарейка (рис. 1). Использованное на археологической карте условное обозначение наиболее близко по внешнему виду к обозначению вала, например на той же карте сходным образом – только значительно более аккуратно – обозначен вал (с поясняющей надписью – "Вал") между оз. Соленым и лиманом Цокур (около 2.5 км к северо-западу от современного пос. Веселовка) (Миллер, 1931. Л. 8). Археологическая карта демонстрирует большое внимание составителей к топографическому обеспечению экспедиционных работ. Ее топографическую основу составляет прорисовка с топографической карты масштаба 1 верста в 1 дюйме (1 : 42000), фиксирующей состояние местности (населенные пункты, дороги, топонимика), сложившееся скорее всего в 10-х годах XX в. Учитывая это, а также внимание к созданию достоверной картографической отчетности, указанная на рис. 1Б деталь карты едва ли может считаться случайной пометкой – в пользу такого предположения говорит и наш анализ имеющихся данных дистанционного зондирования.

В отмеченном на археологической карте двойным пунктиром месте мыса практически на всех доступных данных дистанционного зондирования по спектральным и фотометрическим свойствам выделяется линейная особенность, ее вид иллюстрируется фрагментами космофотоснимка КФА-1000 (рис. 2*а*), цифрового изображения космической системы SPOT (панхроматический канал) (рис. 2*б*), аэрофотоснимков разного масштаба и времени съемки (рис. 2*в*, *г*). (Автор признателен Ю.В. Горлову (ИА РАН) за возможность ознакомиться с архивными аэрофотоснимками). Наиболее ярко – в прямом и переносном смысле – этот признак читается в условиях свежей вспашки на крупномасштабном аэрофотоснимке 1970 г. (рис. 3).

Весной 2003 г. указанный мысовой участок был осмотрен в ходе полевого обследования. Линейной особенности, заметной на дистанционных данных, на местности соответствует очень пологий вал высотой не более 0.3–0.4 м. Длина его от берега мелководного лимана с северной стороны мыса до южного обрывистого берега высотой 7–8 м составляет около 300 м (по GPS-измерениям), ширина – не менее 25 м, ориентация вала (дирекционный угол) – около 345°. Более точно ширину вала в северной, наиболее отчетливо выраженной на аэрофотосъемке части вала, можно оценить по укрупненному фрагменту снимка 1970 г. (рис. 3*б*) и представленным на рис. 3*в* фотометрическим профилям (измерения яркости фотоизображения вдоль определенной линии). Все профили нормированы на максимальное значение и сглажены фильтром "скользящее среднее" с N = 6 для устранения влияния мелких пространственных неоднородностей яркости фототона, порядок отсчета значений каждого профиля – с запада на восток. Укрупненный фрагмент снимка показывает, что на северном отрезке протяженностью до 100 м яркая осветленная полоса вала имеет почти одинаковую ширину (около 24 м) с резко очерченными краями. По фотометрическим профилям, улавливающим небольшие колебания яркости фототона снимка, максимальная ширина основания вала может достигать здесь 35–40 м (рис. 3*в*, профили 1, 2). В центральной части вала осветленная полоса сужается до 15–16 м, вновь расширяясь до 20–21 м у южного края. Рельеф и почвенный покров мысового участка и примыкающей к нему с востока территории представлены на рис. 4, экспликация к почвенной карте содержится в таблице (использованы данные почвенного обследования 1981 г., архив института КубаньНИИгипрозем, г. Краснодар).

Отметим, что совсем неподалеку от рассматриваемого вала с помощью аэрофотосъемки выделены признаки древнего землеустройства – первые составляющие густой сети межевых признаков, так называемого неправильного (нелинейного) типа, с радиально-кольцевой схемой пространственной организации становятся различимы на снимках всего в 500–600 м восточнее вала (Гарбузов, 2003. Рис. 5). Ближайшие к мысовому участку хорошо заметные признаки этого межевания

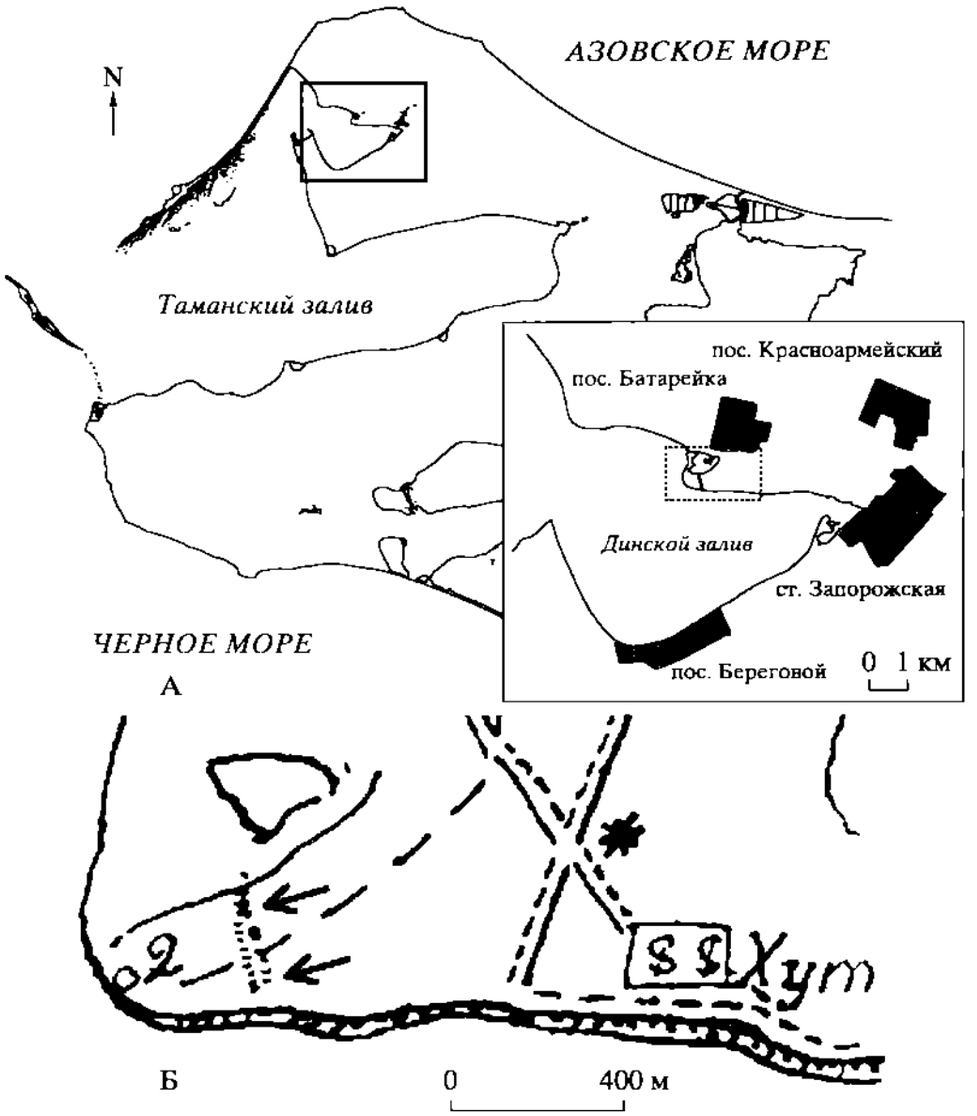


Рис. 1. Рассматриваемый район Таманского п-ова: А – ситуационный план; Б – фрагмент археологической карты Таманской экспедиции А.А. Миллера (стрелки на рисунке указывают на обозначение вала).

нанесены на схему (рис. 4Б), фрагменты фотоизображений межевых признаков (аэрофотосъемка 1958 г.) и их фотометрические профили приведены на рис. 5. Ширина межевых признаков может быть оценена по снимкам в 20–25 м, что близко значению, полученному для ширины мысового вала.

Является ли рассматриваемый вал межевым признаком? Несмотря на близкие метрические и топологические характеристики вала и межевых элементов, следует обратить внимание на то, что между валом и выделяемыми по аэрофотосъемке признаками древнего землеустройства существует пространственный разрыв. Область с большой плотностью заметных межевых признаков практически совпадает с границей почвы 1 (рис. 4Б; таблица). Почвы этого вида могут служить своеобразным индикатором древнего межевания – межевые признаки уверенно выявляются как минимум на 2/3 общей площади этих почв, несколькими разными по размеру контурами, занимающими приблизительно 25% площади Фонталовского п-ова (всего в пределах этих контуров размещается около половины межевых признаков нелинейного типа, учтенных для Фонталовского п-ова). Для почв видов 2 и 3, покрывающих мысовой участок, межевые признаки уже не характерны – в этом смысле вал в своем почвенном окружении выглядит нарушением общей закономерности.

Однако вряд ли древнее землеустройство столь точно подстраивалось под контуры современных почв. Правдоподобнее будет считать, что немотивированное топологией межевых систем исчезновение хорошо заметных на аэрофотоснимках межевых признаков при переходе почвенных границ объясняется изменениями почвенных свойств, произошедшими уже после землеустройства. В пользу того, что свойства почв Таманского п-ова должны были заметно меняться, по крайней мере в прибрежной зоне, говорит надежно установленный факт повышения уровня Таманского залива в период с середины I тыс. до н.э. до наших дней на величину до 5–6 м (Поротов и др., 2004). Помимо

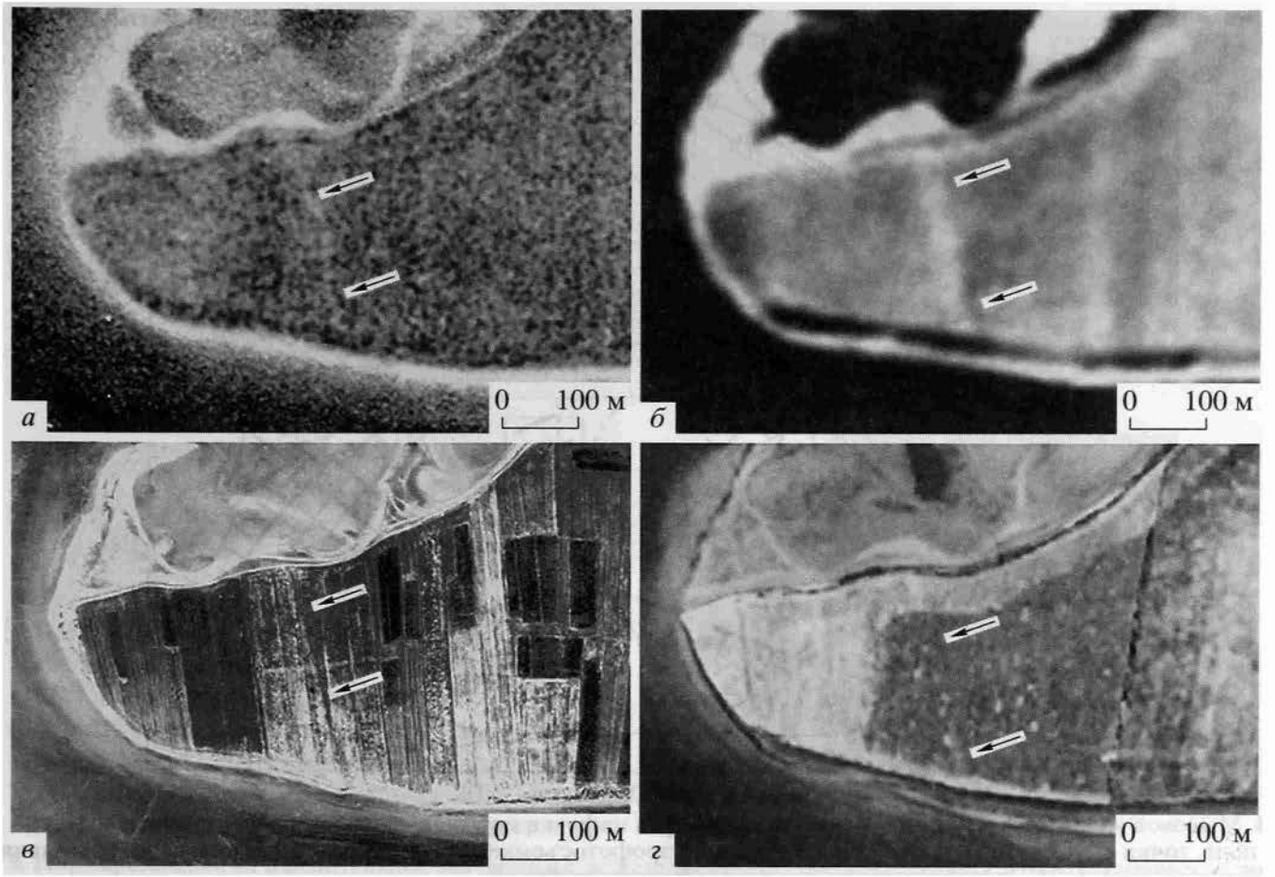


Рис. 2. Фрагменты дистанционных данных для мысового участка: *а* – спектрозональный космофотоснимок КФА-1000 (съемка 1993 г., пространственная разрешающая способность 4 м); *б* – панхроматический снимок SPOT (1994 г., 10 м); *в* – крупномасштабный аэрофотоснимок (1958 г.); *г* – аэрофотоснимок (1978 г.). Стрелками обозначена линейная спектрофотометрическая особенность.

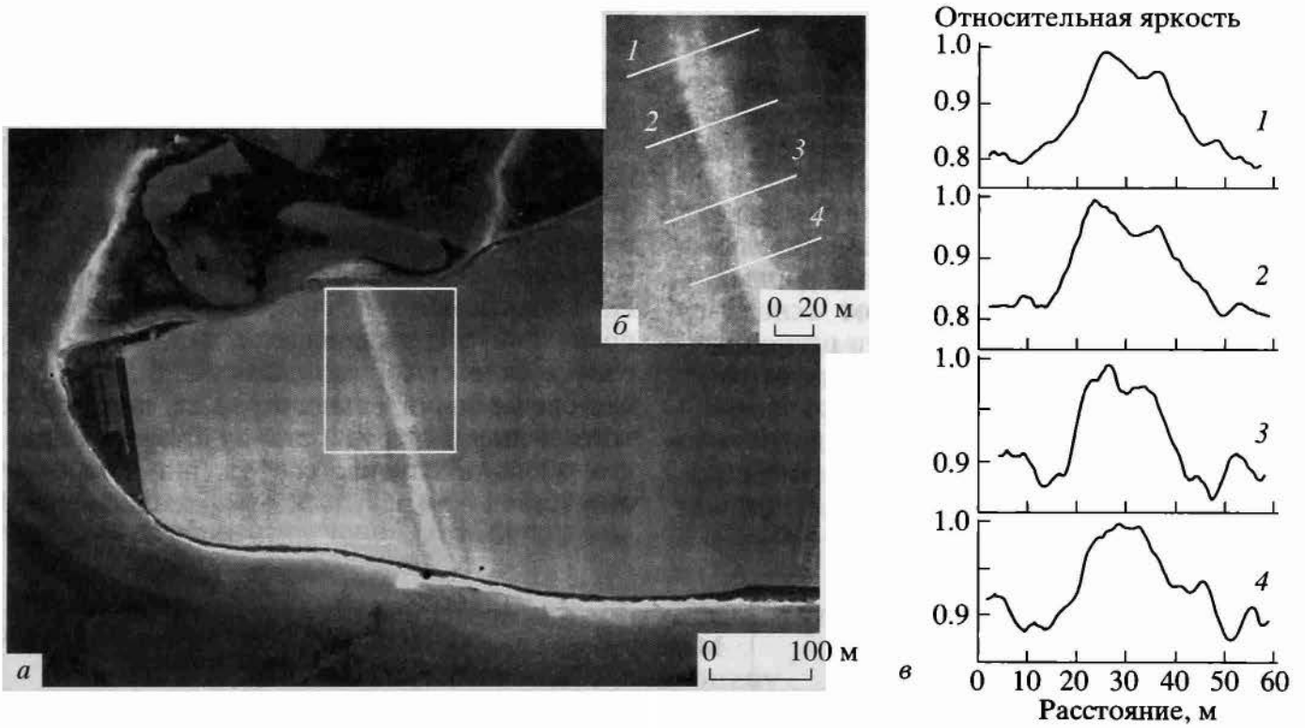


Рис. 3. Соответствующая отметке на археологической карте линейная особенность на крупномасштабном аэрофотоснимке 1970 г.: *а* – общий вид мысового участка; *б* – северная часть линейной особенности, вдоль отрезков *1–4* производились измерения яркости фототона; *в* – нормированные на максимальное значение и сглаженные статистическим фильтром фотометрические профили.

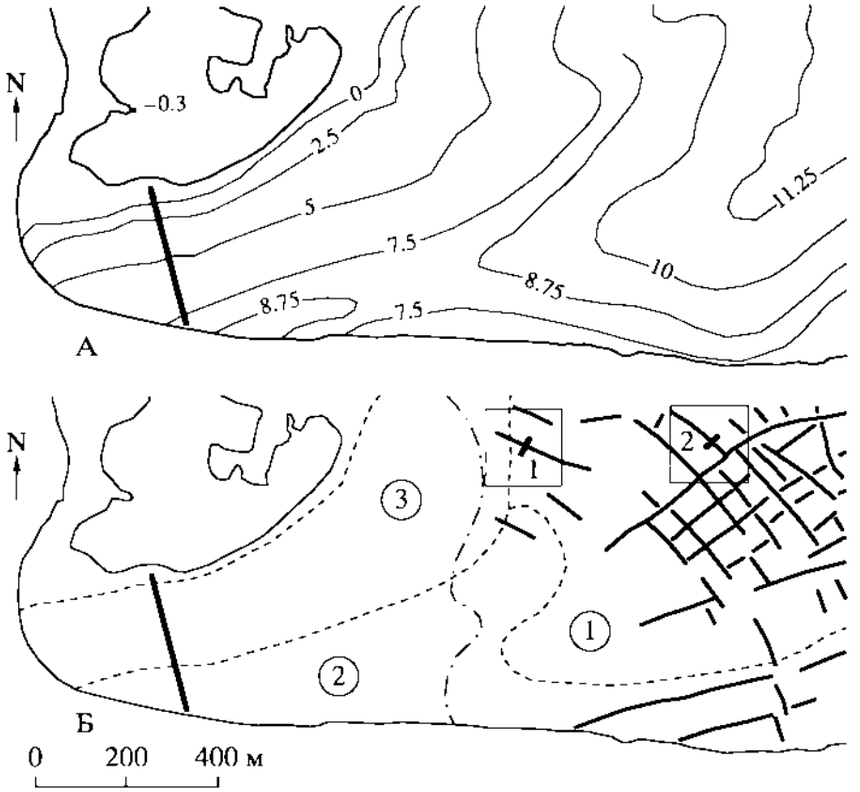


Рис. 4. Мысовой участок: А – рельеф, Б – почвенная карта цифры в кружках – виды почв; пунктирные линии; – границы почв, точки с пунктиром – почвенная граница (по аэрофотосъемке). На схему нанесены признаки межевания (по аэрофотоснимкам). *1*, *2* – места измерения фотометрических профилей.

этого, изменения почвенных свойств могли происходить под воздействием эрозии и засоления в условиях длительной антропогенной нагрузки на агроландшафты.

Не исключено, что межеванием было затронуто все пространство мыса, на котором находится рассматриваемый вал. Сходство его метрических параметров с характеристиками конструктивных элементов соседней системы землеустройства может означать, что вал изначально соответствовал одному из межевых признаков, а исключительная выраженность вала на дистанционных данных, в сочетании с очевидным отрывом от основного массива заметного землеустройства и расположением среди ныне "немежевых" почв, может говорить о том, что в более позднее время исходный межевой элемент подвергся доработке, после чего и приобрел столь яркие фотометрические свойства. Очень косвенно об относительно позднем происхождении вала может говорить и датировка – VШ–IX вв. н.э. – довольно большого количества (около 30) фрагментов керамики, собранных непосредственно на валу, в основном на его центральном отрезке. Датировка керамического материала проведена И.В. Толочко (Археологический музей-заповедник "Танаис").

По функциональному назначению отмеченный на археологической карте и отчетливо выделяющийся на дистанционных данных вал, даже при возможном сближении с межевыми конструкциями, более всего напоминает мысовое укрепление. На Таманском п-ове известен целый ряд мысовых поселений, огражденных с напольной стороны рвом и валом (Абрамов, 2000. С. 8). В нашем случае следы значительного рва не заметны, кроме того, основная трудность в интерпретации вала как оборонительного сооружения заключается в отсутствии – по результатам археологических раз-

Таблица. Экспликация к почвенной карте

Название почвы	Механический состав	Почвообразующие и подстилающие породы
Чернозем южный карбонатный слабогумусный мощный	Тяжелосуглинистый	Лессовидные тяжелые суглинки
Чернозем южный карбонатный глубокосреднезасоленный слабогумусный среднемощный	Тяжелосуглинистый	Лессовидные тяжелые суглинки
Чернозем южный карбонатный глубокосильнозасоленный слабогумусный мощный	Среднесуглинистый	Лессовидные средние суглинки

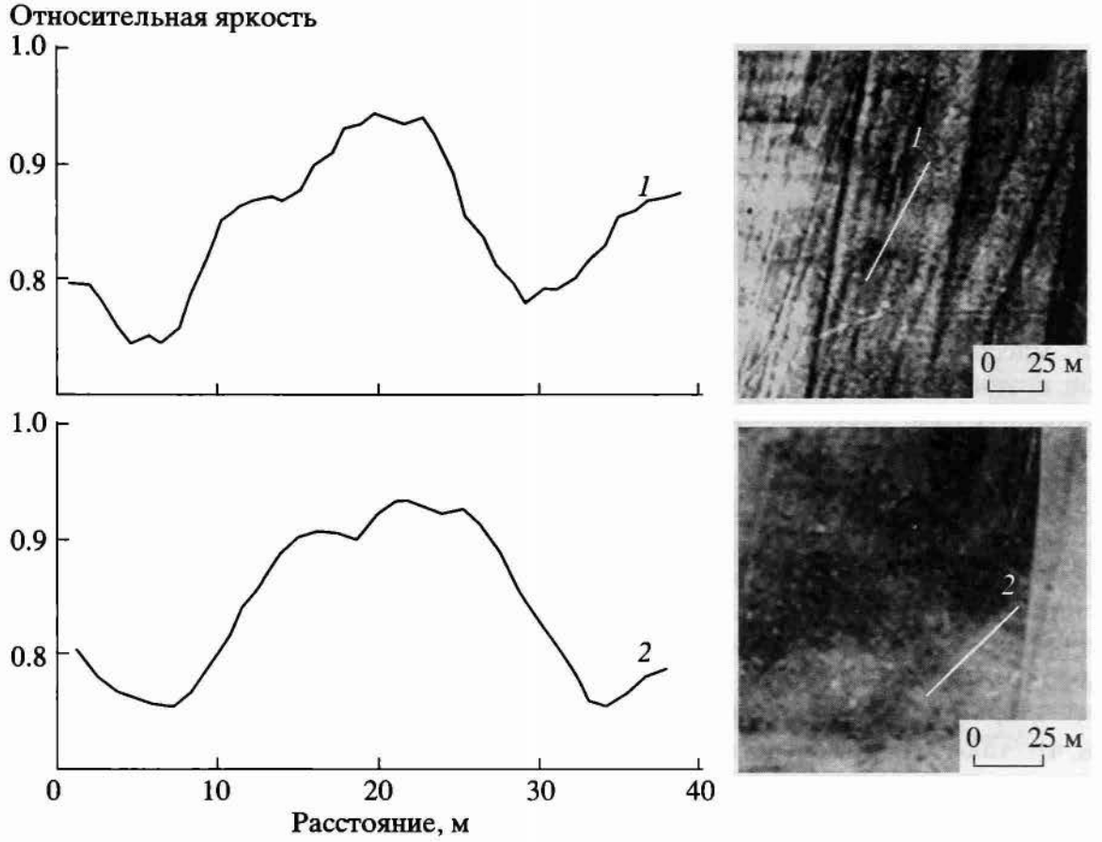


Рис. 5. Нормированные на максимальное значение и сглаженные статистическим фильтром фотометрические профили для типичных межевых признаков.

ведок – на отгораживаемой валом части мыса какого-либо поселения. Но, с другой стороны, известно, что округа мысового участка насыщена древними поселениями: на северном берегу Динского залива на расстоянии до 2 км от вала находится три поселения, существовавших в широком временном интервале, от поздней классики и эллинизма до тмутараканского периода (Паромов, 1992. Рис. 3. Табл.). С этими поселениями связаны две крепости-батарейки, ближайшая из которых расположена всего в 1100 м от северной оконечности вала. Так что вполне вероятно, что отсутствие мысового поселения является следствием абразионного разрушения берегов мыса и изменения уровня моря.

И, вместо заключения, – небольшая деталь археологической карты начала 1930-х годов указывает на объект, заслуживающий, на наш взгляд, внимания и подробного изучения, тем более что это внимание будет еще и данью уважения по отношению к людям, работавшим над составлением этого документа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П. Западная граница Патрейского городища // Древности Боспора. 2000. № 3.

Гарбузов Г.П. Анализ пространственного размещения крепостей Фонталовского полуострова // Древности Боспора. 2003. № 6.

Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК 1930–1931 гг. // Архив ИИМК. 1931. Р-1. № 158.

Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1992. № 1.

Поротов А.В., Горлов Ю.В., Янина Т.А., Фуаш Э. Особенности развития черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене // Геоморфология. 2004. № 4.

On a certain mark on the archeological map of the Taman' peninsula

G. P. Garbuzov

Summary

On the basis of certain remote sensing data, the article identifies a really existing anthropogenous element behind an insignificant detail in the archeological map of the Taman' peninsula compiled at the beginning of the 1930s by the expedition headed by A.A. Miller (1875–1935).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 142–144

ПУБЛИКАЦИИ

"АМФОРКИ" СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2006 г. Л. И. Маслихова

Воронежский государственный педагогический университет

Из общей массы керамического материала среднедонской катакомбной культуры выделятся немногочисленная группа сосудов – так называемые амфорки, по типологии С.Н. Братченко – отдел V, группа Б, тип 3 (1976. С. 28). Это небольшие сосуды с высоким прямым горлом, низким, часто шаровидным туловом и чаще всего с четырьмя ушками с отверстиями, расположенными в верхней части тулова или по ребру. Орнаментация как правило выполнена прочерченными линиями и наколами в виде горизонтальных рядов в сочстании с треугольниками вершинами вверх или вниз.

Считалось, что такого рода сосуды не характерны для среднедонской катакомбной культуры Среднего Подонья, но есть на Донетчине (Смирнов, 1996. С. 84). Лишь один такой сосудик был найден еще в начале XX В. Тевяшовым в кургане в урочище Марки (Пряхин и др., 1991. С. 16. Рис. 2, *18*).

К настоящему времени на территории Среднего Подонья выявлено уже семь экземпляров подобных сосудов.

"Амфорка" из урочища Марки (рисунок, *7*) – сосуд высотой 6 см, с шаровидным туловом, прямым горлом и шестью симметричными ручками-ушками, четыре из которых имеют вертикальные отверстия. "Амфорка" полностью орнаментирована по внешней поверхности, включая дно. Горло и верхняя часть тулова покрыты широкими прочерченными горизонтальными линиями; в придонной части орнамент выполнен теми же прочерченными линиями, образующими зигзаг с наколами внутри; на дне изображен крест, заключенный в круг (Пряхин и др., 1991. С. 16. Рис. 2, *18*).

"Амфорка" из погребения 4 кургана 1 Луговского могильника (рисунок, *2*) – аналогичный по форме сосудик высотой 8 см с высоким узким горлом и четырьмя ручками-ушками с вертикальными отверстиями. Он также полностью орнаментирован прочерченными линиями, образующими треугольные композиции. В комплекс погребения 4 помимо данного сосуда входят восьмиствольная "флейта Пана", снизка бронзовых бус бочонковидной, спиралевидной и других форм, а также жаровня из придонной части горшка с косыми насечками "гребенки" у днища (Синюк, 1996. С. 162. Рис. 35, *1–5*).

Сосудик из погребения 2 кургана 6 могильника у с. Герасимовка (рисунок, *3*) высотой 9 см имеет достаточно высокое цилиндрическое горло, сфероидное тулово с четырьмя ушками-налепами с горизонтальными отверстиями. Горло украшено горизонтальными шнуровыми оттисками, на тулове – "арковидный" шнуровой орнамент (Маслихова, 2005. С. 104. Рис. 2, *33*). Из этого же погребения происходит неорнаментированный приземистый сосуд с коротким прямым горлом.

Сосуд из погребения 7 Новохарьковского грунтового могильника (рисунок, *1*) несколько больший по размерам (высота 13.6 см), но тех же пропорций. Он имеет высокое прямое горло, сфероидное тулово и плоское дно. В верхней части тулова размещены три монолитных ушка с вертикальными отверстиями. Орнаментирован по всей внешней поверхности, включая и днище, прочерченными линиями. На тулове они образуют трехзонную композицию из "заполненных" треугольников и узких поясков, внутри которых размещены мелкие ямочные вдавления. На дне – изображение креста (Синюк, 2002. С. 184. Рис. 2, *1*).

В этом же погребении был обнаружен еще один сосуд, который представляет собой горшок с невысоким плавно отогнутым наружу венчиком. Он относительно тонкостенный, без видимых примесей в тесте, внешняя поверхность серо-желтого цвета хорошо сглажена, внутренняя – несет следы штриховки. Сосуд орнаментирован по всей поверхности оттисками гребенчатого штампа в горизонтальную "елочку" с сильным наклоном оттисков (Синюк, 2002. С. 184. Рис. 2, *3*).

"Амфорка" из погребения 1 кургана 9 Заречснского могильника (рисунок, *5*) отличается достаточно необычной формой. Она имеет прямое горло, хорошо профилированные плечики, переходящие в "тулово-ножку". На ребре – четыре монолитных ушка с горизонтальными отверстиями. Сосуд полностью орнаментирован. На горле и верхней части тулова – горизонтальные прочерченные линии и ямочные вдавления, на "ножке" – вертикальные и косые пересекающиеся линии (Березуцкий, Маслихова, 2004. С. 121. Рис. 13, *1*).

К этой же группе можно отнести неорнаментированный сосуд с отбитым верхом, происходящий из погребения 2 кургана 6 этого же могильника (рисунок, *4*). С "амфорками" его сближают небольшие размеры, шарообразная форма тулова и

налепные ручки-ушки (Березуцкий, Маслихова, 2004. С. 110. Рис. 8, *11*).

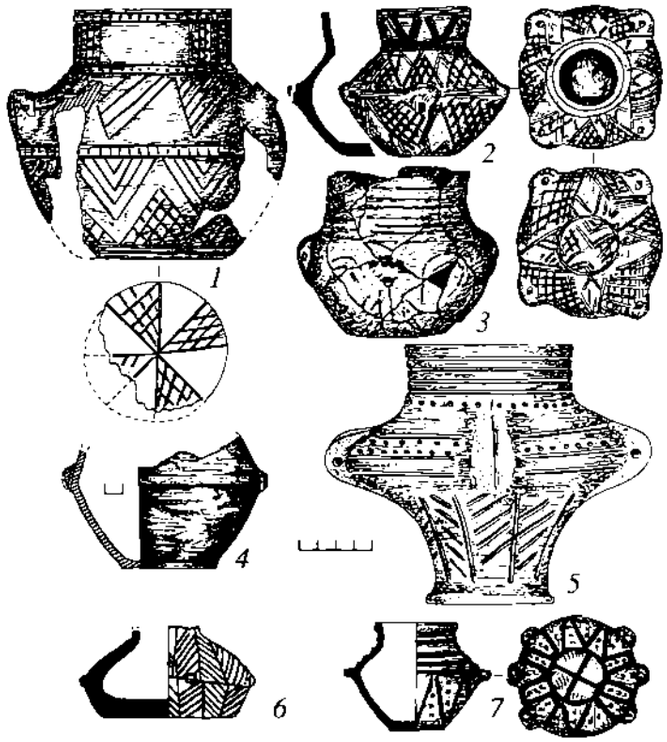
Сосудик несколько иных пропорций, отличающийся большей приземистостью и наличием острого ребра, с шишечками на нем, происходит из погребения 1 кургана 1 у с. Караяшник (рисунок, *6*). Орнаментация на нем выполнена также при помощи прочерченных линий (Матвеев, Синюк, 1977. С. 141. Рис. 2, *7*).

Все известные "амфорки" найдены в погребениях Правобережья Дона. Три "амфорки" происходят из катакомбных могильных конструкций Н-образной формы (Герасимовка 6/2, Луговое 1/4, Новохарьковка п. 7); две – из ям (Заречье 6/2; Караяшник 1/1), одна – из разрушенного погребения (Заречье 9/1) и одна – из недокументированного захоронения (Марки). В четырех случаях – это погребения взрослых (Герасимовка 6/2, Луговое 1/4, Караяшник 1/1, Новохарьковка п. 7), причем последнее – парное погребение. Заречье 6/2 – кенотаф.

Сосуды, аналогичные по форме и способам нанесения орнаментации, кроме "амфорки" из Зареченского могильника, встречаются также в погребениях катакомбной общности Донетчины, Северного и Северо-Восточного Приазовья, Предкавказья (Смирнов, 1996. С. 167. Рис. 34, *10–14*. С. 173. Рис. 40, *13*. С. 179. Рис. 46, *14*, *15*; Гей, 2000. С. 82. Рис. 29, *4*; Братченко, Санжаров, 2001. С. 48. Рис. 27, *3*. С. 84. Рис. 26, *3–5*; Гей, Мельник, 2004. С. 253. Рис. 2, *1*). Весьма многочисленны подобные "амфорки" в ингульской катакомбной культуре (Чмыхов, 1977. С. 22–52; Пустовалов, 1998. Рис. 7–9). В известной степени они определяют специфику керамического набора этой культуры, с которой и связывают их происхождение (Шапошникова и др., 1977. С. 30–33).

В материалах ингульской и, реже, других катакомбных культур известны близкие по форме сосуды таких же размеров и пропорций, но материал, из которого они были изготовлены, состоял из смеси незначительной части глины с измельченными человеческими костями "микрорешетчатыми обломками губчатой костной ткани, особенно типичной для костей черепа" (Петрунь, 1967. С. 48). Состав теста объясняет немногочисленность и плохую сохранность подобных сосудов (Пустовалов, 1991. С. 104, 105).

В материалах катакомбной культуры Поднепровья известна еще одна группа керамики такого же характера. По форме это сосуды с цилиндрическим горлом, округлым туловом с выпуклыми плечиками, на которых в ряде случаев фиксировались ручки (выступы) и небольшим уплощенным днищем. По венчику и плечикам, иногда спускаясь на тулово, находился прочерченный орнамент, состоящий обычно из линий и фестонов, заполненных ярко красной охрой. При нахождении в моги-



Амфорки: *1* – Новохарьковка п. 7; *2* – Луговое 1/4; *3* – Герасимовка 6/2; *4* – Заречье 6/2; *5* – Заречье 9/1; *6* – Караяшник 1/1; *7* – урочище Марки.

ле в момент обнаружения они в большей или в меньшей степени сохраняли первоначальную форму, но попытки взять их, используя различные закрепители, оказались неудачными. "Тесто", из которого были изготовлены эти сосуды, представляло собой перемолотые раковины моллюсков с незначительной примесью песка и древесного угля. Обжигу сосуды не подвергались, а для придания им формы, вероятно, использовалось какое-то вязкое вещество. Практическое использование подобных сосудов невозможно (Лихачев, 1981. С. 72).

Следует отметить, что орнаментация такого рода сосудов также достаточно специфична. Так, на некоторых "амфорках" с территории Среднего Дона присутствует изображение креста (Новохарьковка п. 7; Луговое 1/4; Марки), в целом не характерное для орнамента керамики среднедонской катакомбной культуры. Многие исследователи отождествляют четырехконечный крест с символом солнца, особенно когда его изображение вписано в круг (Рыбаков, 1965. С. 13–33; 24–47, Щепинский, 1961. С. 227–231; Чмыхов, 1982. С. 16–29). К примеру, В.В. Отрощенко, анализируя орнаментацию сосудов срубной общности отмечал, что крест в круге – солярный знак, символизирующий движение солнца по небу подобно колесу (1974. С. 72–81). Сходное предположение высказывала и С.С. Березанская применительно к катакомбным древностям: "...круг, колесо, крест – символизируют солнце и огонь. Посредством изменения этих

двух основных элементов и их комбинации возникают другие солнечные символы – крест в круге как воплощение идеи о неразрывности солнца и огня; розетка, воплощающая связь солнца с растительным миром и т.д." (Березанская, 1982. С. 185).

Исходя из вышеизложенного и учитывая то, что "амфорки" не известны на поселенческих памятниках, можно говорить, что в материалах среднедонской катакомбной культуры, помимо курильниц, жаровен и миниатюрных сосудов, определенных Т.Ю. Аринчиной как ритуальные сосуды (1988. С. 74–88), можно выделить еще один тип керамики культового назначения, связанный с погребальной обрядностью.

Судя по обрядности и другому инвентарю, содержащемуся в захоронениях с "амфорками", этот тип сосудов скорее всего относится к развитому и финальному периодам существования среднедонской катакомбной культуры.

Можно полагать, что именно с традициями катакомбной общности связываются уже несколько иные по форме миниатюрные сосуды воронежской культуры (Беседин, 1984. С. 60–77), а также остроребериые сосудики из захоронений абашевской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аринчина Т.Ю. Культовая керамика среднедонской катакомбной культуры // Исследования памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.

Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И. Зареченские курганы // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004. С. 97–130.

Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1984.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Братченко С.Н. Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб сіверськодонеччини та донщини Ш тис. до н.е. Луганськ, 2001.

Гей А.Н. Новотитровская культура . М., 2000.

Гей А.Н., Мельник В.И. Катакомбное погребение с сосудом – "повозкой" // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Маслихова Л.И. Состав и соотношение ритуальной керамики погребений среднедонской катакомбной культуры // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Воронеж, 2005.

Матвеев Ю.П., Синюк А.Т. Новые материалы к изучению бронзового века на среднем Дону // СА. 1977. № 1.

Лихачев В.А. Об одном типе сосудов катакомбного времени // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.

Отрощенко В.В. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. 1974. № 4.

Петрунь В.Ф. Заключение о происхождении наскальных псевдобарельефов и некоторых других археологических объектов среднего течения реки Ингула // Науч. Архив ИА АН Украины. 1967. Ф. 9. № 4842.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж, 1991.

Пустовалов С.Ж. К реконструкции религиозных представлений населения катакомбной общности // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Киев, 1991.

Пустовалов С.Ж. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев эпохи энеолита // СА. 1965. № 1–2.

Санжаров С.Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 2001.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т. Погребения эпохи бронзы Новохарьковского могильника // Новохарьковский могильник эпохи Золотой орды. Воронеж, 2002.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Чмыхов Н.А. К семантике орнаментальных схем катакомбной культуры // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977.

Чмыхов Н.А. Принцип зодиакального датирования в археологии // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдинова И.Н. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. Киев, 1977.

Щепинский А.А. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма // СА. 1961. № 2.

"Little amphorae" of the Middle Don catacomb culture

L. I. Maslikhova

Summary

Middle Don catacomb pottery includes a small group of vessels known as "little amphorae", which relate to the developed and final periods of the culture. The vessels are decorated in a peculiar fashion, in particular with crosses. Vessels of this type are not known in settlements; it may be assumed that they are another type of cult pottery connected with funeral rites.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 145–151

ПУБЛИКАЦИИ

ГЛИНЯНЫЕ ФИГУРКИ ЗУЕВОКЛЮЧЕВСКОГО I ГОРОДИЩА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИХ НАЗНАЧЕНИЯ И СЕМАНТИКИ

© 2006 г. Е. М. Черных, Т. А. Колобова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Ананьинский культурный мир Северной Евразии, его изобразительные традиции давно привлекают внимание ученых. Широко известны образцы ананьинского звериного стиля – яркое и оригинальное проявление не только искусства, но и миропонимания его творцов. Совершенно особое место в этом ряду занимает глиняная пластика. К сожалению, несмотря на почти вековую историю изучения, она до сих пор не стала предметом специального исследования, как это можно видеть на примере пластических искусств древнеземледельческих культур Европы и Азии. Вместе с тем опыт отечественных и зарубежных исследователей должен быть в полной мере востребован и использован региональной наукой.

Первые находки глиняных фигурок на памятниках Прикамья стали известны в начале XX в., из сборов на Юшковском и Усть-Нечкинском городищах близ г. Сарапула (Беркутов, 1914. Прил.). Но достоянием науки ананьинская глиняная пластика стала благодаря монографической публикации А.В. Збруевой результатов раскопок Конецгорского селища в Верхнем Прикамье (1952. С. 249–254). В течение всей второй пол. XX в. происходило весьма интенсивное накопление данной категории материалов. Формирование источниковой базы по фигуративным изображениям было связано прежде всего с деятельностью Камской археологической экспедиции Пермского университета, возглавляемой О.Н. Бадером, а затем – В.А. Обориным. Наиболее значительная коллекция скульптурок была получена с Гремячанского поселения-святилища, в том числе в ходе раскопок А.Д. Вечтомова 1957–1963 гг., к сожалению, до сих пор остающаяся неопубликованной (1967).

В настоящее время количество археологических пунктов на Каме, где найдены глиняные фигурки, превышает три десятка. Систематизация предметов пластики показывает, что древнейшие ее образцы происходят из нео-энеолитических памятников Прикамья (Тархан I, Усть-Курья, Кочуровское IV), но настоящий расцвет этого вида творчества приходится на ананьинско-пьяноборскую эпоху и главным образом на переходное время – последние века I тыс. до н.э. Глиняные фигурки происходят почти исключительно с поселенческих памятников – городищ и открытых поселений. При этом небезынтересными представляются следующие наблюдения: на месте некоторых ананьинских поссленний позднее возникают могильники (Тарасовский и Мокинский) либо они продолжают функционировать как специализированные культовые места – святилища (Гляденовское, Гремячанское, Юго-Камское, возможно, Тарасовское). К сожалению, опубликованных материалов раскопок очень мало. Помимо конецгорской коллекции опубликованы небольшие серии находок с нижнебельских городищ (Иванов, 1976. С. 308–312), городищ Удмуртского Прикамья – Чеганда I и Каменный Лог (Генинг, 1970. Табл. XXIV; Ашихмина, 1977. Рис. 8), Гляденовского костища (Лепихин, Мельничук, 1999) и городища Алтен-Тау (Борзунов, 1997), сопровожденные лаконичными наблюдениями над стилистикой и символикой изображений. Некоторый опыт типологии предметов пластики и их семантического анализа предложен М.Ф. Обыденновым и К.И. Корепановым (2001).

Авторы данного исследования ставили перед собой задачи введения в научный оборот небольшой, но отражающей почти все разнообразие прикамской пластики раннего железного века коллекции Зуевоключевского I городища; классификацию этой группы предметов и их интерпретацию.

Зуевоключевское I городище, расположенное в Удмуртском Прикамье, и коллекция найденных фигурок в качестве объекта исследования выбраны не случайно. Во-первых, разными исследователями и в разные годы (1970 – Голдина Р.Д., 1971 – Генинг В.Ф., 1972, 1975 – Ашихмина Л.И., 1997–2005 – Черных Е.М.) на городище вскрыта значительная площадь – свыше 6 тыс. м^2 (около 1/5 всей площади), определена стратиграфия памятника, особенности его функционально-планировочных зон, намечена культурно-хронологическая шкала (Черных, 2004). Во-вторых, полученные в результате исследований артефакты позволяют характеризовать различные сферы жизнедеятельности обитателей одного из самых крупных городищ ананьинского времени в Прикамье. Глиняной пластике в этом ряду принадлежит особое место, поскольку все более очевидной представляется ее связь с религиозной практикой населения, определенными ритуальными действиями, а значит и с религиозно-мифологическими представлениями архаических этносов, реализовавшимися через систему образов, верований (или культов).

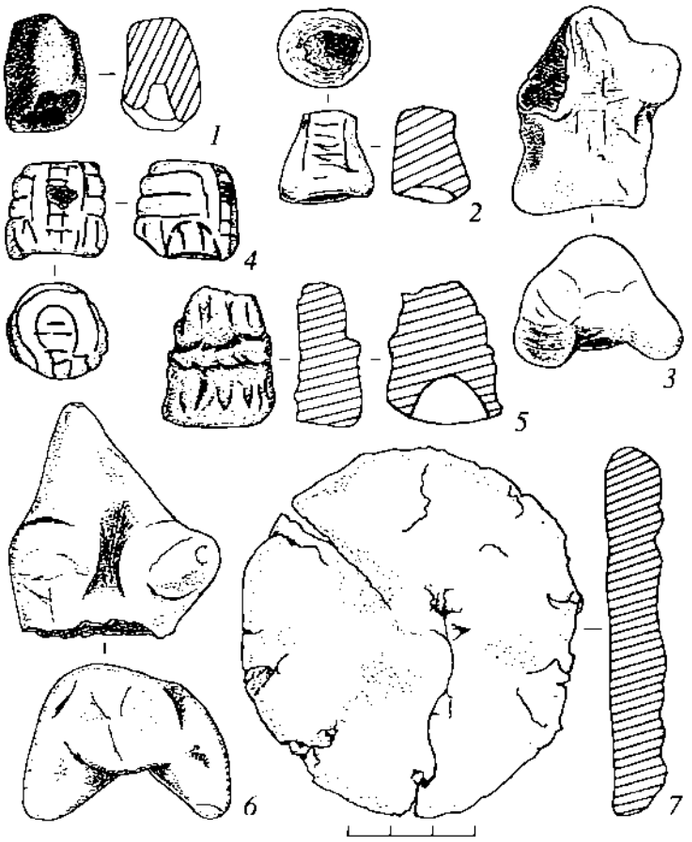


Рис. 1. Глиняная пластика: *1, 2, 5* – конусовидные фигурки; *3, 6* – антропо-зооморфные статуэтки; *4* – цилиндрическая фигурка; *7* – "лепешка".

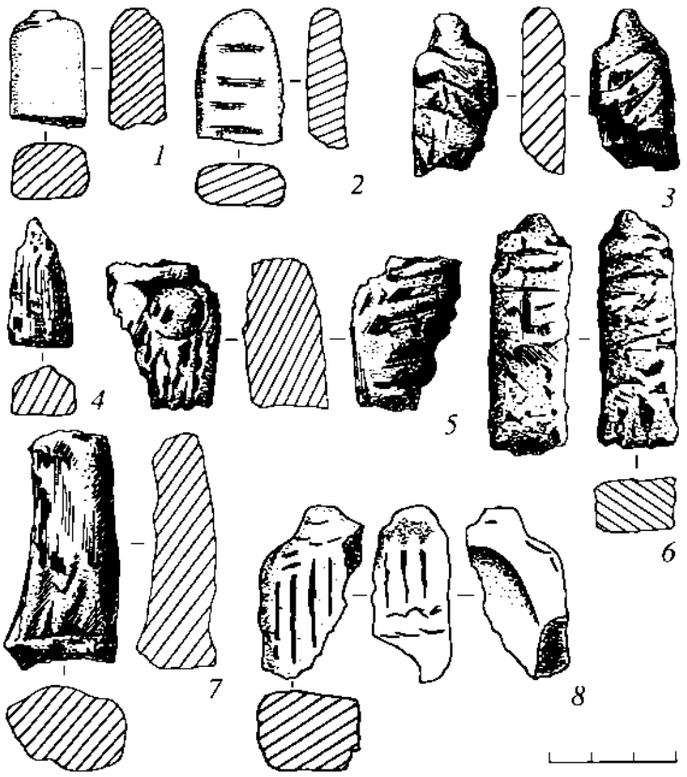


Рис. 2. Антропоморфные глиняные фигурки.

Коллекция глиняной пластики с городища составляет в настоящее время 90 находок (нами исследовано более 60). Пластические формы весьма разнообразны, но все же можно выделить две вполне самостоятельные морфологические группы. К первой принадлежат так называемые "лепешки" (или "хлебцы"). Они имеют округлую плоскую форму, довольно небрежно выполнены, слабого обжига. Примеси в глиняном тесте визуально не определимы (в одном из обломков Ю.Б. Цетлин указал на присутствие навоза). На многих предметах заметны пальцевые вдавления. Диаметр "лепешек" различен – от 1.5 до 9.5 см, но в среднем преобладают экземпляры диаметром до 4 см. Целые формы в культурном слое ананьинских поселений встречаются крайне редко, не являются исключением и Зуевы Ключи, в коллекции которых имеется лишь один целый экземпляр, но зато достаточно крупный (рис. 1, *7*). Глиняные "лепешки" в подавляющем большинстве происходят из распаханного горизонта, а слой разрушения на городище затронул главным образом объекты пьяноборского времени. До сих пор время бытования "лепешек" в Прикамье определялось исключительно этим временем. Но в раскопе XVIII 1999 г. фрагменты их были надежно зафиксированы в плотном слое площадки пола жилища XIII, вместе с крупной восьмеркообразной височной подвеской IV–III вв. до н.э. (Збруева, 1952. С. 80. Табл. VI, *7*; Генинг, 1970. С. 52. Рис. 20; Агеев, 1992. С. 31). На этом основании нижним хронологическим рубежом "лепешек" можно считать поздний этап ананьинской культуры.

Нас в большей степени привлекают изделия второй группы, отличающиеся своеобразием форм: это миниатюрные скульптуры геометрической формы либо довольно реалистичные антропо-зооморфные фигурки. Геометрические изделия представлены призматическими, конусовидными и цилиндрическими формами. Наиболее представительна серия призматических предметов (17 экземпляров), она вдвое превосходит по количеству изделия конусовидной и цилиндрической форм. Из 17 изделий 14 сломаны. Верхняя часть сохранилась у восьми предметов, как правило, она округлая (рис. 2, *2*) или моделирована небольшим выступом конусовидной формы (рис. 2, *1, 3, 4, 6, 8*). Высота сохранившихся предметов не превышает 6 см. Заметим, что в глиняной пластике Прикамья призматические формы в целом также преобладают.

Цилиндрические предметы (6 экз., рис. 3, *1–5*; 1, *4*) в высоту обычно значительно превышают диаметр основания (этот показатель у четырех предметов составляет 1–1.5 см), хотя при этом следует иметь в виду сильную поврежденность целых форм. Лишь у двух предметов сохранилось плоское (или с небольшой полостью) основание.

Конусовидные предметы (3 экз., рис. 1, *1, 2, 5*) имели несколько больший диаметр основания – 1.9–2.6 см, высоту до 3.4 см. Изделия сохранились

Рис. 3. Геометрические глиняные фигурки: *1–5* – цилиндрические; *6–10* – призматические.

практически без повреждений, за исключением одного (рис. 1, *5*), поэтому морфология их восстанавливается с достаточной очевидностью. В конструкции конусовидных фигурок также обращает внимание присутствие небольшой полости в основании.

В коллекции городища имеются две статуэтки, отличающиеся как исполнением, так и размерами от вышеописанных. Фигурки вылеплены в натуралистической манере – голова передана конусовидным выступом, плавно переходящим в такие же выступы – "руки" (рис. 1, *3, 6*). Одна из фигурок имеет плоское основание и внешне напоминает торс мужчины (?), у второй – нижняя часть не сохранилась. Высота статуэток 4.8 и 5.7 см. (Обе фигурки происходят из раскопок В.Ф. Генинга 1971–1972 гг., в коллекционных описях фондов Национального музея Удмуртской Республики соответствующих номеров не оказалось, поэтому место находки фигурок в слое восстановить не удалось.) Несмотря на кажущуюся реалистичность, трактовка изображений вызывает затруднение, прежде всего потому, что в иконографии их нарушена обычная для глиняной антропоморфной пластики схема. Во-первых, они гораздо крупнее известных образцов, во-вторых, отсутствуют плечи, а руки не разведены в стороны. Принимая во внимание отмеченные несоответствия, один из авторов склоняется к интерпретации фигурок как зооморфных. В то же время нельзя не учитывать, что фигурок, подобных этим двум, на волго-камских памятниках немного. Поэтому, возможно, перед нами лишь один из вариантов моделировки человека или иного образа. Нельзя не учитывать и давних традиций в зооморфной пластике Прикамья, где изображению головы животного, олицетворявшей суть зверя, всегда отдавалось предпочтение, а ее детали передавались особенно тщательно.

Особенностью зуевоключевской серии глиняной пластики можно считать высокую степень орнаментированности предметов (более 60%). Этот показатель значительно превышает долю орнаментированных изделий в целом по пластике Прикамья, где она составляет около 23% (подсчеты Т.А. Колобовой). Среди призматических фигурок украшены 14 статуэток, среди конусовидных – 2, среди цилиндрических – 5. Однако плохая сохранность не позволяет восстановить орнаментацию полностью.

На зуевоключевских фигурках представлено несколько способов орнаментации: ногтевые отпечатки, насечки, углубленный (прочерченный)

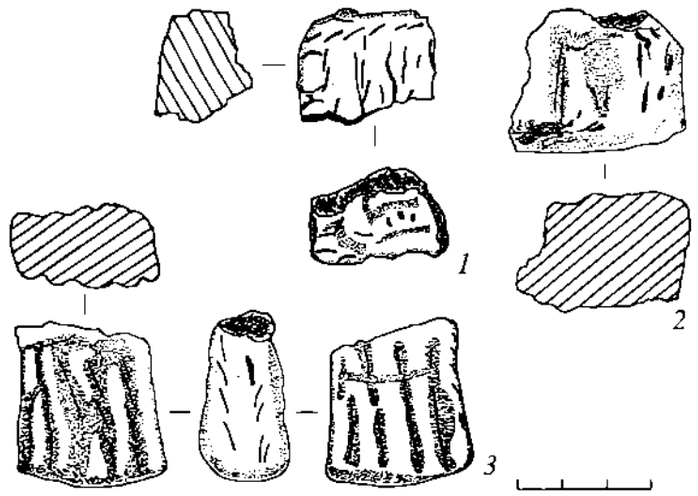


Рис. 4. Глиняные призматические фигурки.

декор. Все способы украшения применялись в декорировке призматических фигурок, отличающихся богатством орнаментации. Элементы орнамента на них представлены прочерченными линиями – горизонтальными, вертикальными и наклонными; прочерченными широкими полосами, окружностями, дугами, короткими насечками, а также отпечатками ногтевидной формы. Эти элементы можно считать характерными для прикамской пластики. Ногтевидные отпечатки покрывают либо всю поверхность, либо в сочетании с прочерченными линиями образуют отдельные зоны. Одна статуэтка орнаментирована весьма необычно: лицевую и оборотную стороны покрывают вертикальный и горизонтальный ряды ногтевидных отпечатков – на одной стороне два ряда, на другой сохранился один (рис. 3, *9*). Ногтевидными отпечатками украшена еще одна фигурка, плохо сохранившаяся. Она как будто разрезана вдоль и имеет внутри полость (рис. 2, *8*). Лицевая поверхность третьей фигурки покрыта наклонными ногтевыми отпечатками, две других зоны заполнены четным количеством горизонтальных и вертикальных прочерченных линий (рис. 3, *6*). На трех фрагментах имеются единичные насечки (рис. 4, *2*). Причем на первом экземпляре ногтевидные отпечатки покрывают всю поверхность, а на одной из фигурок – лишь боковую грань (рис. 4, *3*). Нанесение беспорядочных ногтевых отпечатков на поверхность фигурок (всю или отдельные зоны) весьма напоминает изображение меха животных и, очевидно, указывает на характер меховой одежды.

Элементы одежды (или костюма), как об этом уже неоднократно писали исследователи глиняной пластики Прикамья, передаются и посредством прочерченных линий. Обратимся к характеристике отдельных предметов. Прочерченные линии образуют горизонтальные, вертикальные, наклонные пересекающиеся мотивы, окружности. Наносились они в различной технике – либо глубоких рельефных вдавлений, либо поверхностных насечек. Вертикальная поверхность трех статуэток полностью покрыта прочерченными линиями, расположенными наклонно и горизонтально (рис. 2, *2*, *3*, *6*). В одном случае прочерченные линии напоминают перевернутую букву П (рис. 3, *10*), в другом – прочерченные полосы покрывают лицевую и обратную поверхности фигурки, причем такой же чертой отмечен "пояс" фигурки (рис. 4, *3*). Фрагмент верхней части другой статуэтки имеет хорошо сохранившуюся прочерченную окружность (скорее всего, рядом имелась и вторая), вниз от которой идут вертикальные ряды ногтевидных отпечатков (рис. 2, *5*). Три статуэтки, видимо, были богато орнаментированы, но, к сожалению, уцелели лишь небольшие их фрагменты. Тем не менее сохранились прочерченные окружности (на одной фигурке их 4, а на другой, скорее всего, было столько же, хотя уцелели только 3), а также вертикально спускающиеся ленты, заштрихованные поперечными насечками, расположенными наклонно (подобие ложновитого орнамента бронзовых украшений) или косыми крестами (рис. 3, *8*). Композиция на оборотной стороне одной фигурки представляет собой парные дуги, обращенные выпуклостями к центру, внутренние поля дуг заполняют косые насечки, а пространство между ними – вертикальный ряд чередующихся вертикальных и горизонтальных насечек (рис. 3, *7*).

Приемы украшения призматических фигурок вообще можно рассматривать как характерные для искусства малых форм нижнекамских и нижнебельских памятников (Юшковское, Аначевское городища, Тарасовское селище). Известные в литературе интерпретации описанного декора сводятся к сопоставлению его элементов с деталями женской одежды (складки, украшения, вышивка), хотя и весьма схематичными. Особенно выразительны окружности, форма и место которых соответствуют круглым металлическим и раковинным бляхам, широко представленным в инвентаре ананьинских и пьяноборских могильников (Генинг, 1970. С. 164; Иванов, 1976. С. 311).

Цилиндрические изображения орнаментированы почти стандартно. Вертикальная поверхность фигурок покрыта горизонтальными рельефными линиями в сочетании с горизонтальными же насечками (рис. 3, *2*, *5*). У одной из фигурок на верхней плоскости рельефными линиями нанесены две окружности, вписанные одна в другую, с короткими насечками внутри (рис. 1, *4*). Оригинальна в этой серии и фигурка с вертикальным углубленным декором (рис. 3, *3*). Рельефные линии врезаны чуть выше основания и доведены до верхней плоскости так, что она в плане имеет форму восьмилепестковой розетки.

Очевидную близость в декорировке с цилиндрическими обнаруживают конусовидные фигурки. Поверхность одной из таких фигурок орнамен-

тирована двумя вертикальными линиями с заключенными между ними горизонтальными (рис. 1, *2*); у другой, сохранившейся лишь частично, имеются ногтевидные отпечатки, а горизонтальная полоса – "пояс" – получена путем выдавливания из общей массы, судя по всему, не подушечками пальцев, а поверхностью ногтей (рис. 1, *5*). Таким образом, можно говорить об отдаленном сходстве орнаментации с призматическими фигурками.

Особенности формы и декора призматических фигурок позволяют видеть в них, на наш взгляд, стилизованные изображения женщин, хотя, безусловно, этот вывод требует более развернутой аргументации, учитывающей и археологический контекст находок. Еще менее определенно, основываясь лишь на морфологической характеристике, можно судить о фигурках конусовидной формы, прежде всего ввиду их малочисленности. Мы уже говорили о некотором сходстве в приемах украшения обоих типов фигурок. Кроме того, по-видимому, не случайным является присутствие полости внутри тех и других. Можно высказать гипотетическое предположение, что этот признак служит своего рода маркировкой пола, т.е. содержит указания на особенности женского организма. Цилиндрические и конусовидные фигурки имеют, как уже отмечалось, ряд общих черт как в конструкции (наличие полости в основании), так и в орнаментации. Возможно, морфологическая схема у них едина, семантика же цилиндрических фигур имеет более сложное объяснение – в них усматриваются как признаки мужского, так и женского начала.

Безусловно, говорить о семантике вещей всегда очень сложно, тем более что в нашем распоряжении очень необычный источник. Обозначенная проблема в какой-то степени связана с датировкой глиняной пластики, которая пока может быть определена лишь в самых общих пределах: IV–III вв. до н.э. – первые века н.э. Во-вторых, методика раскопок, принятая до последнего времени, не предусматривала точной горизонтальной и вертикальной фиксации отдельных находок, что лишает значительную часть фигурок их археологического контекста. В этом отношении статуэтки Зуевоключевского I городища представляют особый интерес, так как для большей части артефактов нам удалось более или менее точно локализовать положение в культурном слое.

Для геометрических скульптур место находки восстанавливается в 23 случаях, из них 9 фигурок происходят из наших раскопок 2001 г. Обнаруживаются следующие связи: 10 фигурок происходят из жилымх объектов, 5 – из жертвенных комплексов и 8 – из культурного слоя. Все жилища, в которых найдены статуэтки, относятся к позднеананьинскому периоду. Фигурки, обнаруженные в них, принадлежали: к типу призматических – пять (рис. 2, *4, 5, 7*; 3, *9*), цилиндрических – две (рис. 3, *4, 5*) и три конусовидных (рис. 1, *1, 2, 5*). В ходе расчистки сооружений и индивидуальной фиксации находок оказалось, что статуэтки находились, как правило, вблизи очагов, к западу или югу от них. Интересно, что фигурка, изображенная на рис. 3, *9*, была рассечена как бы вдоль туловища, при этом одна ее часть была найдена в сооружении ХШ, а другая – рядом с очагом сооружения X, расположенного в 12 м к западу.

Фигурки, найденные в жертвенных комплексах, принадлежат к типу призматических (рис. 2, *3, 6, 8*; 3, *10*), одна – к цилиндрическим (рис. 3, *2*). Ритуальные объекты на Зуевоключевском I городище отличаются типологическим разнообразием и рассматриваются нами как материализованные остатки семейных и общинных культов (Черных, 2001. С. 148). Две призматические фигурки (рис. 2, *8*; 3, *10*) найдены в жертвенниках, представлявших скопления костей диких и домашних животных и маркировавших собой границы жилых зон позднеананьинского поселения (Ашихмина, Генинг, 1986. Рис. 2) как в северной, так и в юго-восточной частях площадки городища. Еще три статуэтки (две призматические и одна цилиндрическая) происходят с территории святилища, располагавшегося в южной части городища. Обе призматические фигурки (рис. 2, *3, 6*) найдены в верхнем слое пожарища, уничтожившего культовую постройку.

Остальные изделия мелкой пластики найдены на различных участках культурного слоя городища, но, как правило, в непосредственной близости от жилых сооружений. Замечена и еще одна особенность местонахождения этих фигурок – большая часть их была обнаружена в зольных слоях, заполнявших котлованы полуземляночных жилищ эпохи поздней бронзы, располагавшихся на северной периферии городищенского мыса. Вполне вероятно, что эти предметы могли оказаться там в результате перестройки обветшавших жилищ или расчистки площадки под новое строительство, т.е. своим изначальным положением они были также связаны с жилищами.

Серийность и однотипность геометрических фигурок, обнаруженных на камско-бельских памятниках, вероятно, может служить свидетельством мировоззренческой общности здешних групп населения, поскольку культовый характер глиняной пластики в настоящее время как будто бы не вызывает сомнения у исследователей.

Антропоморфизм глиняных статуэток отмечался всеми исследователями, обращавшимися к анализу этой категории находок с памятников железного века Прикамья. Правда, следует уточнить, что не все фигурки определялись как антропоморфные. Так, А.В. Збруева часть предметов, имевших вид конусовидных или цилиндровидных столбиков, атрибутировала как игральные (1952. С. 252. Табл. XLIX, *1–8*). К.И. Корепанов рассматривает подобные изделия как изображения фаллосов – отражение культа плодородия (Обыденнов, Корепанов, 2001. С. 62. Рис. 53, *1–8*).

По всей видимости, в различной степени схематизации малых форм проявлялись особенности изобразительной традиции, в основе которой и следует искать определенные семантические архетипы. На наш взгляд, выявленная стилистическая общность фигурок из глины является ведущей при определении их как воплощения человеческого образа, а вот морфологические характеристики (такие детали, как наличие/отсутствие полости в основании, декор) должны иллюстрировать ту смысловую нагрузку, которую вкладывал мастер в их изготовление. Думается, что в данном случае мы имеем великолепную иллюстрацию родового разделения общества, наличия в нем четкого структурирования социальных ролей, принадлежавших мужчине и женщине. Если призматические фигурки являлись изображениями женщин, а их фрагментарность рассматривается как результат магических действий, призванных символизировать возрождение, то весьма заманчиво было бы видеть в них не просто изображения женщин, а именно женщин-прародительниц, богинь, дающих начало миру и человеку. Исследователи удмуртского фольклора и мифологии сходятся на возможности существования в древнеудмуртском обществе женской богини – матери рождения Калдыкмумы, контролировавшей сферу воспроизведения жизни (Владыкин, 1994. С. 181, 182; Шутова, 1995. С. 37; Ившина, 2000. С. 16, 17). В продолжение развиваемой темы хорошо укладываются и две оставшиеся группы предметов – цилиндрической и конусовидной формы. Так, этнографом П.А. Орловым было обращено внимание на семантику двух казалось бы вполне утилитарных предметов – ступы и песта (1997. С. 75–78). Обрядовая символика удмуртов и коми, этимология терминов, обозначающих данные предметы и действия, с ними связанные, достаточно прозрачно указывают на магию рождения, сочетание мужского и женского начал, где идеи плодородия земли (аграрные культы) переплетаются с представлениями о продолжении человеческого рода (эротические культы).

Скорее всего, не случайным выглядит своеобразие глиняных статуэток с камско-бельских памятников в сравнении с фигурками Конецгорского селища, на которое обратила внимание еще А.В. Збруева (1952. С. 250, 275). Речь идет о богатстве декорировки, которой отличаются статуэтки южных районов Прикамья. Любопытно, что и в женских захоронениях ананьинско-пьяноборского времени наибольшей насыщенностью характеризуются наборы украшений в области груди и шеи, да и в традиционном костюме удмуртских женщин эти участки особенно тщательно украшались вышивкой, аппликацией.

Очевидно, закономерным является и сам факт появления глиняной пластики на позднем этапе ананьинской культуры (когда заметно возрастает роль земледелия в экономике прикамского населения) и практически полное ее исчезновение в комплексах памятников позднепьяноборского времени. Близкие культурные новации отмечают исследователи дьяковских поселений Волго-Окского междуречья, где отчетливо прослеживается смена изобразительных мотивов в глиняной пластике, а именно на смену зооморфным фигуркам из ранних напластований городищ приходят женские статуэтки, составляющие поздний культовый комплекс (Кренке, 1989. С. 84, 85; Крис, 1995. С. 64–66). Большинство авторов связывают подобные трансформации с расцветом земледельческих занятий у дьяковцев.

У удмуртов главным божеством, покровителем земледельческих занятий, был Му-Кылдысин, имя которого переводится как "творец земли". Лингвистический анализ, а также ряд наблюдений фольклорного порядка указывают на его первоначальную связь с плодоносящей женской силой (Владыкин, 1994. С. 181), поэтому, очевидно, небезосновательны предположения о более древней женской сути данного божества (см. выше – Калдыкмумы), постепенно в ходе социально-экономических изменений в обществе трансформировавшегося в мужской образ.

Таким образом, как представляется, глиняные антропоморфные фигурки, и прежде всего призматические, являлись олицетворением женского божества, Богини-Матери, творящей и плодоносящей. Знаковый смысл цилиндрических и конусовидных изделий отличается более сложной кодировкой, но в предлагаемом контексте аграрно-эротических культов их присутствие выглядит как будто вполне уместным.

Итак, на наш взгляд, между антропоморфными глиняными фигурками на городище и практикой семейных и общинных культов позднеананьинского общества существовала непосредственная связь. Направленность этих обрядов можно реконструировать через семантику пластики, в которой просматривается синтез мужских и женских образов, и, напротив, знаковый смысл статуэток может быть разгадан вместе с нашим проникновением в природу древней обрядовой практики финно-угров Прикамья. Явное преобладание среди предметов глиняной пластики женских фигурок объяснимо, если обратиться к мифологии. Женские божества были многолики, и даже при анализе глиняной пластики, как мы видим, предстают в разных ипостасях. По традиционным представлениям удмуртов, языческая практика каждое явление природы наделяла своей матерью-прародительницей (мумы), число их в прошлом, как считают этнографы, было значительно большим, чем восстанавливается в настоящее время (Ившина, 2000. С. 16). Но в конечном счете все они были причастны к акту творения. В этом контексте находки женских статуэток в жертвенниках вместе с обилием костей домашних и диких животных также не выглядят чем-то случайным, а укладывают-

ся в тот же семантический ряд обрядовой магии, призванной обеспечить сохранение и приумножение стада, плодовитость лесного зверья, дающего пищу всему живому.

Женские статуэтки в жилищах могли служить и своеобразными домашними берегинями. Так, у коми-пермяков зафиксирован обычай ставить под крышей, вдоль охлупня, деревянные стамики (дзуллез), имевшие часто стилизованную форму человеческой фигуры (Грибова, 1970. С. 129, 130). Этот обычай, бесспорно, имел истоки в древней обережной и заклинательной магии. Богиня-покровительница домашнего очага (наиболее окрашенной женским присутствием части жилого пространства) играла в ней не последнюю роль.

Подведем итоги. Находки глиняной пластики на памятниках переходного от ананьинской к пьяноборской культурам периода представлены типологически разными предметами ("лепешки", миниатюрные "натуралистические" и схематические фигурки), иконография которых различна, но в целом позволяет говорить о близости семантических архетипов, в них закодированных. На наш взгляд, все эти предметы сближает идея рождения, творения, воспроизводства всего сущего, составлявшего мир древнего человека. В основе этой идеи лежали мировоззренческие стереотипы, характерные для древнеземледельческих обществ, в которых формировалась система аграрных культов, последовательно наложившаяся на более древние системы обережно-заклинательной и эротической магии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986.

Беркутов Л.А. Раскопки, проведенные Л.А. Беркутовым по поручению Сарапульского Земского Музея в 1913 году // Изв. Сарапульского Земского Музея. Вып. IV. М., 1914.

Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) // РА. 1997. № 2.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Уч. зап. ПГУ. № 148. Пермь, 1967.

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970.

Грибова Л.С. Образ человека в деревянной пластике коми-пермяков // Наш край. Вып. 4. Кудымкар, 1970.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. № 3.

Ившина М.В. Статус женщины в традиционном удмуртском обществе XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000.

Кренке Н.А. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. 1989. № 2.

Крис Х.И. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // СА. 1995. № 4.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костище. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь, 1999.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Эпоха каменного века – середина II тыс. н.э. Уфа, 2001.

Орлов П.А. Семантика ступы в традиционной удмуртской культуре // История и культура финно-угорских народов. Матер. междунар. студ. научно-практич. конф. Ч. 1. Глазов, 1997.

Черных Е.М. Культовые комплексы Зуево-Ключевского I городища в Среднем Прикамье // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001.

Черных Е.М. Зуевоключевское I городище: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. Матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию УдАЭ и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. Ижевск, 2004.

Шутова Н.И. Роль женщины в древнеудмуртском обществе: к постановке проблемы // Финно-угроведение. № 2. Йошкар-Ола, 1995.

Clay figurines of hillfort 1 at Zuevy Kluchi and certain issues concerning their purpose and semantics

E. M. Chernykh, T. A. Kolobova

Summary

The article presents a practically exhaustive publication of the clay figurines obtained in the course of many years of excavations at the Early Iron Age hillfort situated near Zuevy Kluchi village on the Lower Kama. The authors have collected and systematized the data on one of the most interesting categories of material culture of the population of the Kama region in the Ananyino – Pyanyi Bor time. The authors also give typological characteristics and analysis of the decor, and indicate the situation of the items in the cultural layer. A large part of the article is devoted to the semantic interpretation of figurative plastics.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 152–158

ПУБЛИКАЦИИ

СТЕКЛОДЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ XIV В. В ГОРОДЕ БОЛГАРЕ

© 2006 г. М. Д. Полубояринова

Институт археологии РАН, Москва

В 1989 г. экспедицией ИА РАН и Болгарского Государственного историко-архитектурного заповедника были начаты раскопки на вымороченной усадьбе Бушевых по центральной улице села Болгары на Болгарском городище. Участок этот, зажатый между двумя усадьбами, расположен примерно в 300 м к юго-западу от Соборной мечети золотоордынского Болгара и в 700 м к югу от края береговой террасы. Эта площадь лежит на окраине домонгольского города, ограниченного валом и рвом, сооруженными непосредственно перед монгольским нашествием и уничтоженными сразу после захвата города неприятелем. Во времена Золотой Орды этот район города стал центральным.

Раскопки на этом участке велись в 1989–1993 и в 2000 гг. Была вскрыта площадь 472 м^2. Заложены и доведены до материка 7 раскопов разной площади. Раскопы CIV и CVIII вела М.Д. Полубояринова, раскопы CV, CIX, CXIII, CXV – Г.Ф. Полякова, прирезку к раскопу CXV, раскоп CXVIII – Н.А. Кокорина (рис. 1). В настоящее время работы в этом интереснейшем районе города не ведутся из-за отсутствия средств (Кокорина и др., 1994).

Накопленные материалы характеризуют данный участок городища как торгово-ремесленный район древнего Болгара. Здесь обнаружен большой набор торгового инвентаря, много привозных вещей, а также находки, свидетельствующие о наличии на этой территории нескольких ремесел – стеклодельного, ювелирного, костерезного (Кокорина, 2005). К раннему (домонгольскому) периоду относятся отходы железоплавильного производства. Стратиграфия этого участка Болгара отражает историю всего памятника. Здесь представлены все слои, выделенные на городище за многолетние исследования.

Наибольший интерес вызывают следы стеклодельного ремесла. Помимо необычного обилия готовой продукции – бус и перстней, наличия 89 бракованных изделий (рис. 2) – о стеклодельной мастерской на этой территории свидетельствует ряд находок. Это прежде всего около 20 кусков оплавленного стекла, голубоватого и зеленоватого, специально не окрашенного, кусок непрозрачного стекла бирюзового цвета, обломок непрозрачного зеленого цвета. Найдена также застывшая перевитая струя зеленоватого стекла, капля бирюзового стекла, камешек со следами зеленого стекла. Найдены два обломка глиняных тиглей и один целый железный тигелек, которые могли использовать и в стеклоделии, и в ювелирном ремесле. На раскопе CXVIII около разрушенной печи найдено скопление стеклянных шлаков (там же один из обломков тигля). В полуземлянке А, расположенной рядом, найден кусочек красителя малинового цвета. Не исключено, что к стекловарению имеет отношение свинец в виде толстой прямоугольной пластинки. Инструментом стеклодела могла служить железная четырехгранная "спица" с круглой головкой на конце, также найденная рядом с производственной печью. Все эти находки относятся к рубежу раннего и позднего золотоордынских слоев и нижнему горизонту позднезолотоордынского слоя (20–40-е годы XIV в.).

Производственная печь, в которой могли варить или разогревать стекло, открыта в северо-восточном части раскопа (CXV – прирезка) рядом с полуземлянкой А (рис. 1). Это сооружение № 17, построенное, как и полуземлянка, на рубеже раннего и позднего золотоордынских слоев. Оно состояло из наземного деревянного строения, от которого остались слой угля и столбовая яма. Сами остатки глинобитной печи представляют собой овал, площадью 2 × 3 м, от которого отходит канал. Очертания печи прослеживаются в ее южной части, северная совершенно разрушена. Южная стена печи и канала прокалена до красноты. Длина стенки канала 1.8 м, толщина 0.22 м. Печь имела две камеры. Задняя – шириной 0.8 м – обжигательная с глинобитным подом, прокаленным до черного цвета (толщина пода 2–3 см). Камера была завалена рухнувшим сводом. Перегородка между камерами сложена из обломков кирпича размером 5 × 10 см, поставленных на торец; сохранился один ряд кирпичей. Передняя – топочная камера – с подом овальной формы длиной 1.4 м. В ней выявлены скопление золы и куски глиняной обмазки со следами выгоревших прутьев. Под печи имел уклон с востока на запад. Под подом топочной камеры – слой угля 10–20 см толщиной, использованный, видимо, как гигроскопическая подушка.

К северу от печи (раскоп CXVIII) был открыт завал прокаленной глины, возможно, развал другой печи, несохранившейся. Под ним – продолжение слоя угля толщиной 20 см. Печь стояла в яме

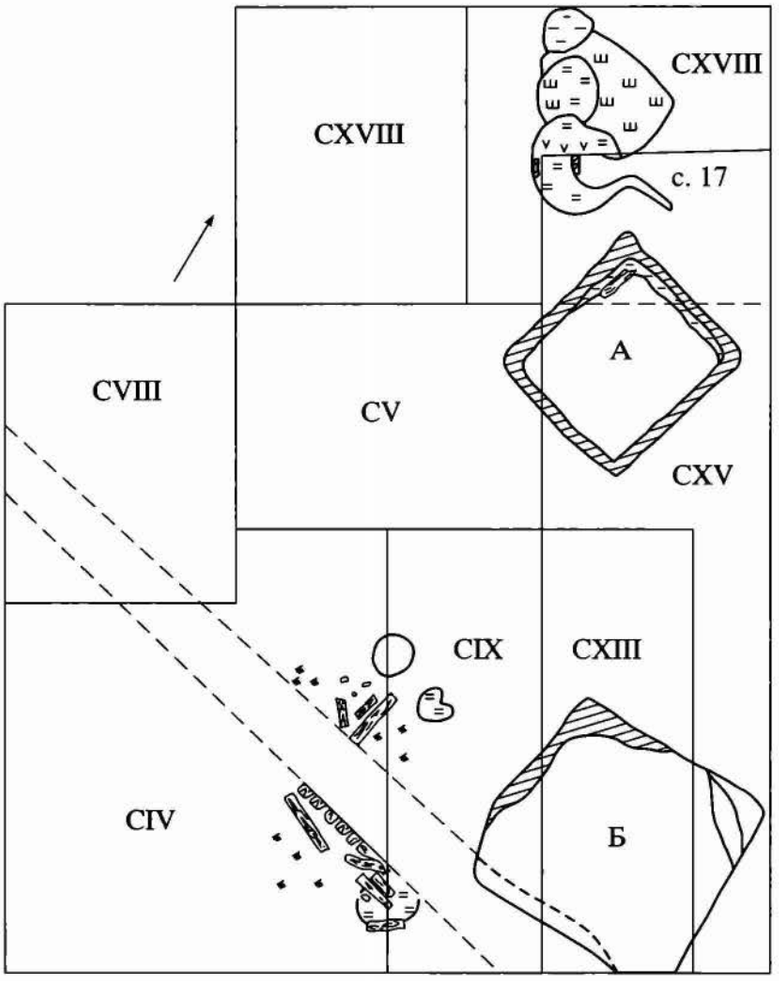


Рис. 1. Схема раскопов с двумя полуземлянками и развалом производственной печи на уровне нижнего горизонта позднезолотоордынского слоя.

неправильной формы с пологими краями, границы которой совпадали с границами более древней ямы. Поверх слоя угля под развалом печи лежал большой нож. С севера, востока и меньше с запада вокруг глиняного развала – шлаки, керамические и стеклянные. Дальше к северу – массив желтой необожженной глины. Безусловно, со стеклоделием была связана полуземлянка А, где в нижних слоях заполнения найдено много бус, перстней, в том числе и бракованных.

Стеклодельных мастерских в Восточной Европе раскопано очень мало. Наиболее интересен для нас производственный комплекс, открытый Л.Л. Галкиным на Селитренном городище – город Сарай, столица Золотой Орды (1984 С. 29, 30). Дата комплекса – середина XIV в., то есть примерно то же время, что и болгарская мастерская. Там сохранились три маленьких округлых пода, диаметром 0.6 м, толщиной 2 см и завалы прокаленной глины над ними. В завале – найдены целые и бракованные изделия, куски стекла. Рядом раскопаны три больших пода. Площадь одного из них 200 × × 180 см, от него отходит топочное устье длиной 90 см, шириной 30 см. В завале – пережженные и

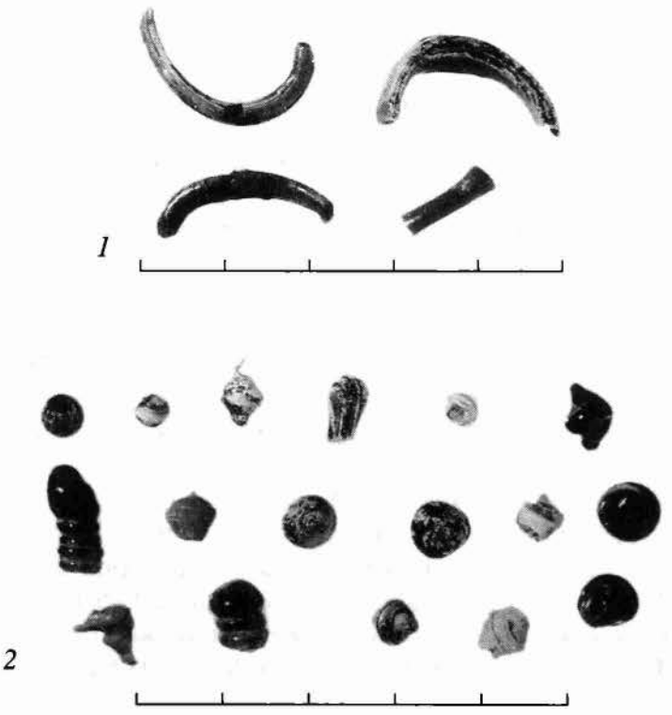


Рис. 2. Бракованные перстни (*1*) и бусы (*2*) из мастерской.

Таблица 1

Место находки	Бирюзовый	Черный	Синий	Зеленый	Желтый	Коричневый	Фиолетовый	Обесцвеченный
Перстни Болгарского городища к середине 1980-х гг.	53.9	28.88	7.11	4.45	0.9	0.9	0.45	3.55
Перстни нашего раскопа	59.49	32.33	2.15	2.58	1.29	–	0.86	1.30

оплавленные сырцовые кирпичи, куски пастового стекла и браки. Л.Л. Галкин считает большие площадки остатками горнов, где варили стекло, а малые – печами для производства готовых изделий. По мнению Ю.Л. Щаповой, такой комплекс мог функционировать 5–6 лет (1984. С. 224). В нем найдено 768 целых бус, обломков и брака, 8 обломков перстней, 7 вставок перстней и 30 обломков браслетов, что отражает ассортимент изделий мастерской. Найдены многослойные стержни для изготовления глазков, витые стержни для орнаментации бус и 2620 кусков пастового стекла. Встречены обломки красноглиняных сосудов с натеками стекла. В числе составов стекла был натриево-свинцово-кремнеземный, имеющий аналогии в глазурях Средней Азии (Щапова, 1984. С. 223). Возможно, что в болгарской мастерской изготавливались или использовались стекла этого рецепта и найденный слиток свинца был для них сырьем.

С.И. Валиуллина открыла стеклодельный комплекс в домонгольском Биляре, где изготавливалась химическая посуда. В нашей мастерской изготавливали только бусы и перстни. Исследование стекол еще не проводилось.

Остатки горна, открытого Л.Л. Галкиным, очень похожи по форме и размеру на нашу печь. Но, видимо, стекло здесь не варили, судя по тому, что пока найдено немного кусков стекла. Сейчас еще нельзя говорить о масштабах нашей мастерской, так как находки целых изделий, брака и отходов продолжаются к западу от исследованной территории, где в 2000 г. возобновила работы Н.А. Кокорина. Однако уже сейчас можно считать, что на Болгарском городище открыта стеклодельная мастерская, функционировавшая в позднезолотоордынский период, где делали бусы и перстни.

Перстни. Стеклянных перстней, целых и в обломках, найдено на исследуемой территории 232 экз. Это немногим больше, чем было учтено по всему Болгару к 1985 г., т.е. за 50 лет планомерных раскопок и сборов – 225 экз. (Полубояринова, 1988. С. 193). Все находки за прошлые десятилетия относятся к позднезолотоордынским слоям. Н.Н. Бусятской было отмечено, что из всех золотоордынских городов Поволжья Болгар наиболее богат стеклянными перстнями (1976. С. 48). Это позволило мне предположить их местное производство (Полубояринова, 1988. С. 197). Однако никаких признаков стеклоделия до сих пор на городище не было открыто.

Среди перстней, найденных на исследуемой территории, отмечаются 14 экз. брака (рис. 2, *1*), что вместе с огромным числом найденных здесь перстней неопровержимо свидетельствует о том, что их производили поблизости.

Целых перстней найдено всего три экз. Все они плосковыпуклые в сечении с овальным щитком, причем у одного из них даже два уплощенных щитка, что, видимо, получилось случайно. Из обломков абсолютное большинство принадлежит также плосковыпуклым перстням; только два экз. – бирюзовый (бракованный) и зеленый – имеют круглое сечение. Из перстней, ранее найденных в Болгаре, круглых в сечении также только два (коричневый и фиолетовый). Перстни круглые в сечении изредка встречаются и в русских древностях: в частности, мне известны круглые перстни в Новгороде в слоях конца XIII – середины XIV в., в Белоозере (1 экз. XIV в.), в Серенске (2 экз. в слое пожара 1240 г.).

Интересно сравнить процентное соотношение перстней разных цветов с исследуемой территории и по всему Болгару (табл. 1).

Из таблицы видно, что при преобладании бирюзовых и черных перстней в обеих коллекциях на наших раскопах оно еще заметнее, чем в целом по Болгару. Надо отметить, что 14 экз. бракованных перстней также представлены черным цветом (9 экз.) и бирюзовым (5 экз.). Зато синих и зеленых заметно меньше, чем по всему городищу. Остальные цвета представлены очень небольшим числом. Возможно, не только мастерская, помещавшаяся в исследуемом квартале, снабжала город стеклянными перстнями. Их могли делать в другой мастерской или привозить из другого города.

Судя по цветовому составу и по бракованным изделиям, в нашей мастерской изготавливались почти исключительно бирюзовые и черные плосковыпуклые перстни. Можно предположить, что все перстни преобладающей плосковыпуклой формы имели овальные щитки. Все три сохранившихся целыми плосковыпуклых перстня имеют такой щиток. Разбитый на куски перстень может дать только 1–2 обломка со щитком и несколько – без щитка. Отсюда преобладание обломков без щитка. Судя по тому, что один из двух круглых в сечении перстней (бирюзовый) оказался брако-

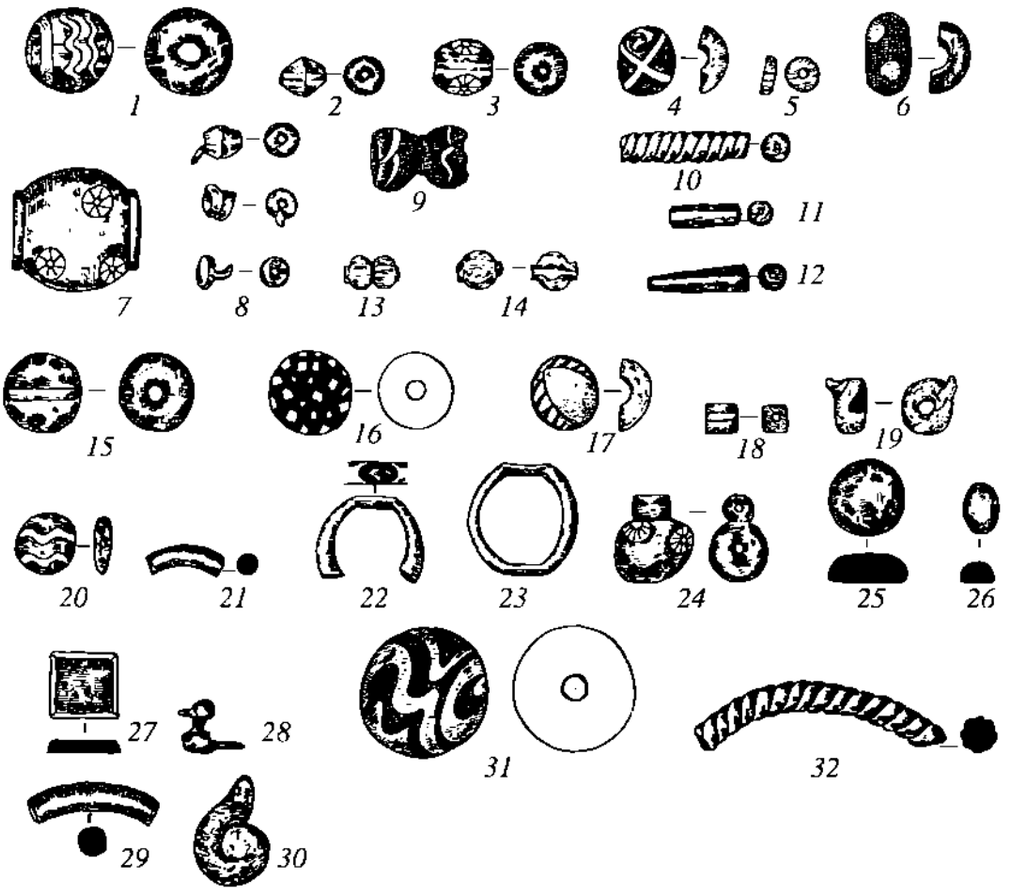


Рис. 3. Стеклянные изделия, найденные на исследованных раскопах: *1–6, 8–20* – бусы; *7, 19, 24, 28, 31* – подвески; *21, 29, 32* – браслеты; *22, 23* – перстни; *25–27* – вставки; *30* – застывшая струя стекла.

ванным, такие перстни тоже пробовали изготавливать в этой мастерской.

Бусы. На исследуемой площади найдено 602 бусины, что во много раз больше, чем в любом другом районе Болгара. Особенностью этой коллекции является наличие бракованных бус. До этих раскопов в Болгаре была найдена лишь одна бракованная бусина (биконическая), здесь же их несколько десятков. Это говорит о наличии стеклодельной мастерской. Найденные бусы классифицированы по схеме, предложенной для стеклянных бус Болгара (Полубояринова, 1988. С. 152–184).

Из ранних бус, изготовленных из тянутых трубочек, три экземпляра составляют "лимонки", одна – одночастная, две – двухчастные (рис. 3, *10, 11*). Такие бусы для Восточной Европы имеют дату X – первая половина XI в. В единственном экземпляре найдена черная бусина "с глазками в овалах" (рис. 3, *4*) – этот тип известен на широкой территории Восточной Европы с IX – по начало XI в., а на Руси – в X – начале XI вв. Эти бусы изготавливались из трубочек, сделанных способом навивки. Из перечисленных четырех ранних бусин две найдены в позднезолотоордынском слое (двойная лимонка и черная с глазками в овалах), куда они попали в результате перекопа, а две – в домонгольском слое (одинарная и двойная лимонки).

Основную массу составляют бусы, сделанные способом навивки. Они делятся на одноцветные и многоцветные (с цветным декором). Количество бус основных типов и их распределение по цветам даны в табл. 2 и 3.

Из приведенных таблиц видно, что основными типами бус на наших раскопах являются: одноцветные шарообразные и зонные – 96 экз. (рис. 3, *15*); одноцветные биконические – 212 экз. (рис. 3, *2*), винтообразные – 22 экз., шарообразные и зонные, орнаментированные спиральной нитью, – 170 экз. (рис. 3, *1*).

Помимо обычных форм, включенных в таблицу, можно отметить и редкие типы. Например, эллипсоидная бусина желтая, непрозрачная, украшенная бело-зеленой перевитой нитью (рис. 3, *17*); подобный способ орнаментации отмечен в материалах стеклодельной мастерской на Селитренном городище (Галкин, 1984. Рис. 3, *13, 24*).

Особенно интересны находки 75 бракованных бус, которые подтверждают наличие мастерской. Бракованные экземпляры позволяют установить, какие именно типы бус в ней изготавливались. Подавляющее большинство брака – это одноцветные бусы: биконические (43 экз.), шарообразные и зонные (10 экз.), винтообразные (8 экз.). Из орнаментированных бус: шаровидные и зонные со спи-

Таблица 2. Одноцветные бусы

Тип \ Цвет	Черный	Бирюзовый	Синий	Зеленый	Желтый прозрачный	Желтый непрозрачный	Фиолетовый	Голубой	Молочно-белый	Печеночно-красный	Обесцвеченный	Всего
Шарообразные и зонные	22	11	40	9	7	1	1			2	3	96
Биконические	49	114	8	9	1	9		1	6	11	4	212
Винтообразные	4	6		10			1				1	22
Кольцевидные		8	1	1	2		1					13
Многочастные	3	1				1					2	7
Эллипсоидные											8	8
Граненые		1			2							3
Всего	78	141	49	29	12	11	3	1	6	13	18	361

Таблица 3. Бусы с цветным декором

Тип \ Цвет	Черный	Бирюзовый	Синий	Зеленый	Желтый прозрачный	Желтый непрозрачный	Голубой	Печеночно-красный	Обесцвеченный	Всего
Шарообразные и зонные, перевитые цветной спиралью	145	14	1	1		1		4	4	170
Мозаичные	16		1							17
Пятнистые	21			1						22
Эллипсоидные со спиральным узором	2									2
Уплощенные со спиральным узором	4									4
Шарообразные со спиральным узором и пятнами	1									1
Сдвоенные со спиральным узором	1								1	2
С реснитчатыми глазками	9	5	1	1	3	1	1	1		22
Сдвоенные со слоистыми глазками					1					1
Всего	199	19	3	3	4	2	1	5	5	241

Таблица 4

Типы бус	По всему городищу	По исследуемому раскопу
Одноцветные шарообразные и зонные	17.9	15.98
Одноцветные биконические	11.3	37.36
Одноцветные винтообразные	0.7	3.9
Шарообразные и зонные со спиральным узором	16	27.69
Итого	45.9	84.93

ральным орнаментом (9 экз.), две – с плоскими стержневыми глазками и две – со слоистыми глазками, одна – пятнистая.

С уверенностью можно говорить о том, что в мастерской производились одноцветные биконические, шарообразные и зонные, винтообразные, а также шарообразные и зонные, орнаментированные спиралью. Все они вместе составляют 85.8% всех бус, найденных на этом раскопе. Интересно сравнить процентный состав бус (по основным формам) в целом по Болгарскому городищу и по исследуемым в настоящей работе раскопам (табл. 4).

Таблица 5. Цветовой состав бус из стеклодельной мастерской

Цвет	Черные	Бирюзовые	Синие	Зеленые	Желтые прозрачные	Желтые непрозрачные	Фиолетовые	Голубые	Молочно-белые	Печеночно-красные	Обесцвеченные
Количество	277	160	52	32	16	13	3	2	6	18	23
%	46.01	26.58	8.64	5.32	2.66	2.16	0.50	0.33	1.00	2.99	3.82

Получается, что по всему Болгарскому городищу выделенные типы бус составляют меньше половины всего числа, а на участках около мастерской – 84.93%. И каждого типа в целом по Болгару меньше, чем там, где их, видимо, производили, кроме одноцветных шарообразных и зонных, которые дают обратное соотношение, но с небольшой разницей. Возможно, что одноцветные шарообразные и зонные бусы поступали из какого-то другого источника или часть их происходит из ранних слоев. Глазчатые бусы и одна пятнистая, бракованные из комплекса мастерской, возможно, являются свидетельством проб мастера. Всего их найдено сравнительно немного (табл. 3), к их массовому производству мастерская, видимо, не приступала.

Почти все перечисленные типы бус, которые производились в мастерской, найдены в позднезолотоордынском слое и в ямах, относящихся к этому времени. Небольшое число бус найдено в верхнем горизонте раннезолотоордынского слоя.

По цветовому составу бусы, являющиеся продукцией стеклодельной мастерской, отличаются от перстней (табл. 5), изготовлявшихся здесь же. И там, и там преобладают черный и бирюзовый цвета, но в обратной пропорции, другие цвета встречаются в бусах значительно чаще, чем в перстнях.

Перстни сосредоточены в позднезолотоордынском слое. К раннезолотоордынскому периоду относится, возможно, один обломок, три обломка найдены на рубеже раннего и позднезолотоордынского слоев. Основная же масса перстней происходит из позднезолотоордынского слоя, из полуземлянки и из ям, вырытых с этого уровня и заполненных в этот период.

Бусы сосредоточены в большом числе в полуземлянке А и в слое над ней, т.е. возможно, в наземной части этого сооружения. В заполнении котлована полуземлянки А найдено: 55 биконических бус (1 брак), 12 шарообразных и зонных одноцветных (1 брак), 2 винтообразные, 1 глазчатая, 20 зонных и шарообразных, перевитых спиралью. Перстней – девять экземпляров. Выше, над котлованом полуземлянки найдено: биконических бус – 24, шарообразных и зонных одноцветных – 7, винтообразная – 1, шарообразных и зонных перевитых спиралью – 9. Перстней – шесть экземпляров.

В верхней части заполнения полуземлянки Б найдено перстней – 34, бус биконических – 2 (1 брак), шарообразных и зонных одноцветных – 1, винтообразная – 1, шарообразные и зонные с белой оплеткой – 2, т.е. бус немного, преобладают перстни.

В трех ямах поблизости найдено: биконических бус – 77 (из них 12 бракованных, винтообразных – 12 (4 брак), шарообразных и зонных одноцветных – 14 (1 брак), шарообразных и зонных с белой спиралью – 10, пятнистых – 3, мозаичных – 1. Перстней в этих ямах найдено 69 экз.

Остальные бусы и перстни рассеяны в позднезолотоордынском слое поблизости от мастерской. В северо-восточной части раскопа единичные находки бус отмечены иногда в верхней части раннезолотоордынского слоя.

Кроме бус и перстней на раскопе найдены и другие стеклянные изделия: подвески, 6 экз. (рис. 3, *7, 19, 24, 28, 31*), браслеты, 9 экз. (рис. 3, *21, 29, 32*), вставки перстней, 5 экз. (рис. 3, *25–27*), оконные диски (9 экз.) осколки посуды (70 экз.). Все эти находки характерны для золотоордынской материальной культуры, и найдены они, как обычно, в небольшом числе. В нашей мастерской нет никаких следов их изготовления, вопреки мнению Н.А. Кокориной, предположившей производство здесь сосудов и оконного стекла (2005. С. 112).

На этом раскопе встречены также фрагменты импортных стеклянных сосудов, происходящих с Ближнего Востока. Следов изготовления стеклянной посуды в Болгаре пока не найдено, но это не означает, что всю посуду привозили. Возможно, такая мастерская еще будет открыта.

Болгарское городище планомерно исследуется с 30-х годов XX в., однако до открытия нашей мастерской не было найдено никаких следов стекловарения или стеклоделия, кроме одной бракованной бусины. Очевидно, что такая мастерская может занимать небольшую площадь и следы ее деятельности сосредоточиваются вокруг нее. Открытие стеклодельной мастерской, работавшей, возможно, на привозном сырье, доказывает, что это ремесло существовало в средневековых городах Восточной Европы. С другой стороны, находки плосковыпуклых стеклянных перстней чаще всего черного и бирюзового цвета в слоях XIV в. древнерусских поселений, возможно, говорят о

торговых связях Руси с Золотой Ордой и, в частности, с Болгаром. Окончательное решение могут дать только анализы стекла.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 05-01-01380а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья XIII–XV вв. // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. № 2.

Кокорина Н.А. Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Болгарии и Золотой Орды). Матер. II Всерос. конф. "Поволжье в средние века". Казань, 2005.

Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф. Исследование торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа. Тез. докл. Болгар, 1994.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Щапова Ю.Л. Химико-технологическое изучение стекла из мастерской на городище Селитренное // СА. 1984. № 2.

14th century glass-making workshop in the city of Bolgar

M. D. Poluboyarinova

Summary

In 1989–1993 and in 2000, a trade and crafts district near the center of Bolgar of the Golden Horde period was investigated. A large assortment of trade implements, many imported items and traces of several artisan workshops were found. The most interesting are the remains of a glass-making workshop, as very few similar East European workshops have been investigated. This workshop is the second one on the territory of the Golden Horde. The remains of the glass-making craft are represented by a ruined production kiln, pieces of glass, drops, glass refuse, pieces of coloring agents and, especially, by a very large amount of beads and rings, including flawed ones. The available data allows to assume that the workshop will have used imported raw materials.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 4, с. 159–175

РЕЦЕНЗИИ

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. "МИФЫ В КАМНЕ. МИР НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ". М.: Алетейа, 2005. 471 с.

Совсем, казалось бы, недавно научная общественность сетовала на то, что темпы экспедиционных исследований намного опережают издание полученных результатов, что многие публикации петроглифов издаются малыми тиражами и практически недоступны, что все еще мало профессиональных встреч археологов, занимающихся проблемами древнего наскального искусства. И вот сегодня мы с удовлетворением можем констатировать, что петроглифоведение как самостоятельная отрасль археологии вышло на качественно новый уровень.

Лишь за последние несколько лет значительно увеличилось не только количество, но и качество публикаций материалов наскального искусства. Свидетельством этого являются выпуски "Корпуса петроглифов Центральной Азии", издающиеся в Париже. Высоким полиграфическим качеством отличается журнал "Археология, этнография и антропология Евразии", охотно публикующий статьи по петроглифам, и др. Было проведено несколько крупных научных конференций, посвященных проблемам изучения древнего наскального искусства: Всесоюзная конференция "Актуальные проблемы изучения наскальных изображений в СССР" (Москва, 1990); Международный коллоквиум "Петроглифы Центральной Азии: методология изучения наскального искусства" (Париж, 1995); Международная конференция по первобытному искусству (Кемерово, 1987); тематическая конференция "Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции" (Санкт-Петербург, 2004); Международная конференция "Мир наскального искусства" (Москва, 2005). Активную работу вот уже на протяжении восьми лет проводит "Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства", первым президентом которой был ученый с мировым именем проф. Я.А. Шер, а ныне – один из авторов рецензируемой книги, Е.Г. Дэвлет. Эта организация выпускает "Вестник САИПИ", достаточно оперативно издающий новые материалы по рассматриваемой тематике. САИПИ была инициатором проведения ряда выездных научных семинаров на памятниках наскального искусства Хакасии и Красноярского края, собиравших множество заинтересованных лиц.

В октябре 2005 г. состоялась Международная конференция "Мир наскального искусства", проводившаяся по инициативе ИА РАН (Москва) и САИПИ (Кемерово) в Москве и собравшая отечественных и зарубежных участников. Этот форум закончился радостным и волнующим событием: был получен долгожданный сигнальный экземпляр книги двух хорошо известных в нашей стране и за рубежом исследовательниц первобытного искусства Е.Г. Дэвлет и М.А. Дэвлет "Мифы в камне. Мир наскального искусства России", вышедшей в издательстве "Алетейа". Сегодня уже многие имеют в своем распоряжении эту очень нестандартную и красивую книгу, которая будет интересна огромной аудитории: и специалистам-археологам, и искусствоведам, и музейным работникам, всем любителям искусства, которых с каждым годом становится все больше.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что сейчас одной из самых увлекательных проблем при всем их многообразии остается семантическое изучение петроглифов. Пожалуй, ни один археологический сборник не обходится без этюдов на эту тему. Но, как известно, именно разработка семантических реконструкций представляет особую сложность в деле изучения памятников наскального искусства (о возникающих в данной связи проблемах, см., например: Раевский, 1999. С. 118–123). В последнее время на страницах журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" развернулась интересная и острая дискуссия "Проблемы изучения первобытного искусства", в которой принимают участие видные специалисты (Молодин, 2004. С. 59, 60; Шер, 2004. С. 36–52; Франкфор, Якобсон, 2004. С. 68–78; и др.). И одной из серьезных тем этой дискуссии является проблема семантической интерпретации первобытного искусства.

Новая монография Е.Г. и М.А. Дэвлет – это прежде всего плод их многолетней работы по изучению разнообразных проблем наскального искусства, причем по материалам не только российских памятников (Дэвлет М.А., 1976а; б; 1980; 1982; 1990; 1998; 2004; и др.), но и мировых (Дэвлет Е.Г., 1993; 2002, 2004; и др.). Сразу хочется отметить, что особое внимание в книге уделено петроглифам Саянского каньона Енисея, и это не случайно. Изучению памятников наскального искусства данного района посвящены многие годы экспедиционных работ М.А. Дэвлет. В результате сохраненный от неминуемого разрушения материал, бесценный уже по меркам сегодняшнего дня, лег в основу многих научных изданий исследовательницы. Петроглифы Саянского каньона, казалось бы, хорошо знакомые нам по публикациям, обрели в этой книге новую жизнь. Значительно дополненные и усиленные материалами сопредельных территорий, они раскрываются перед нами совсем иными гранями – страницами мифов, отображенных на камне.

Каждый из разделов книги "Мифы в камне" построен на базе серьезного изучения широкого круга источников, включающих полевые и архивные материалы, нарративные источники, фольклор и т.д. Кроме того, в монографии обобщен опыт работы с петроглифами нескольких поколений исследователей, о чем свидетельствует солидный библиографический список (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 436–468), представляющий, бесспорно, самостоятельную ценность.

Глава 1 дает достаточно полное представление об ареалах наскального искусства. Как известно, к настоящему времени на территории России открыты и изучены многие сотни местонахождений, выделены локальные очаги первобытного искусства, зоны с особым обликом петроглифов, общая основа которых проявляется в сходстве мировоззрения, идеологических представлений и эстетических предпочтений древнего населения. Читатель получает зримое представление об основных особенностях петроглифов отдельных регионов еще и благодаря иллюстративному материалу, в частности, что особенно отрадно, цветным фотографиям превосходного качества. Они позволяют по-новому увидеть рисунки, хорошо знакомые многим лишь по черно-белым копиям. Думаю, далеко не каждый из специалистов сумел побывать на Чукотке или на Амуре, цветные же фотографии создают незабываемый эффект присутствия и позволяют глубже понять все многообразие памятников первобытного искусства, расположенных на территории России.

Центральное место в работе, безусловно, занимает глава 2 "Мифы и легенды, запечатленные на скалах". Как известно, в науке разрабатываются два основных подхода к объяснению петроглифов – "рационалистический" и "мифологический". Уже в ранних работах по петроглифам Боль-

шой Боярской писаницы М.А. Дэвлет продемонстрировала свою приверженность к "мифологическому" направлению (1965; 1976). В рецензируемой монографии авторы отмечают, что сравнительное изучение мифологии различных народов мира показало, что при всем многообразии мифов их сюжеты в различных частях света все же бывают близки друг другу, повторяются (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 87). Главный принцип, который должен быть положен в основу исследования петроглифов для их семантической интерпретации – устойчивая повторяемость сюжета. Выявив устойчивые семантические блоки, авторы предлагают свои варианты "прочтения" этих древних "текстов".

Глава состоит из отдельных разделов, посвященных конкретным мифологическим мотивам, которые сопоставляются с архаической устной традицией. Всего рассмотрено 16 таких блоков. Нужно заметить, что авторы не только предоставляют читателю собственные разработки, но и обобщают опыт, накопленный другими исследователями. Привлечение огромного количества мифов, легенд, преданий, данных письменных источников и проч. составляет солидную доказательную базу и придает книге особую научную ценность. Вместе с тем читатель волен соглашаться или не соглашаться с предложенной трактовкой конкретного материала, если какие-либо моменты кажутся ему не вполне убедительными. К примеру, возможно, не очень удачна подборка рисунков "Антропоморфные изображения в грибовидных головных уборах" на с. 187 (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Рис. 149), составленная для иллюстрации образа "Человека-мухомора". Этот образ, по мнению авторов издания, связан с мифическими человекомухоморами – участниками древних обрядов, сопровождавшихся ритуальным поеданием галлюциногенных грибов (Дэвлет, 1998). Поскольку дискуссия о смысле подобных изображений имеет уже свою историю (см., например: Кубарев, 2005. С. 172–175), на мой взгляд, для большей убедительности неплохо было бы привести побольше иллюстраций конкретных сцен. При всей привлекательности гипотезы, предложенной авторами монографии, не могу не поделиться впечатлением, которое произвели на меня "Чукотские красавицы", представленные на рис. 155 ("Антропоморфная фигура в грибовидном головном уборе"). Они вызвали ассоциацию с высокими и сложными прическами алтайских "принцесс" (Полосьмак, 1996. С. 157) или волосяным гребнем на шлемах античных воинов. Это еще раз подчеркивает тот факт, насколько субъективным может быть наше восприятие и сколь важны для семантических построений убедительные аналогии и иные доказательства. В рассматриваемой главе достойное место занимают и такие интересные разработки, как "Единоборство быков (из истории корриды)", достаточно традиционная, но от того не менее важная тема "Лодки в страну предков" и др.

Глава 3 "Мировоззрение древнего населения сквозь призму наскального искусства" затрагивает очень важную проблему реконструкции миропонимания древних, не оставивших своей письменности, но предоставивших в наше распоряжение такой важный источник как петроглифы. Авторы монографии в своих построениях основываются, как было указано выше, главным образом на материалах петроглифов Саянского каньона Енисея, которые, по их мнению, содержат наиболее всестороннюю и глубокую информацию по интересующей исследовательниц проблеме. В главе рассмотрены три основных среза: представления о трехсферной модели вселенной; о душе; о круговороте жизни.

Первый блок представлений об особенностях мировоззрения древнего населения верхнего Енисея достаточно убедительно построен на анализе многофигурного "иконостаса" из Мугур-Саргола, на котором древним художником были размещены изображения в соответствии с делением на нижний, средний и верхний миры. Видимо, не случайно для этих целей был использован каменный блок, разделенный скальными трещинами на три яруса (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Рис. 186). "Представления о душе" построены на сопоставлении произведений мелкой пластики – бронзовых сибирских культовых фигурок – и редчайшей, но исключительно важной аналогии среди петроглифов – изображения из Алды-Мозага. Эти сопоставления выводят нас на решение еще одной важной проблемы – определения истоков художественного литья в зоне западносибирской тайги. Еще В.Н. Чернецов, а позднее В.В. Бобров отмечали сходство изделий кулайского плоского литья и наскальных изображений (Бобров, 2004. С. 310, 311). И здесь возникает вечный вопрос: что раньше – яйцо или курица? Древний ли художник, выбивавший петроглифы в Саянском каньоне Енисея, был знаком с произведениями урало-сибирского культового литья или, напротив, образцами для металлических изделий послужили наскальные рисунки?

Авторы оставляют этот вопрос открытым. В данной связи хотелось бы заметить, что к настоящему времени нам известно пока лишь одно наскальное изображение подобного рода, к тому же та детализация, которая присуща произведениям культового литья, совершенно несопоставима с наскальным рисунком. Скорее не петроглифы, а изображения на каких-то иных материалах могли послужить образцом для изделий из металла либо именно последние были прототипами рисунков на скалах.

Продолжая тему, хотелось бы состановиться еще на одном изображении – насекомого из Мугур-Саргола (камень 263). Данный образ авторы книги связывают с представлениями о переселении души умершего человека в жука, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные данные этнографии, шаманской мифологии и прочие источники (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 265–269). К сожалению, масштаб рисунка 196 не позволяет рассмотреть детали изображения, по фотографии (фото 269) также трудно понять, жук это или некая иная фигура. Для большей достоверности хотелось бы увидеть более представительную серию подобных изображений.

На мой взгляд, особенно убедителен раздел о "круговороте жизни", построенный на анализе сцены из Алды-Мозага, на которой животные совершают как бы круговое движение, символизируя идею мирового порядка (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Рис. 197). Подтверждением правомерности таких выводов служит хотя бы пример аналогичного построения животных, выполненных на крышке и стенке знаменитой Башадарской колоды (Баркова, 1984. С. 88).

Не меньший интерес представляет раздел "Священные скалы и их символы". Как известно, в традиционном обществе в архаические времена предки, реальные и мифические, были главным объектом поклонения. Культ предков гарантировал стабильность первобытного коллектива. Особо почитаемые конкретным этносом места и объекты на местности этнографы определяют как зоны обитания или сферы деятельности предков или духов (иерофания, по М. Элиаде, "нечто священное, предстающее перед нами"). В данном разделе рассматриваются различные культовые места и объекты культа, в том числе изображения на стволах деревьев, камнях, валунах и т.п., приводятся разнообразные предания, связанные с их почитанием. Значительное место уделено личинам-маскам в репертуаре наскального искусства древнего населения Северной и Центральной Азии. Выделяются закономерности в локализации определенных типов личин, в особенности сердцевидных, личин-масок с "антенной" и "солнцеликих" (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 285–289). По справедливому выводу авторов, личины на камне являлись своеобразными маркерами священных мест. Далее рассматриваются особенности почитания писаниц, сооружения около них жертвенников и т.п. и, в более общем смысле, проблема создания и функционирования своеобразных святилищ. Интересные соображения высказаны в связи с проведением на святилищах инициаций, сезонных праздников и обрядов на примере ярких и наглядных материалов таких писаниц, как Большая Боярская и Хызыл-Хая.

Весьма уместным и значительным представляется раздел "Шаманизм и наскальное искусство". Как известно, шаманское мировоззрение было присуще на определенном историческом этапе многим народам древности.

Выросший интерес к данной теме в последнее время заметен как на Западе, так и в России, поэтому совершенно правомерен предложенный авторами монографии обзор отдельных ее аспектов, описанных в литературе (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 314–317. Прим. 195). Эта проблема не могла бы остаться вне поля зрения авторов монографии хотя бы потому, что на скалы в разные исторические эпохи наносилось множество загадочных изображений, среди которых изображения с бубнами, антропоморфные фигуры в "рентгеновском" стиле, в необычных одеяниях и проч. Авторы связывают, например, образы, выполненные в скелетном ("рентгеновском" стиле), с проявлением шаманской идеологии и приводят многочисленные данные этнографии для их семантической расшифровки. В целом соглашаясь со многими построениями, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что нередко копии, выполненные не на достаточно высоком уровне или неточно передающие структуру камня, могут дезинформировать исследователя. В данном контексте меня смущает изображение "змеи" на одной из антропоморфных фигур из Саган-Забы (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Рис. 226, *1*), которая может быть, например, трещиной, проходящей через фигуру, напоминающей изгибы тела змеи (и, наверно, было бы желательно по известным причинам, чтобы в приведенных рисунках указывался автор копий). Важны наблюдения Е.Г. и М.А. Дэвлет по реконструкции элементов шаманского костюма и атрибутов шаманов, присущих таким изображениям (плеть, трость, посох и т.д.). Понятно, что лучше поддаются "расшифровке" гравированные, хорошо детализированные изображения и сцены, что и продемонстрировано авторами книги. Всегда проблематичнее обстоит дело с выбитыми рисунками, детали которых порой проявляются с большим трудом. Тем не менее авторы нашли вполне убедительные примеры в петроглифах Устю-Мозага (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Рис. 256) и Мугур-Саргола (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Рис. 257).

Раздел "Наскальное искусство и религия" не только содержит ценную информацию относительно формирования ламаистских и зороастрийских представлений у народов Центральной и отчасти Северной Азии, но и великолепно иллюстрирован (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. Рис. 258–265). Особенно убедителен рис. 266, на котором представлены две самые крупные личины-маски, выбитые на скалах Мугур-Саргола. Им приведены параллели из образов ламаистской мистерии цам (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 379). Здесь же обозначена проблема выявления контактной территории, на которой складывалась общность представлений, проявляющаяся в близких формах обрядов и атрибутов и широком распространении наскальных изображений масок-личин в эпоху бронзы на азиатском континенте. Авторы приходят к следующему заключению: "Таким образом, сопоставление верхнеенисейских изображений с материалами пакистанско-западногерманской экспедиции позволяет выявить ту территорию, где могли иметь место контакты древнего населения, использовавшего в культовых целях маски и рогатые головные уборы, с буддийским миром. В результате этих контактов первобытная мистерия была ассимилирована северным буддизмом-ламаизмом и оформлена в храмовый праздник цам..." (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 382). В этом же разделе авторами рассматривается проблема формирования зороастризма и возможности археологии (и наскального искусства) в данном контексте. В противовес скептическому отношению к археологии М. Бойс, одного из крупнейших знатоков зороастризма, авторы монографии приходят к выводу, что памятники наскального искусства, на которых запечатлены древние графические символы, обозначающие небесные светила, наряду с храмами солнца под открытым небом свидетельствуют о существовании разработанной системы солярных культов у древнего населения пояса степей и предгорий, что позволяет по-новому взглянуть на проблему подосновы зороастризма (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 383). Таким образом, мы видим, на сколь серьезные проблемы выводит нас изучение такого сложного и многогранного источника как наскальные рисунки.

Е.Г. и М.А. Дэвлет в заключении констатируют, что осмысление наскальных изображений – тема неисчерпаемая. И расшифровать, насколько это вообще возможно, сокровенный смысл произведений наскального искусства – вероятно, задача будущего.

Какая бы критика ни поступала в адрес исследователей, которые занимаются вопросами семантики наскального искусства, очевидно одно: их работы – шаги на пути к познанию сути предмета. Книга "Мифы в камне" – подтверждение этому. Подведены итоги длинного пути поисков возможных решений. Для кого-то из исследователей книга укажет направление для дальнейших изысканий подобного рода; кто-то предложит свои варианты ответов на вопрос: что изображено?

Появятся новые источники, будут сделаны новые, возможно, более качественные копии, которые окажутся основой для уточнений или пересмотра предложенных ранее выводов (см., например: Миклашевич, 2002. С. 197–200), но это будут уже другие книги. А сегодня мы с удовольствием раскрываем увесистый том и погружаемся в миф. Миф, запечатленный на камне...

В заключение следует сказать и о некоторых других достоинствах рецензируемой монографии, прежде всего, о прекрасном качестве полиграфии. Оформлена она с большой выдумкой и любовью, напечатана на великолепной бумаге четким шрифтом, с удобно расположенными и выполненными в разумном масштабе иллюстрациями, цветными вклейками, которые по праву могут считаться ее особой гордостью. Такого количества и качества фотографий памятников наскального искусства не знало еще ни одно отечественное издание.

Одной из существенных положительных сторон книги является и то, что авторы не забыли о заинтересованности иноязычного читателя. Монография сопровождена довольно обширным текстом на английском языке. И, как всегда у Е.Г. и М.А. Дэвлет, великолепен русский язык. Читается книга легко, "на одном дыхании".

Уверена, что не только профессиональные археологи, но и все те, кто интересуется древней историей и искусством, будут рады иметь эту книгу на своем рабочем столе и на книжной полке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // СА. 1984. № 25.

Дэвлет Е.Г. Наскальные изображения острова Куба // Памятники наскального искусства. М., 1993.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М., 2002.

Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М., 2004.

Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М., 1976а.

Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976б.

Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.

Дэвлет М.А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл, 1990.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998.

Дэвлет М.А. Каменный "компас" в Саянском каньоне Енисея. М., 2004.

Кубарев В.Д. Об одном традиционном сюжете в петроглифах Центральной Азии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005.

Миклашевич Е.А. Обломки плит – фрагменты мифов (или о точности копирования и возможностях интерпретации Окуневского искусства) // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб., 2002.

Молодин В.И. Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (9). Новосибирск, 2002.

Раевский Д.С. Некоторые замечания об интерпретации древних изобразительных памятников // Междунар. конф. по первобытному искусству. Труды. Т. 1. Кемерово, 1999.

Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ. 1996. № 4.

Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (18). Новосибирск, 2004.

Кемеровский государственный университет

О.С. Советова

Терпиловский Р.В. "СЛАВЯНЕ ПОДНЕПРОВЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э." Lublin, 2004. 135 с., илл.

Опубликованная в Люблине (Польша) монография Р.В. Терпиловского – известного украинского специалиста по археологии ранних славян – посвящена киевской археологической культуре III–V вв., ее происхождению, контактам с соседними археологическими общностями и роли в формировании культур раннесредневековых славян. Это третья книга, вышедшая в серии "Monumenta Studia Gothica". Первые две монографии Б.В. Магомедова и И.Н. Храпунова представляют собой эссе о черняховской культуре и полную публикацию материалов крымского могильника Дружное позднеримского периода (Магомедов, 2001; Храпунов, 2002). Все три книги вышли под редакцией А. Коковского, главного инициатора издания серии. Основная задача ее состоит в публикации трудов о "неизвестных культурных явлениях римского периода и эпохи переселения народов Восточной Европы, а также целостных монографий по археологическим культурам, рассматриваемым до сих пор в пределах отдельных географических зон, что зачастую определялось современными политическими границами" (Терпиловский, 2004. Предисловие издателя). Цель серии, таким образом, весьма благородна, хотя киевскую культуру и нельзя назвать "неизвестной": ее изучают, начиная с конца 40-х годов XX в. Хочется отметить отличное полиграфическое качество изданий серии, а также то обстоятельство, что монографии выходят на языке авторов (первые три – на русском) с обширным английским резюме, т.е. они рассчитаны как на центрально-, так и на восточноевропейского читателя.

Во введении к книге Р.В. Терпиловского очерчен круг источников (в первую очередь археологических), изложены методы и определены задачи исследования. Общей целью его является выяснение места носителей киевской культуры в этногенезе славян, для чего предполагается решить ряд задач, в том числе реконструировать археологический комплекс позднезарубинецких памятников и киевской культуры, определить их социально-экономические характеристики, очертить территорию распространения этих археологических общностей на каждом из этапов развития, рассмотреть механизм их сложения и выяснить характер связи киевской культуры с последующими раннесредневековыми пражскими, колочинскими и пеньковскими древностями.

В главе I рассматривается историография проблемы. Обзор литературы довольно краток, что нельзя считать недостатком работы, поскольку целью автора является подведения итогов изучения древностей "зарубинецкой линии развития" к моменту написания работы. Концепции сгруппированы по направлениям, школам и поколениям исследователей, учтены все основные точки зрения. Общий вывод автора вполне правомерен: большинство специалистов не отрицает, что киевские и позднезарубинецкие памятники – это важный этап в формировании ряда культур исторических славян, но существует множество разногласий относительно территориальных и хронологических пределов археологических общностей, характера связей между ними, датировок и т.д. Все это приводит к различным трактовкам роли той или иной культурной группы в общем процессе развития материальной культуры и даже к неадекватному пониманию направления этого процесса. Главную причину автор совершенно справедливо видит в отсутствии до недавнего времени полного описания археологического комплекса таких явлений, как позднезарубинецкий этап и киевская культура. Устранение этого недостатка и представляет собой одну из задач монографии.

Достаточно подробно изложена история полевых исследований позднезарубинецких и киевских памятников. Учитывая, что часть материалов до сих пор не введена в научный оборот, этот раздел главы I имеет самостоятельное справочное значение.

В главе II дается определение распада или кризиса зарубинецкой культуры и приводятся характеристики всех известных в настоящее время культурно-хронологических групп позднезарубинецких памятников и родственных им общностей (типа Лютеж, Почеп, Картамышево-Терновка, Грини, побужских и, очень кратко, зубрецких). По сравнению с монографией А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1991 г. и разделом в "Археологии СССР", написанным А.М. Обломским (Обломский, Терпиловский, 1991; Обломский, 1993) в главе приведен ряд фактов, которые до сих пор в связи с позднезарубинецкой проблематикой не рассматривались. Имеются в виду новые находки из Бобрицы (фибула типа Жукинского клада, шпора) и восстановленные по дневникам В.Н. Даниленко комплексы из Бортничей и Новых Безрадичей. Привлечение новых данных более наглядно показывает характер хронологического соотношения классических зарубинецких памятников Среднего Поднепровья, расположенных на высоких коренных берегах, и долинных позднезарубинецких поселений. Первые доживают до финала позднего латена, вторые появляются в третьей фазе предримского периода, но продолжают существовать в раннеримское время, о чем свидетельствуют вещи этапов B1 и B2 центральноевропейской хронологии, дериваты треугольных зарубинецких фибул IV типа, ранние эмали, "почепские" фибулы и т.д. Таким образом, из двух предложенных в 1991 г. вариантов соотношения дат обоих типов памятников (частичное сосуществование, смена их друг другом) правильным оказался первый.

Вызывает возражения трактовка поселения Березовка-2 на востоке Днепровского Левобережья как памятника типа Картамышево. По набору лощеной посуды, резко отличающемуся от представленного на селищах I–II вв. водораздела Днепра и Дона, и наличию груболепных сфероконических крышек, характерных для Среднего Поднепровья, Березовка-2 значительно ближе к Лютежу, чем к Картамышево, и является прямым свидетельством проникновения среднеднепровских племен в раннеримское время на юго-восток Левобережья (Обломский, 1992).

Основные выводы главы II о наличии в составе всех групп позднезарубинецких памятников (кроме типа Грини), среднеднепровского зарубинецкого компонента, о двух волнах миграций позднезарубинецкого населения на территорию Днепровского Левобережья, сходстве направленности и характера этнокультурных процессов в Поднепровье, на Волыни и в Прикарпатье хорошо согласуются с основными положениями монографии А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1991 г. и некоторых работ Р.В. Терпиловского.

Глава III занимает центральное место в монографии: здесь приведена характеристика киевской культуры – основного предмета исследований автора на протяжении последних двух десятилетий. В этом разделе детально описан керамический комплекс, погребальный обряд, домостроительство, рассматриваются хронологические индикаторы, излагается единая система периодизации памятников в четырех основных регионах культуры (Среднее Поднепровье, Подесенье, восток Днепровского Левобережья, Верхнее Поднепровье). Ход рассуждений и выводы автора проиллюстрированы большим количеством карт и рисунков, на которых изображены все опорные комплексы, основные датирующие вещи, планы погребений и жилищ. Использованы материалы практически всех исследованных раскопками поселений киевской культуры этой обширной территории, включая неопубликованные.

Весьма интересно наблюдение о различном характере, степени интенсивности и частичном несовпадении во времени контактов племен трех южных вариантов киевской культуры с черняховским населением. В разделе о происхождении киевской общности автор предлагает новую концепцию генезиса ее деснинского и верхнеднепровского вариантов. Первый формируется на базе позднезарубинецких древностей круга Картамышево верховьев Псла и Сейма при участии какого-то верхнеднепровского элемента (судя по материалам селища Гребля, возможно, культуры штрихованной керамики). Переходное звено от картамышевской к деснинской традиции представляет собой поселение Попово-Лежачи-4 в Среднем Посеймье.

Верхнеднепровский вариант, по мнению Р.В. Терпиловского, не является простым продолжением позднезарубинецких древностей типа Грини, а представляет собой результат синтеза традиций Гриней и верхнеднепровской группы зарубинецкой культуры (круга Чаплина). Так ли это, станет ясно после проведения планомерных раскопок позднезарубинецких памятников на территории Белоруссии, а также после полной публикации материалов Абидни, Тайманово и других верхнеднепровских памятников III–V вв., которые введены в научный оборот лишь частично. По всей видимости, генезис верхнеднепровской группы киевской культуры окажется еще более сложным. В керамическом комплексе Абидни явно присутствуют южные элементы (близкие по форме к пшеворским высокие лощеные миски, груболепные горшки с налепами) и слабопрофилированные сосуды, по формам и деталям обработки поверхности приближающиеся к горшкам культуры штрихованной керамики. Влияние последней, возможно, проявляется в общем "выглаживании" профиля сосудов и ряде других черт.

Удачным представляется также объяснение сходства памятников типа Черешин (Верхнее Поднестровье) и Букреевка-Тазово (водораздел Днепра и Дона) как следствия конвергенции, вызванной близостью их основ. На обеих территориях в раннеримское время присутствуют зарубинецкие и пшеворские группы населения, оба типа памятников практически одновременно испытали воздействие черняховской культуры (в период бытования фибул с высоким приемником группы VII по О. Альмгрену). Предложив это объяснение, Р.В. Терпиловский ликвидирует тем самым противоречие между концепциями А.Н. Некрасовой и В.Д. Барана, с одной стороны, и А.М. Обломского – с другой.

В особом разделе главы III продемонстрировано, что киевская культура "не одинока" в Восточной Европе, а окружена с запада, севера и востока цепочкой археологических общностей, в той или иной степени испытавших ее воздействие или имевших сходные субстраты. К ним относятся памятники типа Каширка-Седелки и Чертовицкое-Замятино на Верхнем Дону, Лбище и подобные ему древности на Самарской Луке Волги. В эту же полосу сходных с киевской археологических общностей Р.В. Терпиловский включил памятники круга Заозерье верховьев Ловати, Западной Двины и Днепра. В данном отношении он, как мне кажется, чрезмерно осторожен. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев доказали, что древности типа Заозерье представляют собой северную окраинную группу собственно киевской культуры (Лопатин, 2003; Фурасьев, 2001). Недавно памятники, очень близкие к киевским, стали известны и в Среднем Поволжье (Сиделькино, Тимяшево, Крепость Кондурча) (Сташенков, 2005).

Третья глава тем не менее не лишена недостатков. Так, например, вызывает сомнения отнесение к тем или иным локальным вариантам некоторых памятников.

Представляется, что нельзя трактовать все материалы поселения Гочево-1 (верховья Псла) как однозначно принадлежащие начальной стадии киевской культуры. Мне уже приходилось писать об этом (Обломский, 1991. С. 228, 229; 2002. С. 32, 33). Кратко повторю основные аргументы. В яме со скелетом лошади, перекрывающей более раннюю постройку 4, обнаружена прогнутая подвязная фибула варианта Б2 по классификации Е.Л. Гороховского. Такие изделия типичны для второй стадии киевской культуры (периода черняховского влияния) и не могут быть синхронными раннекиевским (дочерняховским) материалам. Черняховская гончарная керамика на памятнике известна. Она происходит из постройки 1 и культурного слоя, в котором концентрируется около этой постройки и ямы с конским скелетом. На поселении, таким образом, можно выделить как минимум два горизонта: переходный от позднезарубинецкого периода к киевской культуре и второй стадии киевской культуры.

Вряд ли правомерно безоговорочно включать в число киевских памятников Колосовку (Верхнее Посеймье, р. Рогозна). Несмотря на сравнительно невысокий и типичный для киевской культуры этого региона процент черняховской гончарной посуды (около 30%) лепная керамика памятника отличается от киевского набора полным отсутствием тюльпановидных и ребристых сосудов, дисков и других специфически киевских форм. В Колосовке имеются сосуды с прямым раструбообразным венчиком и гранью на внутренней стороне шейки, характерные для черняховских памятников типа Хохлово-Снагость, исследованы пятна обмазки от стен глинобитных наземных домов, чуждых домостроительству восточного региона киевской культуры. Вероятно, Колосовка оставлена черняховской общиной пограничной зоны.

Серия памятников с сероглиняной гончарной посудой, довольно большим количеством лепной керамики, но черняховских по прочим признакам (ландшафтное расположение, остатки наземных жилищ, некоторые характерные вещи) обнаружены на р. Прутище недалеко от Колосовки (несколько селищ у сел Николаевка, Болованово, Мармыжи). Пока они выявлены лишь в разведках, но даже при первичном осмотре отчетливо видны следы пожаров, уничтоживших эти поселения. На всех памятниках найдены предметы гуннского периода (пряжки, фибулы, наконечники стрел, монеты) (Веретюшкин и др., 2005). Не исключено, что к се-

веру от Сейма в ближайшее время будет выделена буферная группа древностей типа Колосовки с элементами черняховской и киевской культур.

В главе IV исследуется роль киевской культуры в формировании раннесредневековых археологических общностей. Достаточно надежно обоснован тезис о генезисе колочинских древностей на базе деснинского варианта киевской культуры при некотором участии в этом процессе населения среднеднепровского варианта последней. Колочинская общность, таким образом, фактически является следующим хронологическим этапом развития деснинско-киевской, правда, по сравнению с позднеримским временем ее памятники занимают более обширную территорию.

Менее отчетливая картина получилась при анализе генезиса пеньковской культуры, что нельзя считать виной Р.В. Терпиловского. К сожалению, до сих пор эта культура исследована значительно хуже, чем колочинская, по крайней мере на территории Днепровского Левобережья. Удачей автора является отказ от попытки найти какую-либо единственную протопеньковскую общность в позднеримское время.

Р.В. Терпиловский называет несколько источников формирования пеньковской культуры: поздние киевские памятники среднеднепровского варианта, древности Нижнего Подесенья типа Роище, немногочисленные памятники контактной киевско-черняховской зоны на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья (типа Хлопков-1), сейминско-донецкий вариант киевской культуры. Своеобразие ранних пеньковских комплексов определяется сочетанием этих традиций, хотя есть памятники, где наиболее отчетливо проявляется одна из них (Рябовка-3, например, имеет сейминско-донецкую подоснову). Положение на юге лесостепи в середине I тыс. н.э. осложняется проникновением в этот регион групп северного деснинского населения, прямым свидетельством чего является селище Сенча, и обратными миграциями отдельных южных общин в Подесенье (раннесредневековые комплексы Роища). В целом механизм формирования пеньковской культуры остается не до конца ясным, хотя сходство ее с лесостепными киевскими древностями несомненно. В своей монографии Р.В. Терпиловский подвел итог определенной стадии исследования этой проблемы. Дальнейшая работа над ней потребует накопления нового материала.

Нельзя не согласиться с Р.В. Терпиловским, что население киевской культуры не приняло существенного участия в генезисе пражской. Интересна гипотеза о существовании в позднеримское время группы памятников Полесья и Волыни, переходных от киевских к верхнеднестровским типа Черепин, что можно видеть в материалах Лепесовки, Савенок и Острова. В известной степени (но с рядом оговорок) это предположение согласуется с петербургской теорией "полесского белого пятна" и некоторыми построениями И.О. Гавритухина (Щукин, 1976. С. 76–78; Мачинский, 1976. С. 94, 95; Гавритухин, 2000).

В главе V рассматриваются проблемы реконструкции хозяйства и общественных отношений позднезарубинецких племен и населения киевской культуры. Фактически эта глава представляет собой первый опыт комплексного обобщения всей имеющейся в распоряжении исследователей информации (включая специальные анализы) по социально-экономической истории населения, оставившего культуры зарубинецкой линии развития.

Вместе с тем некоторые положения автора представляются весьма гипотетичными, например идея пространственно-линейной связи построек на поселениях, отражающих родственные отношения занимающих их семей. Общий вывод главы V, что хозяйство позднезарубинецкого и киевского населения является как бы промежуточным звеном, объединяющим зарубинецкую и раннесредневековую экономику в единую эволюционную цепочку, хорошо согласуется с анализом археологического комплекса этой группы культур в этническом аспекте (главы II–IV).

Глава VI представляет собой, по сути, расширенное заключение, где основные выводы монографии излагаются на фоне анализа письменных источников и работ палеолингвистов.

Идея о близости субстратов верхнеднестровских памятников черняховской культуры и киевских послужила автору базой для выдвижения теории о формировании единой этнокультурной общности от Прикарпатья до Днепровского Левобережья в первые века н.э., развитие которой было прервано миграцией вельбарского населения в Припятское Полесье и лесостепь в конце II – начале III в. н.э. Это положение чрезвычайно важно, поскольку объясняет сходство по большинству археологических показателей пражской, пеньковской и колочинской культур при своеобразии пражской, которая формируется не на киевской, а на какой-то иной, но близкой, основе. Существованием указанной общности в раннеримское время объясняется, видимо, и этническая близость носителей пражской и "посткиевских" культур – склавинов, антов и "поздних венетов", что отмечено письменными источниками VI в.

Монография Р.В. Терпиловского представляет собой капитальный научный труд, в котором в наиболее полном виде изложена концепция автора о роли позднезарубинецко-киевского населения в этногенезе славян, приводится описание киевской культуры как исторического явления. Не сомневаюсь, что эта книга вызовет большой интерес как у специалистов, так и у других читателей, которые не равнодушны к проблемам ранней славянской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веретюшкин Р.С., Обломский А.М., Радюш О.А. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.

Гавритухин И.О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Вип. 1. Київ; Чернівці, 2000.

Лопатин Н.В. Карта памятников круга Заозерье-Узмень // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin; Warszawa, 2003.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I–VI вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. Л., 1976.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991.

Обломский А.М. Березовка-2 (позднезарубинецкое поселение на Сумщине) // Петербургский археологический вестник. Вып. 2. СПб., 1992.

Обломский А.М. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Археология СССР. М., 1993.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). М., 2002.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. М., 2005.

Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin, 2004.

Фурасьев А.Г. Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей

четверти I тыс. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.) Lublin, 2002.

Щукин М.Б. Археологические данные о славянах II–IV вв. Перспективы ретроспективного метода // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. Л., 1976.

Институт археологии РАН, Москва *А.М. Обломский*

Гадло А.В. "ПРЕДЫСТОРИЯ ПРИАЗОВСКОЙ РУСИ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОГО КНЯЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ". СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 362 с.

В монографии Александра Вильямовича Гадло (1937–2002) аккумулирован многолетний опыт работы над созданием всесторонней картины раннесредневекового Северного Кавказа. В 1969 г. А.В. Гадло защитил кандидатскую диссертацию "Южное Приазовье в период Хазарского каганата (Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X веков)", написанную на основе анализа широкого круга источников – археологических, письменных, палеоэтнографических, данных нумизматики, сфрагистики, эпиграфики, топонимики, ономастики. В двух последующих монографиях, освещающих историю северокавказского региона IV–XIII вв. на широком фоне политической и социальной обстановки в Восточной Европе и Закавказье, исследователь в основном оперировал сведениями письменных источников и лишь в незначительной мере обращался к данным археологии, этнографии, фольклора и лингвистики (Гадло, 1979; 1994). Монография 2004 г. представляет особый интерес, поскольку предшествующие выводы автора обогащены материалом, полученным в ходе работ археологических экспедиций, возглавляемых А.В. Гадло, и ранее нашедшим отражение в серии небольших публикаций.

Первая часть книги посвящена проблеме предыстории Тмутаракани. Задача этого исследования – введение "в науку, может быть, и с опозданием, но именно того, что было сделано прежде и не устарело, и сегодня имеет значение для развития науки" (Гадло, 2004. С. 22).

В главе "Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии. История идеи" прослежено развитие в русской исторической науке концепции о существовании в Приазовье и на Северо-Западном Кавказе Приазовской (Азово-Черноморской или Тмутараканской) Руси. Фундаментом ее стала гипотеза о раннем (до конца X в.) расселении славян на этих территориях. А.В. Гадло освещена полуторавековая история этой идеи, зародившейся в трудах Г. Эверса, В.И. Ламанского и др. и нашедшей сторонников в лице Г. Вернадского, В.А. Мошина и др. В настоящее время гипотеза о Приазовской Руси признана ненаучной вследствие опровержения данными археологии тезиса о существовании на Нижнем Дону, в Приазовье и Крыму русского населения до конца X в. (работы А.А. Миллера, М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, А.Л. Якобсона и др.). Возрождение данной концепции в последние годы наблюдается на Северном Кавказе (Хотко, 2001. С. 195–201).

Во второй главе "Южное Приазовье в VIII–IX вв. Итоги археологического изучения" представлена история археологических исследований на рассматриваемой территории; большое внимание уделено характеристике селищ, городищ и некрополей, а также проблемам хронологии.

Начало планомерного археологического изучения Таманского и Керченского полуостровов А.В. Гадло отнес к рубежу 20–30-х годов XX в. (работы А.С. Башкирова, А.А. Миллера, В.Ф. Гайдукевича, В.Д. Блаватского и др.). В 1950-х годах началось исследование средневековых памятников в Восточном Приазовье, Прикубанье, степных районах Ставропольского края, глубинных районах Керченского полуострова (А.Л. Монгайт, В.Б. Деопик, С.А. Плетнева и др.). Совершенно справедливо отмечено, что вплоть до середины 80-х годов XX в. материалы средневековья не исследовались специально: большое количество информации было получено археологами-античниками при попутном изучении средневековых слоев, залегавших в верхних пластах многослойных памятников. Зачастую средневековые объекты не фиксировались достаточно четко (Гадло, 2004. С. 68, 72). Памятников раннего средневековья автор насчитал около ста; их бытование определяется в пределах VIII–X вв. – времени преобладания на Юго-Востоке Европы Хазарского каганата.

Ряд вопросов вызывает классификация средневековых памятников Южного Приазовья, основную массу которых А.В. Гадло назвал рядовыми селищами. Определить их границы и выявить внутреннюю топографию во многих случаях не удается. Особое внимание в книге уделено топографии селищ, расположенных на месте античных городов, в большинстве своем покинутых в III–IV вв., из которых сохранились лишь Тиритака и Пантикапей-Боспор в Восточном Крыму; Гермонасса, Фанагория, Кепы и поселение у хут. Ильичевка на Таманском полуострове. Жилища населения, появившегося в VII–VIII вв., возводились в соответствии с чуждыми до этого времени строительными приемами и зачастую вразрез с античной планировкой.

При выделении городов критерием классификации А.В. Гадло называл "такой важный, хотя и внешний, признак, как наличие оборонительных сооружений", в результате чего заключил, что до конца X в. единственным укрепленным пунктом в Южном Приазовье являлся Боспор (Керчь). Вместе с тем автор допускал, что Фанагория "сохраняла облик городского поселения и имела укрепления", являясь "в полном смысле городом". В этом отказано Таманскому городищу наряду с Мирмекием, Илуратом, Тиритакой, Тепсенем и другими памятниками, названными "образованиями полугородского типа" (Гадло, 2004. С. 75, 76). В то же время А.В. Гадло отмечает обнаруженные на Таманском городище "остатки септагонального сооружения, которое ... могло служить основанием донжона" конца IX в. (2004. С. 69, 90, 91), открытую здесь же часть сырцовой стены, а также определение Константином Багрянородным Таматархи как "крепости" (2004. С. 121). По мысли автора, стена датируется концом X в. (Гадло, 2004. С. 139, 164); С.А. Плетнева датирует ее возникновение второй половиной IX в. (2000). Отметим, что некогда античные приморские города – Таматарха и Фанагория – в рассматриваемое время являлись крепостями византийского типа, защищавшими западные границы Хазарии (Чхаидзе, 2004б).

Согласно А.В. Гадло, городами были только Фанагория и Боспор. В 30-х годах VI в. Фанагория подверглась разгрому гуннами; в конце IX – начале X в. разгром и пожар повторились. По мнению исследователя, жизнь на месте города продолжала теплиться до XI в. (Гадло, 2004. С. 97), хотя далее он отметил, что жизнь здесь вряд ли существовала в течение всего X в. (2004. С. 116). Данные археологии и нумизматики свидетельствуют о существовании поселка на территории городища до XII в. вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели памятника в конце IX – начале X в. (Чхаидзе, Атавин, 2005).

В отношении Боспора А.В. Гадло не согласен с выводами Т.И. Макаровой о разрушении крепостной стены Керчи в первой половине IX в. (Макарова, 1998. С. 358) в силу спорности предложенной исследовательницей абсолютной даты указанного события. По мысли А.В. Гадло, открытые Т.И. Макаровой строительные объекты дают представление о характере застройки города в X–XIII вв., который в это время "мало отличался по своему облику от города предшествующих столетий" (Гадло, 2004. С. 103). Данный вывод подтвержден и другими исследователями (Айбабин, 2000).

Подчеркнем, что сегодня ни одна из известных крепостей хазарского периода в бассейне Дона и в Центральном Предкавказье не может быть определена как город ни в социально-экономическом, ни в архитектурно-планировочном отношении. Четкой дифференциации города и села в Хазарском каганате археология не фиксирует. В данной связи следует весьма осторожно подходить к понятию "город", условно именуя так хазарские городища-крепости (Флёров, 2005. С. 344, 345).

При рассмотрении этногенетических связей населения VIII–X вв. А.В. Гадло опирался на материал рядовых поселений сельского типа Героевка (Эльтиген) в 25 км от Керчи и у д. Пташкино (раскопки 1963–1964 гг.), а также поселений у д. Алексеевка, Мирмекий, Илурат. Все пункты отнесены автором к селищам салтово-маяцкого типа. Материалы раскопок памятников позволили А.В. Гадло создать общую концепцию оседания кочевого населения приазовских степей на протяжении VIII–X вв., происходившего под влиянием как внешних, так и внутренних – экономических и социальных – факторов (2004. С. 87, 88). Основной вывод исследователя таков: хронологическая эволюция форм жилищ отражает изменения, происходившие в социально-экономической жизни населявших край родоплеменных групп, выступавших как единое этническое образование. Этот вывод был подтвержден при последующих работах на перечисленных и синхронных им памятниках (Зинько, Пономарев, 2000. С. 191; и др.).

А.В. Гадло рассмотрел также средневековые некрополи Восточного Крыма и Таманского полуострова; им впервые приведены описания 11 погребений биритуального (включающего грунтовые могилы и каменные ящики) некрополя у д. Героевка (Гадло, 2004. С. 106, 107), исследования которого интенсивно проводятся в последние годы (Пономарев, 2004). Автор отмечал общность погребального обряда населения Южного Приазовья, указывал, что наиболее ранними являются ямные захоронения. Плитовые могилы – комплексы более позднего времени, они сменяют погребения в ямах с перекрытием, а на Боспоре – катакомбы, в обоих случаях знаменуя утверждение христианского погребального обряда (2004. С. 111). Данные выводы находят подтверждение при публикации новых материалов (Чхаидзе, 2004а).

Ряд вопросов вызывает предложенная автором относительная датировка памятников Южного Приазовья. Привлекаемые им материалы, прежде всего тарная керамика, анализируются с позиций их "твердой датировки в пределах VIII–IX вв." в соответствии с ныне устаревшей хронологией, предложенной А.Л. Якобсоном. В этой связи представляется спорным выделение поселенческих слоев рассматриваемого периода на основании неразработанных критериев хронологии тарного материала. Так же гипотетично отнесение амфор VII – начала VIII в. к понтийским, восточным и южным центрам (Гадло, 2004. С. 114): в это время производившие амфорную тару гончарные печи открыты лишь на южном берегу Крыма. В настоящее время хронология амфорного материала полностью пересмотрена, создана и новая концепция истории памятников Северного Причерноморья (Сазанов, 1999; и др.). При этом выводы А.В. Гадло о гибели поселений Восточной Таврики на рубеже IX–X вв. подтверждаются данными новых раскопок (Зинько, Пономарев, 2000. С. 191; и др.). Предположение же о запустении ряда поселений, в частности на Таманском полуострове, в середине X в. (Гадло, 2004. С. 116), нуждается в корректировке (Паромов, 2003).

В главе "Хазария и Русь в Южном Приазовье в X в." автор затрагивает важнейшие для региона вопросы: образование оседлых поселений на фоне возвышения Хазарского каганата, Восточный поход Святослава Игоревича, "Корсунский поход" Владимира Святославича, приведшие к закреплению Южного Приазовья за Древнерусским государством, последующая славяно-русская миграция на эти территории.

Особое внимание А.В. Гадло уделил Таманскому городищу. Им высказано предположение, что этот пункт (Томы) упомянут Феофаном и Никифором в связи с бегством из Фанагории в Дунайскую Болгарию Юстиниана II. Само же название, возможно, связано с войсковым подразделением – туменом (Гадло, 2004. С. 137). Так, уже со времени вхождения Степного Предкавказья, включая низовья Кубани, в политическую систему каганата поселение получает тюркское наименование Тумен-тархан – Таматарха в греческой передаче, впоследствии преобразованное в Тмутаракань (Чхаидзе, 2005б).

Исследователем затрагивается и дискуссионный (см.: Тортика, 2004; Чхаидзе, 2005в) вопрос о локализации города Самкуш–Самкерц–Смкрия–Смкрйя, упоминающегося Ибн-ал-Факихом (Самкуш), в письме царя Иосифа (Самкерц) и в Кембриджском анониме (Смкрия, Смкрйя) в связи с захватом этого города царем Росии Хельгу (Гадло, 2004. С. 140, 141). Традиционно с XVIII в. большинство исследователей отождествляют Самкуш–Самкерц с Таматархой–Тмутараканью, однако есть основания видеть в нем упомянутый в письме царя Иосифа город Крц (Кареон–Боспор, впоследствии Корчев, совр. Керчь). Под Самкуш–Самкерц можно подразумевать и предместье Керчи, имевшее преимущественно еврейское население, в отличие от самой Керчи, населенной главным образом греками. Вместе с тем возможно, что термин Самкуш–Самкерц употреблялся в отношении двух крепостей – Боспора и Таматархи, находившихся друг напротив друга по обе стороны пролива.

Локализуя Самкуш–Самкерц, А.В. Гадло не раз менял свою точку зрения: первоначально он писал о Керчи (1968. С. 61), затем отождествлял Самкрай с адыгским Тамтаракай (Таматархой) (1989. С. 15), с военным хазарским центром в земле адыгов – Шанджиром (Чангир), упоминаемым Э. Челеби как Шанкрай (1994. С. 78, 79). На основании данных рассказа хронографа 1699 г. о "холопьей войне" новгородских "ушкуйников" (поход в 1375 г. на юг, в "царство Тьмотороканское") исследователь связывал эти события с описанными в Кембриджском анониме, называя Самкрай Тмутороканью (Таматархой–Тамтаракаем) (1999. С. 53–57). В рецензируемой работе А.В. Гадло вновь возвратился к локализации Самкуша–Самкерца в Керчи, но не привел ссылки на работы с другими вариантами локализации, так что не совсем понятно, какой же из названных вариантов является в понимании автора окончательным.

В книге подробно рассмотрены существующие в историографии три версии закрепления русов в Таматархе–Тмутаракани, а следовательно, и вхождения низовьев Кубани в орбиту непосредственных интересов Древнерусского государства. По первой версии указанное событие произошло в начале IX в. или в конце IX – первой половине X в. В это время здесь якобы правил вассал князя Игоря, само же Тмутараканское княжество было основано Олегом между 884 и 906 гг. Данная концепция изжила себя уже к середине 50-х годов XX в. и в настоящее время представляет лишь историографический интерес (Гадло, 2004. С. 29–66). По второй, длительное время существующей в отечественной историографии версии, княжество было основано в 944 г. русами, направлявшимися в Берда'а. В городе был посажен наместник – архонт князя Игоря, что и заставило Византию включить в текст договора 944 г. новые статьи, касающиеся владений империи в Крыму. Как показал А.В. Гадло (2004.

С. 144–149), это предположение, в целом сформулированное А.Н. Насоновым, не подкрепляется ни письменными источниками, ни данными археологии. По третьей версии закрепление русов в Таматархе–Тмутаракани связано с восточным походом Святослава Игоревича и может датироваться не ранее 965 г. (2004. С. 153, 154). Окончательное же утверждение русской власти явилось следствием "Корсунского похода" 987–989 гг. Владимира Святославича (Гадло, 2004. С. 155–165, 247–250). Видимо, последнюю версию можно рассматривать как наиболее вероятную. Вместе с тем отметим, что в письменных источниках не содержится никаких данных о захвате Таматархи Святославом в 965 г. или Владимиром в 987–989 гг. Как известно, в летописи свидетельство о кавказской части похода Святослава ограничивается лишь лаконичной фразой "одоле Святослав Козаром и град их и Белу Вежю взя. И Ясы победи и Касогы" (Полное собрание русских летописей, 2001. Ст. 53), причем последняя строка, по мнению А.А. Шахматова, является вставкой позднейшего редактора (2001. С. 305. § 234). Тем не менее подобное положение вещей не мешает А.В. Гадло априори утверждать о захвате Святославом Таматархи (2004. С. 150–154). Не понятно, откуда почерпнуты сведения о "сочувственном принятии прихода дружин Святослава" коренными обитателями края, как и о том, что "появление победоносных русских дружин на берегах пролива должно было внушать надежды, что они будут более надежной защитой от окружавших Боспор кочевников-печенегов, чем плохо справлявшаяся с этим ... хазарская стража на переправе" (Гадло, 2004. С. 151), причем "Подонье и Хазарский торговый путь стали достоянием печенегов, которых больше не сдерживали ни авторитет кагана, ни хазарские гарнизоны, ни дружины русского князя, бросившего даже Киев ради новой земли, полюбившейся ему на Дунае" (Гадло, 2004. С. 153, 154). Даже если согласиться, что поход с самого начала был направлен к Керченскому проливу, необходимо рассматривать лишь вероятность того, что войско Святослава (или какая-либо его часть) могло достигнуть Таматархи. Выявленный на некоторых участках Таманского городища слой пожарища может датироваться широко – второй половиной X в., так как монеты Романа II (959–963) херсонесского чекана, найденные в этом слое, имели широкое хождение в конце X в. и позднее. Таким образом, пожар мог возникнуть в результате возможного захвата городища войсками как Святослава, так и Владимира. В этой связи интересно предположение, что в период между 965 и 988 годами город находился под управлением империи (Мошин, 1933. С. 207). По одной версии А.В. Гадло, на него стала распространяться власть адыгской общности (1989. С. 16), по другой – Херсонесской фемы (2004. С. 153). Обратим внимание на данные "Эскуриального тактикона", датированного временем правления Иоанна Цимисхия – началом царствования Василия II (с 979 г.). В рассматриваемом источнике впервые упомянут стратиг Боспора. Вероятно, существование фемы Боспора было кратковременным, прекратившимся после взятия Херсона Владимиром в 989 г. (Бибиков, 1976. С. 88). Другой вопрос – могла ли распространяться власть греческого стратига на противоположную сторону пролива?!

В главе "Население Приазовья и Северного Кавказа VIII–X вв. и проблема черных болгар в русской историографии" на основании данных письменных источников представлена попытка локализовать Черную Болгарию, упоминаемую в сочинении Константина Багрянородного и в договоре князя Игоря с Византией 944 г. А.В. Гадло размещал Черную Болгарию на территории Первой Болгарской державы, лежащей к северу от Дуная, в степном междуречье Днестра и Прута (2004. С. 167, 192). Основными аргументами исследователя выступали символические значения определенных цветов, включавшихся в сложные названия тюркских родов и племен: север – *qara* – черный, юг – *qyryv* – красный, запад – *saryv (aq)* – желтый (белый), восток – *kok* – голубой. А.В. Гадло считал определение "кара" (черный) указанием на "северное" проживание племен или их частей. Черные болгары, обитавшие к северу от Дуная в междуречье Прута и Днепра, рассматривались, по мнению исследователя, в Константинополе и Задунайской Болгарии как северные – черные, а их земли как Северная – Черная Болгария (2004. С. 191). Следует отметить, что приведенные построения А.В. Гадло – всего лишь гипотеза, не подтверждаемая данными источников. В этой связи представляется более аргументированной версия М.И. Артамонова и С.А. Плетневой, локализующих Черную Болгарию в Прикубанье и Предкавказье или Крыму (Чхаидзе, 2005а. С. 359).

В главе "Коренное население Западного Кавказа. Адыги во второй половине I тысячелетия н.э." предложена попытка нового прочтения начального периода истории адыгов, отличная от концепции, в середине 50-х годов XX в. разработанной Л.И. Лавровым. Необходимо отметить, что проблема этногенеза адыгов весьма далека от своего разрешения и этноним "адыги" некорректно применять к населению северо-западных пределов Кавказа VI–X вв.

На основании известий Ш.Б. Ногмова А.В. Гадло относит время жизни объединителя "Страны адыгов" Инала к VIII в. (2004. С. 209–219), что представляется в значительной степени спорным. Основываясь на тех же известиях Ш.Б. Ногмова, Л.И. Лавров пришел к выводу, что Инал жил не ранее XV в. (1978. С. 46).

В главе "Население степных районов Северного Кавказа VIII–X вв. как часть единого этнокультурного массива протоболгарских родоплеменных групп в системе Хазарского каганата" предпринята попытка связать салтово-маяцкие древности Нижнего Дона и Восточной Таврики с памятниками кавказских предгорий. Сопоставление А.В. Гадло провел на материалах собственных археолого-этнографических исследований 1972–1973 гг. в западных районах Ставропольской возвышенности. Всего на этой территории исследователь назвал около 30 памятников. В работе показано, что степной (зливкинский) вариант салтово-маяцкой культуры на рубеже VII–VIII вв. распространяется в Центральном и Западном Предкавказье. Изучение памятников данного региона поможет разрешить проблему этнической атрибуции салтово-маяцкой культуры, так как именно на очерченной территории происходило взаимодействие "болгаро-хазарского – аланского этнических массивов и, по-видимому, только здесь может быть проведено размежевание их палеоэтнографических комплексов" (Гадло, 2004. С. 239). Вместе с тем в работе отсутствует иллюстративный материал, что крайне затрудняет рассмотрение привлекаемой автором в качестве хроноиндикатора тарной керамики. Всего исследователь выделил 45 (!) типов амфор, при этом не понятно, на каком основании он счел, что 80% амфорного материала представлено северопричерноморскими центрами производства, а 20% – импорт из понтийских или эгейских областей (Гадло, 2004. С. 235). Здесь, как и в случае с амфорным материалом из Южного Приазовья, обращение к устаревшим хронологическим схемам делает выводы А.В. Гадло в известной степени предварительными. К тому же все рассматриваемые находки происходят не из раскопок, а сделаны на поверхности памятников.

И все же, несмотря на наличие в книге некоторых натяжек или неточностей, нельзя не отметить главного – сформировался кардинально новый взгляд на историю Южного Приазовья раннего средневековья. Основной вывод А.В. Гадло: включение Южного Приазовья в орбиту политики хазарского каганата в конце VII в. приводит к изменению социально-политической структуры населявших данные территории родоплеменных групп, что проявляется в оседании ранее кочевого населения, возникновении большого числа поселений, которые могут быть отнесены к памятникам зливкинского степного варианта салтово-маяцкой культуры. С начала IX и до конца X в. оседлые поселения в степи исчезают, катализатором чего выступают печенеги, полностью овладевшие степью; население собирается под покровительством хазарских гарнизонов в Боспоре и Таматархе.

Такое положение вещей сохраняется и позже конца X в. – после появления в Южном Приазовье славяно-русского населения (Гадло, 2004. С. 245, 246).

Вторая часть монографии, "Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе", посвящена авторской интерпретации процессов, на протяжении конца X – конца XII в. происходивших на территории Северо-Западного Кавказа, которые рассматриваются сквозь призму русской, хазарской, византийской, адыгской и грузинской истории. Здесь без изменений воспроизводится серия очерков (в частности, Тмутороканские этюды), опубликованных в 1986–1996 гг. в Вестнике Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета и частично в монографии 1994 г. Обращение к археологическим источникам в них минимально. Автор формулирует основные вопросы истории Тмутаракани: "Было ли русское княжество на Тамани русским по составу населения? Если в Тмуторокане обитали славяно-русы, то почему они оказались вдали от основного массива славяно-русской народности? Когда они здесь появились? Если русской была только дружина князя, господствовавшая над местным нерусским населением, то при каких обстоятельствах она обосновалась на Тамани? Когда Тмуторокань стал зависящим от Киевского государства и насколько существенной была эта зависимость?" (Гадло, 2004. С. 26). К названному добавим малоизученные сюжеты о времени возникновения и исчезновения "русской" Тмутаракани, ее территориальных размерах, а также целый ряд частных моментов ее политической истории, светской и духовной жизни. Не ясна и роль Тмутаракани в истории Древней Руси. Одной из самых важных и актуальных является проблема взаимоотношений с народами Северного Кавказа. Наконец, окончательно не решен вопрос, являлась ли Тмутаракань княжеством вообще.

Остановимся на основных спорных моментах сформулированной А.В. Гадло концепции истории "русской" Тмутаракани. Отметим, что схема А.В. Гадло в основном безоговорочно принята в отечественной историографии (Алексеева, 1992; Захаров, 2002; и др.) и целостный ее анализ не проводился.

Сравнительно недавно Н.Ф. Котляр высказал мнение, что Тмутаракань не могла быть русским княжеством, так как близлежащие территории не являлись "окняженными", на них "не распространялась ни княжеская администрация, ни система сбора дани, ни княжеский суд" (2002. С. 116). Действительно, сведения, которые предоставляют источники в отношении внутреннего устройства Тмутаракани, позволяют утверждать, что это своеобразное русское княжество не было княжеством наподобие Киевского, Черниговского, Переяславского и пр. Нигде в источниках Тмутаракань не называется княжеством – это либо "град", либо "остров". Можно лишь предполагать, что город распределялся между князьями наравне с другими столами и уделами. Для Киевской Руси Тмутаракань представляла сугубо экономический интерес. Русские князья здесь выполняли функции посадников, главной задачей их являлось сохранение контроля Киева над одним из важнейших торговых путей, ключевым центром которого и выступала Тмутаракань – "русский центр власти в иноязычной иноплеменной среде". В силу этого "сам характер властвования русских князей в Тмутаракани не соответствует нарисованной А.В. Гадло несколько идиллической картине их согласия с местной общиной" (Котляр, 2002. С. 116, 117).

Вместе с тем А.В. Гадло проводит аналогии между Тмутараканью и Херсоном в отношении существования в городе выборной власти, интерпретируя просьбу жителей Тмутаракани, обращенную к Никону Печерскому, как решение вопроса о замещении княжеского стола (2004. С. 248, 255, 266). Другие основания для подобного заключения автором не приведены. После смерти Ростислава Никон именно "умолен бысть от людей тех" на поездку в Чернигов к Святославу Ярославичу с ходатайством вернуть изгнанного Ростиславом Глеба в Тмутаракань. В силу этого заключение А.В. Гадло о существовании в Тмутаракани автократичной территориальной (городской) общины-государства гипотетично. Русские князья, появившиеся в Тмутаракани легитимно, выполняли лишь функции наместников. Об этом свидетельствуют действия Владимира Святославича, который сажает в Тмутаракань Мстислава, Святослава Ярославича, совершившего в 1065 г. поход на город, чтобы восстановить в правах своего сына Глеба, а впоследствии заменившего его другим своим сыном – Романом; Всеволода Ярославича, который сажает посадником в Тмутаракань Ратибора. Таким образом, прочно укрепившееся в сознании исследователей представление о Тмутаракани как о русском княжестве правомерно лишь с известными оговорками (Степаненко, 1993. С. 255). При распределении земель Владимиром между сыновьями, о чем сообщено под условным 988 г. в летописи, княжичи в своих землях являлись не полноправными владетелями, а наместниками, "следившими за аккуратными поставками дани в Киев" (Пчелов, 2001. С. 161). Усиление центробежных тенденций в конечном итоге привело к возникновению относительно независимых княжеств, но в истории Тмутаракани этот этап оказался кратковременным. Поход Мстислава на Русь в 1023 г., равно как и подчинение касогов в 1022 г., позволяют говорить о его независимости в Тмутаракани. После разделения Руси между братьями, с возникновением дуумвирата, в Тмутаракани наместником сидел Евстафий Мстиславич, что свидетельствует о потере городом своего княжеского статуса. Последовавшие за Мстиславом князья уже не обладали теми правами, которыми пользовался он.

Считается, что "Тмутараканкое княжество" включало в себя территорию от Восточного Крыма вплоть до предгорий Кавказа. В качестве аргументов версии о расширении территории Тмутаракани на восток выступают поход Мстислава на касогов и результаты его противоборства с "князем касожским" Редедей. Традиционным становится тезис о том, что дань с населения Нижнего Прикубанья взималась во время всего существования "русской" Тмутаракани (Гадло, 2004. С. 259). Сделаны далеко идущие выводы о развитии государственности у предков современных адыгов (Гадло, 2004. С. 218, 219, 254–261, 311–321). Между тем в летописи взимание дани с касогов упоминается только в связи с правлением Мстислва (1022) и Ростислава (1066), причем нигде не оговаривается, какова была территория, с которой взималась дань, насколько регулярной была ее выплата с 1022 по 1066 г., до какого времени это происходило. Более того, ни письменные, ни археологические источники не позволяют говорить о подчинении какой-либо части населения Северо-Западного Кавказа Тмутаракани. Видимо, в двух летописных свидетельствах речь идет не о взимании дани со "всей адыгской общности" (Гадло, 2004. С. 258), а о кратковременном подчинении правителями Тмутаракани небольшой группы предков адыгов, одного из феодальных кланов. Не понятно также, о какой "местной адыгской династии" в Тмутаракани может идти речь у А.В. Гадло (2004. С. 265). Недостоверно и предание о браке крещеного сына Редеди Романа и дочери Мстислава (Гадло, 2004. С. 259), возникшее на основе поздней легенды, где родословие от Редеди "представляет собой крайне недостоверный перечень имен с большими хронологическими проблемами" (Пчелов, 2001. С. 199, 200). Таким образом, резюмируем: непосредственная территория Тмутаракани не выходила за границы современного Таманского полуострова, который также носил название Тмутаракань (Гадло, 2004. С. 168). Следовательно, преждевременно называть территории Северо-Западного Предкавказья, Южного Приазовья – районом "Тмутараканского княжества" (Гадло, 2004. С. 244–246). Отмеченное здесь славянское присутствие с конца X – начала XI в. может быть свидетельством не столько вхождения этих территорий в состав Тмутаракани (Гадло, 2004. С. 164, 165), сколько культурного влияния Древней Руси.

А.В. Гадло писал о полном светском и духовном главенстве в Тмутаракани русского князя, выступавшего в каче-

стве светского главы Зихской епархии, "благотворительная деятельность которого (в частности, строительство храмов) в первую очередь была направлена на укрепление отношений с греческим клиром местной кафедры ... обитель, составленная Никоном, являлась идеологическим центром русской колонии, а церковь Богородицы, возведенная в Тмутаракани еще Мстиславом Владимировичем, превратилась по непонятной причине в оплот греческого духовенства. Предложенная оценка церковных учреждений имеет абсолютно умозрительный характер" (Кабанец, 2004. С. 74). В связи с этим важно отметить, что русское духовенство в Тмутаракани должно было подчиняться не местному епископу, а епархиальному руководству того региона, где получило свое поставление: все русские жители состояли под духовной юрисдикцией черниговского епископа в отличие от туземного населения, опекаемого местным кафедральным архиереем. Вслед за Е.П. Кабанец мы вынуждены не согласиться с предположением А.В. Гадло о полном отказе от вмешательства таманского диоцеза в городские духовные дела, который стал следствием отношений между Таманской кафедрой и Русской митрополией в Киеве, построенных лишь на основе единоверческого партнерства. В данной ситуации «не понятно, кто дал разрешение на устройство пригородного тмутараканского монастыря, считающегося "прикладом" (подворьем) Киево-Печерской обители, и почему выходцы из печерской братии возводились в святительский сан в чужой епархии, оставаясь подданными киевского митрополита» (Кабанец, 2004. С. 74). Последнее относится к упоминанию в Киево-Печерском Патерике и житии Никиты Затворника о возведении на кафедру в Тмутаракани русского епископа, монаха Киево-Печерского монастыря Николая, которого, по А.В. Гадло, "поставил" Олег Святославич (2004. С. 289). Между тем подобное поставление епископа совершалось бы в обход канонических норм и общепринятых церковных установлений. Излишне говорить, что такие действия противоречили каноническим предписаниям (Кабанец, 2004. С. 77). Предположение А.В. Гадло не подкреплено фактами, более того, как показал еще В.А. Мошин, Николай был поставлен в епископы Тмутаракани патриархом Константинопольским (1932. С. 58–62). "В противном случае он не был бы утвержден и рукоположен патриархом и его назначение просто не состоялось бы" (Кабанец, 2004. С. 78). Нет никаких данных, позволяющих говорить и о поддержке греческой Зихской епископии русскими наместниками в городе (Гадло, 2004. С. 256). Следуя подобным положениям, можно утверждать, что церковно-миссионерская деятельность Византии на территории Северо-Западного Кавказа осуществлялась через Зихскую епархию с центром в Тмутаракани.

Касаясь важнейшего вопроса изучения Тмутаракани: являлся ли город русским по составу населения и возможно ли вообще говорить о "русской" Тмутаракани, важно отметить, что нет никаких свидетельств массового перемещения в северокавказский регион славянского населения с конца X в., как это отмечает А.В. Гадло (2004. С. 159). Немногочисленны и выявленные археологически следы присутствия славянского этнического компонента в Тмутаракани. Фрагменты двух лепных горшков второй половины X в., обнаруженные на Таманском городище и относимые к роменско-боршевскому типу (Плетнева, 1963. С. 17–20. Тип Е), остаются единственными находками подобного облика. Более того, атрибуция этих фрагментов как славянской керамики вызывает сомнения (Богословская, Богословский, 1992. С. 10). А.В. Гадло на основе двух данных находок предполагает, что "черные люди", вышедшие с полками Владимира на Корсунь, "осели в Восточной Таврике: в Корчеве и Тмуторокане, где им ... не грозила феодальная кабала ... наоборот, открывалась возможность оказаться в составе привилегированной прослойки благодаря их принадлежности к славному племени" (2004. С. 164). Немногочисленной (13 фрагментов) является и круговая кухонная керамика, сближаемая (!) с русскими горшками X – начала XII в. (Плетнева, 1963. С. 24. Тип Б). Находки славянских сосудов отсутствуют и на всей территории современного Таманского полуострова.

Остальные материалы, однозначно трактуемые как славяно-русские, и вовсе немногочисленны: три кириллических надписи–граффити, древнерусский меч X–XI вв., литейная формочка для отливки крестов. Ряд предметов свидетельствует о пребывании в городе русских князей. Помимо тмутараканского камня это накладка на лук с "трезубцем Рюриковичей" и иконка XI в. из камня-жировика с изображением святого Глеба.

Пожалуй, перечисленными фактами исчерпываются свидетельства нахождения славян на территории Тмутаракани. Абсолютное большинство находок, связанных с данным памятником, прежде всего тарная, поливная керамика, стеклянная посуда, браслеты, многочисленные граффити на сосудах, надписи-граффити и пр. имеют греческое (византийское) происхождение. Славянские артефакты "тонут" в этом массиве.

Из 100 средневековых монет с территории Таманского городища 65 имеют византийское происхождение VIII–XII вв.; 32 монеты – "варварские подражания" милиарисиям Василия II и Константина VIII (976–1025). На городище обнаружены 11 византийских моливдовулов X–XII вв., что говорит о существовании в городе имперских бюрократических органов, которым и адресовалась корреспонденция.

Приведенные факты позволяют утверждать, что в Тмутаракани сохранялось очень сильное византийское влияние, обусловленное прежде всего активностью торговых связей с Византией. Как показал В.П. Степаненко, после ухода Олега на Русь в 1094 г. произошло восстановление единоличной византийской администрации (1993. С. 259, 260). В этой связи довольно натянутым представляется утверждение, что "в течение ... столетия Византия яростно пыталась отвести тмутороканский кулак, занесенный Владимиром над ее владениями в Таврике" (Гадло, 2004. С. 163). Русским населением в Тмутаракани являлись князь, его дружина и торговый люд. Именно через него на Северном Кавказе обнаруживается значительное количество "русских" вещей, однако сильно преувеличенным оказывается культурное влияние Древней Руси на Северный Кавказ, осуществляемое через Тмутаракань. Так же как Корчев и Сурож в Таврике, Олешье в устье Днепра, Белгород в устье Днестра, Переяславец в устье Дуная, Тмутаракань являлась большим транзитным и торговым пунктом Руси на пути, имеющем мировое значение.

Еще одно гипотетическое предположение А.В. Гадло: в конце XII в. Тмутаракань освобождена от византийской зависимости и остается под управлением русских князей вплоть до монгольского завоевания (2004. С. 301–308, 313, 314, 335, 336).

История Тмутаракани в изложении А.В. Гадло основана на большом количестве логических построений, не всегда подкрепленных источниками и поэтому являющихся лишь предположениями. По сути, это лишь детальное изложение рабочей гипотезы, не столько результат научной разработки проблемы, сколько ее отправная точка. Необходимо подчеркнуть, что объективный труд по истории Тмутаракани может быть создан лишь после введения в научный оборот результатов археологического изучения средневековых слоев городищ и поселений Прикубанья, прежде всего Таманского городища, вместе с дальнейшими планомерными исследованиями этих памятников (Гадло, 2004. С. 246). В данной связи собранный автором обширный материал и выводы, сделанные на основе его анализа, должны привлечь внимание тех, кто будет обращаться к указанной проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. в отечественной исторической науке. Черкесск, 1992.

Бибиков М.В. Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976.

Богословская И.А., Богословский О.В. Исследование средневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992.

Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестн. ЛГУ. 1968. № 14.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. СПб., 1979.

Гадло А.В. Тмутороканские этюды. II (Держава Инала и его потомков) // Вестн. ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16).

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.

Гадло А.В. Предание о походе на Булгар и Хазар в русском литературном источнике XVII века // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999.

Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

Захаров В.А. Тмутараканское княжество // От Тмутороканя до Тамани IX–XIX вв. Сб. РИО. 2002. № 4 (152).

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

Кабанец Е.П. К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI в. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Матер. II Судакской междунар. конф. Ч. III. Киев; Судак, 2004.

Котляр Н.Ф. "Остров Тмутороканьский" // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2002.

Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

Мошин В.А. Николай, епископ Тмутороканский // SK. 1932. V.

Мошин В.А. Русь и Хазария при Святославе // SK. 1933. VI.

Паромов Я.М. Поселения и дороги на Таманском полуострове в VII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.

Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

Плетнева С.А. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // ИАА. 2000. Вып. 6.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е издание. М., 2001.

Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. 2004. Вып. V.

Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. М., 2001.

Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани в 80–90 гг. XI в. // МАИЭТ. 1993. Вып. II.

Тортика А.А. Боспор Киммерийский в хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // БИ. 2004. Вып. V.

Флёров В.С. Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

Хотко С.Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001.

Чхаидзе В.Н., Атавин А.Г. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.

Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения Таманского городища // ДБ. 2004а. Т. 7.

Чхаидзе В.Н. Таматарха – крепость Хазарского каганата // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004б.

Чхаидзе В.Н. Протоболгары на Таманском полуострове? // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005а.

Чхаидзе В.Н. Гермонасса – Томы – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005б.

Чхаидзе В.Н. К вопросу о локализации города Самкуш-Самкерц-Смкрай Ибн-ал-Факиха и Еврейско-хазарской переписки X в. // ПИФК. 2005в. Вып. XVI.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.

Институт археологии РАН, Москва

В.Н. Чхаидзе

Худавердян А.Ю. "АТЛАС ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК НА ТЕРРИТОРИИ АРМЕНИИ". Ереван: Ван Арьян, 2005. 288 с.

Новая русскоязычная книга по палеопатологии – редкому в археологии источнику антропологических исследований – сразу же привлекает внимание. Само название говорит о географическом обобщении материалов, что не часто встречается в нашей науке. Отметим, что книга А.Ю. Худавердян охватывает несколько эпох (периоды бронзового и раннего железного веков), претендуя на обзор большого числа заболеваний. Мы считаем необходимым познакомить с ней специалистов из других регионов, так как монография издана небольшим тиражом (300 экземпляров).

Помимо вводной и заключительной глав книга разделена на семь частей, имеет аннотации на английском и армянском языках, т.е. рассчитана на широкую аудиторию. В качестве приложения приводится карта расположения десяти археологических памятников, откуда были использованы исследованные антропологические материалы, таблица с указанием их названий и археологической датировкой, не забыты и авторы раскопок. К сожалению, карта выполнена весьма небрежно и дает лишь приблизительное представление о географической локализации памятников. Мы так и не нашли ссылок на общий объем изученной коллекции. К тому же, хотя автор упоминает об использованном архиве А.А. Сарафяна и изученных самостоятельно антропологических сериях, остается непонятным, что именно введено в науку самой А.Ю. Худавердян, а что представлено вслед за

А.А. Сарафяном. При объеме 18 п.л. автор поместила в монографию более 140 фотографий. Такое количество вполне оправдано заявленным названием книги. Помимо фотографий в атласе приводятся многочисленные копии рисунков из различных монографических и коллективных трудов медиков и палеопатологов. Это выглядит немного странным при учете красноречивой пометки автора: "Все права на книгу принадлежат автору. Никакая часть этой публикации не может воспроизводиться или передаваться в любой форме или любыми средствами ... без разрешения в письменной форме от автора" (Худавердян, 2005. С. IV). И еще одно обстоятельство удивляет. На специально выделенной странице с перечнем лиц, которым автор приносит благодарность, обнаруживаем: "Во время работы я пользовалась ценными советами А. Бужиловой из Института археологии РАН, она первая прочитала рукопись и внесла в нее важные поправки" (Худавердян, 2005. С. VI). Действительно, несколько лет назад по просьбе М.М. Герасимовой одна из авторов рецензии прочла труд А.Ю. Худавердян, но писать отзыв отказалась, полагая, что правильнее не спешить с публикацией, а основательно переработать рукопись, чтобы результаты исследования приобрели завершенность. По-видимому, это замечание А.Ю. Худавердян и сочла ценным.

Но вернемся к структуре монографии. Названия выделенных частей, так же как и глав, выглядят весьма интригующе. Любой неискушенный читатель должен удивиться, как много различных заболеваний можно идентифицировать на костях ископаемого человека. Однако, заглядывая в соответствующие разделы, испытываешь разочарование. Отметим лишь несколько сюжетов, важных для методологии исследования. Так, во вводной главе А.Ю. Худавердян посвящает небольшой параграф изучению так называемого криогенного стресса. Что кроется под этим названием? Блуждание в нестройной компиляции источников позволяет понять, что автор говорит о различных вариантах и степени обморожения тела человека. К традиционным в современной медицине схемам прилагается совсем не к месту анализ распространения случаев измененной поверхности костной ткани на лицевой части черепа. Этот признак был введен в научный оборот А.П. Бужиловой более десяти лет назад в связи с обсуждением причин его формирования. Географический анализ прежде всего средневековых материалов на территории Русской равнины позволяет заметить, что формирование специфической поверхности костной ткани из-за увеличения кровотока в области надбровья и скуловых костей может быть связано с длительным пребыванием индивидов на открытом воздухе в условиях ветреной влажной и холодной погоды. Подчеркиваем, что не обсуждается влияние морозов и прочих криогенных факторов с последующими патологическими обморожениями тканей, речь идет только о влажной холодной погоде, приводящей к быстрому покраснению открытых ветру выступающих участков лица. Такого рода изменения, например, часто отмечаются у жителей степной зоны эпох бронзы и раннего железного века. Опираясь на теоретическое обоснование, А.Ю. Худавердян было бы уместнее проинформировать читателя о числе обнаруженных ею случаев обморожения конечностей, что при специальном кропотливом анализе иногда возможно выяснить методами палеопатологии (см., например: Рохлин, 1965). В результате таких фактических ошибок при прочтении рассматриваемой части можно подумать, что в группе из десяти человек как минимум восемь перенесли последствия криогенного (!) стресса (Худавердян, 2005. С. 41). Еще одним примером дискредитации методов следует считать обращение автора к основам палеодемографии. Воспользовавшись компьютерной версией расчета таблиц смертности (автор Д.В. Богатенков), А.Ю. Худавердян (2005. С. 48) приводит основные демографические характеристики (ожидаемую продолжительность жизни в группе, длину поколения, средний размер семьи, процент индивидов активного и неработоспособного возрастов и т.д.) соответственно для трех мужчин, семи женщин и двух детей в одной серии (Вардах). Демографические исследования в палеоантропологии, как, впрочем, и другие в этой области науки, требуют очень взвешенного подхода. На примере столь малочисленной выборки с практически случайными значениями использование методов группового расчета модельных параметров категорически невозможно. Возникает вопрос, если во вводной главе автор позволяет себе такие грубые ошибки, не разобравшись в сути методов, использованных в работе, насколько стоит доверять собственным результатам этого исследования? К счастью, формат атласа, построенного на индивидуальном разборе отдельных случаев, может сгладить эти промахи.

Первая часть работы посвящена анализу различных травм. К сожалению, найти итоги собственно авторского исследования материала в этих главах практически невозможно. Короткие замечания о повреждениях костей теряются в обильных описаниях разнообразных вариантов травм, не имеющих отношения к территории Армении. Качество изображений, так же как и нарушение порядка их расположения в приложении и очередности изложения в тексте, не позволяют разглядеть то, что увидела сама исследовательница при изучении находок. Аналогичная ситуация обнаруживается и во второй части, посвященной врожденным и приобретенным деформациям.

Третья часть книги посвящена некоторым инфекционным заболеваниям. В ней читатель опять с трудом отыскивает информацию о возможных случаях инфекций разного характера с территории Армении. Например, лишь в последних абзацах многостраничного параграфа, посвященного анализу туберкулеза, находим замечание: "Мы зарегистрировали несколько случаев поражения суставов и позвоночника (Черная крепость, Вардабах); некоторые субъекты с туберкулезным спондилитом жили многие годы" (Худавердян, 2005. С. 140)[1]. Эта ничего не значащая информация никак не может претендовать на отражение конкретных патологий в атласе, как заявлено автором. Нельзя не остановиться и на другом эпизоде: "Самые древние находки костей с признаками сифилиса на территории бывшего СССР обнаружены в Ланджике (III тыс. до н.э.). Исследованные нами костные материалы из раскопок показали наличие на детских черепах сифилитических проявлений" (Худавердян, 2005. С. 142). К сожалению, об этих сенсационных находках врожденного сифилиса, а возможно, и бытовании эндемичных очагов болезни на территории Закавказья читатель не найдет более ничего. Зачем же прятать сенсацию на страницах собственной книги? В чем проблема такой непрофессиональной подачи результатов? Почему А.Ю. Худавердян отвергает традицию представления результатов путем дифференциальной диагностики, прочно утвердившуюся в палеопатологии благодаря медицинской подоснове этой науки? Ведь выбранный автором стиль изложения результатов исследования в виде описания индивидуальных находок в атласе подразумевает обязательное использование именно такого подхода.

Иногда автор все же позволяет себе более подробно проанализировать и описать патологию. С учетом представленного в атласе изображения можно понять, что именно исследовала А.Ю. Худавердян, на какие признаки опиралась при постановке диагноза (см., например: Худавердян, 2005. С. 145. Рис. 3, *23* на с. 161). Становится очевидным, что исследовательнице хватает смелости (или неопытности) предлагать без оснований и без учета дифференциальной диагностики весьма сложные для интерпретации патологии как однозначные диагнозы. Так, в представленном примере обсуждается как рядовое явление существование цисты эхинококка в структуре лобной кости. Автор отмечает как минимум три подобных находки из разных памятников, географически удаленных друг от друга. Если А.Ю. Худавердян настаивает на дан-

[1] Здесь и далее сохранен авторский стиль изложения.

ном диагнозе – это новая сенсация, которую следует обсудить более детально, а не компилировать тексты из чужих работ, возвращаясь подробно к находке вероятного случая эхинококкоза из палеолитической стоянки Сунгирь (Худавердян, 2005. С. 145).

В следующей части атласа описываются различные поражения суставов и позвоночника. Интересным для многих было бы обсуждение болезни Кашина-Бека, которая может развиваться в исключительных условиях среды, когда растущий человеческий организм испытывает хронический недостаток кальция в воде и почве при очевидном нарушении микроэлементного состава в пище. Признаки этого эндемичного заболевания весьма красноречивы, что позволяет палеопатологу детально рассмотреть вероятный диагноз. Вместо доскональных описаний своих находок А.Ю. Худавердян приводит подробную характеристику патологических проявлений болезни, сделанную в свое время Д.Г. Рохлиным (1965) при анализе другого материала. Таким образом, остается невыясненной реальность существования этого заболевания на территории Армении.

Отметим, что в пятой части, посвященной изучению различных проявлений на костной системе эндокринных расстройств, речь идет, в частности, об акромегалии – эндокринной болезни, диагностика которой требует детального рентгенологического анализа. В разных главах А.Ю. Худавердян упоминает, что помимо морфологического анализа был использован и рентгенологический. К сожалению, ни в этом случае, ни в других в атласе не нашлось места для характеристики указанного весьма информативного источника. При просмотре фотографий остается неясным, что именно обнаружила автор в антропологических коллекциях: изображения из-за плохого качества демонстрируют только серый фон, на котором не то что патологию, даже контуры кости разглядеть невозможно. Аналогичные замечания возникают при чтении следующего раздела, посвященного изучению доброкачественных и злокачественных опухолей.

Последняя часть книги посвящена проблеме трепанаций – оперативному вмешательству на костях черепа. Исследованный материал подан весьма небрежно: много опечаток и фактических ошибок вплоть до курьезных (см., например: Худавердян, 2005. С. 262). Как и в предыдущих главах, описание выявленных патологий поверхностное и не дает представлений об особенностях костей, а тем более оснований для постановки соответствующего диагноза.

В заключительной части автор не смогла подвести итогов собственного исследования. Для специалистов изданный атлас оказывается бесполезной работой. Каждый предъявленный А.Ю. Худавердян диагноз следовало представить подобающим образом, чтобы у исследователей были основания соглашаться или не соглашаться с мнением автора. Тогда книга могла бы стать "настольной" и активно цитироваться той самой широкой аудиторией, на которую и была рассчитана. Подобных изданий справочного характера не так много. Об одном из них упоминает сама А.Ю. Худавердян – это энциклопедический труд Д. Ортнера и У. Путшара об идентификации патологических состояний на костях человека (Ortner, Putschar, 1983). Данная монография пережила несколько изданий. Она хороша не только тем, что дает в исчерпывающем виде представление о той или иной патологии, но и насыщена примерами из мировых палеоантропологических коллекций, исследованных авторами. В нашем случае стоит указать, что, цитируя эту книгу, А.Ю. Худавердян тем самым показывает, что знакома с азбучной истиной о необходимости морфологического описания материала, а при постановке предполагаемого диагноза – использования дифференциальной диагностики.

Если взглянуть на атлас А.Ю. Худавердян непредвзято, очевидно, что неискушенный читатель быстро должен закрыть эту книгу, устав от монотонного перечисления патологий и компилятивных текстов, изобилующих специальными терминами без соответствующих пояснений.

Иллюстрации – самая невыразительная часть монографии, хотя именно в предложенном формате они должны были играть ключевую роль. Помимо плохого и очень плохого качества изображений отметим, что на некоторых фотографиях имеются соответствующие расположению патологий стрелки, на многих – нет. Есть фотографии, где в процессе верстки эти стрелки "съехали" куда-то в сторону. В таком виде атлас вызывает лишь сожаление о потраченных автором усилиях.

На примере представленной монографии хочется обратить внимание специалистов на то, что способ "самиздата" должен уйти безвозвратно. Каждой опубликованной книге, как это было заведено раньше, прежде чем увидеть свет, следует пройти через ряд рецензий и обсуждений в научных аудиториях, чтобы представители смежных специальностей могли уверенно полагаться на апробированные научной общественностью результаты естественно-научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М., 1965.

Худавердян А.Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван, 2005.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Smithsonian Contributions to Anthropology. № 28. Washington, 1983.

Институт археологии РАН, Москва
Институт археологии и этнографии
национальной академии наук республики
Армения, Ереван

А.П. Бужилова
Р. Мкртчян

Бердинских В.А. "ИСТОРИЯ КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВА В РОССИИ". М.: Захаров, 2005. 240 с.

На книжном рынке современной России за последние годы распродано несколько переводных и доморощенных изданий о кладоискательстве, написанных в квазинаучно-популярной манере. Еще больше имеется интернет-ресурсов той же направленности. Однако впервые эту занимательную не только для ученых-гуманитариев, но и для широкого круга читателей тематику взялся систематически изложить профессиональный историк. Доктор исторических наук, специалист по отечественной историографии, профессор Вятского педагогического университета В.А. Бердинских известен своими основательными монографиями: об уездных историках XIX в., Вятском лагерном комплексе, спецпоселенческом контингенте ГУЛАГа, по устной истории страны в преданиях колхозного крестьянства. К тому же перед нами член Союза писателей и журналист со стажем, что при попытке освещения такой экзотической темы, как клады, немаловажно.

По своим внешним признакам новая книга похожа на ученую монографию – содержит введение, заключение и приложения; семь глав, охватывающих период от Древней

Руси до наших дней; достаточно подробные библиографические ссылки на источники и литературу вопроса. Правда, издательская аннотация адресует книгу не только "историкам и краеведам", но и "любителям поисков и рискованных путешествий" (Бердинских, 2005. С. 4). На первых же страницах автор уточняет характер избранной им аудитории – это, оказывается, отнюдь не коллеги-историки да музейщики, чьи профессии при нынешнем безденежье науки и культуры в нашей стране якобы вырождаются, а именно начинающие кладоискатели. "Убогое финансирование музеев, археологических институтов привело к тому, что в общество потек ручеек ценностей из краеведческих музеев, картинных галерей, археологических раскопок... Теневой рынок антиквариата процветает. За металлоискатель берутся все новые отряды молодежи. Для них и написана эта книга" (Бердинских, 2005. С. 11). Написана, скажу сразу, не столько затем, чтобы предостеречь от опасного и незаконного занятия, сколько в качестве поощрения к таковому и, что самое печальное, ради ориентировки на наиболее археологически перспективные места использования металлоискателей.

Столь антинаучная сверхзадача новоявленным историком отечественного кладоискания решается по ходу всего изложения. Отмечая районы наибольшего отложения кладов в те или иные эпохи, автор вслед за официальными археологами зовет туда же "археологов черных". "Там, где больше было археологических и прочих раскопок, найдено больше кладов" (Бердинских, 2005. С. 31). «...Детальное изучение, например, торгового пути "из варяг в греки" очень много дает не только археологу, но и любому кладоискателю» (Бердинских, 2005. С. 34). А "сройте до основания землю Старой Рязани, Владимира или Суздаля – и вы найдете гораздо больше кладов" (Бердинских, 2005. С. 32). "Вообще территория бывших кремлей русских городов исключительно кладоносна. Нередко сейчас в этой зоне нет жилых домов, а археологи раскопки вообще не ведут... Места вблизи земляных валов, городских стен – очень перспективны в отношении поиска кладов" (Бердинских, 2005. С. 41). "В южных степях, – напоминается сегодняшним поисковикам, – рыли курганы, на севере обследовали древние лабиринты, в лесах – памятные кресты на перекрестках дорог и так далее" (Бердинских, 2005. С. 173). "Немало кладов скрывают старые разрушенные церкви, храмы, монастыри" (Бердинских, 2005. С. 170). Еще лучше, если "вблизи есть древнее языческое святилище марийцев (удмуртов, чуди и т.п.)" (Бердинских, 2005. С. 9).

Словосочетание "Открытый лист" в этой книге профессионального историка не встречается ни разу. Зато металлоискатели фигурируют на ее страницах в десятках случаев. "Что добавить к этим всеобъемлющим советам? Вероятно, саперную лопатку, металлический щуп да нож копательный..." (Бердинских, 2005. С. 208). Забывает автор сказать лишь про передачи в места лишения свободы для рецидивистов "теневого рынка" национальных древностей... Напротив, знай успокаивает грабителей: "Берут и привлекают к ответственности крайне редко и очень случайных людей" (Бердинских, 2005. С. 172); он-де "не слышал ни об одном подобном случае в России за последние годы" (Бердинских, 2005. С. 204). Дескать, не работает у нас статья 243 УК РФ об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры.

"Практическая" направленность книги нарастает от главы к главе и достигает своего апогея в разделе "Кладоискатели XX века" и в заключении. Последнее, хотя и названо "Миражи и мифы русского кладоискания", содержит перечень наиболее известных кладов России (от легендарной библиотеки Ивана Грозного до основательно затерянной янтарной комнаты, включая и реальные клады археологического характера, например, восточного серебра, монетного и посудного или даже "золота скифских, сарматских и сибирских курганов" (Бердинских, 2005. С. 216)). Тем, кто проживает далече от предполагаемых мест упокоения крупнейших сокровищ, автор предлагает "искать клады недалеко от дома... Проверьте... собственный огород... Обойдите по берегу высокий склон реки, осмотрите осыпи. Найденная в речке монетка подарит вам больше радости, чем внеочередная премия по службе" (Бердинских, 2005. С. 208). О том, что на местах находок "монеток" и прочих вещей почти наверняка располагается культурный слой, древние поселения и могилы, охраняемые законом от расхищения частными лицами, книга умалчивает.

Специальный раздел составляют "Практические советы начинающему кладоискателю". Оказывается, подземными кладами надо считать только те, что залегают на глубине более трех метров. Такие пусть ищут опытные кладоискатели. "Ваше дело, – наставляет читателя В.А. Бердинских, – это поверхностные клады: в зданиях, верхнем слое грунта. Их поиск не требует больших начальных затрат... Шансы на успех есть в любом регионе России. Очень важную роль при поиске конкретного клада играет предварительная проработка материалов в библиотеке и архиве..., занятия историей родного края... *Поиск мини-кладов* вполне по силам любому человеку, купившему простейший миноискатель и за пару часов его освоившему. *Очень интересны* древние пещеры. Жизнь била ключом и на подступах к ним" (Бердинских, 2005. С. 205–208). И т.д. и т.п. Иначе как реквиемом по научной археологии и национальному музейному делу эти залихватские подсказки разрушителям культурного слоя и не назовешь. А завершается данный раздел "истории русского кладоискательства" таким вот пассажем: "Будем надеяться, что в России на смену хмурым и оборванным одиноким волкам и браткам в джипах придут добродушные бюргеры с милым походом выходного дня" (Бердинских, 2005. С. 208) – за всеми теми монетными и вещевыми кладами, которые автор довольно подробно рекомендует их вниманию. Раз "на Западе кладоискательство давно стало развитой отраслью индустрии досуга со своей инфраструктурой: периодикой, техническим обеспечением, лавиной пособий, карт, справочников" (Бердинских, 2005. С. 6), то негоже России отставать и в этом отношении... "От 5 до 10% населения могут реализовать эту свою склонность в благоприятных условиях" (Бердинских, 2005. С. 6), т.е. автор в своих мечтах видит на "русском поле" миллионы людей с миноискателями!..

Оговорки отрезвляющего толка – "почти все клады люди находят случайно, когда их не ищут"; "желательно, естественно, не нарушать действующие законы России и не раскапывать курганы, могильники или древние города" (Бердинских, 2005. С. 9) – вновь и вновь нелогично перемежаются зазывными лозунгами вроде такого: "Пройдите с металлоискателем огороды своих друзей и родственников, загляните к ним в подвалы, найдите в округе огромные деревья или хотя бы пни от них... Что-то вы найдете всегда" (Бердинских, 2005. С. 8, 9). Среди этого "чего-то" в книге фигурируют якобы до сих пор укрытые в земле сокровища типа "сверкающего золотом и драгоценными камнями узорочья одежд русских князей" (Бердинских, 2005. С. 41); добыча средневековых разбойников и бунтовщиков (вроде Степана Разина или Емельяна Пугачева); пресловутая "золотая баба" – идол сибирских аборигенов; многое другое, вплоть до схронов белогвардейцев и советских "теневиков".

Выяснив прикладную, так сказать, направленность рецензируемого издания, посмотрим на его научную основательность. Она, на мой взгляд, далеко не на высоте, особенно по сравнению с академической квалификацией автора. Более или менее подробно и систематично В.А. Бердинских пишет о кладах и принятых за таковые населением находках древностей в своем родном Вятском крае. Об остальных регионах страны и характерных для них типах кладов ему известно из нескольких (далеко не всех) специальных публикаций историков-источниковедов, археологов, фольклористов и этнографов, а также писателей и журналистов. Их всех он и пересказывает – то со ссылками, то без оных. Отдельные главы посвящены народным преданиям о кладах и сказоч-

ным же описям их местонахождения; легендам о зарытых разбойниками сокровищах; получившим отражение в исторической литературе эпизодам кладоискания в XVII–XX вв. Учитывая, что эта книга наверняка попадет в руки и опытных, и начинающих кладоискателей, компилятивность ее содержания должна не огорчать, а радовать коллег автора по историческому цеху. Еще лучше, что автору остались неизвестны соответствующие фонды и центральных, и областных хранилищ архивных материалов. Тогда в современные "кла́довые росписи" могли бы превратиться документы вроде сводки А.А. Спицына обо всех кладах Российской империи, поступивших в Императорскую археологическую комиссию, или же аналогичные данные разных Губернских статистических комитетов, Ученых архивных комиссий, советских Обществ краеведения. Между тем без такого рода архивной базы, как и без достаточно полной библиографии, трудно говорить о научно-историческом изучении заявленной В.А. Бердинских темы.

Общее определение клада дается им скорее на бытовом, нежели на научном уровне: "спрятанное человеком сокровище". Как известно, сугубо материальная ценность многих кладов невелика или вовсе утрачена со временем; чаще всего они имеют лишь информационное (для ученого) и экспозиционное (для музейщика) значение. Читатель, специально не изучавший археологию, не отличит в этой "истории кладоискательства" настоящие клады от принимавшихся за таковые других памятников старины – древних стоянок, поселений, святилищ, могил. Среди иллюстраций, например, фигурирует "погребальная домовина XVII в.". Таким образом, составленная В.А. Бердинских инструкция направит на разные археологические объекты новые отряды доморощенных кладоискателей. Еще бы! Ведь, по мнению дипломированного историка, "искать вятичские древнерусские гривны, одиночные монеты на свежераспаханных виноградниках юга... – занятие вполне безопасное, хотя и волнительное" (Бердинских, 2005. С. 170). "Главное препятствие здесь, – объясняет профессор педагогического университета, – высокая стоимость хорошего зарубежного металлоискателя. Когда цена на металлоискатель будет приемлемой, нет сомнения, поиски кладов станут любимым развлечением россиян" (Бердинских, 2005. С. 172).

Основная для историографа сторона проблемы – как российское государство и общество относились к поискам и находкам кладов на разных этапах отечественной истории – прослежена автором далеко не полно. Эпидемии кладоискательства вспыхивали и гасли не всегда и не во всех регионах России, они служили явственной приметой маргинализации отдельных личностей и малых социальных групп (пресловутых сибирских бугровщиков или же крымских "счастливчиков"). У В.А. Бердинских же получается, что русский человек – прирожденный кладоискатель и тем самым культурный герой. Неоднократно цитируя крестьянские, по сути языческие поверья на сей счет, автор оставляет в стороне позицию православной церкви, запрещавшей осквернять любые могилы, тем более в поисках сокровищ. Да и фольклорно-этнографическая подоплека поиска кладов у славян и их соседей охарактеризована в книге не слишком систематично, без учета большинства документированных первоисточников (Криничная, 1977; Левкиевская, 1999). Фактически обойдена В.А. Бердинских и миссия первых поколений наших археологов, в свое время перешедших от сугубо коллекционерского, знаточеского восприятия кладов к их научно-историческому анализу и комплексной музеефикации (Щавелёв, 1997. С. 33–68). Примерами расхищения и утраты кладов "история" В.А. Бердинских изобилует, а вот фактов спасения найденных ценностей для музея, университета в ней не найдешь (хотя и таких случаев, по сути подвигов честных и образованных людей, известно немало).

Будучи специалистом по новой и новейшей истории, автор допускает "ляпы" и пробелы по части истории древней и средневековой. Так, "гривны шейные" он считает "древнерусскими женскими украшениями". На его взгляд, "племенные союзы восточных славян легко различаются по типу таких гривен" (Бердинских, 2005. С. 231). На самом деле эти обручи, судя по погребальной обрядности и письменным источникам, не реже женщин носили мужчины, а "союзы славян" и Русь находились в сложных отношениях. Автору "неизвестно название небольшого городища Княжа Гора" (скорее всего, летописная Родня). Он считает, будто бы "единственное яркое и интересное начинание в России в деле подводной археологии" – работы представителей ИИМК РАН в Финском заливе (Бердинских, 2005. С. 181). Об уникальных находках московских археологов на Черном море наш историк не ведает. И прочее в том же духе.

Общую тенденциозность изложения наглядно подтверждают иллюстрации. Большая их часть воспроизводит экспонаты Кировского краеведческого музея. Но к теме имеют прямое отношение только четыре фотографии кладов, вещевых и монетных. Группы крестьян 1910–1920-х годов подаются как "активные раскопщики местных могильников". Находчик клада куфических монет в подписи под его портретом назван "крестьянином-кладоискателем". Читателю, вероятно, надо полагать, будто и этот клад он вышахал не случайно, а преднамеренно... Или взять фото с подписью: "Богатая невеста. Базар в райцентре. 1946 г." Разбогатела ли она на кладоискательстве и не торгует ли на базаре археологическими находками, остается только догадываться. И уж совсем некстати в иллюстративную подборку затесались репродукции золотых предметов из скифских курганов. В контексте авторского изложения они могут быть восприняты как наглядное подтверждение феноменального успеха самовольных копателей древних могил, тем более что полиграфическое качество и этих иллюстраций, и вообще издания выше всяких похвал. Книгу приятно взять в руки, удобно читать.

Издатель Захаров, вероятно, рассчитывает на успешный сбыт трехтысячного тиража, и не без основания. Автор и издатель завершают книгу совместным обращением к "дорогим читателям", которых просят присылать в издательство любые материалы для подготовки «нового документального издания "История России в кладах"» (Бердинских, 2005. С. 239). Но, несколько раз упоминая о том, что клады – важный источник изучения родной истории, В.А. Бердинских так и не раскрывает элементарных условий, при которых находка спрятанных когда-то вещей способна предоставить искомую информацию. В действительности каждому маломальски образованному читателю должно быть ясно, что любой клад, не дошедший до ученых и музейных работников, безвозвратно потерян для науки и культуры. Никакую историю по разрозненным и беспаспортным вещам из антикварных лавок или частных коллекций изучить невозможно. Живописуя, как его родной дядя нашел монетный клад идеальной сохранности, автор ни слова не говорит о том, куда его передали. По всей видимости, он оказался незаконно присвоен находчиком. Чего тогда стоит следующая за этим сюжетом декларация о том, что "любой монетный клад – это история села, города, страны определенного времени" (Бердинских, 2005. С. 186)?

Вся книга только отпугивает потенциальных находчиков кладов от общения по их поводу с "алчным государством" или "растяпами-археологами". С точки зрения дипломированного историка В.А. Бердинских, "грань между вещами, относящимися к памятникам истории и культуры и не относящимися, часто провести очень затруднительно" (2005. С. 203). После таких заявлений, ясное дело, ему "не видать находчиков кладов, штурмующих двери властных структур с желанием сдать клады". Между тем кроме тривиальной жадности у многих нормальных людей присутствует здоровое честолюбие. Увидеть свою находку, в огромном большинстве случаев вовсе не драгоценную, на витрине музея или на книжной иллюстрации для этих людей гораздо важнее, чем разжиться непринципиально великой суммой денег на ее продаже. Поэтому, хотя археологических находок несут в музеи для пожертвования или продажи то больше, то меньше, полностью этот ручеек никогда не иссякнет.

После всего процитированного уже не удивляет пристрастное отношение автора книги к археологам и музейным работникам. По мнению В.А. Бердинских, "вся археология – наука о мертвых вещах. Ведь утеряны отношение, чувство, жизненное предназначение вещи" (2005. С. 31); "предметы давних эпох, выставленные в музеях, вообще мертвы и не могут рассказать нам сегодня практически ничего о своих владельцах" (2005. С. 6). Получается, что ученые только омертвляют древности, а вот кладоискатели мистическим образом проницают завесу времен... Между тем все путное, что в рассматриваемом издании все-таки сказано о времени, причинах выпадения разного рода кладов, их составе и социально-историческом значении, заимствовано, понятное дело, из работ историков и археологов, хотя автор книги о кладоискательстве не знаком со многими их принципиальной важности исследованиями на данную тему (см., например: Макаров, 1981).

В книге есть раздел «Что думают "черные следопыты" об археологах?» Цитируя кладоискательские издания, автор явно сочувствует их идеологии. Оказывается, "расхищение материалов археологических раскопок поставлено на поток" (Бердинских, 2005. С. 196). Ими будто бы вовсю торгуют и студенты, проходящие практику (таких студентов автор "видел сам"), и начальники раскопов ("одна монетка – бутылка" водки), и "высшая каста – руководители музеев и экспедиций". Автор, правда, делает оговорку, сквозь зубы признавая: "Худо-бедно, но науку и культуру двигают все же археологи" (Бердинских, 2005. С. 197). Доверчивому историку не приходит в голову, что многие тексты на кладоискательские темы – не более чем плод досужей фантазии подрабатывающих "желтой" журналистикой субъектов[1].

Апофеозом авторских претензий к ученым является раздел «Что думают археологи о "черных следопытах"?» Здесь выборочно пересказаны материалы "круглого стола" на тему "Незаконные раскопки и археологическое наследие России", состоявшегося в редакции "Российской археологии" в 2002 г. (Незаконные раскопки..., 2002). По мнению В.А. Бердинских, никто из участников данного мероприятия "не поднял вопросов о неблагополучии с этикой самих археологов" (2005. С. 197), о "заржавевшем механизме официальных археологических структур" (2005. С. 200). На самом деле эта сторона проблемы наряду со многими другими весьма заботит "ведущих ученых-археологов", как их назвал автор неадекватного дайджеста. Целый ряд выступавших и на упомянутом "круглом столе", и впоследствии на ту же тему обращали внимание на опасность коммерциализации охранных раскопок, низкое сплошь и рядом качество их методики, грубые нарушения отчетности по Открытым листам со стороны части их держателей; материальную слабость и пассивность региональных служб по охране исторических памятников; аморальную роль отдельных экспертов-археологов в международной торговле древностями (Флёров, 2004); некоторые другие недостатки официальной археологической науки и практики.

В книге имеется послесловие, написанное А.А. Формозовым, – "Люди ищут клады". Отдавая должное труду В.А. Бердинских, он как профессиональный археолог оговаривает самые важные моменты поднятой темы: кладоискательство – отнюдь не безобидное занятие романтической молодежи, а нечто предосудительное; спасти для науки и культуры памятники старины могут только настоящие археологические раскопки, а кладоискатели всегда эти памятники разрушают; кладоискатели – вовсе не помощники и не заместители ученых-археологов, а преступники; ими движет не романтика, а самая заурядная корысть; из-за них культурное наследие России несет невосполнимые потери. "Вот почему вспыхнувшее в нашей стране кладоискательство надо не поощрять, а всюду и категорически пресекать" (Бердинских, 2005. С. 236). Все ли читатели книги, изданной трехтысячным тиражом, прислушаются к этим выводам патриарха нашей археологии? А не разделят ли они прямо противоположный манифест автора и издателя, согласно которому, "клад – это игра, столь нужная человеку в нашем обществе, зажавшем его в тиски мощной индустриальной цивилизации" (Бердинских, 2005. С. 239)?

Как видно из всего сказанного, я оцениваю новую книгу В.А. Бердинских в целом отрицательно. Стоило ли тогда ее рецензировать в академическом издании? На мой взгляд, стоило. В чем безусловно прав ее автор, так это в том, что противостояние ученых и грабителей в деле поиска древностей в России продолжается и, пожалуй, достигло сегодня своего апогея. Если разного рода кладоискателям не будет поставлен заслон, научная археология вскоре потеряет объект своего изучения и хранения для потомков. Замалчивание, недооценка реального масштаба угрозы означают фактическое согласие с этим печальным выводом. Ведь местные и приезжие кладоискатели уже не довольствуются отдельными памятниками, где недавно поработали официальные археологи (и тем волей-неволей "засветили" их местонахождение). Грабители теперь пошли-поехали *по всем без исключения памятникам*, нанесенным на доступные им археологические карты. Систематические рейды "черных следопытов" способны навсегда стереть с археологической карты целые субъекты Российской Федерации. Таков должен быть правдивый вывод из новейшей истории отечественного кладоискательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердинских В.А. История кладоискательства в России. М., 2005.

Ильин Г. Найден клад на $10 миллиардов // Известия. 2005. 27 сентября.

Кирюнин В. Грузите миллиарды бочками // Российская газета. 2005. 27 сентября.

Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о зачарованных кладах // СЭ. 1977. № 4.

Левкиевская Е.Е. Клад // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999.

Макаров Н.А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала "Российская археология" // РА. 2002. № 4.

Флёров В.С. Найдено на аукционе "Christie". Роль эксперта в торговле древностями // РА. 2004. № 2.

Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1. Курск, 1997.

[1] Не исключено, что к той же серии псевдосенсаций относится недавнее сообщение о находке на острове возле побережья Чили "крупнейшего в истории клада" – сокровищ то ли конкистадоров, то ли флибустьеров – оцененного в десять миллиардов долларов (Ильин, 2005; Кирюнин, 2005). Последователей В.А. Бердинских в этом известии должно особенно впечатлить упоминание об использованном приборе – детекторе, действующему на глубину до 50 м.

Курский государственный медицинский университет *С.П. Щавелёв*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ. 2006. № 4. с. 176–189

ХРОНИКА

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОГО СЕМИНАРА "АРХЕОЛОГИЯ ПОДМОСКОВЬЯ" (МОСКВА, 2005)

20–21 декабря 2005 г. в Институте археологии РАН прошло 4-е заседание научного семинара "Археология Подмосковья", проводившееся совместно отделом охранных раскопок и отделом славяно-русской археологии. Его целью стало обсуждение итогов полевых исследований в Подмосковье в 2005 г. и широкого круга вопросов археологического вещеведения, исторической географии, хронологии древностей и особенностей методики археологических раскопок в Подмосковье. Были заслушаны и обсуждены 30 докладов.

20 декабря работа семинара была открыта докладом *А.Л. Александровского* (ИГАН), *Н.А. Кренке* (ИА РАН) и *А.В. Лазукина* (Звенигородский историко-краеведческий музей) "Разведочные работы на стоянке бронзового века (фатьяновской культуры) РАНИС (Николина гора)". Доклад был посвящен характеристике нового для Подмосковья типа памятников – стоянок эпохи бронзы, размещающихся в пойме верховьев Москвы-реки и перекрытых мощными аллювиальными отложениями. Небольшая толщина культурного слоя и относительно немногочисленные находки керамики, происходящие с этих стоянок, безусловно, затрудняют их поиск, однако сам факт открытия памятников такого рода является весьма важным.

В совместном докладе *Н.А. Кренке, И.Н. Ершова, Е.В. Леоновой и Н.Н. Потапова* (ИА РАН) «Раскопки поселения бронзового и железного веков "Храм Цереры" в Царицыно» были представлены первые результаты раскопок на памятнике с плохо сохранившимся культурным слоем, содержавшим материалы различных эпох (в том числе кремневые орудия, предположительно отнесенные к эпохе бронзы), который расположен на высоком междуовражном мысу рядом с беседкой "Храм Цереры". Эти материалы удалось получить благодаря применению передовой методики просеивания культурного слоя через сита с различным сечением ячеек.

В.В. Сидоров (ИА РАН) в кратком сообщении "Дьяковский комплекс Тростенского городища" представил характеристику материалов раннего железного века, добытых при раскопках древнерусского городища на берегу Тростенского озера в северо-западном Подмосковье, которое исследовалось докладчиком в 1980-х годах.

Бурную дискуссию вызвал доклад *Н.А. Сыроватко* (ИА РАН) и *А.С. Сыроватко* (Археологическая служба г. Коломны) "К вопросу о жилых постройках обитателей дьяковских городищ", в котором на примере архивных материалов раскопок Щербинского и Троицкого городищ была подвергнута сомнению интерпретация целого ряда заглубленных в материк сооружений как землянок раннего железного века. Авторами доклада было высказано мнение об отсутствии среди имеющихся на сегодняшний день археологических материалов бесспорных свидетельств существования в указанную эпоху земляночных жилищ. К сожалению, состояние источников делает весьма спорными альтернативные гипотезы, объясняющие назначение объектов, принимавшихся в недавнем прошлом за землянки. Участниками семинара было высказано пожелание авторам доклада продолжить исследования в данной области.

Доклад *Ю.Д. Разуваева* (Воронежский университет) "Знаменское городище дьяковской культуры на р. Москве (итоги раскопок 2005 г.)" ввел в научный оборот результаты охранных исследований на этом сильно поврежденном окопами военного времени памятнике, сохранившем остатки вала, рва и ряда жилищ. Несмотря на значительные повреждения культурного слоя при раскопках удалось в целом выявить планировку городища и установить его хронологию в пределах развитого этапа культуры (вторая половина I тыс. до н.э.).

Совместный доклад *В.А. Низовцева, Н.А. Марченко, И.В. Гравес* (МГУ) и *Б.Е. Янишевского* (ИА РАН) "Ландшафтный анализ поселенческой структуры Западного Подмосковья" ставил целью ознакомление собравшихся с результатами междисциплинарных исследований, связанных с установлением ландшафтной приуроченности средневековых сельских поселений в окрестностях г. Можайска. Это новое направление сотрудничества археологов и географов пока только начинает развиваться. Для указанного региона установлена стабильность ландшафтных условий возникновения и существования сельских поселений на протяжении XII–XV вв.

А.Н. Медведь (РГГУ) в докладе "Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль" представил результаты обобщения этой категории древностей, обнаруженных в ходе работ Ростиславльской экспедиции ИА РАН в 1998–2005 гг. Установлено, что массовое появление железных двушипных наконечников стрел связано здесь с позднедьяковским этапом и конкретно – со слоем большого пожара, произошедшего на городище в IV–V вв. н.э. и фиксирующегося на всей раскопанной площади памятника.

Доклад сотрудников Археологической службы г. Коломны *А.С. Сыроватко, В.В. Черкасова* и *Т.Н. Ульяновой* "Средневековое селище Лысцево" ознакомил присутствующих с результатами охранных раскопок на сельском поселении XV–XVI вв. в окрестностях Коломны. На памятнике был собран представительный керамический материал, статистическая обработка которого показала его идентичность керамике Коломны того же времени. Присутствие в комплексах более ранней посуды XII–XIII вв. позволило докладчикам сделать вывод о том, что неподалеку от раскопа мог находиться участок селища, существовавший в домонгольскую эпоху.

В докладе *А.В. Энговатовой* и *В.Ю. Коваля* (ИА РАН) "Раскопки Мякининского комплекса памятников в 2005 г." излагались основные итоги изучения крупного комплекса средневековых сельских поселений XII–XVI вв. (селищ Мякинино-1 и Мякинино-2) и примыкающего к первому из них курганного могильника XII–XIII вв. Охранные раскопки этих памятников, размещенных на правобережье Москвы-реки у северо-западной границы столицы, ведутся Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок ИА РАН уже четвертый год с широким применением естественнонаучных методов исследований (палинологический, карпологический, остеологический, металлографический и радиоуглеродный анализы, комплекс методов археопочвоведения), впервые давших развернутую картину палеоэкологии данного микрорегиона.

О.И. Хижняков (ИА РАН) в докладе "К вопросу о планировке селища Мякинино-2" сделал вывод о рядовой планировке этого поселения конца XII–XVI в., размещающегося на пойменной гряде между двумя старичными понижениями. Выявлены также хронологические колебания в площади, занимавшейся этим селищем, ставшим первым в Подмосковье

(и всей Восточной Европе) крупным сельским средневековым поселением, площадка которого исследована археологическими раскопками полностью.

Из доклада *А.А. Гольевой* (ИГАН) "Естественнонаучные исследования археологических памятников Подмосковья" собравшиеся узнали о новых результатах комплексного почвоведческого изучения Мякининской группы памятников и городища Ростиславль. Особенно интересные результаты дал фосфатный анализ, проводившийся на ряде разновременных объектов. На селище Мякинино-1 он подтвердил археологическую интерпретацию одного из литологических горизонтов в качестве культурного слоя, а на селище дьяковской эпохи Мякинино-3 продемонстрировал принадлежность раскопанного участка к дальней периферии памятника. Низкое содержание фосфора в образцах с этого участка соответствует уровню его концентрации в естественно формирующихся почвах.

В сообщении *А.Г. Векслера* и *Ю.А. Лихтер* (Центр археологических исследований г. Москвы) "Стеклянные находки из раскопок в Мякинино в 1994–1995 гг." были представлены вещевые находки из стекла, собранные в первые годы раскопок на селище Мякинино-2. Наибольший интерес среди них представляла гемма из бирюзового непрозрачного стекла с изображением мужского профиля, изготовленная, вероятно, из бусины западноевропейского (?) происхождения.

Б.Е. Янишевский (ИА РАН) в докладе "Раскопки в Можайске: предварительные результаты" рассказал об итогах охранных работ 2005 г. в кремле г. Можайска, где впервые были обнаружены остатки вала и грунтового могильника древнерусской эпохи. Доклад вызвал оживленный интерес присутствовавших.

В совместном доклад *Е.А. Спиридоновой* (ИА РАН), *А.С. Сыроватко* и *Н.И. Шепелева* (Археологическая служба Коломны) "Палеоклиматические исследования в устье р. Коломенки" были представлены результаты палинологического анализа образцов, собранных при охранных раскопках на территории г. Коломны в 2003 г. На базе полученных данных сделан вывод о колебаниях уровня рек бассейна нижнего течения р. Москвы в XVI–XVII вв.

В докладе *А.С. Сыроватко* и *Ю.Н. Чувилиевой* (Археологическая служба Коломны) "Исследования усадьбы Ф.М. Достоевского в д. Даровое" сообщалось о находках, добытых при раскопках в д. Даровое Зарайского р-на Московской обл., которые были направлены на поиск местоположения усадебного дома. Работы 2005 г. не привели к установлению этого места, но дали интересные материалы XVIII–XIX вв., характеризующие быт усадьбы.

В.В. Бейлекчи и *В.В. Родин* (г. Владимир) по приглашению оргкомитета семинара выступили с докладом "Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в г. Суздале". В сезоне 2005 г. докладчиками проводились охранные раскопки на периферии городской территории, при которых были встречены в основном материалы позднего средневековья и нового времени. Однако продолжение таких работ обещает дать новую информацию об исторической топографии Суздаля. Возобновление археологического изучения Суздаля после длительного перерыва имеет важное значение для археологии Центральной России.

Второй день работы семинара был открыт докладом *М.И. Гоняного* (ГИМ) «Стратиграфические особенности и этапность сооружения насыпи кургана-"великана" Ознобишинского могильника». Докладчик охарактеризовал полностью раскопанную насыпь, созданную в новое время на территории дворянской усадьбы и являвшуюся элементом садово-парковой архитектуры. Такое сооружение впервые стало объектом археологического изучения, а его конструктивные особенности важны для правильной интерпретации подобных насыпей, часто создававшихся в XIX в.

Доклад *М.В. Цыбина* (Воронежский университет) "Исследования древнего селища Дмитровское 2 в Подмосковье в 2005 г." был посвящен результатам раскопок поселения XII–XVI вв., расположенного недалеко от впадения р. Истры в Москву-реку. Раскопки широкой площадью позволили выявить элементы планировки селища. Живое обсуждение вызвали зафиксированные здесь остатки заглубленных в материк сооружений (погребов), отличавшихся очень маленькими размерами по сравнению с габаритами вырытых котлованов.

Д.Ю. Бадеев (МГОУ) выступил с докладом "Фигурки настольных игр из Ростиславля Рязанского", в котором были представлены находки 2002–2005 гг.: роговые шахматные фигуры, костяная фишка для игры в шашки и игровые фишки (?) из позвонков рыб. Был показан широкий контекст находок шахматных фигур на территории Руси, в который вписываются и образцы из Ростиславля.

Новые подходы к изучению древностей раннего железного века были продемонстрированы *Т.Н. Бакуновой* (ИА РАН) в докладе "Возможности рентгено-флюоресцентного метода при исследовании памятников дьяковской культуры". Анализы образцов грунта из заполнения миниатюрных сосудиков (включая тигли для плавки цветных металлов), обнаруженных в культурных отложениях I тыс. до н.э. на городище Ростиславль Рязанский, показали существенное повышение в этих образцах концентрации ряда химических элементов. Докладчица высказала предположение о возможной связи указанных аномалий с помещавшимися в сосудики продуктами или веществами (грибы, кровь и т.п.).

Совместный доклад *О.В. Двуреченского*, *Д.Б. Соловьева* (ГИМ) и *Н.Д. Двуреченской* (ИА РАН) "Селище Горопенки-1: предварительные итоги археологического изучения" имел целью ввести в научный оборот первые итоги крупномасштабных охранных раскопок остатков деревни XVIII–XIX вв. в Истринском р-не Московской обл. Подобные памятники лишь недавно стали объектами археологического изучения и их материалы еще очень слабо известны. Авторы раскопок сумели разграничить хронологию отдельных построек и выявить границы разных дворов.

В.И. Вишневский (Сергиево-Посадский музей-заповедник) в докладе "Водопровод и канализация Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVII вв. (по материалам раскопок 2000–2001 гг.)" представил архивные и археологические материалы, характеризующие размещение водоемов, водопроводных и дренажных деревянных труб на площади монастырского комплекса, никогда ранее не подвергавшиеся специальному изучению.

Доклад *В.В. Щербакова* (Сергиево-Посадский музей-заповедник) "Изразцы царского путевого дворца в селе Слотино" позволил составить представление об убранстве печей разрушенного памятника, находки из которого сохранились в частной коллекции. Большинству фрагментированных изразцов были найдены аналогии среди московской продукции XVII в. и материалов близлежащей Троице-Сергиевой Лавры.

В докладе *А.В. Алексеева* (ИА РАН) "Введенский монастырь под Звенигородом. Исследования 2005 г." было сообщено о ряде ранее неизвестных селищ XV–XVI вв., обнаруженных в современных лесах на водораздельных грядах (вдалеке от источников воды; снабжение их водой осуществлялось из искусственных прудов). Одним из таких памятников был известный по письменным источникам, но открытый только в 2005 г. Введенский монастырь. Участники семинара высказали докладчику пожелание продолжить исследования вновь выявленной категории средневековых памятников.

А.Н. Смирнов (Вязёмский музей-заповедник) выступил с докладом "Усадьба Вязёмы: первые результаты археологического исследования", в котором ознакомил аудиторию с материалами археологических наблюдений на территории музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Большие Вязёмы. Ранее археологические исследования здесь не проводились; новая информация существенно расширяет представления

об этапах освоения этой территории. В частности, докладчиком представлены материалы, свидетельствующие о возможном существовании на месте усадьбы ранее неизвестного древнерусского селища домонгольской эпохи.

Доклад *К.А. Аверьянова* (ИРИ РАН) "О дате основания Николо-Угрешского монастыря" содержал развернутый анализ источников по данной проблеме, который позволил докладчику прийти к однозначному выводу о возникновении этой обители не ранее XVI в.

В докладе *К.И. Панченко* (ИА РАН) "Керамика XVIII–XIX вв. из раскопок в Дмитровском и Рузском р-нах Московской обл." были продемонстрированы образцы горшков нового времени из раскопок Подмосковной экспедиции отдела охранных раскопок ИА РАН. Был сделан вывод о существовании на севере и северо-западе Подмосковья в XVIII–XX вв. единой традиции сельского гончарства, характерными чертами которой были близкие формы сосудов, применение одинаковых формовочных масс и низкокачественный обжиг изделий, предназначавшихся исключительно для приготовления пищи.

А.А. Полюлях (Музей истории Москвы) в докладе "Некоторые виды керамических изделий гжельских заводов XIX в." продемонстрировал основные виды продукции фабрик Гжельского региона (фаянсы и красноглиняная керамика), поступавшей в Москву и Подмосковье. Особое внимание было уделено аптечной посуде и хронологии ее разновидностей.

В совместном докладе *М.И. Гоняного* (ГИМ) и *В.Н. Ковалевского* (Воронежский университет) "Исследования культурного слоя в исторической части г. Подольска (предварительные результаты)" была представлена развернутая характеристика первых в истории г. Подольска археологических раскопок, позволивших исследовать слои XVIII–XIX вв. Несмотря на многочисленные организационные трудности работы были проведены на высоком методическом уровне.

Характеристике нумизматического и керамического материала из этих раскопок был посвящен доклад *С.Н. Булынкина, Г.А. Шебанина* и *А.В. Шекова* (Тульский археологический центр) "Археологические исследования остатков жилой постройки конца XVIII – первой половины XIX в. в г. Подольске Московской обл.". Интересным оказалось резкое отличие керамики Подольска от синхронных керамических материалов Рузского и Дмитровского р-нов Московской обл., рассмотренных в докладе К.И. Панченко.

Все прозвучавшие доклады вызвали живую реакцию участников семинара и подверглись обстоятельному обсуждению. Стало очевидно, что подобные совещания чрезвычайно важны не только для региональных исследований, но и для решения возникающих методических вопросов. Особенностью четвертого заседания семинара стало повышенное внимание археологов-практиков к вопросам изучения культурных отложений позднего средневековья и нового времени. В ходе обсуждений собравшиеся пришли к выводу, что такие отложения требуют к себе дифференцированного подхода. С одной стороны, они могут исследоваться только традиционными раскопочными методами, с другой – внимательное отношение к поздним наслоениям не должно мешать полному изучению более ранних слоев и комплексов (если они присутствуют на памятнике).

По материалам семинара 2005 г. в настоящее время готовится очередной (третий) выпуск сборника "Археология Подмосковья".

Институт археологии РАН, Москва

А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль

МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ"

24–25 февраля 2006 г. в Российском государственном университете им. И. Канта (Калининград) состоялась международная конференция, посвященная проблемам изучения истории и археологии Балтийского региона. Предтечей данного мероприятия стал археологический семинар, который в течение трех лет проводился лабораторией по методике преподавания и изучения истории края с участием калининградских археологов и студентов.

В конференции принимали участие специалисты из России: РГУ им. И. Канта (В. Суворов, Л. Ефремов), Института археологии РАН (А. Хохлов, В. Кулаков, В. Родинкова, М. Смирнова, О. Радюш, Е. Тюрин), Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Калининградской обл. (Е. Калашников), Калининградского областного историко-художественного музея (К. Скворцов, А. Валуев); из Польши: Варшавского университета (В. Новаковский, П. Шыманьски), Торуньского университета им. Н. Коперника (С. Кукавка, И. Малецка-Кукавка, А. Бокинец), музея Вармии и Мазур (Я. Соберай); из Литвы: Вильнюсского университета (В. Шименас, Г. Велюс), Института истории и археологии Балтийского региона (Г. Забела).

24 февраля для участников конференции была организована экскурсия, в ходе которой они получили возможность ознакомиться с археологической экспозицией Калининградского областного историко-художественного музея. Особый интерес при этом вызвали экспонаты, относящиеся к коллекции музея "Пруссия".

25 февраля, открывая работу конференции, с приветственным словом к собравшимся обратились декан исторического факультета РГУ им. И. Канта В. Гальцов и заместитель руководителя Балтийского управления Росохранкультуры Л. Радюк.

Затем последовали два пленарных заседания. Первое называлось "60 лет археологического изучения Калининградской области: итоги и перспективы". Данная тема была освещена В. Суворовым, Л. Ефремовым и А. Хохловым.

В докладе "Основные этапы археологического изучения Калининградской области" *В. Суворов* отметил, что исследования российских археологов на указанной территории начались в июле 1946 г. Прошедшие с тех пор 60 лет докладчик разделил на три этапа: 1) 1946–1961 гг.; 2) 1966–1999 гг.; 3) с 1999 г. Каждый из этапов отличается составом специалистов, принимавших участие в работах, объемом исследований, особенностями выбора памятников и финансирования раскопок.

В докладе *Л. Ефремова* "Ф.Д. Гуревич – первый советский исследователь прусских древностей" были освещены основные вехи жизни и научной деятельности ленинградского археолога Ф.Д. Гуревич, подчеркнут ее вклад в изучение прусских древностей. По мнению докладчика, многие проблемы, поднятые исследовательницей, сохраняют актуальность до настоящего времени. За послевоенный период археологические исследования на территории Калининградской области не привели к выполнению тех задач, которые еще в 1946 г. поставила Ф.Д. Гуревич.

А. Хохлов выступил с докладом "Работы Самбийской экспедиции в 2005 г.". Он охарактеризовал раскопанные памятники, объемы проведенных работ, упомянул наиболее интересные находки.

Второе пленарное заседание называлось "Изучение Юго-Восточной Прибалтики польскими и литовскими археологами: итоги и перспективы". По этой теме прозвучали два выступления.

В. Новаковский в докладе "Польские исследования раннего железного века, римского периода и эпохи Великого переселения народов на территории Вармии и Мазур" остановился на послевоенных работах. Он упомянул крупнейших польских ученых и их вклад в изучение древностей указанного региона, а также наиболее значимые из исследованных памятников. Докладчик сообщил, что на современном этапе важную роль в изучении археологических материалов в Польше играют три научных центра. Один из них, связанный с анализом западнобалтийской керамики, находится в Белостоке. Там регулярно проводятся конференции, посвященные этой категории материала. Организаторы данных мероприятий М. и М. Карчевские также присутствовали на конференции в Калининграде.

В. Шименас в докладе "Археологические исследования в низовьях Немана (земля Скаловия) на рубеже XX–XXI вв." сообщил, что рассматриваемый регион был крайне слабо изучен до Второй мировой войны. Докладчиком здесь были проведены не только разведки, но и раскопки ряда памятников, на материалах которых защищена его диссертационная работа. В. Шименас поднял вопрос о тесных культурных связях территорий, расположенных в устье Немана, с дунайскими землями в V–VI вв.

Затем состоялись два секционных заседания по теме "Археология Юго-Восточной Прибалтики: раскопки, итоги исследований, гипотезы", на которых были представлены доклады о проблемах истории Юго-Восточной Прибалтики с эпохи камня до позднего средневековья.

Эпоха неолита была освещена в трех выступлениях. *С. Кукавка* и *Й. Малецка-Кукавка* в сообщении "Культурная пограничная область между Центрально-Европейской низменностью и восточной частью Балтийской зоны в IV тыс. до н.э." продемонстрировали возможности использования керамики как исторического источника. Ими было установлено, что племена, обитавшие в разных культурных зонах, использовали при изготовлении керамики разные отощители – кость, раковину, песок, дробленый гранит. В зонах же, где происходило смешение носителей разных культур, фиксируется и смешение традиций в изготовлении керамики.

А. Бокинец в докладе "Границы культурных областей в эпоху неолита в Юго-Восточной Прибалтике" охарактеризовал историко-культурную ситуацию, сложившуюся между реками Висла и Неман к концу III тыс. до н.э. По мнению докладчика, в этот период шла активная экспансия земледельцев с левобережья средней Вислы на территории в верховьях Немана. Одновременно из района нижней Вислы на север, вдоль побережья Балтики, осуществлялось переселение скотоводческих племен. В процессе миграций складывались разные зоны взаимодействия между местными охотниками, рыболовами и собирателями и пришлыми земледельцами и скотоводами, в результате чего было положено начало формирования балтийской этнической общности. В качестве аналогии А. Бокинец привлек этнографические данные по ирокезским племенам района Великих озер в Северной Америке.

Я. Соберай рассказал о курганном могильнике культуры шнуровой керамики Бабенты Мале I (Илава), доследование которого он проводил. Благодаря стратиграфическому методу докладчику удалось установить конструкцию погребений некрополя. Продемонстрированные Я. Собераем реконструкции вызвали живой интерес слушателей.

Эпоха римского влияния нашла отражение в выступлениях В. Новаковского и П. Шыманьски. *В. Новаковский* в докладе "Мазурско-надровская альтернатива – янтарный путь в эпоху Августа и Тиберия" на основе картографирования находок некоторых типов провинциально-римских изделий (фибул, браслетов) выдвинул гипотезу о существовании в указанный период ответвления янтарного пути, ведущего в устье р. Неман. По предположению докладчика, в разные времена в Риме требовался янтарь разного качества, чем, возможно, и обусловлены столь далекие экспедиции. Они могли обходиться дешевле, чем поиск необходимого сырья и доставка его с территории Замланда.

П. Шыманьски представил доклад "Курганный могильник в местности Червонный Двор у Голдапа", в котором охарактеризовал историю исследования памятника и результаты раскопок последних лет.

Ряд докладов был посвящен материалам от эпохи Великого переселения народов до начала XIII в. *О. Радюш* выступил с сообщением "Комплекс памятников в районе бывшего поселения Яугенен в бассейне р. Алейка", в котором предложил обзор археологических материалов I–II тыс. н.э. из раскопок сезона 2005 г. Наибольший интерес, по мнению автора доклада, представляют нижние слои поселения, содержащие керамику, датированную римским периодом.

О результатах археологических работ в 2005 г. на селище Зольное I сообщил *Е. Калашников*. Он продемонстрировал исследованные комплексы, среди которых был колодец, и отдельные находки: керамику, янтарную бусину. Предварительно памятник датирован серединой I тыс. н.э. В ближайшее время для подтверждения этой датировки будут проведены анализы почвы и древесного угля.

Н. Зубарев и *К. Скворцов* в докладе "Курортное 1 – поселение ольштынской группы на территории Калининградской области" охарактеризовали разведочные работы 2003 г. на городище Курортное 1 Правдинского р-на Калининградской обл. По находкам керамики, которая орнаментирована пальцевыми вдавлениями по венчику и защипами по кольцевым налепам, расположенным на шейках сосудов, авторы датировали памятник V–XIII вв. Ближайшие аналогии этой керамике известны на территории Польши и принадлежат памятникам "ольштынской группы".

В выступлении *Е. Тюрина* "Всадники без коней: захоронения с атрибутами конского снаряжения в эпоху Великого переселения народов" была рассмотрена история изучения воинских погребений с лошадьми V–VII вв. на территории Юго-Восточной Прибалтики за последние 200 лет. Автор доклада высказал предположение, перекликающееся с мнением П. Шыманьского: часть комплексов, исследованных, главным образом, в XIX – первой половине XX в., раскопана только частично; зафиксированы погребения всадников, а останки коней, покоящиеся в нижнем горизонте, остались вне поля зрения археологов.

Интерес вызвали доклады, посвященные отдельным категориям вещевого инвентаря, в частности фибулам. Происхождение трилистных и щитовидных фибул VIII–IX вв. рассмотрел *В. Кулаков*. Он продемонстрировал копию такого изделия, выполненную К. Скворцовым.

В. Родинкова в докладе "Некоторые типы пальчатых фибул Юго-Восточной Прибалтики и их европейский контекст" обратилась к изучению малых разновидностей так называемых славянских пальчатых фибул по классификации И. Вернера. Проанализированный ею материал (около 300 находок из Мазурского поозерья, бассейна Дуная, Поднепровья, Крыма и других регионов Восточной Европы) свидетельствует, что особенности и ритмы развития материальной культуры, которые отразились в том числе в рассмотренных фибулах, в перечисленных регионах различны. Зоной возникновения данной разновидности украшений было Подунавье, откуда они распространились на остальные

территории, однако фиксируются и непосредственные связи Поднепровья и Мазурского поозерья.

Доклад "Керамика поселения Геройское III в контексте материалов синхронных памятников Самбии" *М. Смирновой* был посвящен анализу средневековой гончарной керамики региона. Докладчица обратила внимание не только на форму сосудов, но и на их технологические особенности. Ее основной вывод заключался в том, что ни типологические различия, ни отличия в технике изготовления рассмотренной группы артефактов не являются датирующими признаками.

Г. Велюс выступил с докладом "Этнический состав общины средневекового города Кернаве по данным исследований могильника XIII–XIV вв.". Он продемонстрировал находки из раскопок некрополя (в основном инвентарь женских захоронений), которые не имеют аналогий в литовских древностях XIII–XIV вв. Основные аналогии этому материалу найдены в ятвяжских землях.

Выступление *А. Валуева* "Погребальные памятники орденского времени и их изучение в Калининградской области" содержало обзор деятельности археологов Восточной Пруссии по исследованию могильников XIII–XVII вв. Автор доклада особо остановился на результатах раскопок могильника Знаменск (бывш. Альт Велау) в 1992–2001 гг. На сегодняшний день на памятнике вскрыто 1200 м^2 площади, выявлено 372 погребения по обряду ингумации.

Г. Забела рассказал о проекте восстановления деревянного замка Ворута (Шейминишкеляй, Аникщайский р-он, Литва). На памятнике были проведены сплошные археологические раскопки, по результатам которых и составлен этот проект. Помещения замка предполагается использовать в качестве экспозиционных залов. Докладчик подчеркнул, что создание современных реконструкций памятников истории и архитектуры имеет важное значение и будет способствовать развитию туризма и повышению культурного уровня населения.

Все доклады сопровождались картами, схемами, фотографиями и другим иллюстративным материалом. Завершая работу секций, собравшиеся обменялись мнениями и высказали пожелания в адрес организаторов конференции, которая в Калининградской области впервые проведена на международном уровне и с таким широким составом докладчиков.

Российский государственный университет им. И. Канта,
Калининград

В.С. Суворов,
Л.А. Ефремов

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕНТИНЫ ИВАНОВНЫ КОЗЕНКОВОЙ

Более 40 лет связывает авторов с юбиляром крепкая творческая дружба и любовь к кавказской археологии. Пройдя, как говорится, "с младых ногтей" в кавказоведении "класс" Валентины Ивановны Козенковой, от всей души хочется выразить ей через журнал, которому она отдала десяток лет своей научной жизни, глубокую признательность и пожелать еще долгие годы быть "в строю".

Валентина Ивановна Козенкова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН, член Ученого совета Государственного музея Востока, родилась 17 ноября 1931 г. в Смоленской (ныне Калужской) области в крестьянской семье, но с двух лет ее жизнь – это жизнь на рабочей окраине Москвы между Донгауэровской слободой и Лефортово рядом со знаменитым Владимировским трактом (ныне Шоссе Энтузиастов).

Как вспоминает Валентина Ивановна, интерес и необыкновенная тяга к древней истории выросли из любви к чтению, а еще ей повезло со школьными учителями, преподавателями истории, М.К. Савостиной и Н.Ф. Елисеевым. Ведь "Песнь о Роланде", речитативы немецких местерзингеров, пламенную "Теруань де Мерикур" и "Песнь о купце Калашникове и опричнике Кирибеевиче" она знала до окончания школы. В 1951 г. ею без колебаний был выбран исторический факультет Московского государственного университета. Сразу после первого курса, еще до начала узкой специализации, Валентина Ивановна приняла участие в археологической экспедиции академика А.П. Окладникова, работая в отряде Н.Н. Дикова по исследованию неолитических поселений на островах Лесной и Сосновый на Ангаре, в зоне затопления в связи со строительством Иркутской ГЭС.

Валентина Ивановна – ученица профессора Л.Р. Кызласова. Именно ему и великолепной плеяде археологов, которые вели курсы на кафедре археологии в то время (А.В. Арциховский, С.В. Киселев, Б.Н. Граков, С.П. Толстов и др.), а также атмосфере научного товарищества, которая культивировалась на кафедре, она обязана решением посвятить свое будущее археологии. В 1953 и 1954 гг. Валентина Ивановна приняла участие в работах Киргизской экспедиции под руководством Л.Р. Кызласова. В Чуйской долине на раскопках древнего Баласагуна (Ак-Бешим) она постигала азы работы с сырцовыми кладками буддийского и несторианского храмов раннего средневековья, а на берегах озера Иссыккуль, под руководством Л.П. Зяблина, – методику раскопок средневековых курганов. В 1955 г., закончив университет как специалист по средневековой археологии Средней Азии, она (несмотря на рекомендацию в аспирантуру) уехала по распределению на работу в краеведческий музей города Андижан в Ферганской долине. Проведенные там четыре года оказались полезной школой самостоятельного применения полученных знаний и навыков московской выучки. В музее был создан научно обоснованный отдел археологии и этнографии, проведены разведки и картографирование местных

археологических памятников, полностью раскопана крепость-храм кушанского периода Гайрат-тепе и ряд могильников. Об уникальной Гайрат-тепе написана одна из первых статей В.И. Козенковой. Она, а также другие статьи по среднеазиатской тематике были опубликованы во вновь организованном периодическом журнале "Советская археология". Андижан стал гостеприимной базой для приезжающих сюда археологов А.П. Окладникова, Ю.А. Заднепровского, Г.А. Брыкиной, Н.Г. Горбуновой, Б.З. Гамбурга и др.

В 1959 г., после возвращения в Москву, в силу ряда жизненных обстоятельств Валентина Ивановна была вынуждена сменить научную тематику. Летом 1960 г. в составе отряда Р.М. Мунчаева она уехала в Чечню на раскопки древнего поселения близ с. Сержень-Юрт, одного из основных объектов работы Северокавказской археологической экспедиции (СКАЭ) под руководством Е.И. Крупнова. С этого времени Валентина Ивановна стала постоянным сотрудником Института археологии, началось ее становление как кавказоведа. И по сей день вся творческая научная жизнь юбиляра посвящена северокавказской археологии. За прошедшие 45 лет ею опубликовано более сотни статей, десять монографий, многие из которых постоянно востребованы коллегами.

Хотя формально Е.И. Крупнов не был руководителем Валентины Ивановны, она тем не менее считает себя его ученицей, так как опыт, полученный при работе с ученым, оказался бесценным. А ее собственный археологический опыт и такие черты характера, как методичность, самоотверженное служение делу, скрупулезность в подходе к полученным материалам, организационные способности пригодились новому коллективу. Уже в 1963 г. Валентина Ивановна возглавила Предгорный отряд СКАЭ и руководила им до 1975 г., полностью закончив исследование первоклассного археологического комплекса: поселения-убежища и могильника кобанской культуры у с. Сержень-юрт.

Ведя работы на своих основных объектах, Валентина Ивановна стремилась перенять полевой опыт коллег по экспедиции. Она параллельно принимала участие в исследованиях отряда Р.М. Мунчаева у селений Бамут и Гвардейское. Во второй половине 1960-х годов в отряде В.И. Марковина участвовала в раскопках Курчалоевского поселения-зольника, а также в разведках и раскопках в Северной Осетии и в Краснодарском крае (исследования и обмеры дольменов). В составе отряда О.В. Милорадович В.И. Козенкова принимала участие в раскопках курганов близ станицы Афипской на Кубани. Пригодился опыт Валентины Ивановны как квалифицированного "полевика" и при выполнении экстренных заданий Полевого комитета Института археологии при доследовании объектов, попадавших в зону разрушения при хозяйственных работах. В 1970-х годах такими важными объектами оказались курганы у станицы Ново-Титаровская Краснодарского края, где были раскрыты ранние погребения, послужившие в дальнейшем отправной точкой для выделения А.Н. Геем новотитаровской археологической культуры ранней бронзы. А еще было участие в работах на Ставрополье при прокладке Большого Ставропольского канала: в 1974 г. – в составе Краснознаменского отряда (начальник В.Г. Петренко), Чограйского отряда (начальник В.А. Кореняко). В 1976–1977 гг. в связи с начавшейся работой над Сводом источников по кобанской культуре были проведены небольшие исследования в Ингушетии и Северной Осетии (могильник у с. Карца). Но особо следует отметить изыскания Валентины Ивановны Козенковой в 1977 и 1978 гг. в Карачаево-Черкесии, где совместно с В.Б. Ковалевской ею велись раскопки поселения и могильника Уллубаганалы кобанской культуры. Безусловно, выдающимся открытием было доследование в 1978 г. могильника у с. Терезе. Последний оказался знаменательной вехой в обобщении данных о наличии обряда кремации в кобанской культуре, что является заслугой именно Валентины Ивановны в кавказоведении.

Огромный опыт полевой работы лежит в основе всех обобщающих научных трудов В.И. Козенковой. В 1969 г. на Ученом совете Института археологии сю была защищена в качестве кандидатской диссертации рукопись "Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии". Материалы и основные выводы этой работы вошли в 1975 и 1982 гг. в первые две монографии начатой ею серии Сводов археологических источников СССР (главный редактор – академик Б.А. Рыбаков). Это большое, требующее скрупулезной точности и выверенности данных издание было продолжено в дальнейшем в выпущенных в 1989, 1995 и 1998 гг. еще трех томах Свода источников, посвященных западному варианту кобанской культуры. Первый опыт систематизации и классификации такого объемного материала не мог обойтись без ряда недочетов, тем не менее эти книги остаются по-прежнему необходимыми тем, кто желает познакомиться с оригинальными изделиями древних мастеров и получить научно обоснованную справку по многим памятникам Северного Кавказа. Особенно это важно нам, университетским преподавателям.

Системное теоретическое обобщение данных по кобанской культуре легло и в основу научного доклада Валентины Ивановны Козенковой "Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития)", за который ей была в 1990 г. членами Ученого совета ИА РАН единогласно присуждена степень доктора исторических наук. Основополагающие выводы доклада в развернутом виде вошли в опубликованную в 1995 г. монографию "Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры)". Важной частью этого труда является долгими годами вынашивавшаяся концепция о переходной так называемой протокобанской группе, содержащая совершенно новый взгляд на формирование кобанской культуры. Проблема датирования кобанских древностей – второй ключевой момент проделанной работы. Проанализировав все подходы предшественников к данному вопросу, Валентина Ивановна не только предложила собственную упорядоченную периодизацию кобанской культуры, но и убедительно показала, какое место занимают эти древности в системе культур эпохи поздней бронзы – раннего железа Кавказа, Закавказья, Восточной и Центральной Европы. Хочется привести слова из предоставленного Валентиной Ивановной отзыва на ее диссертацию доктора исторических наук К.Х. Кушнаревой: "Я высоко ценю тот вклад, который внесла В.И. Козенкова в кавказоведение. Ее фундаментальные труды отличаются глубиной исследования, отличным знанием источников, большой эрудицией в области кавказской и европейской литературы, разработкой широких проблем, постоянным поиском научной истины". И действительно, научные труды Валентины Ивановны отличают особая обстоятельность и отсутствие торопливости в заключениях. Иногда от тезисного изложения темы полноценную статью отделяет не один год, пока автор еще раз взвесит и дополнит то или иное предположение или вывод. Эти качества работ Валентины Ивановны не прошли мимо внимания зарубежных коллег. В Англии, Болгарии, Венгрии были опубликованы некоторые ее статьи. Интерес к работам В.И. Козенковой проявили немецкие коллеги, предложив полную публикацию в Германии материалов Сержень-юртовского могильника. Рукопись ушла за границу в 1987 г., а в 1992 г. вышла в виде добротно изданной книги. Только в 2002 г. ее доработанное и дополненное переиздание появилось на русском языке, как раз под пару вышедшему перед этим в 2001 г. монографическому исследованию Сержень-юртовского поселения. Тщательностью отличается и новая, опубликованная в 2005 г. книга Валентины Ивановны, посвященная уникальному по погребальному обряду и атрибуции сопровождающих вещей могильнику близ аула Терезе в Карачаево-Черкесии. Сложный памятник потребовал от автора всеобщего качественного сравнительно-исторического анализа материальных признаков этого неординарного объекта кобанской культуры. В результате была

приоткрыта еще одна неизвестная страница в северокавказских древностях конца II – начала I тысячелетия до н.э.

Институт археологии для Валентины Ивановны всегда был и остается родным домом. И, наверно, поэтому многие не имеющие прямого отношения к научной работе поручения руководства исполнялись ею неукоснительно, будь то наведение порядка в подвальных хранилищах экспедиционных коллекций, рутинные обязанности ученого секретаря отдела скифо-сарматской археологии (1979–1980 гг.) или напряженная работа в должности ответственного секретаря журнала "Советская археология" (1981–1991 гг.). Об этом десятилетнем периоде в жизни Валентины Ивановны стоит сказать особо. Получив в 1981 г. портфель редакции далеко не в надлежащем порядке (не было даже пишущих машинок, неоднократно менялись заведующие, назначенные издательством, и т.п.), Валентина Ивановна постаралась сделать все, чтобы деятельность редколлегии и повседневная работа сотрудников редакции проходила в комфортной и доброжелательной обстановке. Был четко организован порядок поступления материалов. Не было ни одной статьи, которая первоначально не просматривалась бы ею лично, а все встречи с авторами завершались обоюдным взаимопониманием.

Не обойти вниманием еще одну из сторон научно-организационной деятельности Валентины Ивановны. В 1970 г. скончался Е.И. Крупнов. Его ученики и соратники учредили научную конференцию его памяти – Крупновские чтения. На добровольной основе был создан Постоянный оргкомитет по организации и проведению этих конференций, одним из членов которого является Валентина Ивановна, автор почти всех опубликованных за прошедшие годы хроник работы Крупновских чтений. Не менее важной была разборка вместе с вдовой ученого, Валентиной Михайловной Подгорновой, архива Е.И. Крупнова.

На Кавказе, в среде коллег, Валентина Ивановна Козенкова пользуется заслуженным уважением и авторитетом за самоотверженное служение науке, глубокое знание и уважение обычаев горских народов, за отсутствие даже тени чванства по отношению к любому местному человеку, за скромность и отзывчивость на любую беду. Участникам работ в отряде В.И. Козенковой вспоминается ее исключительная собранность и спокойствие в "поле" даже в экстремальных условиях нахождения в горах, что передавалось всему коллективу.

В настоящее время Валентина Ивановна плодотворно участвует в работе Ученого совета Государственного музея Востока, рецензирует труды коллег, консультирует молодых начинающих археологов. От всего сердца желаем нашему соратнику и старшему другу творческого долголетия и сил на выбранном пути.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В.И. КОЗЕНКОВОЙ

1. Гончарная печь из Хилля // СА. 1958. № 3.
2. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии // СА. 1961. № 3.
3. Древние поселения у с. Сержень-юрт // КСИА. 1963. Вып. 94 (в соавт. с А.А. Иерусалимской и Е.И. Крупновым).
4. Гайрат-тепе (к истории поселений Ферганы первой половины I тыс. н.э.) // СА. 1964. № 3.
5. Исследование Сержень-юртовского поселения в 1962 г. // КСИА. 1964. Вып. 98 (в соавт. с Е.И. Крупновым).
6. Исследование Сержень-юртовского поселения в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 103 (в соавт. с Е.И. Крупновым).
7. Антропоморфные статуэтки из Сержень-юрта // КСИА. 1966. Вып. 108.
8. Древний Сержень-юртовский поселок в ЧИАССР (по раскопкам 1964 г.) // КСИА. 1966. Вып. 106 (в соавт. с Е.И. Крупновым).
9. Погребальные памятники Ферганы первых веков н.э. // СА. 1966. № 1.
10. Исследование памятников раннего железного века у с. Сержень-юрт // КСИА. 1967. Вып. 112.
11. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии // СА. 1967. № 1.
12. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. 2. Грозный, 1968.
13. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
14. Погребение военачальника из Сержень-юртовского могильника // КСИА. 1969. Вып. 123.
15. Раннекобанский могильник у с. Сержень-юрт // СА. 1969. № 4.
16. Об одном типе кобанских булавок // КСИА. 1970. Вып. 132.
17. К вопросу о хронологии памятников восточного варианта кобанской культуры в свете новых археологических раскопок в Чечено-Ингушетии // Тез. докл., посвящ. итогам полевых работ в 1970 г. в СССР (археологические секции). Тбилиси, 1971.
18. Рец.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. II. Орджоникидзе, 1969 // СА. 1971. № 2.
19. К проблеме локальных вариантов кобанской культуры // Тез. докл. и сообщ. III Крупновских чтений. Грозный, 1973.
20. Новые материалы по бронзовому веку в западном Предкавказье // КСИА. 1973. Вып. 134.
21. Предметы из Ца-ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
22. III Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии // СА. 1974. № 4.
23. Кинжал из окрестностей станицы Змейской (Северная Осетия) // Тез. докл. IV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974.
24. Рец.: В.Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972 // СА. 1974. № 2.
25. Сым-тепе – поселение в Фергане // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16. Л., 1974 (в соавт. с Н.Г. Горбуновой).
26. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. Т. 1. София, 1975.
27. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев, 1975.
28. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
29. Кобанская культура (восточный вариант) // САИ. 1977. Вып. В2-5.
30. VI Крупновские чтения. Краснодар, 1976 // СА. 1978. № 1.
31. Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа. М., 1978 (в соавт. с М.Х. Багаевым).
32. Восточный вариант кобанской культуры в свете последних археологических исследований // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
33. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры) // Тез. докл. VIII Крупновских чтений. Нальчик, 1978.

34. О южной границе восточной группы кобанской культуры // СА. 1978. № 3.

35. Новейшие раскопки поселений поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы-2 в Карачаево-Черкессии // Тез. докл. IX Крупновских чтений. Элиста, 1979 (в соавт. с В.Б. Ковалевской).

36. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО-1978. 1979 (в совт. с В.Б. Ковалевской).

37. Об обряде трупосожжения в кобанской культуре // Тез. докл. IX Крупновских чтений. Элиста, 1979.

38. VII Крупновские чтения // СА. 1980. № 2.

39. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // СА. 1980. № 1 (в соавт. с А.В. Найденко).

40. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровской (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

41. Контакты населения Карпато-дунайского мира и Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Античная балканистика-4. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Тез. докл. М., 1980.

42. Предметы кобанской культуры из с. Терезе (Карачаево-Черкессия) // СА. 1980. № 3 (в соавт. с Х.Х. Биджиевым).

43. Находки позднекобанской культуры в верховьях Кубани // СА. 1981. № 4 (в соавт. с М.Н. Ложкиным).

44. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (по материалам кобанской культуры) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

45. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 1981. № 3.

46. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 2 (в соавт. с Г.Е. Афанасьевым).

47. X Крупновские чтения в Москве // СА. 1982. № 4.

48. К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе // Конф. по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1982.

49. О работе сектора скифо-сарматской археологии за 5 лет (1975–1979 гг.) // КСИА. 1982. Вып. 170.

50. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3.

51. Синкретизм материальных форм как проявление культурного прогресса (на примерах кобанской культуры) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Ереван, 1982.

52. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // САИ. 1982. Вып. В2-5.

53. XI Крупновские чтения. Новороссийск, 1981 // СА. 1983. № 1.

54. XII Крупновские чтения. Геленджик, 1982 // СА. 1983. № 3.

55. Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. 1984. № 4.

56. О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры // СА. 1984. № 1 (в соавт. с Т.Н. Мишиной).

57. Погребения сарматского времени в ущелье р. Карца в Северной Осетии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

58. Средняя Европа и Северный Кавказ: контакты и хронологические соответствия в эпоху поздней бронзы – раннего железа // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984.

59. Rite de l'incineration des cadavres chez les Kovans du Caucase // Savaria. № 9–10. Szombathely, 1984.

60. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. 1986. № 3 (в соавт. с А.З. Аптекаревым).

61. Комплекс начала I тыс. до н.э. из урочища Клин-яр (Кисловодская котловина) // СА. 1986. № 1 (в соавт. с М.В. Андреевой).

62. Пседахский могильник кобанской культуры // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

63. XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа // СА. 1987. № 4.

64. Хронология кобанской культуры в трудах А.А. Иессена // КСИА. 1987. Вып. 192.

65. О бронзовых т.н. "рабочих" топорах кобанской культуры // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тез. докл. Башкапсарского полевого археологического семинара. Сухуми, 1988.

66. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития). Науч. докл. по дис. ... докт. ист. наук. М., 1989.

67. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре (на примере зооморфных браслетов) // СА. 1989. № 3.

68. Кобанская культура Кавказа // Степи Евразии в скифское время. Археология СССР. Т. IX. М., 1989.

69. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. Вып. В2-5. Т. 3.

70. Кобанская культура: субстрат и инновации в период формирования (последняя четверть II тыс. до н.э.) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990.

71. Традиционные направления, характер и формы межзональных коммуникаций носителей кобанской культуры в конце II – первой половине I тыс. до н.э. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1990.

72. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.

73. Воинская атрибутика у племен позднекобанской культуры // СА. 1991. № 4 (в соавт. с М.Х. Багаевым).

74. Восточно-кобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Проблема происхождения нахских народов. Тез. докл. Грозный; Шатой, 1991.

75. Seržen-Yurt. Ein Friedhof der spaten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordkaukasus // KAVA. AVA-Materialien. Bd. 48. Mainz am Rhein, 1992.

76. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) // РА. 1994. № 1.

77. Antropomorphic figures from the north Caukasus // Antiquity. V. 68. № 258. March. Oxford, 1994.

78. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // Историко-археологический сборник. Т. 2. Армавир; М., 1995 (в соавт. с А.П. Мошинским).

79. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант (систематизация и хронология) // САИ. 1995. Вып. В2-5.

80. Восточно-кобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.

81. Двадцать пять лет Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа // РА. 1996. № 1 (в соавт. с В.А. Кузнецовым и И.М. Чеченовым).

82. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

83. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Вып. 1. М., 1997 (в соавт. с Р.С. Сосрановым и Э.Л. Чарджиевым).

84. К интерпретации малоизвестной коллекции кобанских древностей из Берлинского музея древней истории // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1998.

85. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. 1998. Вып. В2-5. Т.5.

86. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

87. XX юбилейные Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Железноводск) // РА. 1999. № 3 (в соавт. с Р.Р. Рудницким).

88. Рец.: Motzenbäcker J. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskatalogue. Bd. 3. Berlin, 1996 // РА. 1999. № 2.

89. Кобанская культура: вехи в столетнем исследовании (XX век) // Тез. докл. XXI Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

90. XXI Крупновские чтения в Кисловодске // РА. 2001. № 2 (в соавт. с С.Н. Савенко).

91. Поселок-убежище кобанской и культуры у аула Сержень-юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.

92. Древние основы культурного наследия нахского этноса: К истокам горского менталитета // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.

93. У истоков горского менталитета (могильник кобанской культуры у аула Сержень-юрт. Чечня) // Матер. по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002.

94. Биритуализм в погребальном обряде древних "кобанцев". Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. // Матер. по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М., 2004.

95. XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки, Кисловодск, 2002 // РА. 2004. № 1.

96. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004.

97. Памяти М.П. Абрамовой // РА. 2004. № 4 (в соавт. с М.Х. Багаевым).

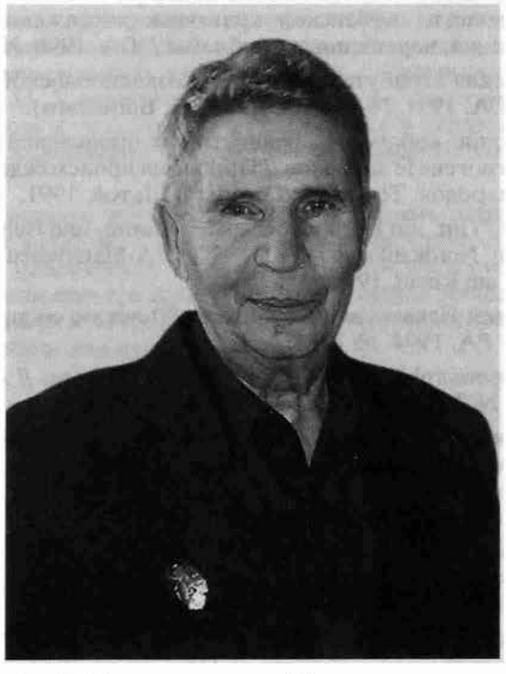
98. Серебряный голос верности. К 100-летию Е.И. Крупнова // РА. 2004. № 1.

99. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказ. Москва, 2004 // РА. 2005. № 3.

Чеченский государственный университет,
Грозный
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

М.Х. Багаев
Ю.Ю. Пиотровский

К 80-ЛЕТИЮ КОНСТАНТИНА ИВАНОВИЧА КОМАРОВА



В ноябре 2006 г. исполняется 80 лет со дня рождения одного из старейших сотрудников Института археологии РАН кандидата исторических наук Константина Ивановича Комарова.

Чрезвычайно трудно писать о Константине Ивановиче в рамках официальной биографии ученого. Личность юбиляра не помещается в этих рамках. Его жизненный путь сложен, а путь в науке нетрадиционен. В археологию К.И. Комаров пришел уже в зрелом возрасте, будучи ветераном войны, хотя и достаточно молодым. Он начал заниматься археологией в том возрасте, когда многие его коллеги уже защитили кандидатские диссертации и успешно писали докторские, но это отставание было блестяще компенсировано величайшей энергией, настоящим интересом к древностям, стремлением реализовать себя в науке.

К.И. Комаров родился 20 ноября 1926 г. в крестьянской семье в с. Кипчаково Кораблинского р-на Рязанской обл. В 14 лет он вместе с родителями переехал в Амурскую область. В конце ноября 1943 г. Константин Комаров, еще ученик 10 класса, был призван в Красную Армию. В армии он прошел обучение в школе снайперов, затем в школе младших командиров, однако на фронт попал лишь в августе 1945 г. и принимал участие в войне с Японией на полях Манчжурии, освобождал Харбин.

После войны К.И. Комаров служил в разных войсковых частях Дальневосточного военного округа. В 1946–1947 гг. он проходил службу в гвардейском минометном полку во взводе топографической разведки, а затем в военно-топографическом отряде на Дальнем Востоке. Он тогда и не подозревал, что геодезические навыки съемки местности так ему пригодятся в будущей профессии. В те же годы К.И. Комарову было присвоено офицерское звание. Однако в марте 1955 г. его армейская карьера внезапно закончилась. В ходе сокращения личного состава Советской Армии К.И. Комаров был демобилизован и, не имея фактически никакой гражданской специальности, вынужден был на первых порах устроиться грузчиком в военвнешторг Министерства обороны СССР.

Случайное стечение обстоятельств привело Константина Ивановича в феврале 1958 г. в Институт истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), он был зачислен на должность заведующего вещевым

складом. Так нетрадиционно состоялось его первое знакомство с археологией и археологами. С тех пор К.И. Комаров уже 48 лет работает в нашем институте. В 1961 г. он принял решение стать археологом и поступил на вечернее отделение исторического факультета МГУ. В 1966 г. К.И. Комаров успешно защитил диплом на кафедре археологии. Начался путь профессионального археолога, как и для многих выпускников, со скромной должности лаборанта.

По-настоящему научной деятельностью юбиляр смог заняться только с 1969 г., возглавив Славянский отряд Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН), которой на протяжении почти 30 лет руководил известный археолог, доктор исторических наук Д.А. Крайнов. Дружба с Дмитрием Александровичем, работа в его экспедиции во многом повлияли на становление К.И. Комарова как полевого археолога. В ходе полевых работ, которые продолжаются и поныне, К.И. Комаров проявил себя неутомимым и талантливым разведчиком. Им было обследовано несколько сотен памятников археологии в верхневолжском регионе, значительная часть которых была выявлена впервые. Вот тогда-то и пригодились практические навыки военного топографа.

Много сил и времени Константин Иванович потратил на архивные изыскания, на установление точного местонахождения и описание современного состояния ранее известных курганных могильников и селищ, часть из которых считалась уже полностью разрушенной.

Проведенные под руководством К.И. Комарова раскопки курганных могильников существенно пополнили фонд материальных источников по археологии Древней Руси, значительно расширили наши представления о процессе расселения древнерусского населения в Верхнем Поволжье, позволили наметить динамику этого процесса, уточнили датировки. Результаты данных исследований неоднократно публиковались, а монографическое издание материалов раскопок курганного могильника Плешково 1 в Тверской обл. (Комаров, 2002. С. 141–189) стало, на наш взгляд, эталонным для курганных древностей Северо-Восточной Руси.

Большая часть научной жизни К.И. Комарова связана с отделом археологических сводов и карт Института археологии РАН. Именно здесь раскрылись основные грани таланта Константина Ивановича как разведчика археологических памятников. Работая по проекту Свода памятников истории и культуры, а с 1990 г. – Археологической карты России, К.И. Комаров провел широкомасштабные разведочные работы на территории Верхнего Поволжья. Им были обследованы многие сотни археологических объектов, проведена паспортизация памятников. Итогом этих многолетних исследований стали книги серии "Археологическая карта России", написанные К.И. Комаровым, посвященные памятникам археологии Ивановской (1994), Костромской (1999), Ярославской областей (2005). В 1999 г. К.И. Комаров успешно защитил кандидатскую диссертацию.

По сути, Константином Ивановичем была создана энциклопедия археологического наследия Верхневолжского региона. Но юбиляр не останавливается на достигнутом. В составе авторского коллектива он пишет новую книгу – очередной выпуск Археологической карты Тверской области.

Продолжается и полевая практика Константина Ивановича. Он по-прежнему работает в Волго-Окской экспедиции, проводит археологические разведки, что в его годы представляется уникальным явлением.

В своем научном творчестве К.И. Комаров неоднократно обращался и к общеисторическим проблемам. Сначала его внимание привлек один из эпизодов татаро-монгольского нашествия – битва 1238 г. на р. Сить (1978), а затем увидела свет и обобщающая статья о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь (2006).

Счастливая судьба связала нас с К.И. Комаровым на долгие годы. И это не только совместная работа в отделе археологических сводов и карт, но и практически ежедневное общение, и яркие эпизоды истории нашего института, воспоминания о коллегах. Отметим и еще одну характерную черту Константина Ивановича – стремление ко всему новому. В эпоху технического прогресса он вполне овладел компьютером, что не каждому дается и в более молодые годы.

Хотелось бы от имени сотрудников отдела и всего Института археологии пожелать дорогому юбиляру долгих лет жизни, новых творческих успехов, новых статей и книг, а нам всем – такого же творческого долголетия, такой же жизненной силы и искреннего оптимизма, каким обладает наш дорогой Константин Иванович.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Комаров К.И. К вопросу о месте битвы 1238 г. на Сити // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Комаров К.И. Археологическая карта России. Ивановская обл. М., 1994.

Комаров К.И. Археологическая карта России. Костромская обл. М., 1999.

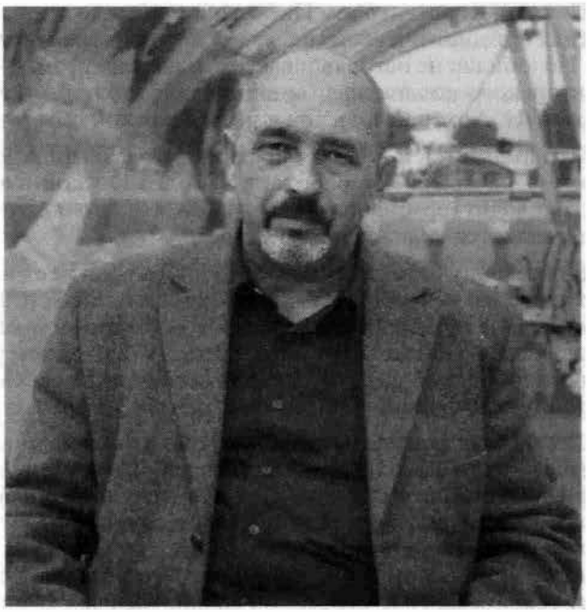
Комаров К.И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула, 2002.

Комаров К.И. Археологическая карта России. Ярославская обл. М., 2005.

Комаров К.И. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь (1237–1238 гг.) // Археологическая карта России. Отдельные материалы. М., 2006.

Институт археологии РАН, Москва *А.В. Кашкин*

К 60-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА АФАНАСЬЕВА



Геннадий Евгеньевич Афанасьев (Enzyklopadisches Handbuch, 1998. S. 4, 5; Институт археологии сегодня, 2000. С. 17, 18; Чернобаев, 2000. С. 39) родился 4 октября 1946 г. в г. Владивостоке в семье офицера морской авиации. Его отец, Евгений Григорьевич, оставшийся после гражданской войны без родителей и воспитывавшийся в Ленинграде в семье сестры, до войны окончил театральный институт и начал карьеру театрального режиссера. В 1941 г. он поступил в летное военное училище и закончил войну на Дальневосточном фронте. Проходя лечение в военном санатории в г. Кисловодске, он познакомился со своей будущей женой Валентиной Николаевной (урожденной Дмитриевой). В 1945 г. они поженились, а вскоре после рождения сына в 1946 г. авиационный полк, в котором служил Евгений Григорьевич, был переведен из Владивостока на постоянную дислокацию в Крым, в пос. Кача близ г. Севастополя. Там и прошло детство Геннадия Евгеньевича, там же в 1953 г. он поступил в школу. Уже в школьные годы у него зародился интерес к археологии, после того как вместе с отцом он побывал в Севастополе и посетил развалины Инкермана и Херсонеса, а несколько позже – ханский дворец в Бахчисарае. В 1956 г. семья переехала на постоянное жительство на родину матери, в г. Кисловодск, где Геннадий Евгеньевич продолжил обучение в средней школе № 1, а также начал учиться в музыкальной школе по классу кларнета.

Следующий импульс интереса к археологии был обусловлен соседством и большой личной дружбой с демобилизованным офицером, вернувшимся на родину из Австрии, – Н.Н. Михайловым. В 1957 г. он пригласил Геннадия Евгеньевича участвовать в спасательных археологических раскопках кобанского могильника и позднеаланского некрополя на территории строившейся тогда мебельной фабрики у подошвы Боргустанского хребта. Там Г.Е. Афанасьев познакомился с известным краеведом А.П. Руничем и ветераном северокавказской археологии Н.М. Егоровым. Под влиянием частых встреч с ними и длительных бесед первоначальное юношеское любопытство постепенно перерастало в серьезное увлечение археологией. Этому способствовало и общение с такими известными представителями науки, как антрополог В.В. Бобин, нумизмат И.Д. Малюженко, историк З.В. Удальцова, востоковед М.Е. Массон, искусствовед Г.А. Пугаченкова. Интерес к археологии постоянно стимулировался и другим увлечением Геннадия Евгеньевича – горным туризмом. Это были не только пешие маршруты в пределах Кисловодской котловины, но и довольно трудные многодневные высокогорные переходы, во время которых он собирал информацию об археологических памятниках.

В 1964 г. Геннадий Евгеньевич окончил среднюю школу и поступил в Ташкентский государственный университет со специализацией на кафедре археологии исторического факультета под руководством М.Е. Массона. В процессе обучения он неоднократно принимал участие в работе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции на памятниках Старого Мерва, а также в работе Кешской археолого-топографической экспедиции на объектах близ Китаба, Шахрисябза и в других местах Средней Азии. Знакомство со среднеазиатской археологией позволило Геннадию Евгеньевичу глубже понять северокавказские средневековые древности. Так что на завершающем этапе обучения темой его дипломной работы, выполненной под руководством С.Б. Луниной, стали все же раннесредневековые памятники Северного Кавказа. Работа называлась "К вопросу о связях аланской культуры VII – начала VIII в. района г. Кисловодска с салтово-маяцкой культурой" и получила отличный внешний отзыв ведущего специалиста в области аланской археологии В.А. Кузнецова. Закончив в 1969 г. обучение в Ташкентском университете, Геннадий Евгеньевич вернулся в Кисловодск, куда тянули его научные интересы (хотя он и получил предложение поступать в аспирантуру ТашГУ, но с условием в дальнейшем готовить диссертацию по археологии Средней Азии).

Вскоре Г.Е. Афанасьев был принят на работу в Пятигорский краеведческий музей на должность научного сотрудника. В то время это был неформальный археологический центр, имеющий большие традиции в изучении района Кавказских Минеральных Вод. Тема научной работы определилась довольно быстро. Для осуществления контроля над археологическим наследием региона необходимо было подготовить современный вариант "Археологической карты Кавказских Минеральных Вод". Весной 1970 г. как офицер запаса Геннадий Евгеньевич был призван в армию и направлен для прохождения службы в подразделение военной разведки на советско-китайскую границу в Амурской области. Закончив службу, в 1972 г. он вернулся на работу в Пятигорский краеведческий музей и сразу же включился в организацию спасательных раскопок кургана в винодельческом совхозе "Машук" близ г. Пятигорска и катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска. Вскоре он поступил в заочную аспирантуру Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Тема диссертационного исследования была сформулирована как "Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа", а его научным руководителем стал В.А. Кузнецов.

В 1975 г. Геннадий Евгеньевич переехал на постоянное жительство в Москву и несколько месяцев работал лаборантом Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР. В 1976 г. он был принят в Институт археологии АН СССР и направлен для работы в Донскую экспедицию, где проводил раскопки курганов в пос. Таловый, а также осуществлял сплошные разведки в зонах запланированной мелиорации территории между Большим и Малым Куберле. В 1977 г. Геннадий Евгеньевич успешно защитил кандидатскую диссертацию и был назначен ученым секретарем отдела славяно-русской археологии. С этого времени и вплоть до 1982 г. его научная деятельность осуществлялась в рамках советско-болгарского и советско-венгерского договоров о сотрудничестве в области археологии. Исполняя обязанности заместителя начальника Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, он

был одним из организаторов многолетних раскопок на территории Маяцкого комплекса, лично проводил раскопки городища. Геннади Евгеньевич исследовал Ютановское городище и могильник, вел широкомасштабные разведки в междуречье Северского Донца и Дона, несколько полевых сезонов провел в Болгарии на раскопках первой болгарской столицы – Плиски.

В 1983–1994 гг. Геннадий Евгеньевич занимал должность заведующего отделом охранных раскопок Института археологии. Он активно участвовал в разработке новой концепции охранных археологических работ, отстаивая идеи недеструктивной археологии, являлся инициатором и одним из авторов целой серии выпущенный Институтом археологии "методичек" по оценке и организации спасательных археологических работ в зонах хозяйственной деятельности. Одновременно с этим Геннадий Евгеньевич проводил обработку и интерпретацию накопленного в предыдущие годы материала (Афанасьев, Винников, 1991). Являясь убежденным сторонником объективных методов исследования и столь же убежденным противником примитивной дескриптивной археологии, Геннадий Евгеньевич впервые в отечественной науке использовал компьютерные процедуры многомерного анализа при исследовании материала салтово-маяцкой культуры. Это позволило ему принципиально по-новому взглянуть на многие аспекты генезиса и социальной организации алано-асского населения Хазарского каганата. Под сомнение было поставлено не только традиционное понимание археологами и историками этнополитической ситуации в Волго-Донском междуречье в VIII–X вв., но и сама методика, которая использовалась археологами 1940-х – 1980-х годов для отслеживания процесса "оседания" хазар, болгар или каких-то других кочевников, а также практиковавшаяся в салтовской археологии методика исторической интерпретации археологических явлений. В те же годы Геннадий Евгеньевич стал пионером нового направления отечественной науки: "космической археологии" – компьютерной обработки аэро-космических данных об археологических объектах. Позже по его инициативе в Институте археологии была создана специальная группа Археолого-географических информационных систем (АГИС), которую возглавляет Д.С. Коробов. Уже первый опыт работ Геннадия Евгеньевича в этом направлении вызвал большой интерес у зарубежных коллег: на эту тему он читает лекции и доклады в университетах США, Испании, Австрии, Италии, Англии, Японии и ряда других стран. По приглашению ЮНЕСКО Геннадий Евгеньевич участвовал в международной экспедиции (Египет, Оман, Пакистан, Индия, Шри-Ланка). В 1991 г. он защитил докторскую диссертацию на тему "Донские аланы (социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона)". Основные положения диссертации были изложены в двух монографиях (Афанасьев, 1987; 1993) и в ряде статей.

В 1992 г. Геннадий Евгеньевич назначается на должность заместителя директора Института археологии по научной работе, которую занимает и по настоящее время. Конец XX в. – трудные годы, когда основная научно-организационная деятельность дирекции, возглавляемой Р.М. Мунчаевым, была направлена на борьбу за выживание института, на сохранение его кадрового и научного потенциала. Одновременно Г.Е. Афанасьев готовил к монографической публикации материалы раскопок широко известного могильника Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001), предлагая новые варианты хронологической группировки материала на основе многомерного статистического анализа. При финансовой поддержке РФФИ Г.Е. Афанасьев вместе с группой коллег впервые в археологии разработал археолого-географическую систему "Кисловодск", способную не просто анализировать археологический материал методами ГИС- и ДЗ-технологий, но и строить модели биопродуктивности потенциальных экономических зон средневековых поселений с учетом палеоклиматических характеристик и палеоклиматических моделей этих территорий, что позволяет вывести "поселенческую археологию" на принципиально новый научный уровень (Афанасьев и др., 2004). Эти наработки сейчас используются его последователями и учениками. Много времени Геннадий Евгеньевич отдает участию в международных программах, в последние годы в различных проектах российско-французского сотрудничества: проведение совместных конференций и круглых столов в Москве и в Париже, организация охранных раскопок меровингского некрополя в Верхней Нормандии, научные публикации и т.д. Находится время и для общественной деятельности. Он является одним из основателей и членом правления Фонда "Археологическое наследие". Встречая свой шестидесятилетний юбилей, Геннадий Евгеньевич полон больших научных планов на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-IX вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.

Афанасьев Г.Е Донские аланы (социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона). М., 1993.

Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Культовые комплексы Маяцкого селища. Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Воронеж, 1991.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.

Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий. М., 2000.

Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Саратов, 2000.

Enzyklopadisches Handbuch zur Ur- und Fruhgeschichte Europas. Band III. Addena – Jan Filip. 1998.

Институт археологии РАН, Москва

Д.С. Коробов

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА БАШИЛОВА

25 октября 2005 г. ушел из жизни крупный ученый и светлый человек, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН Владимир Александрович Башилов.

В.А. Башилов родился 8 сентября 1936 г. в Ленинграде в семье художников, и традиции семьи, интерес к искусству пронес через всю свою жизнь. После окончания школы Владимир Александрович поступил на исторический факультет МГУ (1953–1958), где специализировался на кафедре археологии по скифской тематике под руководством Б.Н. Гракова. Его диплом "Черты сходства рядовых и царских скифских курганов" получил вторую премию на городском конкурсе дипломных работ студентов Москвы в 1958 г. После окончания университета Владимир Александрович проработал два года в Государственном Историческом музее, а с 1960 г. связал свою научную жизнь с Институтом археологии РАН. В 1962 г. он поступил в аспирантуру института по специальности "Археология латинской Америки", тем самым резко изменив направление своих научных изысканий. Однако при этом Владимир Александрович всегда сохранял интерес и к проблематике скифо-сарматской археологии. Помимо археологии он всегда интересовался и всеобщей историей, был прирожденным историком и глубоко знал историю Западной Европы и Востока. Его широкие научные интересы нашли отражение и в том разнообразии экспедиций, в которых он принимал участие в годы учебы в МГУ и позднее. Список их достаточно любопытен – Тульская, Воронежская, Новгородская, Западно-Скифская, Ингульская, Хорезмийская, Западно-Сибирская, Средне-Донская, Молдавская, Саяно-Алтайская.

В 1965 г. Владимир Александрович закончил аспирантуру и в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Древние цивилизации Центральных Анд". В этом же году он был зачислен в сектор скифо-сарматской археологии и далее почти всегда вел работу по двум направлениям, хотя основные его интересы были связаны с археологией и историей стран Латинской Америки и Месопотамии. В том же 1967 г. Владимир Александрович принял активное участие в качестве ответственного секретаря Оргкомитета в подготовке и проведении Второй Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии.

Конец 60-х – 80-е годы прошлого века оказались особенно плодотворными в научной деятельности Владимира Александровича. В 1972 г. выходит в свет его монография "Древние цивилизации Перу и Боливии". С 1969 г. начинается многолетняя полевая и исследовательская деятельность Владимира Александровича в составе Иракской экспедиции ИА АН СССР. Одновременно он совершает научные командировки в Афганистан, Пакистан, Кубу, Мексику, участвует в полевых исследованиях в Колумбии. Эти раскопки, проведенные совместно с колумбийскими археологами, были затем оформлены Владимиром Александровичем в монографическую публикацию, вышедшую в Колумбии в 1993 г. В 1976 г. в составе делегации СОД он совершил поездку в Мексику, Коста-Рику и Панаму.

Работа Владимира Александровича в Месопотамии в составе Иракской экспедиции во многом перекликается с его исследованиями в Андах. Одним из важных объектов исследований Иракской экспедиции стало раннеземледельческое поселение Ярым Тепе 1. Сегодня это эталонный памятник хассунской культуры, завершающего этапа неолитической революции в Северной Месопотамии.

Телль был исследован на большой площади. В.А. Башилов и О.Г. Большаков обозначили методические подходы к системному анализу и фиксации наблюдений в процессе раскопок. Вместе с А.В. Кузой они обработали большую коллекцию керамики с поселения. Великолепный методист, целеустремленный исследователь, Владимир Александрович обработал и обобщил огромный стратиграфический материал, реконструировал непрерывное развитие поселения и его культуры, хозяйство и образ жизни общины в процессе становления земледелия. Он наметил интересные и важные направления исследований, которые должны быть и будут продолжены.

С начала 1980-х годов Владимир Александрович работал над новой очень сложной темой "Возникновение производящего хозяйства в Центральных Андах", которая вылилась затем в монографию «"Неолитическая революция" в Андах» (1998), защищенную в том же году в качестве докторской диссертации.

В этой работе на материалах Мезоамерики Владимир Александрович провел сравнительный анализ процесса неолитизации в своеобразных физико-географических условиях гор и океанского побережья и предложил понятие модели неолитической революции, рассмотрел вопросы многолинейности исторического развития, темпа и тупиковых линий развития. Характеризуя неолитическую революцию, он выделил период сложения предпосылок и время перехода к новым формам хозяйства и общественных отношений. Владимир Александрович представил всесторонний анализ источников, охарактеризовал уровень исследований. Материал не всегда позволяет дать однозначный ответ на постановленные вопросы. В этих случаях Владимир Александрович предложил направление исследований и пути их решения. По сравнению с известными работами это редкая по полноте культурно-историческая реконструкция процесса неолитизации в Мезоамерике.

Занятия Владимира Александровича любимой Мезоамерикой и Месопотамией всегда сочетались с самой активной работой в своем Институте. В 1974 г. он назначается ответственным секретарем редакции многотомного издания "Археология СССР", а в 1980-е годы становится заместителем главного редактора. В силу своего характера, четкости и организованности Владимир Александрович безупречно справлялся с этой работой. До конца своих дней он входил в состав редколлегии этого колоссального, важного и очень нужного, особенно для молодого поколения археологов, издания.

С мая 1988 по октябрь 1993 г. Владимир Александрович возглавлял отдел скифо-сарматской археологии. Благодаря эрудиции, постоянному интересу к скифо-сарматской археологии, а также умению доброжелательного общения с людьми годы его руководства были весьма плодотворными для отдела. По его инициативе сотрудниками отдела было осу-

ществлено несколько весьма интересных проектов, в том числе международных.

В 1990 г. на базе отдела состоялось рабочее совещание, получившее широкую огласку, по весьма дискуссионной проблеме "Скифо-сибирский мир: археологический феномен и историческое явление". В 1993 г. в КСИА (№ 207) были опубликованы доклады и дискуссия по ним на этом совещании.

В начале 1990-х годов был создан международный проект с участием сотрудников отдела, Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Волгоградского и Московского университетов по "Статистической обработке погребальных памятников Азиатской Сарматии". Первый выпуск, посвященный савроматской культуре, с участием итальянских коллег, увидел свет в 1994 г. Далее этот проект осуществлялся сотрудниками отдела, Волгоградского и Московского университетов.

Также в 1990-х годах был организован еще один международный проект "Илекская экспедиция" (степи Южного Приуралья), частично финансируемый Российским отделом Казахско-Американского исследовательского проекта (Калифорния, Беркли, США). Помимо проведения четырех сезонов полевых работ были изданы четыре выпуска, посвященные публикации всего полученного во время раскопок материала (1993–1996). Непосредственное участие в этих работах исполнительного директора проекта доктора Дж. Дэвис-Кимбелл и ее дальнейшее содействие дали возможность издать на английском языке интереснейшие материалы памятников ранних кочевников Евразии. В 1995 г. вышел прекрасно иллюстрированный том "Кочевники Евразийских степей в раннем железном веке" (Университет Беркли, США). Инициатором и организатором всех этих работ был Владимир Александрович.

Обширная работа В.А. Башилова не ограничивалась научной и организационной деятельностью. Он успевал уделять немало времени подготовке научной смены как для нашей страны, так и для Южной Америки. Он руководил студентами и аспирантами, читал курс "Роль культур доколумбовой Америки для понимания закономерностей истории Древнего мира" на отделении искусствоведения истфака МГУ.

Особо хочется сказать, что этому ученому были присущи замечательные человеческие качества – скромность, неизменная доброта, честность, глубокая порядочность. Он был прекрасным другом, семьянином – мужем и отцом.

Память о Владимире Александровиче Башилове, так много сделавшем для развития Института археологии РАН и российской археологии, навсегда сохранится в наших сердцах.

Институт археологии РАН,
Москва

М.Г. Мошкова,
Н.О. Бадер,
Р.М. Мунчаев

ПРЕМИЯ ИМЕНИ АКАДЕМИКА В.П. АЛЕКСЕЕВА

В 2006 году Отделение историко-филологических наук РАН объявило конкурс на соискание премии имени академика В.П. Алексеева за выдающиеся научные труды в области междисциплинарных исследований в антропологии и археологии. Эта первая отечественная номинация, направленная на поощрение российских ученых за научные труды, имеющие большое значение для развития междисциплинарных исследований, синтезирующих методы гуманитарных и естественных наук. Премия присуждается российским ученым и научным коллективам (не более 3-х человек) за отдельные научные работы, а также серии научных работ по единой тематике, опубликованные в течение последних пяти лет. Состав экспертной комиссии сформирован по рекомендации ученых советов Института археологии и этнографии СО РАН, Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН и Музея антропологии и этнографии ("Кунсткамера") РАН.

В 2006 году на конкурс было представлено 8 работ ученых из различных подразделений Российской академии наук и некоторых ВУЗов РФ. Три из них в ходе обсуждения были выдвинуты экспертной комиссией на номинацию.

Высокую оценку комиссии получил коллективный труд Н.В. Федоровой, Е.В. Переваловой и Д.И. Ражева "Зеленый яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье". Работа посвящена исследованию уникального археологического памятника, включающего литейную мастерскую и два разновременных погребальных комплекса. Прекрасная сохранность органических остатков в погребениях позволила изучить детали погребального обряда, покровы одежды и даже на некоторых мумифицированных останках увидеть антропологический тип погребенных, структуру и цвет волос, реконструировать прически.

Специальное внимание членов комиссии было уделено авторской монографии М.В. Добровольской "Человек и его пища", в которой представлены результаты исследований палеоантропологических материалов эпох верхнего палеолита, мезолита, неолита, бронзы и раннего железа с использованием методик количественного химического анализа. Благодаря комплексному междисциплинарному подходу исследователю удалось реконструировать особенности диеты древних групп. На страницах этой книги представлена методология изучения питания древнего человека, что позволило автору выдвинуть единую концепцию роли пищевого фактора в эволюции и истории человека.

Коллективный труд Т.А. Чикишевой, А.Г. Ромащенко и М.И. Воеводы, представленный в главах монографии "Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики)", по мнению комиссии, наиболее полно отвечал требованиям номинации. Благодаря мультидисциплинарному подходу с использованием методов археологии, антропологии и палеогенетики авторам удалось разработать оригинальную концепцию этнокультурной истории в Южной Сибири.

По рекомендации экспертной комиссии и решением ОИФН РАН премия имени академика В.П. Алексеева была присуждена авторскому коллективу ученых из Новосибирска: Т.А. Чикишевой, А.Г. Ромащенко и М.И. Воеводе.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА ЗА 2006 г.

Абдуллаев К. Находки эллинистических монет к северу от Амударьи–Окса. № 3, 106–115.

Авилова Л.И. Конференция "У истоков русской государственности (к 30-летию раскопок на Городище под Новгородом)". № 3, 184–186.

Авилова Л.И., Дегтярева А.Д., Конькова Л.В. К юбилею Наталии Вадимовны Рындиной. № 1, 185–187.

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Памяти Игоря Борисовича Васильева. № 2, 188–190.

Аксенов В.С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.). № 2, 51–63.

Александровский А.Л. см. Чичагова О.А.

Алешинская А.С., Антипина Е.Е., Завьялов В.И., Карпухин А.А., Кочанова М.Д., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Е., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Розанова Л.С., Спиридонова Е.А., Терехова Н.Н., Черных Е.Н. Вспоминая Наталью Борисовну Черных.... № 3, 189.

Амиров Ш.Н. К интерпретации одного из сооружений "теменоса" поселения Телль Хазна 1 в северо-восточной Сирии. № 1, 17–30.

Амиров Ш.Н. см. Мунчаев Р.М.

Аношко О.М. см. Матвеева Н.П.

Антипина Е.Е. см. Алешинская А.С.

Артемьев А.Р. Международный симпозиум "Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века". № 2, 177–180.

Багаев М.Х., Пиотровский Ю.Ю. К юбилею Валентины Ивановны Козенковой. № 4, 180–183.

Бадер Н.О. см. Мошкова М.Г.

Балабина В.И. см. Чичагова О.А.

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная чаша из Прохоровки. № 1, 98–106.

Берзина С.Я. Ахеменидские геммы в Хорезме. № 3, 85–94.

Болелов С.Б. Гончарные производства Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (структура и система размещения). № 3, 116–127.

Бужилова А.П., Мкртчян Р. Худавердян А.Ю. "Атлас палеопатологических находок на территории Армении". Ереван, 2005. № 4, 170–171.

Буйнов Ю.В. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры. № 2, 39–50.

Вангенгейм Э.А. см. Васильев С.А.

Васильев Д.В. см. Заливинская Э.Д.

Васильев С.А., Вангенгейм Э.А., Сулержицкий Л.Д., Янин В.Л., Леонова Н.Б., Соффер О.А. Марианна Давидовна Гвоздовер. № 2, 181–182.

Вида Т., Гавритухин И.О. Круглый стол по хронологии "среднеаварского" периода. № 3, 182–183.

Внуков С.Ю. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. № 1, 171–175.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е., Карманов В.Н. Новые данные по хронологии Камской неолитической культуры. № 1, 137–142.

Гавритухин И.О. см. Вида Т.

Гаибов В.А., Требелева Г.В. О локализации двух городов Маргианы (о некоторых возможностях ГИС-технологий). № 3, 157–164.

Гарбузов Г.П. Об одной пометке на археологической карте Таманского полуострова. № 4, 137–141.

Герасимова М.М. "Филькина грамота" А.А. Формозова (Письмо в редакцию). № 3, 176.

Горбунов В.В. см. Тишкин А.А.

Горончаровский В.А. Оборонительная система Илурата. № 4, 119–130.

Гречкина Т.Ю. см. Заливинская Э.Д.

Гуляев В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии. № 2, 5–14.

Гуляев В.И., Лукьяшко С.И., Яблонский Л.Т. II международная конференция "Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э." (Азов, 2004). № 1, 176–178.

Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древней Бактрии III–I вв. до н.э. № 3, 143–153.

Дегтярева А.Д. см. Авилова Л.И.

Демещенко С.А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры. № 1, 5–16.

Ениосова Н.В., Жарнов Ю.Э. Ювелирный производственный комплекс из "Ветчаного города" домонгольского Владимира. № 2, 64–80.

Ефремов Л.А. см. Суворов В.С.

Жарнов Ю.Э. см. Ениосова Н.В.

Завойкин А.А. Кризис "первой половины" V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства. № 4, 103–111.

Завьялов В.И. Конференция "Археология и естественнонаучные методы" (К 90-летию со дня рождения Б.А. Колчина). № 1, 179–181.

Завьялов В.И. см. Алешинская А.С.

Зазовская Э.П. см. Чичагова О.А.

Заливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Архангельской области в 2000–2004 гг. № 4, 24–35.

Зарецкая Н.Е. см. Волокитин А.В.

Захаров П.Е. см. Сергацков И.В.

Зиливинская Э.Д. L.F. Nedashkovsky. Ukek: The Golden Horde City and its Periphery. BAR International Series 1222. Oxford, 2004. № 2, 174–176.

Зубарь В.М. По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса. № 4, 131–136.

Иванова С.В. Ямная культурно-историческая общность: проблемы формирования в свете радиоуглеродного датирования. № 2, 113–120.

Иткис С.Е. см. Эшпельбаум Л.В.

Карманов В.Н. см. Волокитин А.В.

Карпухин А.А. см. Алешинская А.С.

Карпухин А.А. см. Черных Н.Б.

Кахидзе А.Ю., Халваши М.С. К вопросу датирования одной группы хиосских амфор (по материалам греческого некрополя Пичвнари V в. до н.э.). № 4, 112–114.

Кашкин А.В. К 80-летию Константина Ивановича Комарова. № 4, 184–185.

Китаева А.А. Памятники христианства в Гератском оазисе? № 3, 154–156.

Клевезаль Г.А., Шишлина Н.И., Пахомов М.М., Хохлов А.А. Идентификация сезона смерти человека по слоям в цементе зубов (эпоха бронзы). № 2, 15–23.

Ковалевская В.Б. Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge, 2003. № 1, 164–168.

Коваль В.Ю. см. Энговатова А.В.

Козенкова В.И. Пряжки-кони кобанской культуры: к кавказско-луристанским контактам XI–X вв. до н.э. № 4, 18–23.

Колобова Т.А. см. Черных Е.М.

Конькова Л.В. см. Авилова Л.И.

Коробов Д.С. К 60-летию Геннадия Евгеньевича Афанасьева. № 4, 186–187.

Коробов Д.С. Шестой Международный конгресс "Archaeological Prospection" (Рим, 2005). № 3, 187–188.

Коробов Д.С. Distelberger. Österreichs Awarinnen. Frauen aus Gräbern des 7. und 8. Jahrhunderts. Archäologische Forschungen in Niederösterreich. Bd. 3. St. Pölten, 2004. № 2, 170–173.

Кочанова М.Д. см. Алешинская А.С.

Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке. № 3, 95–105.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Хронология городищ "дьякова типа" в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования. № 2, 121–133.

Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития. № 1, 124–136.

Крылосова Н.Б. Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как "Один и вороны". № 4, 64–73.

Кузнецов В.А. Памяти Виталия Харитоновича Тменова. № 2, 183.

Кузьмин Я.В. Радиоуглерод и археология. Труды 4-го Международного симпозиума. Оксфорд, 2004. № 2, 162–164.

Кузьминых С.В. Владимир Николаевич Марков. № 2, 186–187.

Кузьминых С.В. см. Агапов С.А.

Кузьминых С.В. см. Алешинская А.С.

Лебедева Е.Е. см. Алешинская А.С.

Леонова Н.Б. см. Васильев С.А.

Логвин В.Н., Ченченкова О.П. Утюжок с личиной из южного Тургая. № 1, 143–147.

Лукьяшко С.И. см. Гуляев В.И.

Луньков В.Ю. см. Алешинская А.С.

Макаров Н.А., Пушкина Т.А. Юрий Эдуардович Жарнов. № 2, 184–185.

Марковин В.И. Об одном переиздании моей книги. № 2, 166.

Маслихова Л.И. "Амфорки" среднедонской катакомбной культуры. № 4, 142–144.

Маслов В.Е. К вопросу о формировании керамического комплекса раннескифского времени в Центральном Предкавказье. № 1, 79–87.

Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье). № 2, 24–38.

Медынцева А.А. О мастерах Васильевских врат 1336 г. (эпиграфические наблюдения). № 2, 81–90.

Мещеряков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т. Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований. № 1, 107–116.

Михайлик Л.П. Металлические перстни X – первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология). № 3, 52–62.

Мишина Т.Н. см. Чичагова О.А.

Мкртчян Р. см. Бужилова А.П.

Молодин В.И. Человек, наука и Формозов. № 3, 173–175.

Молодин В.И., Наглер А. Bill Adel. Studien zu den Gräbern des 6. bis I. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Bezichungen zu den Steppenvölkern. Bonn, 2003. № 1, 169–170.

Мошкова М.Г., Бадер Н.О., Мунчаев Р.М. Памяти Владимира Александровича Башилова. № 4, 188.

Мунчаев Р.М. см. Мошкова М.Г.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Паоло Эмилио Пекорелла. № 3, 190.

Мусин А.Е. Татьяна Александровна Чукова. № 3, 191–192.

Наглер А. см. Молодин В.И.

Нарожный Е.И. О поясной пластинке с изображением Бахрам Гура с территории золотоордынского города Маджара (Ставропольский край). № 2, 140–143.

Недашковский Л.Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа. № 4, 74–86.

Недашковский Л.Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округи. № 3, 75–84.

Нехорошев П.Е. Результаты датирования стоянки Шлях. № 3, 21–30.

Никитина Г.Ф. Земледелие в черняховской культуре. № 4, 41–49.

Обломский А.М. Терпиловский Р.В. "Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э." Lublin, 2004. № 4, 162–164.

Омельченко А.В. Керамические комплексы эллинистического времени из области Кеш (по материалам городища Подаятактепа). № 3, 137–142.

Орловская Л.Б. см. Алешинская А.С.

Ошибкина С.В., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Динамика природных условий и человек в голоцене (по материалам стоянки Лукинчиха). № 4, 5–17.

Паромов Я.М. Памяти Андрея Геннадьевича Атавина. № 1, 188–190.

Пахомов М.М. см. Клевезаль Г.А.

Пиотровский Ю.Ю. см. Багаев М.Х.

Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре. № 4, 152–158.

Прошкин О.Л. Десятая региональная научная конференция "Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья" (Калуга, 2003). № 1, 182–184.

Пушкина Т.А. см. Макаров Н.А.

Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (простые формы). № 3, 41–51.

Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы). № 4, 50–63.

Розанова Л.С. см. Алешинская А.С.

Русяева А.С. Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье. № 4, 95–102.

Савинов Д.Г. О "юбилейных" книгах А.А. Формозова. № 3, 169–172.

Савченко Е.И. Защитный доспех скифского времени на Среднем Дону. № 1, 88–97.

Сакса А.И. Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в средние века. № 3, 63–74.

Сапрыкина И.А. К вопросу об умбоновидных подвесках дьяковской культуры. № 4, 36–40.

Сергацков И.В., Захаров П.Е. Сарматское погребение на севере Волгоградской области. № 1, 117–123.

Скрипкин А.С. см. Кривошеев М.В.

Советова О.С. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. "Мифы в камне. Мир наскального искусства России". М., 2005. № 4, 159–161.

Соловьев В.С. Археологическое изучение Шуробкургана. № 3, 128–136.

Соловьев В.С. Новая литература по археологии Таджикистана (2000–2004 гг.). № 2, 167–169.

Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России. № 2, 91–98.

Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России. № 4, 87–94.

Соффер О.А. см. Васильев С.А.

Спиридонова Е.А. см. Алешинская А.С.

Спиридонова Е.А. см. Ошибкина С.В.

Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века Волго-Донской лесостепи. № 1, 31–43.

Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье. № 1, 44–58.

Суворов В.С., Ефремов Л.А. Международная археологическая конференция "Актуальные проблемы древнейшей и древней истории Юго-Восточной Прибалтики". № 4, 178–179.

Сулержицкий Л.Д. см. Васильев С.А.

Сулержицкий Л.Д. см. Кренке Н.А.

Сулержицкий Л.Д. см. Ошибкина С.В.

Сурков А.В. Неолитическая керамика дронихинского типа со стоянок Среднего Хопра. № 2, 134–139.

Таиров А.Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V–IV в. до н.э. № 1, 71–78.

Терехова Н.Н. см. Алешинская А.С.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов. № 3, 31–40.

Требелева Г.В. см. Гаибов В.А.

Трейстер М.Ю. Жаровня из Гайманової могилы (к вопросу о скифо-македонских контактах в третьей четверти IV в. до н.э.). № 4, 115–118.

Троицкая Т.Н. Г.В. Бабаян. Основы археологии. Конспект лекций. Ростов-на-Дону, 2004. № 2, 166.

Тюрин Е.А. Погребения V века н.э. с конями могильника "Гора Великанов" (Hünenberg). № 1, 148–156.

Федоров В.К. см. Мещеряков Д.В.

Халваши М.С. см. Кахидзе А.Ю.

Хесин Б.Э. см. Эшельбаум Л.В.

Хохлов А.А. см. Клевезаль Г.А.

Цембалюк С.И. см. Матвеева Н.П.

Ченченкова О.П. см. Логвин В.Н.

Черных Е.М., Колобова Т.А. Глиняные фигурки Зуевоключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики. № 4, 145–151.

Черных Е.Н. Об "историографической" серии книг А.А. Формозова: литературно-психологические ассоциации. № 3, 177–181.

Черных Е.Н. см. Алешинская А.С.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Застройка "старого города" Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Ивановский монастырь). № 1, 157–163.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Застройка "Старого города" Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Успенский монастырь). № 2, 148–156.

Чичагова О.А., Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Зазовская Э.П. Радиоуглеродная хронология телля Плоская могила (к проблеме хронологии энеолита и ранней бронзы во Фракии). № 2, 106–112.

Чубур А.А. Елизавета Арсеньевна Калитина. № 2, 157–161.

Чхаидзе В.Н. Гадло А.В. "Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе". СПб., 2004. № 4, 165–169.

Шер Я.А. О некоторых особенностях освещения новейшей истории российской археологии. № 3, 165–168.

Широков В.Н. Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента. № 2, 99–105.

Шишлина Н.И. см. Клевезаль Г.А.

Щавелёв С.П. Бердинских В.А. "История кладоискательства в России". М., 2005. № 4, 172–175.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Четвертое заседание научного семинара "Археология Подмосковья" (Москва, 2005). № 4, 176–177.

Эшельбаум Л.В., Хесин Б.Э., Иткис С.Е. Особенности геофизических исследований на археологических объектах Израиля. № 1, 59–70.

Яблонский Л.Т. см. Балахванцев А.С.

Яблонский Л.Т. см. Гуляев В.И.

Яблонский Л.Т. см. Мещеряков Д.В.

Яковлев Я.А. Новая находка золотоордынской торевтики из Сургутского Приобья. № 2, 144–147.

Янин В.Л. см. Васильев С.А.

Список сокращений 191

Правила для авторов 192

От редколлегии 165

Всероссийское совещание "Взаимодействие археологических учреждений и органов охраны объектов культурного наследия России в изучении и сохранении археологических памятников" 5

Премия имени академика В.П. Алексеева 189

Авторский указатель за 2006 г. 190